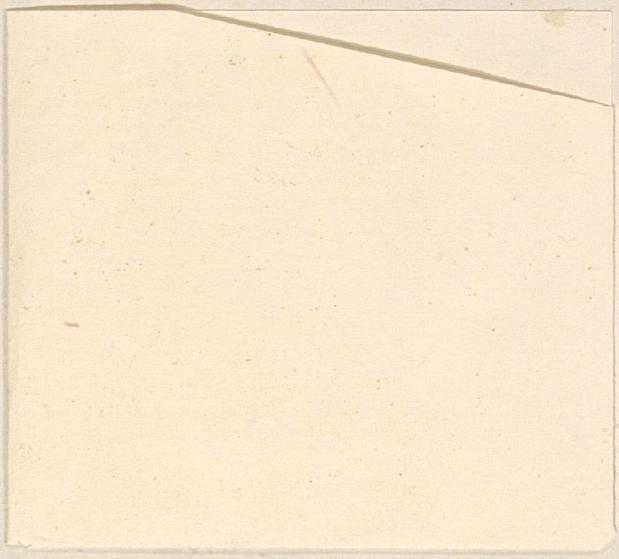


37.30.8,74.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетамъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО. Повѣсть для юношества, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказаніе старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др.

○ **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Ц. въ переплетѣ 3 р.

СЕСТРА МАРИЛА. Повѣсть для юношества, съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской.

○ **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. Н. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Чапова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, въ переплетѣ.

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

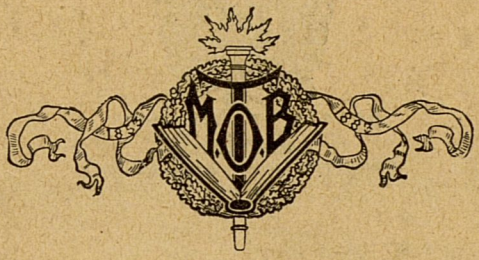
НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. В. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА

ПОВѢСТЬ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 12 иллюстраціями З. Шапиро

Изданіе второе

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1912

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС · ОСТР · 16 ЛИНІЯ СОБ ДОМЪ
1912

Дорогому, единственному моему Юрику

посвящаю эту повѣсть.

. . . тогда оживалъ старый лѣсъ. Свѣтляки зажигались въ травѣ, и кузнечики пѣли на былинкахъ. Луна всходила. Голубые эльфы кружились въ воздухѣ, нарядные и пестрые, какъ мотыльки...

И праздникъ начинался...

Изъ чащи непроницаемой выходили старые, хромые лѣшіе, съ козьими ногами, и молодыя, стройныя, смуглыя лѣсовички, зеленокудрыя, съ глазами, темными, какъ ночная мгла, съ косами до пятъ, съ хищной улыбкой, угрюмо и дико веселящіяся... И русалки изъ топкихъ озеръ, подруги тѣхъ зеленокудрыхъ царевенъ лѣса, угрюмыхъ и страшныхъ лѣсныхъ сибиллъ, смѣясь, выплывали...

И праздникъ начинался...

Отрывокъ изъ неизданной сказки.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ I.

ВЪ РОЗОВОЙ УСАДЬБѢ.

СТР.

Глава I. Смертельная опасность.—Выстрѣлъ 1
» II. Послѣ грозы. 5
» III. Обитатели лѣсной сторожки. 7
» IV. Кто они были? 13
» V. Лѣсъ колдуетъ.—Тайна разоблачена 24
» VI. Такъ должно было случиться. 33
» VII. Золотая неволя.—Первыя терніи. 46
» VIII. Новая жизнь.—Врагъ. 51
» IX. Пытка.—Близнецы.—Урокъ танцевъ. 57
» X. Досада Наты.—Двадцать шестое.—Сюрпризъ графини . 68
» XI. Чары лѣсной колдуньи.—Неудавшаяся интрига.—Замыселъ лѣсовички 75
» XII. Печальная неожиданность.—Послѣдняя греза. 83
» XIII. Брилліантовая бабочка.—Ужасъ. 89
» XIV. Въ заключеніи.—Василиса торжествуетъ.—Необычайный посѣтитель 94

ЧАСТЬ II.

ВЪ МОНАСТЫРСКОМЪ ПАНСІОНѢ.

Глава I. Мать Манеѳа и ея воспитанницы 99
» II. Исторія съ курицей.—Уленька.—Сатана. 104
» III. Неожиданное явленіе.—Двѣнадцатая. 114
» IV. Недругъ.—Чужая вина. 120
» V. Въ холодной.—Близкія воспоминанія.—Секлетея.—Тайна таинственной молельни 124

стр.

Глава VI. Молельня сестры Манеоы. — Будущая монахиня. . . . 132
» VII. Горные хребты.—Выходка. — Виноватая. 137
» VIII. Два письма.—Импровизація.—Неожиданный результатъ. 144
» IX. Не виновата! — Необычайный трубочистъ. 154
» X. Горе королевы. — Такъ она рѣшила. — Змѣйка кружится.—Разсказъ маркизы 163
» XI. Послѣдняя соломинка.—Маскарадъ. — Спасена! 178
» XII. Доносчица.—Громы и молніи.—Месть.— Печальный конецъ 186
» XIII. Муки совѣсти. — Опять Секлетея. — На репетиціи. — Другъ. — Дверь пріоткрывается. 196
» XIV. Молитва услышана.—Обреченная.—Паника.—Героиня . 214
» XV. Спектакль.—Дверь распахнулась настежь... 224

ЧАСТЬ III.

НА СЦЕНѢ.

Глава I. Новыя впечатлѣнія 234
» II. Маленькое гнѣздышко и его птенцы. 240
» III. Первые шаги.—Тучи сгущаются. 245
» IV. Новая жизнь. 255
» V. Фея Раутенделейнъ.—Тріумфъ 266
» VI. Тріумфъ разрастается 275

ЧАСТЬ IV.

ДНЕВНИКЪ КСАНИ.

Съ февраля 190... г. по іюль 190... г. 278

ЧАСТЬ V.

НА ПОРОГѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Глава I. На вокзалѣ.—Неожиданная встрѣча 326
» II. Вернулась! 330

ЧАСТЬ I.

ВЪ РОЗОВОЙ УСАДЬБѢ.

ГЛАВА I.

Смертельная опасность.—Выстрѣлъ.

ОСТАНОВИТЕ ихъ! Остановите!—пронзительно рѣзко пронесся по лѣсу громкій, отчаянный вопль.

Но никакія силы не могли бы остановить вихремъ мчавшейся тройки. Внезапно разыгравшаяся гроза съ громовыми ударами и зигзагами молніи привела въ неистовое бѣшенство коней. Они, сломя голову, неслись все впередъ и впередъ, съ каждой минутой все ускоряя бѣгъ. Кучеръ едва удерживалъ вожжи и, до хрипоты надрываясь, кричалъ на одичавшихъ отъ страха животныхъ.

Когда огненныя иглы молній прорѣзали черное небо, освѣщая на короткія мгновенія лѣсъ, изъ коляски выглядывало смертельно блѣдное личико молоденькой дѣвушки, а рядомъ съ нимъ не менѣе взволнованное лицо пожилого мужчины.

— Папа! папа! Если Андронъ не удержитъ коней—мы

погибнемъ... Вѣдь здѣсь должна быть неподалеку Чортова пасть... Это ужасно! ужасно! — изступленно звенѣлъ все тотъ же срывающійся, испуганный и дрожащій голосокъ.

— Успокойся, Ната! Успокойся, моя дѣвочка. Богъ дастъ, мы...

Но голосъ мужчины сорвался, не договоривъ фразы. Новый, еще болѣе отчаянный ударъ грома потрясъ лѣсъ съ его вершины до основанія. Въ тотъ же мигъ лошади рванулись впередъ со страшною силой и понеслись безъ удержу.

— Мы погибли!—вырвалось новымъ воплемъ изъ глубины коляски.—Мама! Вѣрочка! Наль! Не увижу васъ больше... Никогда... никогда... — рыдалъ, срываясь на каждой нотѣ, вымученный ужасомъ тонкій голосокъ дѣвушки.

Тьма ночи исчезала и снова чернѣла; свѣтъ мѣнялся со мглой, какъ бы играя въ ужасную, злодѣйскую и стихійную игру. Великаны-деревья шумѣли глухо и зловѣще. А тамъ, невдалекѣ, въ восьми или десяти саженяхъ, зіяла страшнымъ, бездоннымъ глазомъ Чортова пасть, огромный и глубокій обрывъ, скорѣе пропасть, скрывавшаяся въ глубинѣ лѣсной чащи.

Лошади неслись прямо къ обрыву. Еще минута — и коляска съ путниками должна была неминуемо исчезнуть въ бездонной пропасти. Объ удержѣ коней не могло быть и рѣчи... Экипажъ, увлекаемый ими, мчался, какъ жалкая игрушка, туда, къ гибели и смерти, все впередъ и впередъ... Отчаянные вопли теперь непрерывно звучали изъ коляски...

Кучеръ едва держался на козлахъ, ухватившись за края ихъ обѣими руками, предоставивъ полную волю лошадямъ, не будучи въ силахъ ихъ удержать.

Вотъ онѣ уже въ пяти шагахъ отъ Чортовой пасти, близости которой не чуютъ разгоряченныя скачкой лошади... Еще ближе... Еще... «Сейчасъ... Вотъ... смерть безвре-

менная... ужасная... неизбѣжная...» — мелькаетъ въ головѣ путниковъ, затихшихъ въ глубинѣ коляски...

Вдругъ...

Сухой трескъ... Крикъ у обрыва... И неожиданно, среди затихшей на мгновеніе грозы, раздался по лѣсу гулкій выстрѣлъ. Коренникъ тройки сдѣлалъ отчаяннѣйшій скачекъ и, безсильно повиснувъ на дугѣ, сталъ тяжело припадать къ землѣ всѣмъ своимъ сильнымъ туловищемъ. Теплая, липкая струя потекла у него по лбу.

Коренникъ былъ мертвъ, сраженный мѣткой пулей. Двѣ другія лошади стали на мѣстѣ, тяжело дыша, роняя пѣну и издавая продолжительное хрипѣніе...

Облегченный вздохъ вырвался изъ груди спутниковъ, сидѣвшихъ въ колескѣ.

— Андронъ, откуда этотъ выстрѣлъ? Кто стрѣлялъ?— окликнулъ кучера дрожащій голосъ.

Тотъ уже сползъ, чуть живой, съ козелъ и возился около мертваго коренника, распрягая тройку... Спасенье поспѣло во-время... Коляска находилась всего въ двухъ аршинахъ отъ крутого ската Чортовой пасти.

— Эй, кто тутъ?—крикнулъ Андронъ, чуть различая во тьмѣ шевелившуюся тутъ же у пропасти черную, небольшую фигуру.—Зачѣмъ стрѣлялъ? Эй! Кто ты?

Черная фигура, стоявшая у самаго края обрыва, зашевелилась, потомъ опустила еще дымившееся ружье и изъ-подъ чернаго непромокаемаго кожуха съ капюшономъ прозвучалъ тихій отвѣтъ:

— Надо было стрѣлять... Иначе бы вы всѣ туда... въ пропасть... А отъ выстрѣла кони опомнились... стали... Досада только: нечаянно убитъ коренникъ... Не хотѣлось... Что дѣлать... пришлось пожертвовать лошадью...

Голосъ звучалъ неровно и глухо, точно перепуганный или взволнованный всѣмъ случившимся.

— Спасибо!.. спасибо!.. Богъ съ нею, съ Буланкой!.. Вы насъ всѣхъ спасли... Самъ Господь надоумилъ васъ стрѣлять,—горячо отвѣчалъ мужчина, выскакивая изъ коляски.— Мы вамъ обязаны жизнью... Скажите же, кто вы?.. По росту и голосу мальчикъ... ребенокъ... Какъ тебя зовутъ, голубчикъ?—ласково заключилъ онъ свою рѣчь.

Но черная фигурка молчала.

Андронъ, между тѣмъ, суетился около убитой Буланки.

— Охъ, ты, горюшко-горе... Знатный былъ конекъ,— растерянно лепеталъ онъ себѣ подъ носъ.—И какъ тя угораздило прямо въ морду стрѣлять?.. То-ли бы дѣло въ ноги... Живъ бы остался конекъ... А то въ лобъ! Эхъ, эхъ, каверзное дѣло, убытокъ какой вышелъ... Баринъ, ваше сіятельство, большой убытокъ, батюшка графъ...

— Молчи, Андронъ! Онъ намъ жизнь спасъ, этотъ выстрѣлъ, — строго прикрикнулъ тотъ, кого кучеръ почтительно называлъ «вашимъ сіятельствомъ» и «графомъ».

Затѣмъ онъ снова обратился къ черной фигуркѣ:

— Да скажи же мнѣ твое имя, мальчуганъ, чтобы я зналъ, кому мы обязаны жизнью. А завтра, чуть свѣтъ, приходи въ Розовое... Я отблагодарю тебя щедро...

Но черная фигурка, попрежнему, молчала.

Андронъ, между тѣмъ, отпрягъ лошадей. Тяжело хлопнулась о землю мертвая голова Буланки, до этой минуты висѣвшая на упряжи подъ дугой. Съ дикимъ хрипѣніемъ двѣ другія лошади попятились назадъ. Андронъ впрягъ одну изъ нихъ на мѣсто убитой, другую къ «пристяжк'» и объявляя, что все готово и можно ѣхать дальше, подошелъ къ своему господину, все еще въ недоумѣніи стоявшему передъ погруженной въ молчаніе таинственной фигуркой.

— Ну, чего заупрямился? Говори, што-ли, кто ты есть, безъязыкій ты этакій! — съ суровой ласковостью обратился къ своему незнакомому спасителю Андронъ.

Молнія освѣтила черную фигурку въ кожухѣ...

Въ ту же минуту, послѣ долгаго промежутка времени, внезапно снова блеснула молнія. Блеснула и озарила сіятельнаго господина, дорожную коляску и мертвую лошадь у ската въ обрывъ...

Освѣтила она и черную фигурку въ кожухѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, смуглое, юное личико, спутанные, черные кудри, быстрые, черные, угрюмо горящіе глаза и взглядъ дикаго звѣрька подъ густыми нахмуренными бровями.

— Лѣсовичка! — неожиданно испуганнымъ звукомъ вырвалось изъ груди Андрона и онъ попятился на два шага назадъ.

Черная фигурка отпрянула въ сторону и быстро исчезла въ кустахъ...

ГЛАВА II.

Послѣ грозы.

ГРОЗА затихла. Дождь пересталъ. Коляска, запряженная уже только парою лошадей (мертваго коренника оставили на краю обрыва), тихо и мѣрно катилась по лѣсной дорогѣ.

Молчала ночь...

А въ это время черная фигурка съ ружьемъ въ рукѣ бодро шагала отъ Чортовой пасти въ глубину лѣсной чащи.

Черная фигурка сбросила съ головы клеенчатый капюшонъ и, подставивъ свою разгоряченную голову навстрѣчу свѣжей іюльской ночи, съ наслажденіемъ вдыхала разомъ очистившійся отъ духоты воздухъ.

— Жаль лошади,—размышляла фигурка.—Да что дѣлать? Графъ правъ: лучше было одну Буланку, нежели всѣхъ ихъ отдать смерти... Какъ хорошо, что подоспѣла во-время!.. Точно сила какая-то къ Чортовой пасти меня толкала... И

ружье какъ нарочно взяла... А тутъ гроза внезапно и «они»... Жаль, что не удалось повидать какъ слѣдуетъ молоденькую графинюшку... Викторъ говорилъ—красавица... Вѣрно, хотя бѣлая, что бумага... Ахъ, только плохо, коли дядя ружья хватится... Ругать станетъ... Поди, еще спитъ... Опять не въ своемъ видѣ вернулся изъ деревни... До завтра проспитъ... А ловко попало!.. Хлопъ на мѣстѣ! Прямо въ лобъ... Кучеръ испугался, какъ увидѣлъ: «Лѣсовичка!» кричитъ... Глупый! Небось, теперь навретъ съ полкороба своему графу, что я и грозу то на нихъ наслала... Лѣсовичка вѣдь я... колдовское отродье!.. Ха, ха, ха, ха!

Громкій, рѣзкій смѣхъ внезапно нарушилъ мертвенную тишину лѣса. Дико и странно прозвучалъ онъ. Ему отвѣтили безчисленные отголоски эха изъ глубины чащи. Точно тысячи черныхъ духовъ ночи запѣли въ лѣсу свой зловѣщій и страшный гимнъ.

Неожиданно, когда послѣдняя нотка еще дрожала въ ночномъ воздухѣ, передъ черной фигуркой, какъ изъ-подъ земли выросъ въ темнотѣ кто-то огромный, широкоплечій.

— Кто тутъ шляется? а?—прогремѣлъ надъ нею зычный и грубый голосъ.

— Это я, дядя, я!

— Что за дьявольщина! Ксанька! Что ты не спишь, ночная сова?

Фигурка сдѣлала было скачокъ въ сторону, какъ бы желая укрыться.

«Ружье сейчасъ замѣтитъ, бѣда!»—вихремъ пронеслась въ мозгу испуганная мысль.

Но было уже поздно. Огромный человѣкъ нащупалъ въ темнотѣ знакомый стволъ ружья и разразился цѣлымъ потокомъ брани и проклятій.

— Украла! Стянула-таки! Постой же, погоди ты, подлая дѣвчонка! Я жъ тебѣ задамъ! Попляшешь ты у меня!..

Потеряешь охоту таскать чужое добро, дрянь ты этакая!..

И вырвавъ грубо ружье изъ рукъ опѣшившей фигурки, огромный человѣкъ изо всей силы толкнулъ ее впередъ.

Пролетѣвъ отъ него на нѣсколько шаговъ съ вытянутыми впередъ руками, фигурка уткнулась ими во что-то, безшумно поддавшееся, и очутилась на полу, въ слабо освѣщенной лѣсной сторожкѣ, незамѣтно пріютившейся среди кустовъ.

ГЛАВА III.

Обитатели лѣсной сторожки.

— ВАСЯ!

— Ксаня! Милая, что случилось? Я слышалъ выстрѣлъ... Отецъ проснулся... Увидѣлъ, что нѣтъ ружья... Сразу догадался, что ты ружье взяла... Разсердился и за тобой вдогонку... Прибить грозился... Зачѣмъ ты стрѣляла? Зачѣмъ?

Посреди небольшой комнатки, освѣщенной кривобокой лампой, стоялъ мальчикъ, или, вѣрнѣе, юноша, лѣтъ семнадцати, худенькій, высокій и слабый, съ некрасивымъ, изжелта блѣднымъ лицомъ, какія бываютъ у людей, съѣдаемыхъ злымъ и упорнымъ недугомъ. Но выраженіе этого лица было мягкое. Глубокіе, печальные глаза глядѣли съ какою то странною тревогою на черную фигурку, внезапно очутившуюся въ лѣсной сторожкѣ. Юноша былъ хромой и съ трудомъ передвигалъ ноги, но при видѣ черной фигурки, распростертой на полу, онъ сдѣлалъ поспѣшно нѣсколько шаговъ къ ней, странно волоча правую ногу и сильно опираясь плечомъ на костыль.

Едва онъ успѣлъ приблизиться, какъ черная фигурка поднялась, вскочила и въ одну минуту сорвала безобразный кожухъ съ капюшономъ. И передъ взоромъ мальчика предстало странное, не большое, но сильное существо съ широкими плечами и крѣпко сколоченнымъ станомъ, смуглое, румяное личико, черные быстрые, изподлобья смотрѣвшіе глаза, подвижныя трепещущія ноздри и густые, какъ шапка, кудри, черные, сухіе и пышные, спускающіеся косою до пояса и струившіеся выбившимися кудерьками по плечамъ, вдоль щекъ и смуглой, загорѣлой шеи. Что-то не русское и, въ то же время, своеобразно дико-красивое было въ этой невысокой стройной пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, дышащей силой, мощью и здоровьемъ.

— Да, я стрѣляла!—произнесла она съ какимъ то упрямымъ задоромъ, глядя юношѣ прямо въ глаза темнымъ сверкающимъ взоромъ.

— Ксаня! безумная! Изъ его ружья!—въ ужасѣ сорвалось съ блѣдныхъ губъ хромого.

— Такъ что же! Этотъ выстрѣлъ спасъ «розоваго» графа и молодую заграничную графинюшку и, — не безъ гордости прибавила она,—убилъ лошадь, графскаго коренника. Понимаешь?

— Ты убила лошадь?

— Да! И спасла людей!

— Ты, Ксаня, спасла розоваго графа?

— Ну, да, графа!.. Вотъ безтолковый!

И спѣшно, путаясь и сверкая глазами, та, которую звали Ксаней, разсказала, какъ было дѣло.

— «Розовый» графъ ѣздилъ на станцію встрѣчать свою «заграничную» дочку. Я знала, что они поѣдутъ мимо Чортовой пасти... Тамъ путь на «Розовое» ближе... Ну и пошла, взглянуть было охота... А тутъ гроза... Лошади взбѣсились... и пошла потѣха!..

— Но зачѣмъ же ты взяла ружье?—взволнованно выспрашивалъ хромой.

— А затѣмъ, чтобы попугать «тѣхъ», понимаешь, если-бы они снова встрѣтились на моемъ пути и стали бы дразнить и травить меня, какъ собачонку...

Глаза дѣвочки угрюмо блеснули.

— Ксаня!—скорѣе простоналъ, нежели произнесъ хромой.

— Ну, да. . чего ты ахаешь? Я бы стрѣляла на воздухъ, понимаешь? А «тѣ» трусы... Небось! сразу бы отбила охоту травить меня!

И она раскатисто засмѣялась. Ея бѣлые зубы хищно блеснули въ двухъ полоскахъ малиноваго рта.

Вдругъ ея смѣхъ разомъ присѣкся, замеръ.

— Отецъ идетъ!—прозвенѣлъ нервно и испуганно голосъ хромого.

И онъ подался инстинктивно назадъ.

На порогѣ комнаты, заслоняя своей огромной фигурой крошечныя сѣни лѣсной сторожки, стоялъ огромный человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ, обшитомъ по борту зеленымъ кантомъ, и въ кожаной фуражкѣ, съ бляхой на груди. Его угрюмое лицо съ длинной, рыжеватой бородою и непріятные блуждающіе глаза, горящіе сухимъ блескомъ раздраженія и злобы, хранили слѣды гнѣва.

— Чего раскудахталась не въ пору?—свирѣпо кинулъ онъ Ксанѣ.—Говори, какъ смѣла трогать мое ружье?

И огромныя руки рыжеватаго гиганта упали на стройныя, еще дѣтскія плечи смуглой дѣвушки и впились въ нихъ.

— Зачѣмъ брала ружье? Говори!—и онъ трясъ изо всей силы дѣвочку, въ то время, какъ мрачные глаза его сверкали, какъ два раскаленные угля.

Вся кровь мгновенно отлила отъ щекъ Ксеніи. Ея сму-

глое, розовое личико стало бѣлымъ, какъ мѣлъ. Взоръ сверкнулъ изъ-подъ нависшихъ надъ ними черныхъ кудрей.

— Не смѣй меня трогать, дядя!—рѣзко прокричала она, будя воцарившуюся въ домикѣ минутную тишину.

— Что-о-о-о?

И огромный человѣкъ разразился зловѣщимъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты, дрянь эдакая!—кричалъ онъ, задыхаясь. Его налитые кровью глаза блуждали по комнатѣ, точно выискивая что-то, пока, наконецъ, его взоръ не примѣтилъ висѣвшую на гвоздѣ плетку. Сорвавъ ее быстрымъ движеніемъ, онъ взмахнулъ ею надъ спиной дѣвочки... Но въ это мгновеніе хромой юноша, спотыкаясь, чуть-ли не падая, ринулся къ отцу.

— Не дѣлай этого! Не дѣлай, отецъ!—умоляюще болѣзненнымъ выкрикомъ сорвалось съ его побѣлѣвшихъ губъ.

— Молчать! Знай свое мѣсто, мозглякъ! — загремѣлъ великанъ, наполняя своимъ голосомъ не только лѣсной домикъ, но и весь старый лѣсъ въ окружности.

Но юноша не испугался. Онъ схватилъ огромную руку отца обѣими своими худенькими руками и весь блѣдный шепталъ, срываясь на каждомъ словѣ:

— Вспомни маму! Вспомни маму, отецъ! Ты не тронешь Ксаню! Не тронешь, не тронешь! Или бей меня, лучше бей меня, но не Ксаню! Ради мамы — не бей Ксаню!..

Онъ едва стоялъ на ногахъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.

А Ксаня была спокойна.

Ея поблѣднѣвшее лицо безстрашно поднялось на гиганта... Два черные глаза, какъ двѣ яркія, черныя звѣзды, впивались въ его лицо и казалось говорили:

— Попробуй меня тронуть! Попробуй только!

Гигантъ поднялъ голову и встрѣтилъ этотъ смѣлый, горячій, безстрашный взглядъ.

— Молчать! Знай свое мѣсто!—закричалъ онъ...

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

И новымъ бѣшенствомъ закипѣло его сердце.

— Ахъ! такъ вотъ ты какъ!

И рука съ плеткой взвилась...

— Отецъ! Отецъ! Берегись! Покойная мама смотритъ на насъ съ неба и все видитъ!—послышался истерическій вопль хромого и онъ заслонилъ дѣвочку отъ удара своей тщедушной фигуркой.

Гигантъ выронилъ плетку, вздрогнулъ и повернулся къ двери. Зрачки его округлились отъ ужаса.

Чья-то невидимая фигура шевелилась въ темныхъ сѣняхъ.

— Она!.. Жена!.. Маша! — зашевелились беззвучно губы гиганта, кривясь въ судорожной усмѣшкѣ. Но вслѣдъ затѣмъ, разсмотрѣвъ стоявшаго въ дверяхъ человѣка, онъ сказалъ уже спокойно:

— Дмитрій, ты?

На порогѣ стоялъ приземистый парень съ тупымъ безбородымъ лицомъ.

— Хозяинъ, поспѣшай! У широкой поляны лѣсъ рубятъ,—произнесъ онъ сиплымъ голосомъ и снова исчезъ въ темнотѣ сѣней.

Гигантъ на-скоро схватилъ ружье и, нахлобучивъ фуражку, выскочилъ за нимъ слѣдомъ.

Но, подумавъ немного, онъ вернулся, плотно заперъ дверь и два раза повернулъ ключъ въ замкѣ снаружи.

— Опять въ западнѣ! — гнѣвно крикнула Ксаня, какъ только она и хромой мальчикъ остались одни.—Опять мы подъ ключомъ, Василій! Какая мерзость!

— Молчи, Ксаня! Могло-бы быть и хуже!—произнесъ хромой и глаза его договорили то, о чемъ молчалъ языкъ.

— Ударить меня! Меня! О-о! Нѣтъ, этого нельзя!—и угрюмѣе засверкали черные глаза дѣвочки. — Этого я не позволю!

И она бѣшено топнула ногой.

— Ну, полно, полно! Перестань! — ласково говорилъ хромой, поглаживая костлявыми, исхудалыми пальцами спутанную чернокудрую головку.—Хорошо, что отца позвали... Теперь онъ долго не вернется... Давай, пойдемъ-ка взглянуть на наше сокровище. Мы вѣдь не кончили того, что прислалъ третьяго дня Викторъ!

Точно лучъ солнца скользнулъ по лицу Ксеніи и чудесно освѣтилъ его. Угрюмое выраженіе затравленнаго звѣрька исчезло съ ея личика и оно разомъ засіяло мягкой, чарующей красотой.

— Да, да, Вася! Идемъ скорѣе!

Они схватились за руки и спѣшно, насколько позволяла искалѣченная нога больного, прошли въ дальній уголъ комнаты.

Хромой толкнулъ крошечную дверку. Она растворилась, жалобно скрипя на ржавыхъ петляхъ, и они очутились въ узенькой каморкѣ, наполовину занятой убогой постелью.

Хромой подошелъ къ постели и отбросилъ рукой тощій матрацъ. На деревянныхъ доскахъ кровати лежали книги. Онѣ покоились, аккуратно и заботливо разложенныя на доскахъ кровати.

— Вотъ! Видишь, что я придумалъ. Здѣсь онъ не найдетъ ихъ ни за что на свѣтѣ. А въ комодѣ могъ наткнуться! Понимаешь?—лукаво произнесъ хромой и, осторожно взявъ одну изъ книгъ, вышелъ изъ каморки въ сопровожденіи Ксани.

Очутившись снова въ первой комнатѣ они усѣлись около стараго, почернѣвшаго отъ времени стола, прибавили свѣта въ кривобокой лампѣ и хромой Василій, раскрывъ книгу, сталъ читать вслухъ.

Замирая отъ восторга, вся — трепетъ и вниманіе, Ксаня ловила съ жадностью каждое слово чтеца. Черные глаза ея

горѣли счастьемъ, сердце замирало отъ удовольствія. Недавняя обида суроваго дяди была забыта...

А кругомъ маленькаго домика лѣсничаго шумѣлъ старый лѣсъ и нашептывалъ другія сказки, другія были, которымъ не было, казалось, ни начала, ни конца...

ГЛАВА IV.

Кто они были?

ВОТЪ что разсказывалъ старый лѣсъ.

Это было за двѣнадцать лѣтъ до происшествія у Чортовой пасти.

Въ маленькомъ лѣсномъ домикѣ умеръ лѣсничій, наблюдавшій за старымъ лѣсомъ, принадлежащимъ богатому помѣщику, жившему постоянно за границей и только изрѣдка заглядывавшему на родину.

Узнавъ о смерти лѣсничаго, хозяинъ лѣса пріѣхалъ въ свое владѣніе. Надо было найти новаго сторожа, чтобы довѣрить его надзору всѣ лѣсныя богатства въ видѣ гигантовъ дубовъ, исполинскихъ сосенъ и кудрявыхъ, стройныхъ, женственно-нѣжныхъ березокъ, которыми было полно лѣсное царство. И вотъ неожиданно предсталъ передъ владѣльцемъ лѣса человѣкъ, огромнаго роста, мрачный и угрюмой внѣшности.

— Сударь, возьмите меня на мѣсто покойнаго лѣсничаго!—сурово произнесъ онъ, глядя изподлобья на хозяина-лѣсовладѣльца.

Тотъ удивленно взглянулъ на него. Въ угрюмой внѣшности незнакомца, несмотря на грубую и сильно поношенную одежду, было что-то такое, что показывало, что онъ человѣкъ, очевидно, не простой. Хозяинъ удивился.

— Милѣйшій,—произнесъ хозяинъ лѣса, изумленно глядя

на огромную фигуру и суровое лицо гиганта,—мѣсто лѣсничаго оплачивается скудно. И притомъ, я полагаю, что вамъ помириться съ вѣчнымъ прозябаніемъ въ глуши, въ убогомъ домишкѣ сторожа, врядъ-ли будетъ по нутру...

— Будетъ по нутру!—угрюмымъ эхо отозвался гигантъ,—хотя я дворянинъ и самъ былъ землевладѣльцемъ когда-то, но теперь я нищій, все потерялъ, разорился и вотъ я принужденъ искать мѣста.

Владѣлецъ лѣса былъ удивленъ.

— Но бывшему помѣщику и дворянину могло-бы найтись иное, болѣе подходящее занятіе,—проговорилъ онъ.

— Я не ищу иного. Подальше отъ людей и ближе къ природѣ. Люди обманутъ. Люди продажны. Природа нѣтъ... Люди, друзья сдѣлали меня нищимъ, пустивъ по міру съ женою и ребенкомъ, и я ненавижу ихъ за это всей душой... Въ лѣсу, какъ дикій звѣрь въ берлогѣ, я спрячусь съ семьею, и они не увидятъ меня... А за вашъ лѣсъ вы не бойтесь. Я буду хорошій сторожъ. Я честенъ и безпощаденъ. Ни одного деревца, ни единой вѣтки не позволю я срубить изъ вашего лѣса, сударь. Будьте покойны. Подлые воры забудутъ дорогу въ вашъ лѣсъ, познакомившись съ этою рукой...

И, мрачно блеснувъ глазами, гигантъ вытянулъ руку, сжалъ ее въ исполинскій кулакъ и этимъ жилистымъ, огромнымъ кулакомъ погрозилъ кому то въ пространство.

Лѣсовладѣлецъ окинулъ еще разъ быстрымъ взоромъ его внушительную фигуру и произнесъ мысленно:

«У стараго лѣсничаго ближніе мужики крали изъ-подъ носа лѣсъ. Это видно по срубленнымъ пнямъ на опушкѣ. У этого не посмѣютъ. У него видъ страшилища-великана изъ дѣтской сказки. А что честный онъ человѣкъ — видно по лицу, по глазамъ, угрюмымъ и строгимъ. Возьму его къ себѣ».

И тотчасъ же договоръ былъ заключенъ, наемъ состоялся

и новый лѣсничій, Николай Норовъ, поселился въ лѣсномъ домикѣ со всею семьею.

Ихъ было трое взрослыхъ и двое дѣтей: жена лѣсничаго, Марія Норова, южанка, уроженка далекихъ Бессарабскихъ степей, ихъ сынъ Вася, пятилѣтній мальчикъ, живой портретъ матери, но хромой отъ рожденія, нѣжный и хрупкій, какъ дѣвочка, и молодая вдова, Антонина Марко, подруга Норовой, съ трехлѣтней дѣвочкой Ксаней.

Черноглазая стройная красавица съ огненнымъ взоромъ и матово-блѣднымъ лицомъ, Марко съ дѣтства не разлучалась со своей подругой Маріей Норовой и жила постоянно съ ними. Она тоже пріѣхала изъ Бессарабіи, гдѣ она перебивалась со смерти мужа съ хлѣба на квасъ, часто терпя нужду и голодъ.

Когда Норовы, у которыхъ въ Бессарабіи было большое имѣніе, разорились, благодаря безчестнымъ людямъ, обманувшимъ довѣріе Николая Норова, и всѣ бывшіе друзья отвернулись отъ нихъ, маленькая семья рѣшила уѣхать съ родного юга искать счастья на сѣверѣ. Антонина Марко, не раздумывая ни минуты, поѣхала вмѣстѣ съ ними.

Трогательная дружба была между обѣими молодыми женщинами. Это были точно родныя, любящія другъ дружку сестры, хотя Марко внѣшностью и нравомъ рѣзко отличалась отъ Маріи Норовой.

Странная была эта Марко. Что-то горячее, цыганское, было въ ея лицѣ, въ ея рѣзкой, гортанной рѣчи, въ ея дивномъ грудномъ голосѣ, которымъ она то читала наизусть стихи, то распѣвала пѣсни, такія же таинственныя и прекрасныя, какъ и она сама.

О ней ходили странные слухи. Окрестные крестьяне часто видѣли ея высокую, тонкую и прямую фигуру, скользящую, какъ призракъ, по лѣсу, похожую на какое-то сверхъестественное существо. То она появлялась въ какомъ-то

странномъ, бѣломъ костюмѣ и со спущенными до пятъ локонами бродила между деревьями и кустами, беззвучно шепча что-то и сопровождая таинственный шопотъ широкими движеніями руки. И при этомъ глаза ея, черные, огромные, горящіе яркимъ огнемъ, какъ-то растерянно блуждали кругомъ.

То опять, одѣтая въ пестрое, яркое платье, съ всклоченными волосами она бѣгала по лѣсу и напѣвала пѣсни, отъ которыхъ точно вздрагивалъ и замиралъ восторгомъ старый лѣсъ...

Иной разъ опять, вырядившись, точно на балъ или праздникъ, она брала на руки свою маленькую дочурку Ксаню, отправлялась съ ней въ самую чащу лѣса, ставила малютку на пень, а сама, кружась, прыгая и танцуя вокругъ нея, громко-громко произносила какія-то длинныя рѣчи, нарушая этимъ зачарованную тишь мирнаго лѣсного царства.

Загадочнымъ казалось крестьянамъ поведеніе «чужой», черноглазой и черноволосой женщины. Кто-то пустилъ слухъ, что она колдунья, съ лѣшимъ въ родствѣ находится. Этого было достаточно для темныхъ суевѣрныхъ жителей отдаленной лѣсной глуши, вѣрившихъ въ домовыхъ и лѣшихъ, чтобы сразу же рѣшить, что молодая женщина въ родствѣ съ лѣшимъ, что она лѣсная колдунья.

И съ тѣхъ поръ ее не стали въ своихъ разговорахъ называть иначе, какъ «лѣшей» или «лѣсной колдуньей».

— Колдуетъ лѣшая! Опять колдуетъ! Быть бѣдѣ!—шептали въ страхѣ крестьяне, въ паническомъ ужасѣ глядя на эту странную, какъ призракъ скользящую по лѣсу, фигуру.

Иногда въ смуглыхъ рукахъ «колдуньи» они видѣли книгу или тетрадь и тогда ихъ суевѣрному ужасу не было предѣла.

— За чернокнижіе взялась, быть бѣдѣ! Изведетъ насъ всѣхъ проклятая колдунья! — шептали они, сворачивая съ дороги во избѣжаніе встрѣчи со страннымъ существомъ.

Какъ разъ въ первый же годъ водворенія въ лѣсу новаго сторожа, въ деревнѣ, лежавшей въ трехъ верстахъ отъ лѣса, случился падежъ скота.

Крестьяне рѣшили, что всему горю причиной проклятая колдунья, что бродитъ она по лѣсу и своими чарами и заклятьями убиваетъ скотъ.

— Микола Мартыновичъ, — обратились они къ новому лѣсничему, — ты прогони колдунью, пока не околдуетъ, не изгубитъ насъ и нашихъ дѣтей. Прогони, а не то мы ее сами порѣшимъ... Быть бѣдѣ!..

Лѣсничій угрюмо мотнулъ головой, ничего не отвѣтилъ, но передалъ въ тотъ же вечеръ женѣ и ея подругѣ разговоръ съ крестьянами.

— О, глупые! Они не смогутъ понять, имъ не разъяснить моихъ дѣйствій. Что дѣлать? — тревожно обратилась Марко къ своимъ друзьямъ.

— Тебѣ надо уѣхать! Ничего другого не остается... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Медлить нельзя! Уѣзжай, дорогая... Крестьяне озлоблены теперь и Богъ знаетъ на что способны! — вся встревожившись, совѣтовала Марія Норова своей подругѣ.—Тебѣ и такъ не мѣсто въ этой глуши... Поѣзжай «туда»... къ своему счастью, Тоня, дорогая! Отдайся тому, что манитъ и влечетъ тебя неудержимо. А когда соберешься съ силами, создашь себѣ имя «тамъ», пріѣзжай навѣстить насъ, милая моя «лѣсная колдунья»...

И на губахъ Маріи Норовой заиграла блѣдная улыбка.

— Но ты... какъ ты останешься безъ меня, Маня, дорогая?—протестовала Марко.

— У Марьи есть мужъ... — угрюмо отвѣчалъ за жену лѣсничій.—Этотъ мужъ сумѣетъ уберечь ее...

— Тогда я ѣду!—рѣшительно заявила Антонина,—но не потому ѣду, что испугалась угрозы невѣжественныхъ людей, принявшихъ меня за колдунью, а потому, что счи-

таю себя не въ правѣ висѣть на шеѣ у васъ, друзья, когда вы сами переживаете лишенія и бѣды, и потому, что не хочу подвергать васъ опасности... Ѣду и беру съ собою Ксаню.

Ея черные цыганскіе глаза блеснули рѣшительнымъ огнемъ.

— Что ты! Что ты, Тоня, брать ребенка невѣдомо куда! Подвергать его невзгодамъ и опасностямъ кочевой жизни! Ни за что! Ксаня останется съ нами!

— Ты хочешь, чтобы я разсталась съ Ксаней! — блѣднѣя прошептала та.—Нѣтъ, нѣтъ!

— Тоня, моя дорогая... Не безпокойся о Ксанѣ... Мы съ мужемъ сохранимъ твою дочурку... Даю тебѣ слово... Нѣтъ, больше того, клянусь тебѣ именемъ Бога, что твоя Ксаня будетъ воспитана мною наравнѣ съ Васей. И если, не дай Богъ, умру, съ мужа возьму ту-же клятву. Поѣзжай безъ страха: твоя дѣвочка останется въ надежныхъ рукахъ.

Антонина Марко взглянула на подругу. Нѣжныя щеки Маріи горѣли яркимъ румянцемъ. Ея глаза блестѣли такой неотразимой нѣжностью и готовностью сдержать свято свою клятву, что Марко успокоилась разомъ.

— Да, ты права,—проговорила она горячо и убѣжденно, съ ясною вѣрою въ свои слова. — Съ Ксаней мнѣ будетъ трудно... Ее надо оставить, разъ ты такъ совѣтуешь... Я уѣду одна, уѣду искать счастья для моей Ксани... для моей дѣвчушки... Я вѣрю, что изъ меня выйдетъ прокъ, и скоро, скоро моя дѣвочка получитъ все то, чѣмъ пользуются богатыя, знатныя дѣти. Уѣду работать для моей Ксани.

И вскорѣ послѣ этого разговора исчезла лѣсная колдунья, въ послѣдній разъ съ рыданьемъ прижавъ чернокудрую головку своего ребенка къ груди...

Успокоились крестьяне. Не скользитъ больше стройный призракъ по зеленому мху стараго лѣса...

При жизни Норовой отъ Антонины Марко письма приходили въ первые мѣсяцы довольно часто изъ разныхъ мѣстъ. Но затѣмъ переписка прекратилась и съ тѣхъ поръ не было получено ни одного письма.

— Бѣдная Тоня!—говорила лѣсничиха. — Гдѣ она? Что съ нею?

Она послала нѣсколько писемъ по послѣднему адресу подруги, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ всѣ эти письма получены были обратно съ надписью: «Антонина Марко выбыла неизвѣстно куда». Всѣ старанія Норовой узнать, гдѣ находится Марко, были тщетны.

— Не можетъ быть, чтобы Тоня бросила своего ребенка, забыла о немъ...—говорила лѣсничиха и еще нѣжнѣе полюбила маленькую дочурку своей подруги.

— Ксаня теперь одна на свѣтѣ, — повторяла часто Норова,—и моя обязанность замѣнить ей мать.

И она окружила дѣвочку самыми нѣжными заботами.

Такъ продолжалось два года, какъ вдругъ молодая лѣсничиха, сраженная недолгимъ недугомъ, умерла.

За нѣсколько минутъ до смерти она позвала мужа и потребовала отъ него, чтобы онъ поклялся, что не оставитъ Ксани и будетъ воспитывать ее наравнѣ съ ихъ сыномъ.

Николай Норовъ, несмотря на кажущуюся суровость, горячо любилъ жену. Онъ исполнилъ желаніе умирающей, повторилъ за ней слова клятвы, а черезъ три дня опустилъ въ могилу на деревенскомъ кладбищѣ трупъ любимой жены.

Разореніе, смерть жены, всѣ ужасы пережитаго горя сразили лѣсничаго: Норовъ запилъ. Во хмѣлю онъ былъ грозенъ и шумливъ, проклиналъ свою жизнь, бранилъ весь міръ, билъ и ломалъ вдребезги попадавшіяся подъ руку вещи.

Двое испуганныхъ дѣтей: блѣдный хромой семилѣтній мальчикъ и пятилѣтняя дѣвчушка съ очаровательнымъ цы-

ганскимъ личикомъ, со страхомъ забивались въ уголъ и оттуда, полными ужаса глазенками, слѣдили за разбушевавшимся лѣсникомъ.

Хозяйство шло вкривь и вкось. Работникъ-помощникъ, взятый Норовымъ, кое-какъ приглядывалъ за дѣтьми, кормилъ ихъ горячей похлебкой, когда было время ее сварить, а то ограничивался подачкою въ видѣ ломтей чернаго хлѣба, который дѣти съѣдали наскоро, забившись въ темномъ уголку.

Время шло. Хилый, болѣзненный и хромой мальчикъ и румяная, смуглая крѣпышъ-дѣвочка жили душа въ душу. Они повѣряли свои маленькія горести и заботы другъ другу, утѣшали одинъ другого, какъ умѣли и могли.

Николай Норовъ не сдержалъ слова, даннаго женѣ у ея смертнаго ложа. Не нѣжнымъ отцомъ, а суровымъ отчимомъ явился онъ для Ксани. Озлобленный своей несчастливой судьбою и не задавшимся болѣзненнымъ и хилымъ калѣкой-сыномъ, онъ невольно каждый разъ при видѣ сильной и крѣпенькой дѣвочки, хорошѣвшей и здоровѣвшей не по днямъ, а по часамъ, задыхался отъ боли, гнѣва и обиды. Сильно и жестоко насмѣялась надъ нимъ судьба: его собственный сынъ—жалкій ходячій недугъ, а рядомъ—этотъ пышно расцвѣтающій махровый дикій цвѣтокъ лѣса!

Нечего сказать, добрымъ помощникомъ будетъ ему его Василій!..

И онъ ненавидѣлъ дѣвочку, ненавидѣлъ помимо собственной воли и несправедливо, сурово обращался съ нею.

— У-у! глазастая цыганка! Дармоѣдка! — не разъ слышала отъ него Ксаня неистовый крикъ и брань подъ пьяную руку.

Ненависть Норова къ пышно-расцвѣтающей дѣвочкѣ росла съ каждымъ годомъ.

И все большимъ и большимъ ожесточеніемъ проникалась

душа лѣсника по отношенію къ одинокому ребенку, о матери котораго не было ни слуха, ни духа.

Пока Вася былъ дома, отецъ его встрѣчалъ въ сынѣ яраго защитника маленькой Ксани. Вася помнилъ слово, данное отцомъ его умирающей матери, и постоянною была фраза чуткаго, смѣлаго мальчика въ минуту гнѣвныхъ припадковъ отца:

— Папа, не обижай Ксаню! Ты обѣщалъ это мамѣ, помнишь! Ты клялся ей, что будешь ее любить какъ родную дочь.

И сурово поникала на грудь въ такія минуты голова Норова и онъ уходилъ, что-то сердито ворча себѣ подъ носъ.

Такъ было до тѣхъ поръ, пока хромому не исполнилось десять лѣтъ, и отецъ не отвезъ его въ губернскій городъ въ училище. Тутъ то и началась мучительная жизнь для Ксани. Лѣсничій далъ полную волю своему разбушевавшемуся гнѣву и злобѣ на маленькаго пріемыша и жестоко наказывалъ бѣдную Ксаню за малѣйшую провинность.

Къ несчастью, дѣвочка обладала далеко не мягкимъ характеромъ. Отъ брани, толчковъ и побоевъ ея глаза разгорались дикими огоньками, лицо принимало хищное, угрожающее выраженіе.

Вся трепещущая она убѣгала въ лѣсъ, вглубь его, въ самую чащу, громко крича дикія угрозы по адресу злого дяди.

Крестьяне, проѣзжавшіе по лѣсной дорогѣ, видѣли крошечную фигурку дѣвочки, ея исподлобья, какъ у загнаннаго звѣрька, сверкающіе глазенки, ея изсиня-черные кудри, спутанные на лбу, и говорили въ суевѣрномъ страхѣ:

— Ишь, колдунья-то сама ушла, побоялась, но оставила дочку намъ на горе, вѣдьма нечистая... Дождемся еще,— подрастетъ малая, покажетъ намъ свою силу... Польются не разъ изъ-за вѣдьмовой дочки слезы людскія...

И каждый старался уколоть, оскорбить, обидѣть чѣмъ-нибудь ни въ чемъ неповинную дѣвочку. Не только взрослые, но и маленькіе крестьянскіе ребятишки травили Ксенію, какъ волченка, кричали ей вслѣдъ бранныя слова, называли «колдуньей» и «лѣсовичкой».

Норовъ не вѣрилъ ни въ колдуновъ, ни въ лѣшихъ, ни въ лѣсовиковъ. Онъ не могъ поэтому раздѣлять суевѣрнаго взгляда невѣжественныхъ крестьянъ на несчастную дѣвочку, тѣмъ болѣе, что хорошо зналъ, кто она такая. И все-таки подъ злую руку, обуреваемый винными парами, кричалъ на нее, топая ногой:

— Змѣенышъ!.. Колдовское отродье! Лѣсовичка негодная!..

Хотя, конечно, въ душѣ онъ вовсе не считалъ ее ни колдуньей, ни лѣсовичкой.

* * *

Между тѣмъ Вася послѣ четырехъ лѣтъ ученья въ губернскомъ городѣ вернулся въ лѣсной домикъ еще болѣе ослабѣвшій отъ городской жизни, но окрѣпшій духомъ, съ новыми впечатлѣніями и безумной любовью къ живому книжному слову.

Ксанѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ. Съ прекраснымъ, свѣжимъ личикомъ, дикая, ожесточенная и упрямая дѣвочка показалась Васѣ лѣснымъ загнаннымъ звѣрькомъ. Она встрѣтила недовѣрчиво своего недавняго друга.

«Пожалуй, загордился ученостью, кичиться станетъ, важничать. Ну и шутъ съ нимъ тогда совсѣмъ!»— закружилась въ ея мозгу подозрительная мысль при первомъ же свиданіи съ Васей.

Но четырнадцатилѣтній Василій не «важничалъ», не гордился. Напротивъ, онъ горячо отнесся къ своему маленькому другу и съ первыхъ же дней принялся за умственное развитіе Ксеніи. Что зналъ самъ, все старался передать

ей, тайкомъ отъ отца, въ тихія, длинныя ночи, когда лѣсничій, заперевъ на ночь свою сторожку на ключъ, уходилъ на ночной дозоръ по лѣсу.

Вскорѣ подъ руководствомъ своего друга маленькая Ксаня выучилась читать и писать. Выучилась и кой-чему другому, узнала о разныхъ странахъ и народахъ, о чужихъ земляхъ и о томъ, что было за много вѣковъ на Руси великой. Все то, что вынесъ хромой мальчикъ изъ четырехклассной школы—все передалъ онъ своей смуглой подружкѣ.

Неожиданная и счастливая встрѣча съ гимназистомъ Викторомъ, сыномъ графскаго управляющаго, еще больше пододвинула впередъ дѣло развитія Ксани.

Кудрявая смуглая дѣвочка и юноша-гимназистъ изъ «Розоваго», какъ называлось имѣніе графа Хвалынскаго, находившееся въ трехъ верстахъ отъ опушки лѣса, встрѣтились случайно у Чортовой пасти и разговорились. Изъ этого перваго разговора Ксаня узнала, что Викторъ Муринъ не боится ея, не считаетъ колдовскимъ отродьемъ, какъ ея деревенскіе враги; больше того — не вѣритъ ни въ какое колдовство, ни въ какія чары, потому что читаетъ умныя книги и учится по нимъ и знаетъ изъ нихъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни лѣшихъ, ни домовыхъ, ни русалокъ, ни лѣсовиковъ, ни лѣсовичекъ, ни прочей нечисти.

И книгъ у него много,—цѣлый шкапъ, цѣлое богатство.

— Хочешь, буду давать тебѣ читать?—предложилъ онъ дѣвочкѣ.—Приходи въ Розовое за ними.

Глаза Ксани заискрились восторгомъ. Она, благодаря своему учителю Васѣ, знала уже прелесть печатнаго слова, и вся такъ и загорѣлась счастьемъ.

— Хорошо... приду... не надуй только!—буркнула она себѣ подъ носъ и помчалась въ чащу, какъ дикій, нелюдимый звѣрекъ.

И пришла въ тотъ же вечеръ.

Викторъ не обманулъ Ксаню. Онъ сталъ давать ей книги безъ счета, каждый разъ, у ограды управительскаго домика, за угломъ. Въ домъ она не входила, боясь встрѣчи съ людьми и опасаясь ихъ насмѣшекъ.

Съ жадностью пробѣгали эти книги въ лѣсной сторожкѣ хромой мальчикъ и черноглазая дѣвочка. Прочитывали, поглощая страницу за страницей, и Ксаня несла обратно книги въ Розовое, чтобы получить другія.

Новая жизнь открывалась передъ нею, и вся злоба и обида уходили куда то далеко, далеко въ такія минуты изъ ея ожесточенной маленькой души.

То были сладкія, радостныя мгновенья.

ГЛАВА V.

Лѣсъ колдуетъ.—Тайна разоблачена.

БЫЛЪ вечеръ... Дремалъ старый лѣсъ... Затихли очарованные іюньскими сумерками великаны-деревья, затихли кузнечики въ пышной травѣ... Вѣтерокъ застылъ межъ вѣтвей лиственницъ, околдованный тою же тишиною... Словно непонятныя чары струились въ зеленовато-синемъ пространствѣ лѣса съ пушистыхъ верхушекъ исполиновъ-деревъ, съ мягкой и мшистой травы и моха...

По лѣсной дорогѣ шла Ксаня.

Короткая юбочка, чистый фартукъ, грубые кожаные башмаки, старенькая, во многихъ мѣстахъ заплатанная кофточка и ярко-красный платочекъ поверхъ смоляной головки—единственная роскошь ея убогаго костюма,—вотъ и весь нарядъ «лѣсной дѣвочки», какъ называлъ ее сынъ управляющаго, Викторъ, или «лѣсовички», какъ звали ее крестьяне.

Сама ходитъ кругомъ, что-то странное говоритъ...

«Лѣсная дѣвочка» шла въ Розовое. Шла подъ вечеръ, чтобы никто ее не замѣтилъ въ графской усадьбѣ. Въ смуглой рукѣ она держала пачку книгъ,—милыхъ книгъ, которыя несла обмѣнять на другія, невѣдомыя.

Ксаня шла легко и быстро, подпрыгивая, какъ коза, съ упоеніемъ вдыхая въ себя свѣжій смолистый запахъ и глядя разгорѣвшимися отъ удовольствія глазами по сторонамъ. Лѣсъ колдовалъ своей зачарованной тишиною, милый, старый лѣсъ, который она знаетъ вдоль и поперекъ и въ чащу котораго ее влечетъ всегда неодолимо.

Милый, старый лѣсъ! Каждая былинка ей въ немъ знакома, каждая травка. Она знаетъ, гдѣ находится гнѣздо старой иволги, знаетъ дупло́ лисички, знаетъ, гдѣ водятся выводки дикихъ утокъ и куропатокъ надъ лѣсною топью... Всѣ огромныя исполинскія муравьиныя кучи знаетъ на перечетъ. Нѣтъ нужды, что великъ старый лѣсъ: она его избѣгала вдоль и поперекъ, безпечно напѣвая себѣ подъ носъ, иногда со старымъ дядинымъ ружьемъ, унесеннымъ потихоньку, то учась стрѣлять по уткамъ и тетеревамъ, то мастерски передразнивая крикъ кукушки, ястреба, иволги. А иной разъ, когда соберутся за ягодами жаркимъ іюньскимъ днемъ крестьянскіе ребятишки, она нарочно опередитъ ихъ, запрячется въ кустахъ и, шутки ради, стонетъ и воетъ страшнымъ голосомъ оттуда, точно настоящая лѣсная колдунья. Дѣти въ ужасѣ, побросавъ кузовки отъ грибовъ и ягодъ, несутся чуть живыя отъ страха вразсыпную. А она за ними: свищетъ, гикаетъ, хлопаетъ въ ладоши, хохочетъ дико, страшно, на весь лѣсъ.

— Лѣсовичка!—въ изступленіи вопятъ ребятишки и стрѣлой мчатся отъ нея.

Ксаня злорадствуетъ: «отомстила»!..

Они ее травятъ, мучаютъ, грозятъ поколотить, когда она выходитъ изъ своего лѣса за съѣстными припасами въ

деревню—такъ вотъ имъ за это. До смерти напугаетъ ихъ. Она—сердитая, мстительная, злая. Она не проститъ. Лѣсовичка вѣдь она.

Порою ей и самой кажется, что она лѣсовичка. У другихъ дѣтей есть отецъ, мать, братья, сестры, родственники. А у нея никого... Откуда она? Не знаетъ Ксаня.

И кажется ей порой, что вышла она изъ дупла стараго дуба... Вышла прямо на лѣсную поляну и стала жить... Старый лѣсъ ея отецъ. Смолистый воздухъ кинулъ и румянецъ въ ея щеки, и жгучій огонь въ черные глаза... Лѣсъ же далъ ей эту силу и смѣлость, и ловкость рукѣ, и быстроту ногамъ. И безстрашною сдѣлалъ ее старый лѣсъ. Ничего она не боится. Ничего! Ночью на кладбище пойдетъ и мертвецовъ вызывать станетъ, въ дикой пляскѣ готова кружиться съ ними. Или ночью же въ самую чащу лѣса пойдетъ, дразнитъ стараго лѣшаго, вызываетъ смуглыхъ зелено-кудрыхъ дочекъ его играть съ нею, вызываетъ и... смѣется... Любо ей, любо—ждать ихъ и замирать отъ непонятной сладкой радости въ надеждѣ быть услышанной ими. Но онѣ не приходятъ,—не хотятъ... Она не ихъ... Она имъ чужая...

Кто же она, въ самомъ дѣлѣ? Спрашивала Василія,—молчитъ Вася... Да развѣ онъ знаетъ?

Точно сквозь туманъ припоминаетъ она женщину чудную, легкую, гибкую, какъ прутикъ—вотъ-вотъ переломится... Красавицу-мать свою припоминаетъ Ксаня... Давно это было, лѣтъ двѣнадцать, а то и больше... Носила ее мать по лѣсу, прижимала къ груди, а сама не то говорила, не то пѣла... Или другой разъ разодѣтая въ бѣлое платье, нарядная, изящная понесетъ ее, Ксаню, въ самую чащу лѣса, поставитъ на пень, а сама ходитъ кругомъ, что-то странное говоритъ, то плачетъ, то смѣется, руками машетъ, то къ

землѣ припадетъ, то опять вскочитъ на ноги, обойметъ Ксаню и нѣжно-нѣжно цѣлуетъ и въ лобъ, и въ щеки, и въ глаза.

Помнитъ Ксаня эти поцѣлуи. Какъ сказка стараго лѣса пріятны сй они... Гдѣ теперь мама? Далеко она. Уѣхала, счастья искать уѣхала... Не вернется... Дядя Николай говоритъ—не вернется... Далеко уѣхала.

— Мама ты моя, мама!—вырывается иногда изъ устъ дѣвочки, и напряженная тоскливая дума роетъ горячую головку подъ смоляными кудрями... Личико Ксани становится тогда невыразимо грустнымъ...

А кругомъ лѣсъ колдуетъ...

Колдуетъ лѣсъ...

* * *

— Вотъ тебѣ одна книга, вотъ другая, вотъ третья. Прочти всѣ... особенно эту. про демона, про дьявола, который на землю слѣзалъ, монахиню смущалъ... На, держи...

— Викторинька!

— То-то Викторинька. Рада, небось... Глазенки сверкаютъ... А «Капитанскую дочку» прочла?

— Прочла... Досадно, что храбраго капитана убили.

— Ужъ и досадно!

— Ей Богу... А про демона какъ же?

— Ладно, прочтешь и узнаешь. Книги можешь дольше задержать... У тебя въ сохранности, знаю.

И высокій сѣроглазый гимназистъ лѣтъ 16, здоровый, мускулистый и стройный, съ открытымъ красивымъ лицомъ и веселымъ взоромъ, кивнулъ Ксанѣ.

— Прощай! А вечеромъ придешь на праздникъ взглянуть?—неожиданно добавилъ онъ, останавливая дѣвочку.

— На праздникъ?—вырвалось изумленнымъ звукомъ у той.—На какой праздникъ?

— Вотъ чудная! Ничего не знаешь! — и гимназистъ весело разсмѣялся...—Лѣсовичка—и впрямь!.. Не даромъ тебя дразнятъ люди... Кромѣ своего лѣса ничего знать не хочешь... Вотъ что: для графинюшки Наты устроенъ балъ въ замкѣ... Слыхала, небось, что графинюшка пріѣхала? Десять лѣтъ дома не была. Все по заграницамъ лѣчилась. Видишь, ей нашъ климатъ вреденъ, но теперь, какъ переѣхали графы сюда въ Розовое, то нашли, что графинюшку можно воспитать и на родинѣ, дома... И вернули... Ну, вотъ для нея и праздникъ устроили... Сосѣди всѣ съѣдутся... Нарядные, богачи. Фу-ты, ну-ты!

При этихъ словахъ гимназистъ презрительно свистнулъ и добавилъ:

— Не люблю я, когда гости у насъ. Наши «графинята» еще больше носъ тогда задираютъ... Безтолочь! Кичатся, а чего?—сами не знаютъ... Крестьянъ изъ Соневки позвали на розовскую лужайку... Пироги для нихъ пекутъ, пива наварили... Угощенье будетъ мое почтеніе, тру-ля-ля... Приходи!

— А никто не увидитъ?

— Платочекъ надѣнь—не узнаютъ, или большую шаль... У тебя есть такая, знаю, отъ матери осталась... Вѣдь вѣрно есть? Приходи...

— Приду.

И кивнувъ въ свою очередь головою мальчику, Ксаня ринулась было къ двери. Ей послышались въ сосѣдней комнатѣ управительскаго дома чьи-то легкіе крадущіеся шаги...

Сегодня она, по желанію сына управляющаго, Виктора, отважилась въ первый разъ проникнуть въ самый домъ управляющаго, гдѣ жилъ въ лѣтнее время у отца гимназистъ Витя Муринъ. Надо было спѣшить—неровенъ часъ—нагрянутъ...

Уже Ксаня была на порогѣ, когда мальчикъ, точно

осѣненный вдругъ какою-то лукавой мыслью, сказалъ, значительно глядя на свою гостью:

— Ты про приключеніе слыхала?

— Про какое приключеніе?..

— Да про графское... Ихъ въ ту грозовую ночь, пять дней тому назадъ, лошади понесли на самую на Чортову пасть... Думали — конецъ пришелъ... Молодая графинюшка сразу того...—«ахи! охи! унеси мои потрохи!» Плачетъ и кричитъ: «дайте хоть на копѣечку еще пожить!» и тому подобное... Вдругъ выстрѣлъ прямо въ лобъ коренной... Коренная бацъ... Графинюшка «ахъ!», графъ «охъ» и давай спрашивать «кто стрѣлялъ?» И прыгъ да скокъ изъ своего корыта. Но такъ и не узналъ, кто стрѣлялъ... Оказалось, нечистая сила стрѣляла... Какая-то черная фигура, ростомъ съ маринованную корюшку, и свое имя не говоритъ... Таинственный незнакомецъ... Кумъ дьявола!.. И шутъ его знаетъ еще кто! На всѣ вопросы молчитъ или мычитъ, или сопитъ, что-нибудь въ этомъ родѣ... А кучеръ Андронъ и ляпни:— «Лѣсовичка!»

И выкрикнувъ послѣднее слово страшнымъ голосомъ, Викторъ такъ скосилъ глаза, что другая на мѣстѣ Ксани расхохоталась бы безъ удержу, но ей было не до того и она молча ждала продолженія разсказа.

Викторъ испытующе глядѣлъ на Ксаню и многозначительно свистѣлъ себѣ подъ носъ.

Ксаня вертѣла конецъ фартука въ рукахъ и, глядя исподлобья на своего друга, кусала губы.

Молодой Муринъ все смотрѣлъ на нее, посвистывая, наконецъ захохоталъ во все горло:

— А вѣдь графа-то и его дочку спасла ты! И никто этого не подозрѣваетъ! Ни одинъ носъ! Даже Андронъ и тотъ думаетъ, что это была другая лѣсовичка... Ихъ вѣдь, по его мнѣнію, много въ лѣсу водится...

— Идетъ кто-то!—вскрикнула вдругъ Ксаня, съ быстротою молніи шарахнулась въ сторону, перепрыгнула черезъ окно, прямо въ садъ, въ цвѣтникъ на душистую клумбу и пустилась стрѣлою, сломя голову, по лугу къ лѣсу, къ старому лѣсу, который одинъ могъ укрыть ее отъ людей...

Сердце Ксани стучало. Кровь непрерывно била въ виски. Въ головѣ шумѣло...

О, только бы они не узнали! Только бы не узнали господа, что это сдѣлала она. Ибо тогда они навѣрное позовутъ ее къ себѣ, станутъ допытываться, благодарить, награждать, хвалить... Нѣтъ, нѣтъ, подальше отъ этихъ графовъ... Не хочетъ она ни похвалъ, ни наградъ ихъ... Смѣяться они надъ нею будутъ, смѣяться, что она ни стоять, ни сидѣть, ни рукъ держать не умѣетъ какъ надо, по «ихнему». И говорить не умѣетъ, какъ они... Богъ съ ними! Не надо съ ними встрѣчаться... Не надо! Она лѣсная дѣвочка, лѣсовичка. Что общаго у нея съ ними, съ богачами, съ барами Хвалынскими? Но можетъ быть не узнаютъ?.. И впрямь не узнаютъ. Лишь-бы Викторъ не выдалъ... Небось, онъ-то догадался сразу, что это она была... Только-бы молчалъ! Надо ему за это живого ежа или птенца горленки приволочь изъ лѣса. Пусть тѣшится и молчитъ!

Ксаня бѣжала безъ оглядки, быстро, боясь остановиться хоть на мгновенье, боясь оглянуться назадъ... А вдругъ гонятся за нею?. Нагонятъ, вернутъ, связанную вернутъ насильно и приведутъ въ усадьбу... Срамота!

Опушка! Лѣсъ! Слава Богу! Еще одинъ прыжокъ, и дѣвочка съ наслажденіемъ растянулась на мягкой травѣ.

Ея ноги чуть притомились отъ бѣга, но мысли все работали и работали быстрѣе прежняго.

«И зачѣмъ пріѣхали эти графы сюда весною... Десять лѣтъ не наѣзжали... И вдругъ, какъ снѣгъ на голову: и

графъ, и графиня, и дѣти! Точно съ неба упали... Ожило Розовое... И какое имя-то глупое усадьбѣ дали!—возмущалась мысленно Ксаня... — Отчего не Бѣлое, не Зеленое, не Рыжее? Лядъ ихъ разберетъ! Правда, графиня, говорятъ, до смертушки розы любитъ и ихъ вокругъ дома тьма тьмущая, страсть сколько! Оттого будто-бы и «Розовымъ» прозвали!»

Ксаня повела носомъ и характерно фыркнула. Она помнила, что усадьбу, какъ и сосѣднюю съ нею деревню, звали, пока она стояла заколоченная и пустая, Соневкой, а тутъ вотъ поди-жъ ты, Розовое откуда-то взялось!

Ксаня злилась. Ей хотѣлось взглянуть на праздникъ хоть издали, не подходя близко, а теперь все кончено—рухнули ея мечты! Теперь, когда графъ догадался, кто ихъ спаситель, онъ будетъ искать ее, найдетъ и... Умретъ со стыда передъ важными господами она—Ксаня...

Старый лѣсъ понемногу темнѣлъ... Серебристая роса покрыла брилліантовыми блестками цвѣты и былинки... Еще тише стало кругомъ... Деревья теряли въ темнотѣ свои опредѣленныя очертанія и казались огромными фантастическими существами. Ксаня притихла, зачарованная этой молчаливою лаской лѣса. Въ такія минуты смуглая дѣвочка и великаны-деревья, и робкіе цвѣтики-былинки какъ-будто заключали между собою красивый и тѣсный дружескій союзъ...

Влажная трава нѣжно льнула къ разгорѣвшемуся личику, освѣжая его. Вершины деревьевъ шептали что-то чуть слышно... И разгоряченному воображенію лѣсной дѣвочки сталъ мерещиться призракъ тонкій и воздушный, скользившій къ ней навстрѣчу легкой поступью, шелестя по старымъ опавшимъ прошлогоднимъ листьямъ и мху...

— Мама! Мама!—срывается дрожащими звуками съ губъ лѣсовички.—Мама! Мама!

Ксаня протягиваетъ руки впередъ... Она чувствуетъ приближеніе чего-то свѣтлаго и радостнаго, какъ сладкій сонъ юности... Знакомый шелестъ... Нѣжный шелестъ... Но голоса не слышно... Лица не видно... Да Ксаня его и не помнитъ, не знаетъ... Къ ужасу своему не знаетъ, забыла дорогое лицо... Но она ждетъ, ждетъ со сладкой надеждой, вся трепетъ, вся радость, вся ожиданіе... Она ожидаетъ ту, къ которой такъ странно влечетъ ее сердце... Ей мало понятно это чувство, но знакомо, знакомо безъ конца... Она часто такъ ожидаетъ свою мать въ тишинѣ зачарованныхъ лѣтнихъ ночей... Можетъ быть это любовь? Но она, Ксаня, не умѣетъ любить... Она — лѣсовичка... У нея сердце мохнатое, «въ шерсти», какъ говорятъ тѣ, кто ее ненавидитъ...

Охъ, хоть-бы увидать, хоть-бы вспомнить *ея* лицо, волосы, глаза!

И цѣлыми часами она ждетъ и думаетъ про «нее», про свою маму...

— Мама! Мама! Гдѣ ты?

Молчатъ старые дубы... Молчитъ лѣсъ...

Вдругъ странный шипящій звукъ, точно выстрѣлъ...

Въ одну минуту Ксаня на ногахъ.

Грезъ какъ не бывало!

Что это? Со стороны графской усадьбы свѣтло... Точно зарево пожара стелется по лужайкѣ. Какой странный пурпуровый огонь! А въ черное небо летитъ змѣя, длиннохвостая, яркая, горящая, какъ факелъ. Взлетѣла до темныхъ облаковъ, зловѣще шипя и взвиваясь дугою, и посыпались звѣзды отъ ея хвоста, яркія, горючія, дивно свѣтлыя, какъ солнце или огонь!

И крики послышались въ ту же минуту Ксанѣ. Но не испуганные, не молящіе о помощи, а громкіе, ликующіе, какъ само торжество.

Что это такое?

Глаза дѣвочки впились въ небо, на которомъ медленно таяла, дробясь на мелкія звѣзды, длиннохвостая, огненная змѣя.

Дрогнула Ксаня. Глаза расширились отъ любопытства. Ноздри затрепетали...

Опять выстрѣлъ... Вторая змѣя... Еще длиннѣе, хвостистѣе, огнистѣе первой... И снова золотымъ снопомъ сверкающихъ звѣздъ разсыпалась на землю.

— А-а-а! — какимъ-то дикимъ звукомъ полнаго недоумѣнія, восторга и изумленія вырвалось у Ксани,—и больше она уже не разсуждала.

Узнать, во что бы то ни стало узнать, что это были за змѣи, острымъ, жгучимъ желаніемъ закипѣло въ душѣ дѣвочки. Не размышляя о послѣдствіяхъ, она тѣмъ же бѣшенымъ галопомъ, какимъ примчалась сюда два часа назадъ, полетѣла къ графской усадьбѣ, не чуя ногъ подъ собою.

ГЛАВА VI.

Такъ должно было случиться.

КОГДА Ксаня приближалась къ Розовской лужайкѣ, праздникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. Кроваво-пурпурное пламя бенгальскаго огня озаряло фантастическимъ заревомъ поляну, съ уставленными на ней столами, окруженными скамейками. За этими столами пировали крестьяне, одѣтые нарядно, по-праздничному.

Куски жареной свинины, пироги, бутылки съ водкой, ведра съ пивомъ,—все живо поглощалось нетребовательнымъ и некапризнымъ на угощеніе народомъ. Фонари и поминутно вспыхивающее пламя то краснаго, то синяго, то зеленаго огня освѣщали лужайку. Между столами сновали ребя-

тишки, уплетая пряники и орѣхи, щедро розданные имъ графскимъ буфетчикомъ.

Изъ господскаго дома неслись звуки музыки. Цѣлый оркестръ, выписанный изъ губернскаго города, игралъ звучныя, красивыя мелодіи бальныхъ танцевъ.

Сквозь растворенныя настежь окна неслись веселые голоса и молодой, радостный смѣхъ.

Балъ въ графской усадьбѣ былъ въ самомъ разгарѣ.

Ксаня, робко пробираясь по неосвѣщенному мѣсту, между деревьями, окружающими лужайку, почти вплотную подошла къ ближайшему столу, скрытая отъ него толстымъ стволомъ исполинской липы. Пирующіе крестьяне не могли замѣтить ее. Ихъ раскраснѣвшіяся лица, ихъ шумные голоса и рѣзкія неувѣренныя движенія говорили за то, что графскіе гости не обидѣли себя и воздали должную дань господскому угощенію.

Имъ было теперь не до Ксани. Ребятишки же такъ занялись между собою, вырывая другъ у друга лакомства, что тоже не замѣтили прихода ненавистной имъ лѣсовички.

Она стояла притихшая, ушедшая въ себя, въ ожиданіи новаго появленія огненной змѣи, такъ поразившей ея воображеніе. Что это могло быть — Ксаня не знала. Она ничего подобнаго не видѣла еще въ своей жизни. Не видѣла она и такихъ вкусныхъ яствъ, подъ тяжестью которыхъ ломились столы, окруженные пирующими. Бѣдняжка! Ей, не ѣвшей кромѣ похлебокъ и каши да корокъ хлѣба съ молокомъ и картофелемъ, ей казались всѣ эти пироги, свинина и пряники у ребятъ — поистинѣ царскимъ угощеніемъ. Къ тому же она была голодна сегодня болѣе чѣмъ когда-либо. Длинная двойная прогулка изъ усадьбы въ лѣсъ и обратно не могла не поспособствовать назойливо развивающемуся съ каждымъ мгновеніемъ аппетиту. Слюнки текли у Ксани, и запахъ жареной свинины щекоталъ обоняніе; подъ ложечкой

сосало... Чтобы не видѣть всѣхъ этихъ соблазнительныхъ вещей, она прижмурила даже вѣки... Но не надолго. Однадвѣ минуты — и глаза ея широко открылись, тихій, чуть слышный крикъ вырвался изъ груди.

Что-то необъяснимое творилось передъ нею. Въ воздухѣ вертѣлось огненное колесо. Вертѣлось съ неописуемой быстротою, разсыпая вокругъ себя звѣзды и искры, искры и звѣзды, безъ счета, безъ числа... Что-то стихійно прекрасное было во всей этой быстро вращающейся массѣ огня, до того прекрасное, что Ксаня не выдержала и вся подгоняемая однимъ страстнымъ, непреодолимымъ желаніемъ узнать, во что бы то ни было узнать, что это такое, забывъ угрожающую ей опасность быть узнанной, ринулась впередъ и въ одну секунду очутилась передъ чудодѣйственнымъ колесомъ, мечущимъ одновременно и искры, и звѣзды, и пламя. Огромными глазами, расширенными отъ изумленія и восторга, Ксаня смотрѣла не отрываясь...

Ей казалось, что какая-то тайная сила движетъ невидимою рукою колесо, и что вотъ-вотъ изъ самого пламени покажется духъ огня, царственный и прекрасный, въ огненной тіарѣ, съ мечомъ въ рукѣ.

Она забылась до того, что перестала сознавать дѣйствительность. Пылкое воображеніе молодой дикарки, не видѣвшей въ своей лѣсной трущобѣ ни фейерверка, ни бенгальскаго огня, создавало Богъ вѣсть какія фантазіи и легенды... Но вотъ пламя уменьшилось, ослабло и съ шипѣньемъ, выбросивъ изъ себя цѣлый снопъ искръ, погасло разомъ...

Между тѣмъ, желтый бенгальскій огонь, зажженный на смѣну красному, озарилъ мѣстность еще ярче, еще свѣтлѣе. Стало разомъ свѣтло, какъ днемъ. Освѣтились лица пирующихъ, освѣтились ихъ праздничныя яркія одежды, освѣтились снующіе между столами, въ ожиданіи подачекъ,

ребятишки... И всѣ сразу замѣтили Ксаню, не ожидавшую въ эту минуту такого предательства свѣта.

— Лѣсовичка! Глядите! Лѣсовичка, братцы, вылѣзла изъ своей норы! Лѣсовичка здѣсь! Лѣсовичка!—послышались тутъ и тамъ голоса не то изумленныхъ неожиданностью, не то злорадствующихъ и ребятишекъ, и взрослыхъ крестьянъ.

«Уйти... убѣжать скорѣе... пока не поздно!»—вихремъ пронеслось въ головѣ Ксани, и она уже метнулась было въ сторону, съ явнымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе свою мысль.

— Куда, колдовская дѣвчонка! Удирать? Нѣтъ, шалишь, не уйдешь!

И огромный парень, тяжело поднявшись съ края стола, какъ изъ-подъ земли выросъ передъ Ксаней.

Словно по мановенію незримой руки всѣ повскакали со своихъ мѣстъ. Ребятишки съ визгомъ окружили дѣвочку и, присѣдая, пища и ломаясь, прыгали и вертѣлись вокругъ нея. Взрослые не отставали отъ нихъ. Глухая ненависть къ матери Ксани, которую они считали за колдунью, теперь обрушилась на дочь.

— Приползла таки, вѣдьмина дочка,—послышался негодующій возгласъ рослаго парня.—Притащилась на праздникъ, ишь ты!.. Глазищами такъ и водитъ, что пойманная сова!.. А ну-ка, робятишки, поучите-ка ее! Хорошенько проучите вѣдьмину дочку, чтобы прошла у нея охота изъ своей норы выползать!

Сказавъ это, огромный парень отошелъ въ сторону. На его мѣстѣ очутились до полутора десятка маленькихъ фигурокъ, кричавшихъ, визжавшихъ и хохотавшихъ безъ удержу.

Ксаня хорошо знала всѣхъ этихъ Машекъ, Акулекъ, Васекъ, Тришекъ и Анютокъ. У нея съ ними не разъ происходили стычки въ лѣсу. Не разъ, преслѣдуемые ею,

бѣжали они вразсыпную. Теперь всѣ они жаждали только выместить на «поганой лѣсовичкѣ» всѣ свои обиды...

Какъ запуганный звѣрекъ, прижатая къ стволу дерева, стояла посреди всей этой толпы Ксаня. Озаренная догорающимъ пламенемъ бенгальскаго огня, она въ самомъ дѣлѣ казалась не обыденнымъ, а скорѣе какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ. Ея волосы сбились; алый платочекъ упалъ съ нихъ во время бѣга, и пышныя, черныя, блестящія космы сыпались ей пушистыми прядями на лобъ, щеки и грудь. Черные, огромные, ослѣпительные глаза сверкали. Мелкіе, блестящіе зубы до боли закусили пурпуровую нижнюю губу.

Въ ней въ эту минуту было, болѣе чѣмъ когда-либо, что-то дикое, странное и хищное...

Дѣти густою цѣпью окружили ее со всѣхъ сторонъ. Смуглыя, загорѣлыя ручонки потянулись къ ней, глазенки сверкали торжествующей злобой. Старшіе, успѣвшіе наѣсться и напиться до отвалу, предвкушая интересное зрѣлище, поджигали ребятъ. Вино сдѣлало свое дѣло. Головы затуманились отъ спиртныхъ паровъ.

— А ну-ка, сунься!.. Она тѣ отдѣлаетъ!.. Она тѣ покажетъ!.. Тронь-ка ее!.. Небось, боишься? А ну, а ну, Сенька! Либо ты, Анютка! Э-эхъ—куды-жъ вамъ!.. Каши мало ѣли... Небось, поджали хвосты!

Такъ говорилъ маленькій, приземистый мужичокъ, котораго недавно только лѣсничій оштрафовалъ за порубку лѣса и который радъ былъ отомстить теперь ни въ чемъ неповинной дѣвочкѣ.

Анютка и Сенька были двое самыхъ сильныхъ и самыхъ отчаянно-смѣлыхъ ребятъ въ деревнѣ и кичились своею силой.

— Сильны-то сильны, да не больно-то горазды, коли лѣсовички боязно стало, — подзадоривалъ дѣтей пьяный мужиченко.

Анютка, на два года старше Сеньки, однихъ лѣтъ съ Ксаней, такъ вся и вспыхнула.

Упрекъ пришелся ей не въ бровь, а въ глазъ.

— А коли такъ, такъ гляди-жъ на меня, дяденька Семенъ!

И, прежде чѣмъ кто-либо могъ выговорить слово, она, дико взвизгнувъ, подскочила къ Ксанѣ и, схвативъ ее за волосы, изо всей силы дернула ихъ.

Лѣсовичка испустила дикій крикъ, крѣпко схватила за плечи Анютку и оттолкнула ее съ такою силою отъ себя, что та отскочила шаговъ на пять и грохнулась о земь, ударившись головою о пень.

— А-а-а-а!—не то стономъ, не то грозящимъ крикомъ пронеслось въ толпѣ.

— Доченька моя... Родная моя! Убила тебя!.. Какъ есть убила до смерти подлая лѣсовичка! Какъ есть до смерти!— слышался причитывающій голосъ бабы Авдотьи, матери Анютки.

И хотя Анютка сейчасъ же поднялась на ноги и снова рвалась впередъ, къ лѣсовичкѣ, Авдотья причитывала надъ дочкой, какъ по покойницѣ, воя и раскачиваясь изъ стороны въ сторону всѣмъ тѣломъ. Вдругъ, озаренная какою-то внезапной мыслью, она кинулась въ самую середину толпы и завизжала пронзительно и рѣзко:

— А? Робя? Да что-же это значитъ? А? доколи терпѣть будемъ? А? Она нашихъ дѣтей портить станетъ... а мы кланяйся да терпи?.. Ейная мать колдунья была, некрещеная сила, вѣдьма! Своей ворожбой бѣды насылала, людямъ болѣсти, скоту падежъ... И доченька то-жъ будетъ... Постойте... наплачемся, ей-ей! Дождемся! Во! Увидаете! Дѣтей спервоначалу нашихъ перебьетъ, а тамъ за насъ!.. Ой, моченьки моей нѣтъ!.. Терпѣть не вмоготу... Лѣсовичка, какъ есть лѣсовичка! И глазища, какъ у дьявола, горятъ!.. Охъ, охъ, чуръ меня, чуръ!

И, плюнувъ въ сторону, Авдотья усиленно закрестилась широкимъ истовымъ крестомъ.

Ксаня стояла молча, гордо закинувъ голову. Глаза ея сверкали.

— Ты это что же, а? Ребятъ нашихъ зашибать на смерть стала, а?..—раздался голосъ одного изъ наиболѣе подвыпившихъ крестьянъ, подскочившаго къ Ксанѣ близко-близко.

Толпа всколыхнулась...

Всѣ, и старики, и женщины, и дѣти придвинулись къ гордо стоявшей дѣвочкѣ, устремившей свой огненный взоръ на взбѣшенную толпу.

— Лѣсовичка и впрямь! Посмотрите, глазища, какъ плошки, горятъ, что у кошки!—послышался чей-то тоненькій возгласъ.—Вѣдьма, какъ есть вѣдьма!

— Вѣдьма и есть!—подхватили другіе, а одинъ прибавилъ:—а что, братцы, слыхалъ я, что отъ вѣдьмы только огнемъ спастись можно.

— Вѣстимо огнемъ, только огнемъ!—послышались то тутъ, то тамъ пьяные голоса.—Коли вѣдьма, къ примѣру сказать—сгоритъ сейчасъ же; коли христіанская душенька—не обожжется ни единымъ пальцемъ... Ужъ вѣрно такъ!.. Отъ старыхъ людей слыхали...

— А что, братцы, коли попытать, а? Толкнуть лѣсовичку въ огонь и коли того, ну, сгоритъ, значитъ съ дьяволомъ знается, человѣческому роду первый врагъ,—а коли здрава и невредима выйдетъ, такъ значитъ того—можно и отпустить на всѣ стороны... А?

Страшными, зловѣщими звуками пронеслось это предложеніе подгулявшаго мужика.

Будь крестьяне трезвые, они, несмотря на свое суевѣріе, врядъ-ли бы отважились на такое дѣло. Но разгорѣвшіяся отъ вина головы соображали туго. Водка—злая сила чело-

вѣчества. Водка превращаетъ народъ въ звѣря. Она дѣлаетъ самыхъ кроткихъ—неистовыми, самыхъ тихихъ—отчаянными. Водка заставляетъ человѣка забывать свое человѣческое достоинство и дѣлаетъ его безумнымъ, безпощаднымъ и жестокимъ.

И у сильно уже подвыпившей толпы созрѣло ужасное рѣшеніе. Не въ мѣру выпитая водка дѣлала свое дѣло.

Неистовствовавшая въ вопляхъ и причитаніяхъ мать Анютки подбавляла, какъ говорится, масла въ огонь, громко выражая свою ненависть лѣсовичкѣ.

— Дѣтей она портитъ!.. По матери пойдетъ!.. Скотъ валить станетъ!.. Вотъ увидаете скоро!.. Помянете меня!..

Нѣсколько человѣкъ потрезвѣе пробовали, было, уговаривать, успокоить разбушевавшуюся толпу и удержать ее отъ безумнаго поступка, но ихъ перекричали другіе...

Въ углу поляны къ празднику была наскоро сложена огромная кирпичная печь. Въ ней пекли пироги для Соневскихъ мужиковъ. Печь, накаленная до красна, зіяла огненной пещерой среди уголка луговой площадки. Около нея сновали двѣ бабы, стряпухи, изъ крестьянокъ, повязанныя платками, съ раскраснѣвшимися лицами, похожія на двухъ жрицъ огня, священнодѣйствующихъ подлѣ кровянисто-огненной пещеры.

Точно по командѣ повернулись головы крестьянъ къ этой печи.

Словно одна и та же мысль пронизала мозгъ всѣхъ мужиковъ и бабъ, озлобленныхъ, негодующихъ и изступленныхъ.

— Вотъ... вотъ...—послышалось изъ толпы неувѣреннымъ, срывающимся звукомъ...—Вотъ, вотъ... испробовать надо-ть бы. Ефимъ вѣрно сказывалъ: коли христіанская душенька, Господь не попуститъ, огонь не сожжетъ, коли вѣдьма, дьяволенышъ, лѣсовичка... туда ей и дорога!..

— Туда и дорога! — не то простонала, не то ахнула толпа и придвинулась къ Ксанѣ, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ.

Сердце замерло въ груди Ксани. Лицо мертвенно поблѣднѣло... Колючій холодокъ прошелся по ея тѣлу зябкими мурашками. Смертельная опасность встала передъ нею...

Въ глухой деревнѣ, отстоявшей отъ города около ста верстъ и болѣе семидесяти верстъ отъ станціи, гдѣ дикій и невѣжественный народъ еще слѣпо и глухо вѣрилъ въ русалокъ, лѣшихъ, упырей и домовыхъ, нельзя было ждать пощады для бѣдной дѣвушки, которую считали за вѣдьму, за колдунью; въ особенности нельзя было ждать пощады теперь, когда винные пары кружили всѣмъ головы. Ксаня сознавала это.

Правда, у этихъ людей нѣтъ прямого намѣренія лишить ее жизни; они просто хотятъ только испытать, лѣсовичка-ли она. Но какъ «испытать»—огнемъ!

Испытать!

Ксаня отлично знаетъ, что значитъ это «испытаніе». Изъ ихъ угрожающихъ криковъ она поняла все!.. Какой ужасъ! О, зачѣмъ она пришла сюда!

Если-бы она умѣла молиться, она бы молилась... Но о Богѣ Ксаня имѣла какое-то странное, неопредѣленное понятіе. Василій говорилъ ей: «Богъ это сила и высота! Кто Ему молится и проситъ Его, тому Онъ помогаетъ, потому Онъ Милосердъ»... Но она не умѣетъ молиться... Ее никто не училъ... Ея душа такая, какъ и у птицы... Темная, маленькая душа...

А крики растутъ... Крестьяне кричатъ, точно стараясь перекричать другъ друга... Ихъ голоса зловѣщи... Съ ихъ криками сливается визгъ дѣтей и бабъ и такъ и сверлитъ уши...

Взглянула Ксаня на небо... Вызвѣздило оно... Милліарды

звѣздъ на немъ, ласковыхъ, кроткихъ... А надъ ними Богъ! Тамъ надъ звѣздами Его престолъ—такъ Вася говоритъ... Видитъ-ли Онъ ее? И если видитъ—поможетъ-ли ей, Ксанѣ?

А можетъ быть не только Онъ, и мама видитъ... Можетъ и мама, ея мама тамъ, на небѣ, между ангелами или среди звѣздъ... Вѣдь умерла она, навѣрное умерла... Коли нѣтъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ вѣсточки отъ нея—значитъ умерла мама... Умерла и... обратилась, можетъ, въ ту далекую звѣзду и свѣтитъ, и смотритъ, и видитъ...

— Мама! Мама!—помимо воли отчаянно крикнула Ксаня и протянула руки къ небу.

— Ишь ты! Заклинаетъ... маму кличетъ... Ну, берегись, робя!.. Сейчасъ явится бѣсова вѣдьма дочку выручать,— неистово гаркнулъ чей-то нетрезвый голосъ, покрывъ своимъ зычнымъ звукомъ всѣ остальные голоса.

— Ну, робя, тащи дѣвчонку къ огню!.. Поглядимъ, придетъ-ли вѣдьма-матка доченьку спасать...

Анютка первая подскочила къ Ксанѣ.

— Иди, поганая лѣсовичка! — толкнула она ее отъ дерева.

Толкнули и другіе. Забѣжали сбоку, сзади и, толкая все впередъ и впередъ, тащили ее прямо къ печи...

Напрасно благоразумные, болѣе трезвые изъ крестьянъ громко увѣщевали остальныхъ не брать на душу грѣха... Темная сила торжествовала...

Ксаню тащили...

Она не упиралась, не протестовала, она не боялась даже... Звѣзды улыбались ей издали, кивали, словно шептали:

— «Ничего, дѣвочка, ничего!.. Скоро, скоро соединишься съ мамой!»

Но что это?

Какой свѣтъ! Какое пламя!

Ксаня взглянула впередъ и обмерла. Огненная пещера была теперь въ двухъ шагахъ отъ нея. Какой жаръ!.. Какое прожигающее даже на разстояніи пламя.

Ксаня дико вскрикнула и попятилась.

— Нѣтъ! Нѣтъ, ни за что! Не вѣдьма я! Не лѣсовичка! Пустите! Пустите!..

— А вотъ увидимъ! Испытаемъ! Господь не попуститъ, коли права! Лѣзь сама въ огонь, што-ли! — кричатъ десять голосовъ въ самое ухо Ксани со злобою и ненавистью.

Замерла Ксаня... Ни чувствъ, ни мыслей... Одинъ сплошной ужасъ... Пестрятъ одежды, бѣлѣютъ лица—не разобрать... Смертельный ужасъ покрываетъ все... А пламя рвется изъ жерла, горючее, стихійное...

Еще минута — и Ксаня, подхваченная руками десятка освирѣпѣвшихъ, пьяныхъ мужиковъ, будетъ брошена въ самое жерло...

Вдругъ какой-то странный, тонкій, нѣжный, но громкій и властный голосъ раздается позади толпы:

— Пустите меня, пустите!

И двѣ женщины съ усиліемъ проталкиваются. Одна высокая, костлявая, въ наколкѣ на сѣдыхъ волосахъ; другая — молодая, вся въ бѣломъ, вся прелесть и воплощеніе семнадцатилѣтней весны.

— Что за шумъ? Что случилось?

И молодая дѣвушка, опираясь на руку своей компаньонки, пробравшись сквозь толпу крестьянъ, очутилась лицомъ къ лицу со стоявшей передъ печью Ксаней.

— Что ты, дѣвочка? Зачѣмъ ты тутъ? Зачѣмъ? И что вы хотите съ ней дѣлать? — строго обратилась она къ стоявшимъ вокругъ крестьянамъ.

Послѣдніе молчали, смущенно поснимали шапки, картузы и, почесывая затылки, молча и сконфуженно глядѣли на молодую дѣвушку.

— Что же случилось, наконецъ? Говорите-же!—обратилась она къ рослому, почтенному старику-крестьянину, который все время удерживалъ своихъ односельчанъ отъ безумнаго поступка.

— Да что, матушка Наталья Денисовна, графинюшка молодая! — произнесъ старикъ, смущенно переминаясь съ ноги на ногу.—Очертѣли людишки... Богъ вѣсть что задумали... Вотъ оно—вино-то!.. До чего не доведетъ...

И слово за слово онъ разсказалъ о случившемся.

Съ пылающими щеками молодая графиня слушала старика. Лишь только разсказъ дошелъ до своего трагическаго конца, она схватила Ксаню, прижала ее къ себѣ и громко крикнула, обращаясь къ крестьянамъ:

— Дикіе!.. Слѣпые!.. Жалкіе люди! И этотъ ребенокъ, эта прелестная дѣвушка могла... могла... внушить... вамъ...

Она не договорила, и цѣлый потокъ слезъ хлынулъ изъ ея глазъ.

Нѣсколько минутъ она молчала, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Старая компаньонка шептала ей что-то на ухо по-французски. Графинюшка молча изрѣдка кивала ей своей золотистой головкой.

И вдругъ выпрямилась, точно стрѣлка, вся такая нѣжная, странная, воздушная. Подняла руку, махнула ею. Все стихло точно по волшебству... Всѣ притаились, чуть дыша, приготовляясь слушать эту бѣлую дѣвушку, казавшуюся полночной грезой въ ея бальномъ платьѣ изъ газа и кружевъ.

— Темные вы, темные люди... — зазвенѣлъ ея нѣжный какъ звонъ ручья голосокъ,—неужели вы вѣрите, что существуетъ на свѣтѣ какая-то нечистая сила, какіе-то злые духи, домовые, лѣшіе? Неужели никто вамъ не разъяснилъ, что все это суевѣрныя преданія? И какъ только могли вы подумать, что именно въ этой бѣдной дѣвочкѣ скрывается какая-то нечистая сила и что она способна причинить вамъ зло?

Крестьяне слушали молча, съ низко опущенными головами. Никто не рѣшался возразить молодой графинюшкѣ, иные, сознавая свою неправоту, другіе—прямо изъ уваженія.

— Ступайте по домамъ,—продолжала между тѣмъ бѣлая дѣвушка.—Ступайте и благодарите Бога, что Онъ не допустилъ совершиться страшнѣйшему преступленію, которое навсегда осталось-бы на вашей совѣсти... Какое счастье, что я поспѣла во-время!

И она махнула рукой смущеннымъ, переконфуженнымъ крестьянамъ.

— Ужасно! — обращаясь по-французски къ своей компаньонкѣ, произнесла она вздрагивая. — Какъ еще теменъ нашъ народъ!.. Просто уму непостижимо!..

— Не волнуйтесь, дитя мое, обратимъ лучше вниманіе на дѣвочку!— тихонько, успокаивающимъ тономъ, произнесла француженка.

— Да! Да! Бѣдное дитя! Подумать страшно, что случилось-бы съ нею, если-бы мы не подоспѣли во-время! — отвѣтила, вздрогнувъ, графинюшка и, еще крѣпче прижавъ Ксаню къ себѣ, прошептала·

— Пойдемъ, дѣвочка, не бойся, я отведу тебя къ намъ... Ты успокоишься у насъ, бѣдная моя голубка!

Голосъ графинюшки былъ такъ ласковъ и нѣженъ, такъ непривычно нѣженъ для слуха Ксани, что она съ готовностью рѣшила-бы слѣдовать за этой златокудрой красавицей не только въ домъ, но и на край свѣта.

Не говоря ни слова, она пошла за графиней, но вдругъ зашаталась. Въ головѣ помутилось, въ глазахъ пошли огненные круги и, прежде чѣмъ кто-либо могъ подхватить ее, Ксаня тяжело рухнула на землю.

— Ей дурно! — воскликнула молодая графиня и быстро нагнулась къ Ксанѣ, которая въ глубокомъ обморокѣ лежала распростертая у ея ногъ.

— Поднять ее осторожно и отнести въ усадьбу, въ мою комнату... За мной!.. — повелительными нотками приказала Ната.

Нѣсколько крестьянъ вышли впередъ, подняли безчувственную Ксаню и понесли ее со всею осторожностью, слѣдомъ за молодой графиней и ея гувернанткой, въ графскую усадьбу.

ГЛАВА VII.

Золотая неволя.—Первыя терніи.

ТИШЕ! тише, ради Бога!.. Не испугайте ея... Она спитъ. Обморокъ перешелъ въ сонъ...

И молодая графиня Ната, точно бѣлая волшебница, встала между лежащей на турецкой отоманкѣ Ксаней и появившимися на порогѣ комнаты людьми.

Ихъ было пятеро.

Графъ Денисъ Всеволодовичъ Хвалынскій, высокій, изящный господинъ съ чуть сѣдѣющей шевелюрой, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и, рядомъ съ нимъ, хрупкая, изящная, стройная, красивая женщина, вся окутанная въ облака бѣлыхъ волановъ, рюшей и кружевъ.

Это была графиня Марія Владиміровна.

Толстая, неуклюжая и рыхлая женщина лѣтъ пятидесяти въ лиловомъ платьѣ и черномъ передникѣ, Василиса Матвѣевна, воспитательница графини и ея младшихъ дѣтей, теперь исполняющая роль экономки и домоправительницы графовъ, стояла немного поодаль за своими господами. Ея бывшіе воспитанники остались на порогѣ. Двое дѣтей, близнецовъ по двѣнадцатому году, братъ и сестра, Наль и Вѣра, были хрупки, миловидны и изящны, какъ двѣ дорогія фарфоровыя

статуэтки. Волосы дѣвочки, уложенные на затылкѣ въ какой-то замысловатый узелъ, струились вдоль спины и плечей красивыми пепельными волнами, въ то время какъ у мальчика, подстриженные въ кружокъ, они вились затѣйливо вдоль матово-бѣлаго, совсѣмъ нетронутаго загаромъ лица. Черты лица обоихъ дѣтей были тонки, съ неуловимою печатью надменности, присущей аристократамъ.

Въ комнатѣ царилъ полумракъ. Японскій фонарикъ обливалъ ее таинственнымъ свѣтомъ, голубовато прозрачнымъ, какъ лунное сіяніе въ лѣтнюю ночь. Откуда-то издали, сладко замирая, неслись звуки бальнаго мотива...

Графиня неслышной, быстрой походкой первая приблизилась къ дивану, взглянула на распростертую на немъ дѣвочку и тихо ахнула:

— Боже мой! Что за очаровательное дитя!

И, помолчавъ немного, присовокупила:

— Завтра-же я занесу ее на полотно, да, да, завтра-же...

— Ради Бога, мама, не разбудите ее!—и графиня Ната, усѣвшись у ногъ Ксани, умоляюще сложила свои маленькія ручки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только взгляну!.. Посмотри,—обратилась тѣмъ-же шопотомъ графиня по-французски къ мужу,—посмотри, Денисъ, что за красота!

Графъ быстро приблизился къ отоманкѣ, взглянулъ на спящую и тихо вскричалъ:

— Это она!

— Кто она? Кто она?—такъ и посыпались на него со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Да она! Та, что стрѣляла въ Буланку и спасла меня и Нату въ ту грозовую ночь... Не можетъ быть, чтобы я ошибся.

Графъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но тутъ-же закусилъ губы.

Спящая Ксаня проснулась. Огромные, черные глаза ея широко раскрылись и, какъ двѣ яркія звѣзды, блеснули въ полумракѣ.

— Гдѣ я?—прошептала она, дико озираясь по сторонамъ.

— У друзей! Не бойся ничего. Мы не дадимъ тебя въ обиду, прелестное дитя!

И графиня Марія Владиміровна нѣжно провела по чернымъ спутаннымъ кудрямъ дѣвочки своей душистой рукою.

Ксаня, не привычная къ ласкѣ, отодвинулась назадъ. Потомъ живо вскочила на ноги и, все еще продолжая дико озираться, проговорила быстро:

— Пора мнѣ... въ лѣсъ .. дядя хватится... Въ лѣсъ... домой пустите!..

— О, нѣтъ, тебя нельзя пустить одну, дитя! Они опять обидятъ тебя. Ты останешься съ нами. Вѣдь ты хочешь остаться съ нами?—урчалъ, какъ ручеекъ, нѣжный голосъ графини.

— Не хочу!—грубо вырвалось у Ксани,—меня ждетъ дома хромой Василій... Пора мнѣ, пустите меня!

— Ай, ай, ай, какъ стыдно, барышня, господамъ перечить,—затянула домоправительница Василиса Матвѣевна сладкимъ голосомъ, скашивая на Ксаню свои лукавые глаза.—Надо у господъ ручку поцѣловать, надо въ ножки поклониться господамъ за то, что призрѣли господа, изъ рукъ пьяной оравы вырвали, а вы, можно сказать, кобянитесь.., Ай, какъ не хорошо, маточка!

И рыхлая домоправительница закачала неодобрительно своей большой круглой головою.

Ксаня дико взглянула на нее.

— Я хочу въ лѣсъ!— вырвалось у нея изъ груди недоброжелательно и глухо.

— Дитя! Милое дитя! Успокойся!—и графиня-мать нѣжно обняла стройныя, сильныя плечи лѣсовички,—твое возвра-

— Боже мой, что за очаровательное дитя...

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

щеніе въ лѣсъ теперь немыслимо... Завтра утромъ мы поговоримъ съ тобою. Эту ночь ты переночуешь здѣсь. Я такъ желаю. Такъ надо... Сейчасъ намъ необходимо спѣшить къ нашимъ гостямъ... Молодой графинюшкѣ тоже... Ты побудешь съ этой дамой. Ее зовутъ m-lle Жюли... Лучше всего усни... Сонъ подкрѣпляетъ тѣло и даетъ забвеніе всему дурному... M-lle Жюли, позаботьтесь о прелестномъ ребенкѣ!

И графиня, наскоро поцѣловавъ черные кудри Ксани, исчезла за дверьми комнаты. За нею исчезли и всѣ остальные.

Графиня Ната подошла къ дѣвочкѣ, взяла ее за руку и сказала просто:

— Завтра папа наградитъ васъ. Вѣдь вы наша спасительница. Завтра-же васъ отпустятъ домой. А сегодня потерпите немножко. Вы видите,—у насъ балъ. Надо спѣшить къ гостямъ... Милочка моя! Не бойтесь ничего! Вы между друзьями. Если-бы вы знали, какъ мать и отецъ благодарны вамъ!.. Они не хотятъ тревожить васъ и потому только не упоминаютъ вамъ объ этомъ теперь.

— Я не боюсь,—угрюмо буркнула Ксаня,—я ничего не боюсь. Пустите меня въ лѣсъ, не держите!

— Нельзя, милая. M-lle Жюли, убѣдите ее, что этого нельзя, — съ какимъ-то трогательнымъ безсиліемъ прошептала юная графиня и выскользнула за порогъ, ободряюще и нѣжно поцѣловавъ при этомъ Ксаню.

Старая француженка осталась съ Ксанею вдвоемъ.

— Вы сирота?—съ чуть замѣтнымъ акцентомъ произнесла она, желая чѣмъ-нибудь развлечь свою необыкновенную гостью.

Ксаня нетерпѣливо повернула плечами.

— Какое кому дѣло, сирота или нѣтъ?—рѣзко оборвала она.

— Вы невѣжливы. Это нехорошо. Нельзя быть не-

вѣжливою вообще, а тѣмъ болѣе съ людьми, которые желаютъ вамъ пользы,—строго замѣтила француженка.

— Мнѣ надо въ лѣсъ! Пустите меня!—прошептала Ксаня съ тоскою и злобой.

— Дитя, вы слышали, что говорила графиня? Сейчасъ васъ отпустить нельзя,—и голосъ гувернантки зазвенѣлъ твердой и рѣзкой нотою.

Ксаня исподлобья взглянула на нее.

— Все равно уйду!—буркнула она себѣ подъ носъ.—Что я цѣпная собака, что-ли?

И черные глаза угрюмо сверкнули изъ-подъ спутанныхъ на лбу кудрей.

— Вы—злое дитя! Я чувствую, что не столкуюсь съ вами. Надо привести графиню, пусть сама возится съ вами!—строго произнесла m-lle Жюли, направляясь къ двери.

На минуту черные глаза Ксани загорѣлись надеждой.—«Уйди только, уйди и оставь дверь открытой... а я... айда и поминай, какъ звали!..»—вихремъ пронеслось въ ея головѣ.

Ксаня совершенно забыла въ эту минуту о томъ, что эта француженка, вмѣстѣ съ молодой графинюшкой, всего часа два тому назадъ вырвали ее изъ когтей вѣрной гибели. Впечатлѣнія на диво быстро мѣнялись въ взбалмошной и горячей головѣ, и упрямая и своенравная лѣсовичка едва-ли помнила теперь о трагическомъ приключеніи съ крестьянами.

Француженка медленно двинулась къ двери.

— «Хорошо... хорошо... совсѣмъ таки отлично,—шептали запекшіяся отъ пережитыхъ волненій губы дѣвочки,—уйди... уйди, старая коза... А я тѣмъ временемъ... разъ-два и не увидите меня больше».

Какъ разъ въ эту минуту Жюли обернулась. Торжествующій взглядъ черныхъ глазъ дѣвочки поразилъ ее. Въ мысляхъ гувернантки промелькнула туманная догадка.

«Убѣжитъ»!—подумала она и, плотно прикрывъ дверь за собой, повернула дважды замокъ.

Ксаня испустила дикій крикъ, вырванный изъ груди ея злобой.

— Заперла таки!—сорвалось съ ея устъ и, не помня себя отъ гнѣва, она ринулась на полъ и громко завыла въ голосъ тяжелымъ и рѣзкимъ воемъ дикарки...

ГЛАВА VIII.

Новая жизнь.—Врагъ

ВОТЪ такъ цаца! И откуда такая?

Голосъ, произносившій насмѣшливо эти слова, звенѣлъ надъ головою Ксани, но откуда—въ первую минуту она не могла разобрать.

Ксаня вздрогнула отъ неожиданности.

Она стояла въ густомъ кустарникѣ, укрытая со всѣхъ сторонъ отъ любопытныхъ взоровъ. На ней былъ странный костюмъ: ярко-красная шелковая юбка, малиновая рубашка и голубой лифъ изъ тончайшей кисеи, опоясанный золотистымъ шарфомъ. Въ распущенныхъ волосахъ запутались, какъ-бы случайно, цвѣты гвоздики, алой какъ кровь. Масса бусъ, лентъ и всевозможныхъ металлическихъ украшеній звенѣла на ея смуглой шеѣ. Весь нарядъ былъ ярокъ, пестръ и крикливъ. Но лицо хранило выраженіе угрюмаго недовольства.

— Ну, и нарядили же тебя! Господи Боже мой! Совсѣмъ-совсѣмъ эѳіопская царица!.. Но нарядъ-то нарядомъ, а отчего же волосы-то распустила? Въ банѣ, что-ли, была?

— Господи Боже мой! И чего это они тебя въ чучело преобразили?—снова зазвенѣлъ голосъ.

Ксаня подняла голову.

Осѣдлавъ толстый сукъ развѣсистой ивы, весь укрытый ея зелеными вѣтвями, сидѣлъ Викторъ.

— Фу-ты! Ну-ты! Ножки гнуты! — отфыркивался мальчикъ, — да выйди ты въ такомъ видѣ на улицу, тебя первый быкъ забодаетъ.

— Вотъ и я то же думаю! — угрюмо вымолвила Ксаня.

— Такъ скинь это тряпье! Вѣдь въ глазахъ рябитъ на тебя глядючи, — не унимался мальчикъ.

— То-то скинь, а графиня? Она съ меня картину пишетъ въ этомъ тряпьѣ. Это еще что! Цвѣтами всю закидаетъ и заставитъ сидѣть, не двигаясь, часа два. Развѣ весело? Ей можетъ быть, а мнѣ—нѣтъ. Она себѣ мажетъ кистью по полотну: разъ, два, разъ, два. А я сиди, какъ угорѣлая кошка, глаза выпуча! Эхъ-ма! И такъ каждый день!.. Въ этомъ-то тряпьѣ еще ничего, хоть свободно, руками, ногами дрыгаешь. Но когда мамзеля эта самая въ корсетъ меня затянетъ, вотъ тутъ ужъ совсѣмъ бѣда. Дышать нечѣмъ. А тутъ еще сиди, глаза выпуча, корча барышню... Не могу я!—съ отчаяніемъ заключила она.

— Не могу, это легче всего сказать. Не могу, а я могу! — острилъ Витя. — А ты придумай какъ-бы «могу» научиться.

— Убѣгу я!—сурово шепнули губы Ксани.

— Куда?

— Въ лѣсъ.

— Б-э-э!.. Тебя Норовъ быстро снова сюда приведетъ. При моемъ отцѣ у него съ графомъ-то разговоръ былъ. Они съ графомъ условились насчетъ тебя, чтобы ты, значитъ, въ полное владѣніе къ нимъ, къ графамъ, поступила. Вернетъ тебя Норовъ, какъ пить дать. И еще за косы оттаскаетъ. Помяни мое слово.

— Не посмѣетъ!—хмуро проронила Ксаня.

— Да что тебѣ худо у графовъ, что-ли? Плюнь на все...

Забудь и привыкнешь. А что тебѣ отъ Митридаты Пафнутьевны да отъ злючекъ-графинятъ проходу нѣтъ — такъ это пустякъ. Графиня въ тебѣ души не чаетъ. Наталья Денисовна тоже. Ѣшь ты вкусно, пьешь сладко. Чего тебѣ еще?

— Въ лѣсъ бы мнѣ, Викторенька!

— Экъ, заладила!.. Въ лѣсъ да въ лѣсъ!.. По колотушкамъ соскучилась, что-ли, глупая?

— Душно мнѣ здѣсь... Тамъ вольно... Зелень... просторъ... Птицы поютъ... Солнышко прячется, словно въ жмурки играетъ... Дятелъ тукъ да тукъ... А горленка-то!.. Кажется и сейчасъ слышу!.. Смолой пахнетъ и медомъ... Мохъ подъ ногами, вѣтки похрустываютъ... Ой, хорошо! Такъ хорошо-то, что будто сердце...

— Ксенія! Ксенія! Гдѣ вы будете, сударыня вы моя... Хоть бы ноги пощадили чужія, матушка. Убѣгаете ровно дикая какая, а графиня безпокоится, искать приказали. Вотъ наказаніе-то Божеское!

И между спѣшно раздвинутыми кустами показалось раскраснѣвшееся лицо Василисы.

Едва только ея тучная фигура появилась среди зелени малинника, какъ неожиданно неистово гаркнула надъ головой ея ворона.

Василиса задрожала съ головы до ногъ. Она была суевѣрна до смѣшного, вѣрила не только въ примѣты, но и во всякую чертовщину и небывальщину.

— Ой! Батюшки, чуръ меня! Чуръ! — зашептала она, открещиваясь и отплевываясь... — Не къ добру раскаркалась... Пронесись, бѣда, мимо меня, пронесись... Господи помилуй! Кши! Кши! Кши! — замахала она руками на воображаемую ворону.

Насмѣшливое лицо Виктора высунулось межъ деревьевъ.

— Мое вамъ нижайшее, Митридата Пафнутьевна!—прозвенѣлъ съ высоты дерева его звонкій, насмѣшливый голосъ.

Та вся такъ и вскипѣла.

— Озорникъ! Право, ну, озорникъ! Постой-ка-сь я графу пожалюсь...

— Пожалуюсь, надо говорить пожалуюсь, а не «пожалюсь», Антимонія Акакіевна!—невозмутимо поправилъ тотъ.

— Тьфу ты, напасть! Да перестанешь-ли ты дразниться, сударь...

— Не перестану, Панихида Простоквашевна!

— Тьфу!

— Грѣшно на Божіе твореніе плеваться, Тумба Утрамбововна.

— Нишкни! Вотъ я тебя, постой-ка! — вся ходуномъ заходила старуха.

— Силы не соразмѣрны, Акулина Голоспоровна. Я, можно сказать, во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, и вамъ со мной не справиться. Впрочемъ, если угодно, попробуемъ... Нѣтъ? Не желаете? Тогда наше вамъ нижайшее... Счастливо оставаться, Перепетуя Фыркаловна! До пріятнаго свиданья!

И въ одинъ мигъ, съ живостью обезьяны, мальчикъ соскочилъ съ дерева, съ самымъ галантнымъ видомъ расшаркался передъ взбѣшенной старухой и исчезъ веселый, смѣющійся и задорный.

Василиса со злостью плюнула ему вслѣдъ. Потомъ кинула разсерженный взглядъ на Ксаню и, увидя, что обычно мрачные глаза послѣдней загорѣлись насмѣшливыми огоньками, дала полную волю охватившему ее гнѣву:

— Вотъ господа-то мои раздобыли сокровище!.. Нашли прелесть! Обули, одѣли, призрѣли нищенку, а она что? Неблагодарная, злая, чѣмъ отплатила? Чѣмъ отплатила-то? Нищенка! Чѣмъ ты отплатила, лѣсовское отродье, а? Чѣмъ?..

Василиса оборвала неожиданно свою рѣчь на полусловѣ... Въ одну секунду Ксаня была передъ ней, дрожащая, блѣдная, со страшно разгорѣвшимся одичалымъ взоромъ. Ея сильныя, смуглыя руки впились въ толстыя плечи экономки. Блѣдное, исковерканное бѣшенствомъ, лицо приблизилось почти вплотную къ лицу старухи. Въ эту минуту она была страшна. Жуткій огонь зажегся пламенемъ въ ея черныхъ огромныхъ глазахъ.

— Слушай ты!—скорѣе свистомъ и шипѣньемъ, нежели голосомъ, сорвалось съ ея губъ, побѣлѣвшихъ отъ ярости.— Слушай, ты посмѣй только назвать меня нищей еще разъ, только посмѣй! Я тебѣ покажу!.. Нищіе просятъ милостыню, а я не прошу... ничего не прошу, ни одежды, ни ѣды, ничего, какъ есть... Меня силой сюда взяли, отъ лѣса отняли... Не хотѣла я отъ лѣса, отъ Василія, отъ березокъ и дубовъ да солнца, а они сами меня противъ воли въ клѣтку посадили—какъ птицу!.. А я не хотѣла, не просила и одежды этой не просила... Вотъ она одежда графская... Вотъ! Вотъ! Вотъ!

И, прежде чѣмъ присѣвшая со страха на землю старуха могла сказать хоть слово, Ксаня рванула съ себя рукавъ изящной рубашечки, за нимъ другой, за рукавами золотистый шарфъ, и въ одну минуту отъ лифа, рубашки и шарфа валялись одни только жалкіе лоскутки, брошенные въ лицо ошеломленной Василисы.

Старуха, испуганная на-смерть необычайнымъ проявленіемъ злобы въ до сихъ поръ угрюмой и тихой дѣвочкѣ, въ ужасѣ закрыла глаза, но тотчасъ-же открыла ихъ снова и взвизгнула пронзительнымъ фальцетомъ, чуть живая отъ страха:

— Ба-тю-у-шки! Уби-ва-а-ютъ!

— Только посмѣй меня нищей назвать!.. Только посмѣй еще разъ!—прохрипѣла не своимъ голосомъ Ксаня.

— У-би-ва-а-ютъ!—еще разъ взвизгнула Василиса и припала ничкомъ къ травѣ.

Ксаня съ горящими глазами и перекошеннымъ отъ гнѣва лицомъ стояла передъ нею.

— Что такое? Что случилось? Милая, что съ вами?

Неожиданно разступились кусты малинника, и графиня Ната очутилась подлѣ блѣдной и дрожащей еще отъ волненія Ксани.

— Ксенія! Милая! Что такое? Что съ вами? Вы почти раздѣты!.. Ахъ, что это?—внезапно увидѣвъ пестрые и бѣлые куски въ травѣ, произнесла она смущенно.—Въ чемъ же дѣло, наконецъ?

— Она... она... я... я... нищей меня назвала, нищей...— могла только выговорить Ксаня, указывая на лежавшую на землѣ Василису.—Какъ она смѣетъ?.. Уйду... уйду!.. Я не хочу больше... Я вольная... я лѣсная... Не хочу я... Не нищая я! Нѣтъ!

— Милая! Успокойтесь... Царевна моя лѣсная! Черноокая фея моя! Мнѣ довѣрьтесь... Одной мнѣ... Ксенія!.. Голубушка!.. Не слушайте ея... Она злая, завистливая, нехорошая... Я съ вами... Успокойтесь, милая... А вы,— тутъ графинюшка быстро повернулась къ все еще лежавшей на травѣ Василисѣ и проговорила строгимъ, надменнымъ и повелительнымъ голосомъ:—а васъ, если вы еще разъ обидите Ксаню, я попрошу маму выгнать вонъ... Да... выгнать!.. Ксаня моя подруга... Зазнались вы очень. Не смѣть больше оскорблять лѣсную барышню! Слышите!

И, гордо поведя плечиками, она обняла Ксаню и быстро направилась съ нею изъ чащи кустовъ.

Василиса такъ и замерла на мѣстѣ въ своей странной позѣ, глупо выпуча глаза. Она тяжело дышала и утирала обильно струившійся потъ съ лица... Такъ пролежала она

нѣсколько минутъ, но вдругъ вскочила на ноги, какъ ошпаренная, вся красная, униженная, злая.

— Меня выгнать? Меня? Да нешто можно это? Двадцать лѣтъ вѣрой и правдой служила и вдругъ такъ-то!.. И изъ-за кого?! Изъ-за нищей дѣвчонки... Изъ-за лѣсовички, колдовскаго отродья!.. Меня вонъ? Меня—вѣрную слугу?.. Нѣтъ, матушка Наталья Денисовна, не бывать этому... Молода больно, сударыня... Крылышки еще не отростила, чтобы вѣрными отцовскими слугами распоряжаться! Какъ-же! Откажутъ! Сейчасъ! Держи карманъ шире!.. А тебя, лѣсовичка непутевая, тебя уже я знаю, какъ уважу, милушка! Будешь меня помнить, некрещеная душа!

И грозя своимъ объемистымъ кулакомъ въ пространство, Василиса Матвѣевна, охая и кряхтя, стала выбираться изъ цѣпкихъ кустовъ малинника.

ГЛАВА IX.

Пытка.—Близнецы.—Урокъ танцевъ.

УТРО. Солнце палитъ немилосердно. Въ огромной комнатѣ съ большимъ венеціанскимъ окномъ, носящей громкое названіе «студіи» или художественной мастерской графини, у мольберта, съ палитрой и кистями въ рукѣ, сидитъ сама графиня Марія Владиміровна. Передъ нею, на растянутомъ въ рамкахъ полотнѣ изображеніе чего-то пестраго, хаотическаго. Въ отдаленіи, на деревянныхъ, наскоро сколоченныхъ мосткахъ, забросанныхъ всевозможнымъ яркимъ тряпьемъ, стоитъ ея модель.

Это Ксаня.

На ней накинуты пестрыя, яркія тряпки и цвѣты. Цѣлый каскадъ цвѣтовъ струится со смуглыхъ, обнаженныхъ плечъ,

съ черныхъ, какъ вороново крыло, кудрей, съ груди и шеи.

Но лицо Ксани не соотвѣтствуетъ ея ликующему, праздничному наряду. «Лѣсовичка» дышитъ бурно и тяжело. Она устала.

Вотъ уже около мѣсяца мучаетъ ее каждое утро графиня, рисуя съ нея картину, которая никакъ не можетъ вылиться на полотнѣ съ достаточной ясностью и правдивостью. Графиня сердится и винитъ во всемъ Ксаню. Ксаня виновата—не умѣетъ «позировать», не умѣетъ спокойно простоять полчаса, не двигаясь, не шевелясь.

Очевидно время увлеченія графини прелестной дикаркой приходило къ концу.

Нужно сказать, что графиня увлекалась всегда чѣмъ-нибудь горячо, но недолго. У графини Маріи Владиміровны вошло точно въ привычку постоянно обожать что-либо, восхищаться чѣмъ-нибудь. Внѣ этого восхищенія не было смысла жизни для графини. Когда дѣла графа пошатнулись настолько, что вся графская семья должна была перекочевать изъ Петербурга въ эту лѣсную трущобу—какъ называла графиня родовое имѣніе мужа—она пристрастилась прежде всего къ розамъ. Несмотря на пошатнувшіяся дѣла, графъ все-таки обладалъ достаточными средствами, чтобы жить въ своей усадьбѣ широко, тратить на ея украшеніе. И цѣлый цвѣтникъ розъ окружилъ старый ветхій домъ забытой усадьбы. По требованію графини выписали нарочно садовника и съ какою-то материнскою нѣжностью стали выводить прелестные цвѣты. Пышныя, онѣ протягивали ласково встрѣчнымъ свои головки и наполняли медвянымъ запахомъ и старый садъ, и старый домъ, и окрестныя поля. Но вскорѣ розы надоѣли графинѣ и были забыты. Ихъ смѣнила живопись. Графиня вдругъ почувствовала въ себѣ священный огонь искусства, разомъ запылавшій въ нѣдрахъ ея

души. Когда-то, въ дѣтствѣ, она, какъ и многія другія дѣвушки изъ аристократическихъ домовъ, училась живописи, но потомъ бросила ею заниматься. Въ деревнѣ, отъ скуки она опять принялась за кисть и палитру, сначала очень горячо и усердно; но мало-по-малу живопись стала надоѣдать графинѣ. Она объяснила это однообразіемъ природы въ деревнѣ и отсутствіемъ «интересныхъ» типовъ. «Россія не Италія,—говорила графиня,—тамъ каждая дѣвушка такъ и напрашивается на полотно и тамъ я, конечно, никогда не бросила бы кисти... Но здѣсь? Кого и что писать?» И графиня перестала даже заглядывать въ свою «студію». Палитра и кисти лежали заброшены, а сама графиня начала убійственно скучать въ своемъ затишьѣ, безъ раутовъ и баловъ столичной жизни.

И вдругъ появилась Ксаня! Ея фантастическая судьба, ея героическій поступокъ, ея возможная гибель въ рукахъ озвѣрѣвшихъ крестьянъ, наконецъ, сама внѣшность Ксани, странная, своеобразная—все это увлекло графиню, обожавшую всякую таинственность. Она рѣшила перевести Ксаню въ Розовое, приблизить къ себѣ «странное существо», какъ выражалась графиня, и кстати заняться картиною, которая должна была изображать Ксаню въ качествѣ не то лѣсовички, не то лѣсной феи.

Это рѣшеніе привело особенно въ восторгъ молодую графинюшку Нату. Графъ охотно далъ свое согласіе. Тогда позвали изъ сторожки Норова и стали его уговаривать оставить Ксаню въ графскомъ домѣ. Уговаривать пришлось недолго. Лѣсникъ былъ очень радъ, что можетъ сдать кому-нибудь дѣвочку, которая уже давно была для него обузою и которую онъ терпѣть не могъ.

— Скажите, Норовъ,—спросила въ заключеніе графиня,—вы не имѣете никакихъ свѣдѣній о матери этой дѣвочки?

Норовъ какъ-то странно замялся, заморгалъ глазами и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не имѣю... И даже не знаю, гдѣ она... Уѣхала... оставила ребенка... Пока жена жива была, она писала изъ разныхъ городовъ... потомъ совсѣмъ перестала...

— Вѣрно умерла,—замѣтила графиня.—Не можетъ быть, чтобы она оставила ребенка на произволъ судьбы...

— Да, вѣрно умерла, — подтвердилъ, опустивъ внизъ голову, едва слышнымъ голосомъ Норовъ и, не попрощавшись даже съ Ксаней, ушелъ.

Въ тотъ же день, по желанію молодой графинюшки, въ комнатѣ графини Наты, рядомъ съ красивою кроватью самой Наты, поставили узенькую постель. И Ксаня поселилась въ прелестномъ будуарѣ Наталіи Хвалынской, пригрѣвшей ее своей лаской съ перваго дня. Она да старая Жюли, худая и суровая на видъ, француженка-компаніонка Наты, чуть-ли не единственныя искренно привязались къ Ксанѣ. Что касается до остальныхъ членовъ графскаго семейства, то послѣдніе или смотрѣли на красавицу-лѣсовичку какъ на забавнаго звѣрька, какъ графиня и ея мужъ, или откровенно ненавидѣли ее, какъ Василиса Матвѣевна, какъ Наль, Вѣра и какъ прислуга, съ затаенной ненавистью прислуживавшая по приказанію графини лѣсной барышнѣ.

Впрочемъ, графиня недолго увлекалась новой игрушкой. Ея капризная, вѣчно ищущая чего-то новаго, натура не могла останавливаться подолгу на привязанности къ лѣсовичкѣ. Ксаня очень скоро начала надоѣдать ей. Она была слишкомъ дика, невоздержна, неблагодарна. Несмотря ни на какія ласки, ни на какіе подарки, «лѣсовичка» ни разу не приласкалась къ своей благодѣтельницѣ, ни разу не благодарила ее.

— Камень какой-то, не дѣвочка,—говорила графиня.— Нѣтъ въ ней ни души, ни сердца... И при томъ скрытная...

Ничего отъ нея не узнаешь... Охъ, правду говоритъ Василиса, ошиблись мы въ ней!..

Скрытная по отношенію къ графинѣ, Ксаня съ другими была просто-таки груба и съ обоими дѣтьми, и съ ихъ нянькой, и со всѣми, кромѣ графини Наты, на которую «самъ звѣрь не могъ бы заворчать», по мнѣнію Василисы Матвѣевны.

Графиня давно бы прогнала изъ усадьбы надоѣвшую всѣмъ Ксаню, если-бы не то, что ее такъ любитъ Ната. Хрупкая, болѣзненная, слабая графинюшка удивительно привязалась къ лѣсовичкѣ, хотя та относится къ ней совершенно равнодушно и не отвѣчаетъ на ея ласки. Но Ната въ восторгѣ отъ Ксани, и разлучить ихъ—это значило бы нанести бѣдной Натѣ ужасный ударъ. Нечего дѣлать, приходится терпѣть и... даже скрывать свою ненависть къ надоѣвшей лѣсной упрямицѣ.

. . . . . .

Утро. Ярко жжетъ іюльское солнце. Точно передъ концомъ своимъ жжетъ. Чувствуешь словно, что августъ скоро. Конецъ золотому пиру лѣта. Конецъ и самому лѣту.

Графиня за мольбертомъ. Ксаня на подставкѣ. Она «позируетъ». Лицо у нея блѣдное, унылое. Глаза напухли. Жарко ей, томительно скучно. Вотъ бы, то-ли дѣло, въ лѣсъ, въ зеленое царство, въ тѣнь, въ прохладу... Она задумалась и мысленно ушла отъ этой комнаты съ огромнымъ венеціанскимъ окномъ. Ушла отъ жизни. Отчего ей такъ худо теперь? Графиня не ласкова, дѣти преслѣдуютъ, смѣются, а Василиса, какъ кошка, такъ и норовитъ когтями зацарапать. Языкъ у нея хуже когтей. Злой языкъ. И зачѣмъ не отпускаютъ ее, Ксаню, въ лѣсъ, когда не любятъ ее, даже ненавидятъ?.. Одна Ната добра... Да что Ната: какая она Ксанѣ подруга?.. Для Наты она, Ксаня, просто живая игрушка, которую она броситъ, когда соберется опять

въ заморскія страны... У Наты злой затаенный недугъ въ груди, въ легкихъ. Ната—чахоточная. Она можетъ жить только при солнцѣ, пока жарко, тепло... Безъ жары зачахнетъ. Чуть дождикъ — хватается за грудь и кашляетъ, кашляетъ. И въ августѣ — это уже рѣшено—Ната опять уѣдетъ на югъ Франціи на цѣлую зиму. И тогда ей, Ксанѣ, не житье въ графскомъ домѣ, ибо некому будетъ за нее заступаться. Ахъ! въ лѣсъ бы уйти скорѣе, въ лѣсъ!

Задумалась глубоко Ксаня..

Предъ глазами пышная, зеленая картина... Глушь, лѣсъ, сумерки тѣней, прохлада... Чудно такъ, прекрасно...

Мечты и думы Ксани прерываетъ неожиданно сердитый голосъ графини.

— Несносная дѣвочка!—кричитъ графиня.—Я же тебѣ велѣла стоять смирно!.. А ты все вертишься да вертишься...

При этихъ словахъ палитра и кисть летятъ въ уголъ комнаты, брошенныя съ досады нетерпѣливой рукой графини. Сама графиня красная, какъ кумачъ, изо всей силы прокалываетъ полотно съ наполовину оконченнымъ портретомъ лѣсной колдуньи.

— Вотъ! Любуйся теперь!

Затѣмъ разгнѣванная графиня быстрой походкой выходитъ изъ студіи.

Ксаня въ недоумѣніи, молчитъ, ничего не понимая, почему такъ разсердилась графиня.

Подходитъ Ксаня къ картинѣ, смотритъ: огромная дыра вмѣсто глазъ, лицо изуродовано. Ксаня пожимаетъ плечами. Неужели все это изъ-за нея?

— Ха, ха, ха, ха!—проносится рѣзкими звуками надъ ея ухомъ.—Любуетесь своимъ изображеніемъ? Ха! Ха! Ха!

Передъ Ксаней Наль. Собственно говоря — Николай, молоденькій графъ Николай Хвалынскій. Но родители и сестры прозвали его нѣжнымъ именемъ «Наль». Вѣдь онъ

такой нѣжненькій и хрупкій, точно цвѣтокъ. Но цвѣтокъ, полный яда. Злой цвѣтокъ. И губы у него тонкія и злыя, и язычокъ, какъ жало, и глаза. Глаза совсѣмъ уже недобрые, хоть и красивые, какъ у сестры Наты. За нимъ стоитъ Вѣра. Эта, если и не жалитъ, то потому только, что боится. Она слабенькая и трусливая. Но сердце у нея отъ этого не мягче.

— Наль, картина испорчена! — говоритъ она, — неправда-ли?

Наль смѣется и облизываетъ тонкимъ, жалящимъ язычкомъ малиновыя губы.

Ксаня больше всего не терпитъ его за эту привычку. Въ ней есть что-то противное. И сейчасъ вынести ее безъ ѣдкой злобы у нея нѣтъ силъ.

— Ты—баринъ,—говоритъ Ксаня,—ты—графъ, графскій сынъ, а манеры у тебя, какъ у мужика, право.

— Что-о-о-о! Сама ты мужичка и колдунья! Да, да, колдунья!..—говоритъ Наль.—Лѣсовичка ты! И не только лѣсовичка, но и дура...

— Да, лѣсовичка!—поддакиваетъ Вѣра и прячется за спину брата.

Глаза Ксани вспыхиваютъ. Ноздри раздуваются.

— Что ты сказалъ?—сердито, громко спрашиваетъ она и дѣлаетъ два шага впередъ. Затѣмъ еще два.

Графчикъ Наль отскакиваетъ къ окну передъ нею.

— Повтори, что сказалъ?!

Наль храбрится.

— Дура! Дура, мужичка! Вотъ что сказалъ!

— Конечно дура!—повторяетъ за нимъ Вѣра и юркаетъ въ уголъ.

— Не боюсь тебя!—уже въ голосъ кричитъ Наль,—не боюсь необразованной мужички, ты... ты... глупая, дикая... и колдунья. Твоя мать...

— Что сдѣлала моя мать?

И Ксаня дѣлаетъ еще шагъ, подвинувшись къ мальчику.

Она спокойна. О, она спокойна! Только краска отлила отъ ея щекъ, да глаза, какъ угольки, мечутъ и бросаютъ пламя.

— Что моя мать?—почти задохнувшимися звуками вылетаетъ изъ ея устъ.

— Вѣдьма она, твоя мать, вотъ кто!—тѣмъ-же полнымъ ненависти и злобы крикомъ ярости бросаетъ Наль.

— Вѣдьма и колдунья!—вторитъ ему Вѣра изъ своего угла.

Что-то непостижимое произошло въ ту-же минуту. Блестящіе лакированные сапожки графа Наля мелькаютъ въ воздухѣ. Громкій вопль оглашаетъ комнату и, прежде чѣмъ мальчикъ могъ опомниться, онъ летитъ въ окно. Сильныя руки Ксани, успѣвшія перехватить его поперекъ туловища, дѣлаютъ вольтъ въ воздухѣ, и тщедушная фигурка Наля, смѣшно подрыгивая своими франтовскими сапожками, перескакиваетъ черезъ подоконникъ удивительнымъ прыжкомъ.

Подъ окномъ растетъ крапива.

Молоденькій графчикъ убѣждается въ этомъ сейчасъ-же. Пронзительный вопль доносится изъ сада. Очевидно, жгучее растеніе не очень-то гостепріимно приняло въ свои объятія зазнавшагося мальчика.

Ксаня торжествуетъ. Ея грудь вздымается бурно и высоко. Руки сами собой скрещиваются на груди. Она удовлетворена.

— Это за маму!—говоритъ, пылая, восточные глаза, но тутъ они замѣчаютъ притихшую за высокой спинкою кресла Вѣру, присѣвшую со страха на полъ.

Минута, и Ксаня очутилась передъ ней:

— Слушай ты,—тряся за плечи онѣмѣвшую со страха дѣвочку, произнесла она,—скажи своему брату, да и сама запомни, если когда-либо осмѣлитесь еще тронуть мою мать, я поговорю съ вами по-другому...

Она потрясла еще разъ за плечи обезумѣвшую со страха дѣвочку и вытолкала изъ комнаты.

— Вотъ это мило!.. Точно прекрасная глава изъ романа «Расправа лѣсной колдуньи» или «Месть очаровательной Сибиллы»... Нѣтъ! За подобную штукенцію примите мою почтительнѣйшую уваженцію, мадмуазель!

И однимъ ловкимъ прыжкомъ перепрыгнувъ черезъ окно студіи, Викторъ очутился верхомъ на стулѣ, стоявшемъ посреди комнаты.

— Витька!—обрадовалась ему Ксаня.

— Мы-съ!—важно протянулъ мальчикъ.—Имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ, какъ ты расправилась съ этимъ несноснымъ графчикомъ и какъ читала наставленіе его сестрѣ... Великолѣпно! Я преклоняюсь... Ты поступила, какъ благородный рыцарь, заступившись за твою мать... Но только это тебѣ такъ не пройдетъ... Въ огонь тебя, конечно, не бросятъ, примѣру мужиковъ не послѣдуютъ... На первый разъ, пожалуй, даже все кончится строгимъ выговоромъ. Но если ты будешь такъ продолжать, то, ручаюсь, тебя выгонятъ обратно въ лѣсъ...

— Врешь!—недовѣрчиво и радостно вскричала Ксаня.

— Ну, тамъ вру или не вру, а помяни мое слово, что быть тебѣ отсюда, изъ графской усадьбы, протуре!.. Ну, а теперь, пока графчики найдутъ графиню, чтобъ пожаловаться ей, да пока графиня разберетъ въ чемъ дѣло и пожалуетъ сюда, чтобъ сдѣлать тебѣ надлежащій выговоръ, мы начнемъ нашъ урокъ...

— Да нужно-ли это, Викторенька?

— Ей Богу нужно, Ксаненька! Во-первыхъ, ты графиню Нату одобряешь и ей поперекъ горла стать не пожелаешь... Въ день ея именинъ, когда всѣ сдѣлаютъ ей какой-нибудь сюрпризъ, должна-же ты приготовить ей что-нибудь. А во-вторыхъ, когда всѣ будутъ плясать на балу, не можешь-же

ты сидѣть, какъ медвѣдица въ берлогѣ, и лизать лапу. Пониме? А тѣмъ болѣе разъ и я приглашенъ на этотъ балъ. И притомъ я не хочу имѣть другой дамы, кромѣ тебя!.. А вѣдь я такъ пляшу, что небу жарко... Одна нога тутъ, а другая въ Соневкѣ, за три версты. Словомъ, замѣчательный танцоръ! Разъ въ мазуркѣ такое s'il vous plaît выкинулъ, что каблукомъ нашей Митридатѣ въ носъ заѣхалъ... Ей Богу! Три недѣли съ пластыремъ ходила и избѣгала сморкаться. Вотъ какой я танцоръ! Тятенька мой и то говоритъ: «Эхъ, Витька, отдать бы тебя въ балетъ лучше было бы»... Ты знаешь, отчего лучше? У меня на экзаменахъ далеко не все благополучно было этой весной. Какая-то шальная двойка среди отмѣтокъ очутилась. Откуда — самъ не знаю... Да не въ этомъ, впрочемъ, дѣло... Ну-же, валяй. Съ вальса начнемъ... Разъ... два... три... разъ... два... три...

Подхвативъ Ксаню, Викторъ завертѣлся съ нею по комнатѣ.

— Хорошо! Молодчинища! Точно родилась на паркетѣ.. Съ трехъ уроковъ танцуешь какъ фея... Ей Богу!.. Ну, еще... такъ... Правой... лѣвой... трала... ла... ла... ла... Ахъ, стой... Подсматриваетъ кто-то за дверью! Стой!

И, прежде чѣмъ Ксаня успѣла опомниться, Викторъ подскочилъ къ двери и стремительно распахнулъ ее.

— Ай-ай-ай-ай! Да что ты! Ополоумѣлъ что-ли, мой батюшка?

И Василиса Матвѣевна, какъ мячикъ, отскочила отъ двери, въ скважинку которой она подсматривала до этой минуты за танцующей парой. Но — увы!—было поздно. Катастрофа застигла ее довольно-таки неожиданно. Предательское пятно, оставленное слѣдомъ стремительно раскрытой двери, краснѣло на ея лбу.

— Аль ты рехнулся, мой батюшка! Вотъ постой, я

пожалуюсь графинѣ, что вы, ровно бѣшеные, у нея съ лѣсовичкой по студіи носитесь...

— У-у-у! Боже васъ сохрани, Секлетея Горлодеровна! Боже васъ упаси!—таинственнымъ шопотомъ, съ умышленно округленными какъ-бы отъ ужаса глазами прошепталъ Викторъ,—да она васъ со свѣту сживетъ, лѣсовичка эта... Вѣдь эхидна она!.. Пріемная дочка дьявола, лѣшаго племянница, внучка домового, кума водяного, и еще чья-то изъ нечистыхъ кузина! Она погубитъ васъ не за грошъ за это!.. Она чего-чего на васъ не напуститъ!.. Вѣдь она каждую ночь съ лѣшимъ подъ ручку изъ трубы вылетаетъ и по крышѣ съ нимъ, какъ по саду, прогуливается. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Чуръ меня, самъ видѣлъ!

И Викторъ такъ искренно и правдоподобно сталъ отплевываться, что Василиса не могла не повѣрить. Она забыла даже побранить юношу за нелестное прозвище «Секлетеи Горлодеровны» и за синякъ на лбу. Ея глаза, расширенные отъ ужаса, такъ и впились въ него. Она замѣтно поблѣднѣла и измѣнилась въ лицѣ.

— Въ трубу, говоришь?—скорѣе угадалъ, нежели услыхалъ Викторъ ея задавленный шопотъ.

— Обязательно!.. Подъ ручку... и хвостикомъ вотъ этакъ... вотъ этакъ... и глазки у нея вотъ такъ... вотъ такъ!

И Витя показалъ, какъ дѣлала вѣдьма глазами и хвостикомъ, вылетая въ трубу.

— Тьфу!—могла лишь отплюнуться Василиса и поспѣшила на кухню разсказать тамъ все, что узнала только что про колдовскую дѣвчонку.

— Нѣтъ, безпремѣнно ее надо выжить изъ дома,—рѣшила старуха по дорогѣ.—Двадцать лѣтъ живу въ домѣ, отъ господъ графовъ, можно сказать, превыше мѣры отличена, а служить вѣдьминой дочкѣ приходится!.. Да еще

оскорбленія отъ нея терпѣть... Нѣтъ, не бывать тому!.. Выживу лѣсовичку, какъ Богъ святъ, выживу изъ графскаго дома... Ужъ придумаю что-нибудь... Возьму грѣхъ на душу, чтобы и себя, и господъ своихъ отъ чаръ ея спасти... Вѣдь околдовала она насъ... Какъ есть околдовала лѣсовичка проклятая!

И угрюмая, сосредоточенная Василиса поплелась на кухню.

А въ огромной студіи сѣроглазый красивый юноша и лѣсная колдунья, давясь отъ смѣха, снова возобновляли прерванный урокъ танцевъ.

ГЛАВА X.

Досада Наты.—Двадцать шестое.—Сюрпризъ графини.

ОТЧЕГО ты такъ молчалива? — пристаетъ Ната къ Ксанѣ.

— Я не знаю... — отвѣчаетъ та.

— Постой. Сядь сюда... Скажи, глядя мнѣ прямо въ лицо, любишь ты меня?

— Я не знаю...

— Смѣшно. Развѣ мы не друзья?.. Смотри мнѣ въ глаза... Ты говорила, что я спасла тебѣ жизнь. А сама ты спасла мою жизнь... Значитъ любишь? Зачѣмъ-же ты такъ молчалива со мной?

— Про что разговаривать?

— Ксенія, милая.... Мы стали говорить другъ другу «ты»... мы друзья... Будь же со мною откровенна и проста... Скажи, что гложетъ тебя, Ксаня?

Ксаня молчитъ.

Уныло шлепаетъ о кровлю дождикъ. Сѣрыя тучи ползутъ по небу, хмурыя, угрюмыя, гордыя своей мрачной и могучей красотой.

Осенью уже пахнетъ въ природѣ. Конецъ августа. Скоро и осень придетъ. Отъ постоянной сырости и дождей поблѣднѣла Ната, осунулась и кашляетъ все время.

Графъ и графиня видятъ, что не жилица на свѣтѣ ихъ Ната. Зачахнетъ она здѣсь какъ хрупкій южный цвѣтокъ. И рѣшили, что тотчасъ послѣ своихъ именинъ, послѣ 26-го, Ната уѣдетъ, какъ перелетная ласточка на югъ, къ синему небу и солнцу. Но 26-е проведетъ въ Розовомъ. Будетъ балъ, съѣдутся сосѣди. Будутъ костюмированные въ маскахъ танцовать на лужайкѣ, освѣщенной электричествомъ, подъ звуки большого оркестра, выписаннаго изъ города. Графъ отпустилъ на устройство бала большую сумму. Онъ вполнѣ согласился съ графинею, что надо показать сосѣдямъ, что они вовсе еще не разорены. Этотъ праздникъ выдумала сама графиня для Наты. Ната ждетъ съ нетерпѣніемъ этого праздника, ждетъ и боится какъ бы дождь не помѣшалъ ему. Вѣдь если 26-го будетъ дождь, балъ подъ открытымъ небомъ будетъ отмѣненъ и тогда, тогда все пропало.

У Наты, любящей музыку, танцы и цвѣты, сжимается сердце при одной мысли о томъ, что праздникъ отмѣнится. Все ее раздражаетъ поэтому сегодня, обычно кроткую и тихую Нату. А лѣсовичка эта больше всѣхъ и всего... Отчего она такая угрюмая сегодня? Вѣдь она, Ната, отдала ей всю душу. Она любитъ ее больше всего послѣ Жюли. Жюли ей какъ мать. Жюли съ нею десять лѣтъ непрерывно. Графиню-мать она видитъ теперь послѣ десятилѣтней разлуки. Отвыкла отъ нея. А Жюли для нея, Наты, какъ воздухъ, и она любитъ Жюли точно самую близкую, родную. Но недавно она полюбила и эту черноглазую лѣсную дѣвушку. Отчего же Ксаня не отвѣчаетъ ей?

— Слушай, лѣсная фея, — говоритъ Ната и смѣется сквозь слезы,—милая, я уѣду скоро и можетъ быть умру... Тебѣ жаль меня?.. Ты будешь за меня молиться?

— Я не умѣю молиться!—лепечетъ Ксаня.

— Какъ, не умѣешь?

— Нѣтъ!

— Я научу тебя... Вѣдь я люблю тебя...

И блѣдная Ната обнимаетъ дѣвочку.

Лѣсовичка молчитъ. Ей тяжело отъ этой ласки. Она ни любить, ни молиться не умѣетъ... Охъ, отпустили-бы ее на волю!

Не пускаютъ... Стерегутъ... Гулять даже не пускаютъ дальше сада. Боятся, что она убѣжитъ... Особенно боится Ната. Ея большіе «святые» глаза такъ и стерегутъ ее. Да какъ же ей любить ее, свою стражу?..

— Язычница!—шепчетъ Ната,—не умѣешь молиться, ни привязываться, ни дружить!..

Ей, болѣзненной, кроткой и слабой, въ благодарность за дружбу, такъ хотѣлось-бы любви, привязанности этой сильной, своеобразной, гордой дѣвочки! Но напрасно...

И Ната плачетъ, что чуть не первый разъ въ жизни ей не хотятъ подчиняться... Слезы, одна за другой, льются изъ глазъ блѣдной дѣвочки. Она плачетъ, горько плачетъ. Ей и больно, и обидно, что лѣсовичка, несмотря на ея старанія, отталкиваетъ ее, не желаетъ принять ее ни своею подругою, ни покровительницею...

И дождикъ за окномъ, мучительный, нудный, тоже какъ-будто плачетъ... Тяжело отъ него на душѣ...

Къ утру, впрочемъ, заголубѣло небо. Солнце застѣнчиво выглянуло сквозь сѣрыя облака и кругомъ прояснилось. Къ 11-ти утра стало жарко.

Именинница, объ руку съ матерью и Ксаней, выходила изъ маленькой деревенской церкви, гдѣ Ната горячо моли-

лась о томъ, чтобы прошла у нея нудная, рѣжущая боль въ боку и груди, чтобы утихъ удушливый ночами кашель и... чтобы черноокая, красивая, но дикая и упрямая, дѣвочка, стоявшая съ нею рядомъ все время службы, полюбила ее.

Крестьяне низко кланялись, провожая нарядныхъ господъ любопытными взорами.

— И лѣсовичка съ ними! И лѣсовичка! Глянь-кась какъ окручена! Словно-де барышня!—шушукались бабы, жадно впиваясь глазами въ Ксаню.

Она была этотъ разъ вся въ бѣломъ. Но легкая воздушная кисея не подходила къ ея приземистой, сильной фигурѣ. И только алая лента, перехватывавшая ея кудрявую голову, рѣзко, рельефно подчеркивала юную, дикую, своеобразную, яркую красоту.

Графиня Марья Владиміровна искоса поглядывала на обѣихъ дѣвушекъ, слѣдуя за ними. Въ груди ея глухо наростало раздраженіе и недовольство на лѣсовичку.

— Какая сухость, какая черствость!—мысленно повторяла графиня.—Ната такъ и льнетъ къ ней, такъ и льнетъ, а она хоть бы улыбнулась, хоть бы приласкалась разокъ... Нѣтъ, деревяшка она!.. Дикая, тупая, безчувственная дѣвчонка!

П она косо, сердито поглядывала на Ксаню.

Косо, сердито поглядывали на нее и крестьяне.

— Ишь залетѣла ворона не въ свои хоромы,—глухо роптали они,—барышню корчитъ... Вишь вырядилась, фря этакая, чортова кукла!

И съ ненавистью посматривали на дѣвочку.

* * *

Цѣлый день устраивали площадку для бала. Къ вечеру съѣхались гости, окрестные помѣщики, съ женами и дѣтьми. Что-то диковинное представилось ихъ взорамъ. Среди

лужайки, окруженной цѣлою гирляндой фонарей, былъ сдѣланъ большой, деревянный помостъ, въ видѣ круга, натертый воскомъ, съ уставленными на немъ по краямъ мягкими скамейками, диванчиками и креслами. Это было мѣсто, предназначенное для танцевъ. Межъ кустовъ боярышника были разбросаны шатры, пестрые и нарядные, яркими пятнами выдѣляющіеся изъ зелени деревьевъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣстились музыканты, въ другомъ былъ открытый буфетъ и т. д. Все было залито электричествомъ. А тамъ, дальше, во мракѣ, стояли молчаливыя деревья и кусты, темные, жуткіе, похожіе на призраки въ темнотѣ августовской ночи...

Ровно въ десять въ полосатомъ шатрѣ оркестръ грянулъ полонезъ, и изъ дома, по главной аллеѣ, ведущей къ кругу, потянулись пары. Впереди всѣхъ шла графиня Хвалынская съ какимъ-то сановнымъ старичкомъ. На ней было бархатное платье. Ея изящныя, маленькія руки, шея и уши были унизаны драгоцѣнными камнями—послѣдняя роскошь начинавшихъ разоряться графовъ Хвалынскихъ. За первой парой шла вторая: графъ Денисъ Всеволодовичъ съ пожилой сосѣдкой по имѣнію, когда-то блестящей придворной дамой. За ними шли костюмированныя и некостюмированныя пары. Пріѣхавшіе, въ числѣ гостей, изъ губернскаго города, находившагося въ ста верстахъ отъ Розоваго, драгунскіе офицеры съ чисто военной выправкой, бряцая шпорами, вели своихъ дамъ подъ плавные звуки полонеза.

Дочери и жены окрестныхъ помѣщиковъ, которымъ рѣдко выпадало на долю повеселиться въ лѣтнее время въ медвѣжьей глуши, приложили всѣ свои старанія, чтобы закостюмироваться какъ можно интереснѣе и лучше. Кого, кого тутъ не было! И очаровательныя феи весны, лѣта и зимы, и ночь прекрасная, какъ восточная царица, и томная турчанка съ тоскующими очами, и быстроглазая цыганка, и красавецъ-

Изъ горящаго пламени появилась группа изъ двухъ фигуръ...

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

бандитъ, и неизбѣжные Пьерро и Коломбина. Но больше всѣхъ выдѣлялся Мефистофель. Весь затянутый въ красное трико съ полумаской на лицѣ, ловкій, бѣснующійся и изворотливый, какъ кошка, онъ поражалъ и очаровывалъ всѣхъ. Даже совсѣмъ юныя существа, Амуръ и Психея, съ крылышками за плечами, съ локонами вдоль нѣжныхъ щекъ, надменные Наль и Вѣра,—и тѣ не спускали глазъ съ интереснаго Мефистофеля, то неожиданно подпрыгивающаго въ полонезѣ, какъ мячикъ, то плавно скользящаго, чуть-ли не пригибаясь къ самой землѣ.

Пары приблизились къ кругу.

Оркестръ прервалъ мелодію. Въ ночномъ воздухѣ, насыщенномъ электричествомъ, нѣжно прозвучалъ голосъ графини:

— Прошу минуту вниманія передъ открытіемъ бала...

И графиня махнула бѣлымъ платкомъ.

Электрическій свѣтъ потухъ разомъ. Стало темно на огромномъ кругу. Только мерцающій звѣздами куполъ неба лилъ свой матовый тихій фантастическій свѣтъ. Разъ! Два! Три! И по новому сигналу графини въ одномъ изъ находящихся въ тѣни кустовъ углу запылалъ желтовато-красный, бенгальскій огонь. Онъ охватилъ разомъ площадку, закостюмированную группу и толпу крестьянъ, оцѣпившихъ кругъ и жадно любующихся графскимъ праздникомъ. На помостѣ, среди горящаго пламени, какъ въ чудной и таинственной сказкѣ, появился бѣлый ангелъ съ серебряными крыльями, воздушный, хрупкій ангелъ, прелестный и нѣжный, какъ далекая неопредѣлившаяся еще греза.

Это была графиня Ната.

Рядомъ съ ангеломъ стояла другая фигура, пониже его ростомъ, въ ярко красномъ съ чернымъ покрываломъ, въ древнихъ сандаліяхъ на ногахъ, съ обнаженными, перевитыми металлическими змѣями смуглыми руками. Черный каскадъ

струящихся косъ спускался до пятъ вдоль сильной, крѣпкой дѣвичьей фигуры. Въ черныхъ, оттѣняющихъ синевой, волосахъ, волнующихся, пушистыхъ, запутались зеленыя травы, желтые листья и цвѣты лютиковъ и дикой гвоздики. Въ рукахъ клюка. Маленькая сова съ неподвижными круглыми глазами на одномъ плечѣ, летучая мышь съ распростертыми крыльями—на другомъ.

— Лѣсная колдунья!—вырвалось восторженнымъ возгласомъ изъ толпы гостей.

— Лѣсовичка!—пронеслось гулкимъ рокотомъ по рядамъ крестьянъ.

— Красота! Великій Боже! Что за красота!—прозвенѣлъ чей-то потрясенный голосъ.

— Красота безъ единой улыбки! Мертвая красота,—отвѣчалъ другой.

— О, нѣтъ! Вовсе не мертвая! Посмотрите, какъ горятъ ея глаза!.. Графиня, откуда эта красавица?

Довольная эффектомъ ея затѣи, графиня отвѣчала:

— Такъ, дѣвочка изъ лѣса, пріемышъ, воспитанница. Не дурна, но дика и своевольна, какъ звѣрекъ.

Но вотъ потухъ горящій кустъ, и одновременно вспыхнуло электричество. Снова неясный далекій свѣтъ звѣздъ сталъ блѣденъ и жалокъ при праздничномъ роскошномъ сіяніи.

Оркестръ грянулъ вальсъ.

На бальномъ кругу первыми появились высокій бѣлый ангелъ и приземистая лѣсная колдунья.

ГЛАВА XI.

Чары лѣсной колдуньи. — Неудавшаяся интрига.—Замыселъ лѣсовички.

ОТЧЕГО ты не танцуешь, красавица-колдунья? Гляди, всѣ смотрятъ на тебя, любуясь... Но твой взоръ такъ мрачно-трагиченъ, что никто не рѣшается къ тебѣ подойти! А между тѣмъ всѣ эти красивые, блестящіе офицеры атакуютъ бѣднаго чорта, спрашивая, не можетъ-ли онъ уговорить чаровницу-колдунью танцовать съ ними.

И красный Мефистофель, приподнявъ свою шапочку, съ самымъ изысканнымъ видомъ раскланивался передъ Ксаней.

— Витька!

И на мигъ мрачные глаза колдуньи прояснились.

— Слушай!—сказала Ксаня, порывисто схвативъ за руку своего друга.—Слушай, Витька! Вѣдь лѣсъ такъ близко отсюда, а я съ тѣхъ поръ, какъ живу у графовъ, еще никогда не была въ лѣсу, въ избушкѣ у дяди... у Васи... Ахъ! сбѣжать-бы съ круга—вѣдь всего нѣсколько шаговъ...

— Передъ носомъ, хочешь ты сказать.—И Викторъ-Мефистофель протяжно свистнулъ.—А все-таки сбѣжать съ круга тебѣ не удастся... Десятки глазъ слѣдятъ за тобою... Я слышалъ, какъ вонъ тотъ длинный, какъ верстакъ, драгунъ сказалъ графу про тебя: «Я въ жизни не видалъ ничего такого. Это рѣдкая красавица». И потому тебѣ нельзя ни на шагъ уйти... Сейчасъ замѣтятъ... Ну, рѣдкая красавица, пойдемъ со мною, докажемъ всѣмъ этимъ господамъ, что ты и рѣдкая плясунья.

— Ахъ, нѣтъ, уйди, не хочу я!

Ея огромные глаза впивались въ темноту, въ неосвѣщенный электричествомъ уголъ площадки, гдѣ царила унылая мгла.

— Не хочешь плясать!—съ неудовольствіемъ протянулъ Мефистофель. — Какой комаръ тебя укусилъ?.. Всѣ мои старанія, какъ твоего профессора танцевъ, значитъ, пропали даромъ! Такъ! Этого я, признаюсь, не ожидалъ!.. Стѣсняешься, что-ли? Но вѣдь ты танцуешь, какъ богиня. Ни этой Вѣркѣ, ни твоей слащавой Натѣ до тебя не дотянуться. Онѣ прыгаютъ, какъ козы въ сарафанахъ. У нихъ точно ноги деревянныя... А ты... ты... за тебя я не боюсь... Ксаня! Пойдемъ же со мной, потѣшь своего учителя... Голубушка!

— Убирайся!—грубо оборвала та. А глаза ея все время, не отрываясь, глядѣли и глядѣли въ чащу.

Раздосадованный Викторъ отошелъ отъ нея.

— И говорить-то я съ тобой больше не желаю!—буркнулъ себѣ подъ носъ разсерженный Мефистофель.

— А, monsieur Викторъ! Кажется, лѣсная колдунья натянула вамъ носъ?—И двѣнадцатилѣтняя графиня Вѣра просунула свою маленькую ручку подъ руку Мефистофеля.— Я видѣла, какъ вы приглашали ее, и какъ она васъ оттолкнула, васъ, лучшаго танцора!

— Правда, графинюшка, она меня оттолкнула.

И красный Мефистофель покорно склонилъ передъ розовой Психеей-Вѣрой свою красивую голову, въ то время какъ въ кудрявой головѣ зрѣло быстрое рѣшеніе.

— Васъ, перваго танцора, оттолкнула!—еще разъ произнесла графиня Вѣра и томно склонила свою пепельную головку на плечо Виктора.

— Да, меня! — съ комическимъ вздохомъ протянулъ тотъ.

— Бѣдный!—и лукавая дѣвочка заискивающе заглянула въ его глаза.—Да какъ же она смѣла!

— О, графиня!.. Какъ же она могла поступить иначе? Она не умѣетъ танцовать.

— Не умѣетъ?

— Ну, развѣ только съ лѣшими у себя въ чащѣ... Или вы не видите, что эта расфуфыренная дикарка тяжела, какъ слонъ? Даромъ, что она хороша, какъ картина.

— Развѣ хороша?

И въ малокровномъ, безвременно увядшемъ личикѣ графини Вѣры мелькнула зависть.

— Очень хороша!—съ самымъ почтительнымъ видомъ произнесъ Викторъ.—Впрочемъ, это всѣ здѣсь говорятъ.

— Лучше меня?

Большіе, сѣрые глаза Вѣры широко раскрылись.

— Лучше, графиня,—прозвучалъ печальный отвѣтъ.

— А!—взоръ Вѣры завистливо и сердито блеснулъ.—Но танцуетъ она худо?

— Никакъ не танцуетъ! Просто рѣзвящійся гиппопотамъ!

— Вотъ какъ! Ахъ, какъ это было бы хорошо, если бы можно было ее все-таки заставить танцовать съ кѣмъ-нибудь,—воскликнула Вѣра.—Вотъ вышла бы потѣха!.. Всѣ преклоняются передъ ея красотой, а вотъ, увидавъ, какъ эта красавица пляшетъ, всѣ стали бы смѣяться... Это было бы великолѣпно!.. Викторъ, вы должны это устроить, непремѣнно должны... Пусть протанцуетъ хоть разъ... Уговорите ее... Вотъ-то будетъ смѣшно!.. — злорадствуя повторяла Вѣра.—У меня есть танцоръ для нея... Тутъ, напротивъ, стоитъ князь Муратовъ... Подведите его къ Ксанѣ. Онъ сейчасъ только восторгался ею... Пусть же чувствуетъ, какъ хороша въ танцахъ эта тумба... Подведите его къ ней...

— Охотно, графиня!—И, проскользнувъ мазуркой по кругу, Викторъ подлетѣлъ къ блестящему драгунскому адъютанту и, взявъ его подъ руку, повлекъ въ дальній уголъ площадки.

— Князь, я слышалъ — вы восторгались нашей лѣсной колдуньей,—обратился Викторъ къ блестящему драгунскому корнету.—Хотите быть представленнымъ ей?

— О, премного обяжете, mon cher!

И князь заскользилъ о-бокъ съ Викторомъ по натертому воскомъ кругу.

— Ксенія!—произнесъ Викторъ, низко склоняя передъ Ксаней свою кудрявую голову,—вотъ князь Муратовъ желалъ быть представленнымъ вамъ,—и тихо тутъ же добавилъ,—если ты не пойдешь съ нимъ танцовать, то знай, мы съ тобой враги на всю жизнь!

Впрочемъ и безъ этого внушенія Ксанѣ нельзя было бы отказаться. Сильная рука Муратова, обтянутая бѣлой лайкой, живо обхватила ея станъ, и они понеслись въ вальсѣ.

Танцующія пары остановились при видѣ вальсирующихъ... Угловатая застѣнчивость лѣсовички разомъ куда-то пропала, исчезла, какъ по волшебству. Дикая, своеобразная грація Ксани сквозила теперь въ каждомъ ея движеніи, законченномъ и стройномъ. Отъ ея черныхъ кудрей, съ запутавшимися въ нихъ цвѣтами, тянулся нѣжный ароматъ... Быстрая, легкая, она носилась по кругу огненнымъ видѣніемъ, чуть касаясь ногами земли... Звуки музыки напоминали ей звонъ родимаго лѣсного ручья и трескъ кузнечиковъ въ чащѣ... Самый лѣсъ выглядывалъ на нее изъ темноты... Она забылась... Нарядная толпа, гости, площадка — все перестало существовать для Ксани. Ей чудилось, что лѣсные эльфы позвали ее на свой праздникъ, и она кружится съ ними безъ конца...

— Какъ она великолѣпно танцуетъ! Какъ она артистически танцуетъ, эта прелестная дикарка!—слышался восхищенный шопотъ вокругъ нея.

— Гдѣ ты выучилась такому искусству, дитя? Безподобно! Не ожидала! Столько граціи! Прелесть!—успѣла ей

шепнуть на ухо графиня, недоумѣвающая, почти растроганная этимъ пріятнымъ сюрпризомъ.

Въ это же время въ углу круга графиня Вѣра, чуть не плача, шептала Виктору, капризно подергивая губами:

— Вы это нарочно... нарочно... придумали, чтобы меня доконать... Злой вы! Вы знали, что она великолѣпно танцуетъ и хотѣли только позлить меня... Я папà пожалуюсь... Она прекрасно танцуетъ.

«А вы думали худо?!.—расхохотался мысленно Викторъ,—да, какъ же, выдамъ я вамъ на посмѣяніе Ксаньку, ждите!»—И тутъ же добавилъ вслухъ съ усмѣшкой:

— Ну, что вы нашли хорошаго... графиня!.. Такъ, скачетъ себѣ, какъ блоха... Не велико ея искусство...

И отошелъ торжествующій и удовлетворенный своей местью...

* * *

Ксаня, чуть не задохнувшаяся, разгоряченная, сидѣла въ уголку круга, куда ее примчалъ блестящій драгунскій корнетъ. Ея глаза, слегка затуманенные отъ быстраго кружения въ вальсѣ, снова впились въ чащу.

«Вотъ если сейчасъ спрыгнуть съ площадки, то попадешь въ темную полосу,—вихремъ проносилось въ мысляхъ лѣсовички,—нѣсколько прыжковъ туда, въ кусты... нагнуться только... А тамъ, въ кустахъ пробраться дальше, дальше, и никто не замѣтитъ, какъ очутишься въ лѣсу! Въ лѣсу! Въ желанномъ! Попробовать развѣ?»

Сердце ея сжалось... Потомъ застучало, такъ застучало, точно хотѣло выскочить изъ груди... И вдругъ ее бросило въ жаръ, быстро, неожиданно, отъ одной мысли. «А какъ попасть къ Васѣ, въ сторожку? Дядя сейчасъ на обходѣ и навѣрное, по обыкновенію, Васю заперъ на ключъ... Какъ попасть безъ ключа къ нему, въ лѣсной домикъ?» Даже голова закружилась у Ксани... Ей такъ хотѣлось хоть на

самое короткое время вырваться въ лѣсъ, въ милую, старую обстановку, въ лѣсной домикъ, къ Василію, къ другу... Хоть на часокъ, на полчаса, на минутку одну! Вѣдь больше мѣсяца живетъ она здѣсь, въ усадьбѣ, и не знаетъ, не вѣдаетъ о томъ, что творится тамъ, въ лѣсной сторожкѣ. Что подѣлываетъ Вася? Должна же она повидать его! Вѣдь онъ ея единственный другъ, ея наставникъ, ея учитель. Если она кого-либо на свѣтѣ въ состояніи полюбить, такъ только его, Васю... И съ тѣхъ поръ, какъ она въ графскомъ домѣ, все чаще и чаще она думаетъ о немъ... Василій не Ната; онъ никогда не говоритъ ей, какъ графинюшка: «будь моимъ другомъ, полюби меня». А за что ее полюбить и какъ полюбить? Она счастливая! У нея все есть: и наряды, и кушанья сладкія, и родители заботятся о ней, не даютъ на нее вѣтру пахнуть... За что ее любить? А вотъ Василій, Вася, хромой, жалкій, голодный всегда! Ужъ если надо кого любить на свѣтѣ, такъ его, обездоленнаго, жалкаго калѣку... Ахъ, повидать бы его!.. Но если даже и сбѣжать въ лѣсъ,—безъ ключа не войти въ сторожку. Не попасть. Запертъ Вася!

Вдругъ вспомнила Ксаня, что у графини на туалетѣ лежатъ ключи, цѣлая связка ключей отъ какихъ-то сундуковъ, чулановъ и кладовыхъ. Захватить бы съ собою. Можетъ хоть одинъ подойдетъ къ сторожкѣ... Да, да, подойдетъ! Навѣрно! Взять бы только!..

Взоръ Ксани загорѣлся, блеститъ. Новая мысль такъ и прожигаетъ мозгъ, такъ и сверлитъ душу: «Пробраться въ комнату графини, захватить ключи и съ ними въ лѣсъ, бѣгомъ туда, бѣгомъ обратно... Къ концу бала вернуться... Никто и не замѣтитъ... Никто! Всѣ танцуютъ, заняты своимъ весельемъ. Даже Ната, и та, забывъ про свою больную грудь, носится въ вихрѣ вальса»...

— Ксаня! Туръ вальса со мною.

И красный Мефистофель снова, какъ изъ-подъ земли,

выросъ передъ ней. Она кружится съ нимъ, какъ безумная. Но мысль ея кружится еще быстрѣе...

— Молодецъ! — лепечетъ Викторъ, — пляшешь, какъ богиня. Не посрамила меня! Спасибо. Сейчасъ къ тебѣ вонъ тотъ ротмистръ подойдетъ. Онъ лучше всѣхъ здѣсь танцуетъ. Какъ дьяволъ носится... Но что это?! Куда ты?! Стой!.. Ксенія! Ксаня! Куда?

Но она не отвѣчаетъ. Ловко и быстро выскользнула она изъ-подъ его руки и уже мчится по освѣщенной аллеѣ прямо къ графскому дому, не останавливаясь.

У крыльца дома она переводитъ дыханіе. Тамъ уже прислуга накрываетъ столы къ ужину.

— Куда, лѣсная барышня? Бѣжите, точно украли что,— язвитъ старый дворецкій, который не можетъ простить ей того, что она, пріемышъ лѣсного сторожа, обѣдаетъ за однимъ столомъ съ его господами, и онъ, старый, сѣдой Ѳома, долженъ прислуживать ей.

— «Украла»!

Ксаня вздрагиваетъ.

О, нѣтъ, она ничего не украла! И не украдетъ. Она только на время возьметъ ключи графини, чтобы попасть въ сторожку къ Васѣ. Развѣ это кража! Воръ тотъ, кто беретъ тихонько, безъ отдачи,—какъ мужики, которые рубили лѣсъ и увозили деревья изъ-подъ носа у отца. А она не воровка. Она вернетъ, положитъ на мѣсто. Да и потомъ ключи не драгоцѣнность... Нѣтъ, нѣтъ!.. Тысячу разъ нѣтъ,—не воровать она идетъ...

Насмѣшливые голоса прислуги заглохли въ отдаленіи... Вотъ прохладная, съ настежь растворенными окнами, зала... Вотъ длинный коридоръ... Вотъ и комната графини...

Ксаня съ трепетомъ переступаетъ ея порогъ. Вотъ пышный, весь увитый кружевами туалетъ изъ розоваго атласа. Ксаня бросаетъ на него тревожный взглядъ. Въ два скачка

она у туалета. Венеціанское рѣзное зеркало отражаетъ ея лицо, блѣдное, взволнованное, отражаетъ и ея растрепанную голову, и ея малиновыя губы.

Ключи, какъ она предвидѣла, здѣсь. Они лежатъ на самомъ краю туалета, подлѣ прелестной брилліантовой брошки, въ видѣ бабочки—самаго цѣннаго, самаго дорогого украшенія графини.

Нѣсколько крадущихся шаговъ, легкихъ, невѣрныхъ, быстрыхъ, и ключи въ карманѣ у Ксани. Брилліантовая бабочка, нечаянно отодвинутая въ сторону, лежитъ одна теперь на краю туалетнаго стола, блестя при яркомъ освѣщеніи висѣвшей посерединѣ комнаты лампы.

Еще мигъ, и Ксаня вихремъ вылетаетъ въ коридоръ. Звуки музыки чуть слышно доносятся сюда.

Въ концѣ коридора на ея пути вырастаетъ Василиса.

— Откуда?—шипитъ она.—Стойте!.. Словно угорѣли! У графини были? Зачѣмъ?

Ксаня молчитъ и молніей несется дальше.

Черезъ минуту въ комнатѣ графини, у туалетнаго стола, стоитъ Василиса.

— Что она стянула? Что стянула негодяйка?—шепчетъ она трясущимися губами.—Вѣдь навѣрное что-нибудь стянула. Не даромъ же вылетѣла, какъ сумасшедшая.

Но все на мѣстѣ — всѣ бездѣлушки, украшенія и туалетныя украшенія. Даже не тронуты съ мѣста, а брилліантовая бабочка съ двумя изумрудами вмѣсто глазъ, случайно оставленная графинею, такъ и сверкаетъ манящимъ блескомъ на плюшѣ голубой покрышки стола.

Взоры Василисы, прикованные къ бабочкѣ, не могутъ оторваться. Василиса, точно зачарованная, глядитъ на нее. Но недолго. Какая-то странная мысль приходитъ ей въ голову. Лицо графской домоправительницы блѣднѣетъ, усмѣшка кривитъ полныя губы...

— Двадцать лѣтъ, двадцать лѣтъ вѣрой и правдой служила!..—шепчетъ она.—И чтобъ изъ-за первой встрѣчной дряни выговоръ получить, да чтобы изъ-за нея грозили выгнать меня!.. Ладно же, коли такъ... Будешь меня помнить, колдовское отродье! Покажу же я тебѣ...

И дрожащими пальцами Василиса схватываетъ бриллiантовую бабочку съ изумрудными глазками и, стремительно опустивъ ее на дно объемистаго кармана своего платья, почти бѣгомъ выбѣгаетъ изъ комнаты.

ГЛАВА XII.

Печальная неожиданность.—Послѣдняя греза.

ЛѢСЪ... Шумитъ лѣсъ...

Вѣтерокъ заползъ въ замѣтно пожелтѣвшую листву и шевелитъ чуть облысѣвшія вѣтви краснаго клена, золотой ивы.

Червоннымъ кажется лѣсъ. Луна выглянула изъ-за облаковъ и чуть сіяетъ. Красивый, млечный стелется ея свѣтъ. Причудливыя пятна и дрожащія тѣни кидаетъ она... Таинственныя, серебристо-золотыя стоятъ деревья... Мнится временами, что кто-то прячется въ ихъ прозрачной листвѣ...

Ксаня идетъ спѣшно, быстро. Глаза прикованы къ милымъ, знакомымъ мѣстамъ, къ роднымъ мѣстамъ... Сердце стучитъ... Грудь бурно вдыхаетъ родимый воздухъ... И чѣмъ ближе къ чащѣ, тѣмъ быстрѣе, тѣмъ нервнѣе шаги, тѣмъ сильнѣе стучитъ, замираетъ сердце дѣвочки.

Теперь скоро, скоро...

Мучительнаго мѣсяца, проведеннаго въ графской усадьбѣ,

какъ ни бывало... Она снова на волѣ, на свободѣ, въ родномъ своемъ лѣсу... Въ своемъ заколдованномъ царствѣ!..

Лунный свѣтъ серебритъ вершины, точно кудри великановъ, лѣсныхъ великановъ. Тѣ киваютъ ей, дѣвочкѣ, красной дѣвочкѣ съ распущенными волосами, въ странной одеждѣ, съ смуглыми руками, увитыми металлическими змѣями.

— Милые! Здравствуйте!

Ксаня ликуетъ, вырвавшись на свободу.

— Милые, милые, милые!

Еще прибавляетъ шагу, не идетъ, а бѣжитъ. Скоро, скоро, сейчасъ дома...

Всѣ горести, невзгоды, пережитыя здѣсь, вся нищета, голодъ, колотушки—все забыто. Одна радость помнится, однѣ отрадныя минуты... Вспоминаются длинные, за чтеніемъ пережитые, вечера, другъ Вася, ея учитель... Вотъ сейчасъ она увидитъ его, Васю хромого...

Лѣсной домикъ выглянулъ сразу, точно вынырнулъ изъ посеребренныхъ мѣсяцемъ кустовъ. Дверь, какъ Ксаня предвидѣла, крѣпко закрыта на замокъ. Но связка ключей съ графининаго туалета у Ксани въ карманѣ—можно будетъ открыть.

Дрожащей рукой Ксаня нащупываетъ ключи, вынимаетъ, пробуетъ. Одинъ не подошелъ, другой, третій—тоже. Какая досада! А что если ни одинъ не подойдетъ? Ея рука дрожитъ сильнѣе... Вотъ ключъ побольше... Ага, наконецъ-то! Съ трепетнымъ замираніемъ вкладываетъ Ксаня его въ замочную скважину. Подошелъ!

О, радость!

Съ грохотомъ отскакиваетъ тяжелый замокъ...

Сердце Ксани стучитъ!

Слышно его біеніе. Тукъ-тукъ-тукъ—точно дятелъ въ лѣсу...

Дверь распахивается настежь, и Ксаня входитъ.

Въ сторожкѣ горитъ ночникъ. Это новость. Николай Норовъ слишкомъ экономенъ, чтобы тратить масло попустому. Что же случилось, почему горитъ ночникъ?

Тяжелымъ предчувствіемъ сжимается сердце Ксани. Почему ночникъ?

Въ углу, на постели Норова, а не въ своей коморкѣ-боковушкѣ, лежитъ Вася.

Полно, Вася-ли это? Лицо, какъ подъ красной маской, все пурпурово-алое, глаза не закрыты и вперены на дверь. Въ нихъ огонь, блескъ яркій и горячій. Губы потрескались, ссохлись. Самъ онъ дышитъ тяжело, со свистомъ и хрипомъ.

— Василій! Васенька!—рвется неистовымъ воплемъ съ губъ лѣсовички,—Вася! Что съ тобою?

Пытливо всматриваются въ нее горячіе, блестящіе глаза. Смотрятъ и не видятъ.

Онъ въ забытьѣ.

Не помня себя, Ксаня схватываетъ его за руку.

— Вася! Вася! Что съ тобою!

Его тяжелый взглядъ точно скованъ. Его худая, высохшая рука горяча, какъ огонь.

Ксаня упала на колѣни передъ его постелью, обхватила плечи мальчика руками, прижалась къ его груди головой.

— Вася! Вася!—повторялъ ея голосъ съ мучительной тоскою.

Глаза больного мгновенно блеснули мыслью. Его пылающее, страшно исхудалое лицо внезапно озарила сознательная улыбка...

Онъ приподнялся на локтѣ, дѣлая невѣроятное усиліе.

— Это ты, Ксаня? Ты пришла? Наконецъ!—прошептали его запекшіяся губы.

И дивно освѣтилось неземнымъ восторгомъ исхудалое лицо.

— Вася! Дорогой! Узналъ! Наконецъ-то!

— Узналъ,—съ тѣмъ же замѣтнымъ усиліемъ прошептали запекшіяся губы,—узналъ... Ждалъ тебя... Долго... Съ тѣхъ поръ ждалъ, какъ заболѣлъ, какъ свалился... Вѣдь ты—лѣсная царица, да?..

— Нѣтъ же, нѣтъ!—съ досадой и тоскою прошептала она,—я Ксаня! Твоя маленькая подружка Ксаня, пойми...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не лги! Не мути мнѣ голову, мнѣ и такъ трудно думать!.. Ты царица... Старый лѣсъ сжалился надо мною и выслалъ мнѣ одну изъ своихъ дочерей, добрыхъ волшебницъ, лѣсныхъ царицъ... Я такъ ждалъ тебя, такъ грезилъ о тебѣ... прекрасная фея!.. Какіе у тебя волосы!.. Всѣ въ цвѣтахъ... Золото на рукахъ и шеѣ... Ты богата, ты могуча и не побрезгала бѣднымъ хромымъ!

— Да нѣтъ же, нѣтъ, Вася! Не царица я, а Ксаня, Ксаня! Взгляни мнѣ въ глаза, милый. Я Ксаня, другъ твой!

— Зачѣмъ ты лжешь,—сурово произнесли запекшіяся губы больного.—Ксаня—бѣдная, оборванная дѣвочка. Ксаню взяли къ себѣ розовые графы и держатъ, какъ птичку въ клѣткѣ... А ты... ты свободная лѣсная фея... Ты царица лѣсная!.. О, ты...

Онъ не договорилъ и закашлялся глухо и долго. На запекшихся губахъ показалась красноватая пѣна.

Ксаня съ ужасомъ замѣтила алое пятно крови на подушкѣ. Теперь она поняла все. Смертная тоска сжала ей сердце. Ея другъ умираетъ. Ея другъ при смерти. И она ничего не знала! Она вертѣлась тамъ, въ вихрѣ бала, какъ бабочка на кругу!..

Не то стонъ, не то вопль вырвался изъ ея груди. «За что? За что?»—шептали ея поблѣднѣвшія губы.

Съ тоскою обхватила она сильными руками худыя плечи юноши и заговорила нѣжно, горячо, глядя ему въ глаза.

— Василій, слушай,—трепетно срывалось слово за сло-

вомъ съ ея взволнованно дрожащихъ устъ.—Вася, это я, твоя Ксаня. Эти одежды—это костюмъ, только костюмъ лѣсной колдуньи, царицы лѣса. Меня въ него нарядила графиня... Я—Ксаня. Гляди на меня... Я прежняя Ксаня, твоя ученица, твой другъ, сестра... Я скучала безъ тебя, Вася... Не выдержала и пришла. Безъ спросу пришла къ тебѣ, убѣжала... Понимаешь! Я бы убѣжала и раньше, если-бы могла, но меня стерегли, не пускали... А теперь говори мнѣ—давно ты боленъ? Говори, голубчикъ. Не терпитъ время... Я только до утра могу остаться съ тобой...

Глаза больного теперь прояснились окончательно. Сознательная мысль, казалось, вполнѣ овладѣла ими.

Легкій вздохъ вырвался изъ его груди. Лицо озарила жгучая радость.

— Ксаня! Родненькая! Подружка моя!

И его исхудалыя руки протянулись къ ней.

— Ксаня! Ксаня!

Они бросились въ объятья другъ друга.

— Я боленъ... Давно боленъ, милая... Кашляю кровью... Лихорадка по ночамъ... Горю, какъ въ огнѣ... Тебя звалъ... Не приходила,—съ тяжелымъ хрипомъ полились слова съ запекшихся устъ больного.—Отецъ днемъ со мною, ночью на обходѣ... Дмитрій тоже... Нельзя оставаться... Лѣсъ рубятъ... Воруютъ... Помираю я, Ксаня!..—неожиданно сорвалось съ его губъ.

— Что ты! Опомнись, Вася!

Дикій ужасъ отразился въ огромныхъ глазахъ Ксеніи.

— Помираю!—глухо повторилъ больной.—Такъ и пускай! Мнѣ что? Развѣ это жизнь!?... Голубушка, мнѣ тяжело!.. Калѣка я вѣдь недужный... Пока ты была,—солнце мнѣ сіяло... Люблю я тебя, какъ сестренку богоданную, Ксанюшка, болѣзная... А ушла ты,—нѣтъ солнышка у меня! Померкло оно... Ксаня, радость моя, сестричка моя,

любименькая, ухожу я отсюда... ухожу на небо, къ матерямъ нашимъ ухожу... Твоей мамѣ отъ тебя поклонъ снесу! Снести, Ксаня?

Глухимъ рыданіемъ отвѣтила Ксаня на слова больного.

— Не плачь, Ксаня!.. Не надо, милая!.. На тебя глядѣть сверху стану... Оттуда... Съ неба... Ой, легко будетъ мнѣ тамъ, Ксанечка! Ни болѣзней, ни тоски... Прощай, милая...

— Не умирай, Вася, не умирай!

— Ахъ, Ксаня, нельзя заказывать Богу!.. Его святая воля на все!.. Захочетъ—жить буду, не захочетъ—умру...

— Вася!

— Умру, Ксенія!.. Не тоскуй!.. Не жалѣй, голубушка! Такъ лучше... Убогенькій я... Все равно не жилецъ, отцу въ тягость только... Мнѣ что? Мнѣ радостно... Лучше, чѣмъ жить такъ-то... Милая, одно горько было: тебя не видѣлъ... А увидѣлъ,—сразу стало безбоязно, свѣтло... И умирать мнѣ теперь легче... Милая! Какія очи у тебя, какіе волосы, и вся ты въ золотѣ... Что это? Зачѣмъ?.. Иль ты и впрямь царица лѣсная?

Его глаза разомъ померкли. Снова начинался бредъ.

— Постой... царица моя...—шепнули со свистомъ его губы и что-то заклокотало въ горлѣ, — постой... нѣтъ... Ступай въ чащу, царица... А то поздно будетъ... Видишь разсвѣтъ... Утро... Ступай, моя греза свѣтлая, царица моя! Ступай... Придутъ люди на зарѣ... Отецъ... Дмитрій... Плохо, когда застанутъ... Иди... Иди...

Но Ксаня не послушалась.

Какъ она уйдетъ? Какъ оставитъ его, больного?

Онъ заволновался.

— Иди!—вырвалось изъ его гортани хриплымъ звукомъ.— Ступай! Я такъ хочу! Прощай!

— Вася! Братъ мой! Не гони!—просила она.

Ваня! Дорогой! Узналъ, наконецъ-то...

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

— Ступай!—выкрикнулъ онъ черезъ силу и вмѣстѣ съ новымъ приступомъ кашля и хрипа повалился навзничь на подушку.

Не помня себя, какъ безумная, Ксаня выбѣжала изъ лѣсной сторожки.

ГЛАВА XIII.

Бриллiантовая бабочка.—Ужасъ.

БЫЛО уже свѣтло, солнце восходило, и пѣтухи заливались на птичникѣ, когда Ксаня подходила къ Розовой усадьбѣ. Гости разъѣхались. Послѣдній экипажъ давно отзвучалъ колесами, копытами и бубенцами на дворѣ Хвалынскихъ, когда Ксаня, блѣдная, взволнованная, тѣнью появилась на террасѣ.

Она была увѣрена, что все уже давно спало въ домѣ по отъѣздѣ гостей, и непріятно вздрогнула, когда широкая фигура Василисы встрѣтила ее на порогѣ.

— Ага! Наконецъ-то!—какъ-то зловѣще, сквозь зубы процѣдила она,—давно васъ дожидаемся, маточка, пожалуйте на расправу!

Вздрогнула Ксаня. Какая расправа? Что еще надо?

Толстые пальцы Василисы вцѣпились въ ея руку. Домоправительница схватила Ксаню и потащила за собой.

Словно во снѣ слѣдовала за нею дѣвочка. Она все еще находилась подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго въ лѣсной сторожкѣ и ровно ничего не понимала, что съ нею хотѣли дѣлать.

— Вотъ, матушка-графиня, привела бѣглянку. Судите сами преступницу, благодѣтельница наша! — прошипѣла Василиса, вталкивая Ксаню въ гостиную, гдѣ, несмотря на

ранній часъ, сидѣли графъ, графиня, Ната съ неизбѣжной Жюли и Муринъ съ сыномъ. Всѣ были еще въ бальныхъ костюмахъ и на лицахъ всѣхъ была написана, помимо бальнаго утомленія, ясная тревога.

— Графиня, матушка! Преступница на-лицо,—торжествующе произнесла домоправительница,—благоволите сдѣлать ей строгій опросъ.

Ксаня удивленно повела глазами на не въ мѣру взволнованную экономку. Она, эта смуглая лѣсная дѣвочка, попрежнему ровно ничего не понимала, застигнутая врасплохъ.

Въ полузакрытую дверь высунулись любопытныя лица прислуги.

Въ чертахъ графини, ея мужа, Жюли и даже Наты Ксаня прочла что-то недоброе по отношенію къ себѣ. Одинъ Викторъ поглядывалъ на нее подбодряюще и ласково своими сѣрыми, бойкими глазами. Минуту длилось молчаніе, пока, наконецъ, графиня встала.

— Гдѣ ты была, Ксенія?—строго прозвучалъ ея голосъ.

Ксаня взглянула въ обычно капризное, но доброе лицо графини и не узнала его. Что-то враждебное почудилось ей въ холодныхъ теперь чертахъ графини.

— Я была въ лѣсу,—спокойно отвѣчала Ксаня.

Графъ и графиня молча переглянулись.

— Въ лѣсу? — переспросилъ послѣ короткой паузы графъ.—Странно! И не сочла даже нужнымъ сказать кому-либо, что идешь въ лѣсъ! Кто же позволилъ тебѣ оставить гостей и среди бала идти въ лѣсъ; зачѣмъ тебѣ вдругъ такъ понадобилось идти въ лѣсъ?

Ксаня молчала.

Потянулись минуты, тоскливыя, тягучія.

— Кто тебѣ позволилъ это и что тебѣ нужно было въ лѣсу ночью?—еще разъ переспросилъ графъ.

Отчаянный приливъ смѣлости охватилъ лѣсовичку. Ка-

кая-то жгучая злоба поднялась со дна ея души. О, какъ ненавидѣла она теперь ихъ всѣхъ, всѣхъ въ эту минуту!

Тамъ, въ лѣсномъ домикѣ умиралъ ея одинокій покинутый другъ. А эти сытые, здоровые люди надумали чинить допросъ ей, уничтоженной и разбитой; вздумали упрекать ее за то только, что она послушалась голоса сердца и ушла ненадолго въ родныя мѣста.

На минуту ея глаза встрѣтились съ глазами графини. Необузданная ярость овладѣла вдругъ душою лѣсовички. Не помня себя, она закричала:

— Какое кому дѣло?! Была и пришла! Чего пристали!

Марья Владиміровна передернула плечами.

— Я думаю, прежде чѣмъ уйти, надо было спросить разрѣшенія на это,—прозвучалъ язвительно ея голосъ, и тотчасъ же румянецъ гнѣва залилъ ея тонкое лицо.

— Marie! Умоляю тебя, не волнуйся!—шепнулъ графъ на ухо женѣ.

— Ты правъ. Не стоитъ,—протянула та и умышленно спокойнымъ голосомъ проговорила снова,—дѣло не въ этомъ. Скажи мнѣ лучше, куда ты скрылась съ круга передъ тѣмъ, какъ уйти въ лѣсъ?

Ксаня вспыхнула. Она ждала всего, только не этого вопроса.

Она скрылась за ключами, за тѣми самыми ключами, что остались теперь забытые висѣть на двери лѣсной сторожки. Ключи она унесла, думая вернуть, и не вернула, забыла.

Что только подумаютъ «они»?

Она вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла, хотѣла отвѣтить, но языкъ не повиновался ей. Что-то сдавило горло.

Глаза присутствующихъ впились въ Ксаню, какъ иглы. Ихъ взоры жалили ее.

Надо было отвѣчать, но отвѣчать она не могла.

— Что-жъ ты молчишь?—снова произнесла графиня.—Отвѣчай, что ты взяла въ моей комнатѣ съ туалета! А?

Этотъ вопросъ страшилъ Ксаню; колючій холодокъ прошелъ по ея тѣлу. «Узнала,—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ,—узнала про ключи!..»

Ея лицо запылало. Глаза обѣжали враждебныя ей лица присутствующихъ, съ какимъ-то злорадствомъ смотрѣвшія на бѣглянку.

Одинъ Викторъ глядитъ все такъ же подбодряюще на нее.

Она молчитъ...

О! какъ долго, убійственно долго тянется время!

Графиня переглядывается съ графомъ, Натой, Жюли и другими присутствующими, затѣмъ быстрыми шагами подходитъ къ Ксанѣ и, прожигая ее насквозь своимъ пристальнымъ, немигающимъ взглядомъ, говоритъ:

— Молчи и не запирайся. Ты взяла брилліантовую брошь съ моего туалета. Василиса видѣла все. Ты украла мою брилліантовую бабочку, ты—воровка!

Ударъ кнута не подѣйствовалъ бы сильнѣе на Ксаню.

Вся кровь хлынула ей въ лицо.

Она украла? Она—воровка? О!

Въ ея сердцѣ быстро, быстро заметалось что-то. Жгучій клубокъ подкатился къ горлу.

Она воровка?! Она?!

— «Лжете!—хотѣлось крикнуть ей на всю комнату,—лжете, лжете! Лжете всѣ, не бабочку, а ключи я взяла... И не съ цѣлью украсть взяла, а на время, чтобы попасть къ Васѣ, къ моему дорогому Васѣ. Лжете, не воровка я!..»

И вдругъ запнулась...

Вѣдь если она воровка, ее не будутъ держать ни минуты въ этомъ домѣ. Ее прогонятъ изъ Розовой усадьбы назадъ въ лѣсъ, къ Васѣ, въ чащу... И тогда, тогда—кто знаетъ?—

можетъ быть нѣжными заботами и безостановочнымъ уходомъ она спасетъ еще больного, умирающаго друга!..

О, это такъ просто! Такъ просто! Ей стоитъ только сказать: «да! да, я украла вашу брошь и закинула ее въ прудъ изъ злобы на васъ, за то, что вы отняли у меня свободу и запретили мнѣ возвращаться въ лѣсъ»...

Эта мысль жгучимъ огнемъ опалила ей голову...

А подлѣ нея уже Василиса, злорадствуя, нашептывала ей въ уши:

— Украла, небось! Сознайся, что украла!..

Ксаня обернулась и взглянула на злорадствовавшую экономку. Вѣроятно, взглядъ ея жгучихъ, черныхъ очей былъ очень страшный, потому что Василиса сразу замолчала, боязливо отпрянула назадъ, попятилась и, какъ-то странно съежившись, стала у порога.

А въ это время Ксаня, гордо поднявъ голову, усмѣхнулась и, вся торжествующая, бросила враждебно и зло прямо въ лицо графинѣ:

— Да! Украла... Ищите въ прудѣ вашу брошку... Тамъ она... Сами виноваты... Зачѣмъ заперли, какъ въ клѣтку, меня, вольную, лѣсную... Украла... Да!

Графиня вскрикнула.

Натѣ сдѣлалось дурно. Графъ сердито забѣгалъ изъ угла въ уголъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царствовало молчаніе.

Его прервалъ Викторъ, который громко и внятно, срываясь съ своего мѣста, закричалъ:

— Неправда! Не вѣрьте ей! Она лжетъ на себя! Она не крала!

Но никто не обратилъ вниманія на слова гимназиста.

И опять въ комнатѣ наступило молчаніе.

Но вотъ около Ксани очутилась Василиса.

— Воровка!—шипѣла она,—воровка! Чѣмъ благодѣте-

лямъ своимъ заплатила, дрянь этакая!.. А я вѣдь это предвидѣла... говорила... Безстыдница такая, воровка!..

Все разомъ смѣшалось передъ глазами Ксани.

ГЛАВА XIV.

Въ заключеніи. — Василиса торжествуетъ. — Необычайный посѣтитель.

СКОЛЬКО времени прошло съ тѣхъ поръ, Ксаня забыла. Можетъ быть сутки, можетъ быть двое, можетъ быть и трое.

Ночь.

Идетъ дождь, нудно шлепая о крышу усадьбы.

— Ахъ, тоска! Боже, тоска какая!

Ксаня сидитъ одна. Послѣ цѣлаго ряда допросовъ, униженій, ее заперли въ одной изъ пустыхъ комнатъ верхняго этажа усадьбы. Какъ плѣнницу заперли.

И день, и ночь проводитъ Ксаня, точно преступница-воровка въ тюрьмѣ. Сидитъ и ждетъ своей участи. Она думала, что какъ только скажетъ «украла!»—ее тотчасъ-же прогонятъ, тотчасъ-же дадутъ ей возможность бѣжать обратно въ лѣсъ. Но случилось то, чего она не предвидѣла, не могла предвидѣть: ее силою заперли въ комнатѣ.

Ночь. Тьма за окномъ, черная, жгучая тьма. Въ комнатѣ холодно, сумрачно, тоскливо. Ксаня сидитъ, положивъ руки на столъ и наклонивъ голову.

Мысли вертятся, какъ мухи, въ головѣ плѣнницы и жужжатъ тоже, словно мухи...

Утромъ приходила къ ней молодая графинюшка.

Пришла, сѣла противъ, такая холодная, чужая, и сказала ей:

— Ксаня! Я обманулась въ тебѣ... Я хотѣла, чтобы ты стала моей подругой, я полюбила тебя... Но ты нехорошая... Моли Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ тебя иною, пока не поздно... Ты—грѣшница. Моли Его! А я тебя не знаю больше! Прощай!.. Я уѣзжаю и, вѣроятно, больше тебя не увижу...

Дѣйствительно, въ полдень Ната уѣхала съ Жюли на югъ, далеко.

Весь домъ горевалъ о Натѣ. Теперь успокоились всѣ, уснули крѣпкимъ сномъ. Одна Ксаня не спитъ...

Подъ вечеръ приходила Василиса. Принесла хлѣбъ и воду ей, плѣнницѣ, и злорадно заявила:

— Кончились твои деньки въ графской усадьбѣ, кончились... И заступницы-то твоей, графинюшки Наты, больше нѣтъ... Уѣхала... Послѣзавтра отвезутъ тебя въ городъ на исправленіе... Тамъ подлость твою выбьютъ...

Ксаня сдѣлала видъ, что не слышитъ, но сердце ея сжала тоска.

Не въ лѣсъ, значитъ, а въ новое заточеніе!.. О, горе! горе!

Если-бъ умѣла она плакать, зарыдала-бы навзрыдъ. Но плакать не умѣла Ксаня, какъ и молиться.

Еще тяжелѣе стало съ этой минуты на душѣ...

— Въ городъ! Зачѣмъ? Къ кому? Что ждетъ ее тамъ?

А впрочемъ не все-ли равно къ кому и что ее ждетъ? Ее гораздо больше занимаетъ другая мысль: что съ Васей?

Не вырваться ей теперь въ лѣсъ... Ни за что не вырваться... А между тѣмъ участь хромого мучитъ и гложетъ ея душу. Что съ нимъ, больнымъ, прикованнымъ къ постели? Полегчало ли ему хоть малость?

Мысль Ксани играетъ диковинно и странно...

Ахъ, какъ бы хотѣлось повидать его, — живого или мертваго!.. Какъ хотѣлось бы находиться съ нимъ рядомъ, говорить съ нимъ, облегчить его страданія!.. Но какъ? Какъ?

Мысль все работаетъ, работаетъ безъ конца...

Тихо, тихо кругомъ. Спитъ господскій домъ, спитъ усадьба... Звуки ночи молчатъ...

Только дождь нудно и однообразно барабанитъ о крышу...

Убѣжать развѣ черезъ окно, выскочить, или спуститься какъ-нибудь по трубѣ?.. и бѣжать, бѣжать въ лѣсную избушку, къ Васѣ?..

Мысль эта вихремъ проносится въ мозгу Ксани и тотчасъ-же замираетъ. Окно находится надъ самымъ прудомъ. Бросишься изъ него—утонешь. Нельзя!.. Нельзя!.. Судьба и тутъ противъ нея, Ксани...

И она снова погружается въ странныя, несбыточныя мысли... Но ненадолго.

Чуткій, болѣзненно напряженный слухъ схватываетъ холодный отзвукъ ночи. Вотъ гдѣ-то вдали будто стукнуло что-то... Потомъ опять и опять... Странный, необычайный звукъ... Шаркающія туфли, чуть слышная походка... Кто-то словно крадется по коридору... и все ближе и ближе... Вотъ шаги слышны уже тутъ, за дверью.

Чуть дыша, замерла Ксаня... Скрипнула дверь... Кто-то извнѣ отодвинулъ задвижку, нажалъ ручку. Дверь распахнулась почти безшумно.

Холодкомъ потянуло отъ порога...

Кто-то вошелъ въ комнату и едва слышными шагами подошелъ къ столу и сталъ противъ Ксани. Но кто—не видитъ Ксаня да и не рѣшается взглянуть...

Что-то странное творится съ нею. Не то жутко, не то сладко...

— «Надо взглянуть... Надо взглянуть!» — выстукивая, шепчетъ сердце.

Затихла ночь... Дождь остановился... Маятникъ точно замеръ подъ часами на стѣнѣ...

Холодкомъ повѣяло снова, будто подуло.

— Ксаня! — послышался сдавленный, хриплый голосъ надъ нею.

Она подняла голову.

— Василій! Вася! Пришелъ-таки! — тихимъ крикомъ вырвалось изъ груди.

Онъ стоялъ передъ нею, опираясь на костыль, весь въ чемъ-то бѣломъ, точно въ саванѣ, весь словно прозрачный, словно сотканный изъ воздуха, и блѣдный, блѣдный.

— Пришелъ... Ты хотѣла...—произнесъ онъ глухо,— ты хотѣла повидать меня, Ксаня...—глухо, какъ-будто откуда-то издалека звучитъ его слабый голосъ.

И руки, костлявыя руки тянутся къ ней.

Ей становится жутко... Ей, безстрашной...

А онъ, съ трудомъ передвигая ноги и постукивая костылемъ, приближается къ ней совсѣмъ близко-близко.

— Пойдемъ со мною! Одному страшно!.. Умирать страшно!—лепечетъ онъ глухо,—хочешь, возьму тебя съ собой!

Что-то сдавливаетъ ей горло... Судорога сводитъ губы... Она хочетъ крикнуть и не можетъ... Какъ будто невидимая рука давитъ ей горло, давитъ грудь... Жутко... Душно... Невыносимо...

А онъ медленно и увѣренно приближается къ ней, хромающій, блѣдный.

— Нѣтъ, Ксаня, ты оставайся... Ты здоровая... сильная... не какъ я... Живи! Живи, и будь счастлива... прощай, прощай навсегда, Ксаня!..

Глухо и страшно звучитъ его голосъ.

Костлявыя руки протягиваются къ ней, прямо къ ней.

Она съ дикимъ крикомъ вытягиваетъ свои руки къ нему и... разомъ приходитъ въ себя.

Нѣтъ больше страннаго призрака, нѣтъ Василія. Передъ ней Ѳома, старый дворецкій.

— Выдь въ кухню на одну минуту,—говоритъ онъ,—работникъ отъ лѣсника пришелъ, сказать тебѣ что-то хочетъ...

Въ два-три прыжка, едва дослушавъ его, Ксаня уже въ кухнѣ.

Ей навстрѣчу тяжело поднимается съ лавки приземистая фигура Дмитрія. Его лицо, выглядывающее изъ-подъ резиноваго кожуха, казалось сосредоточеннымъ и грустнымъ.

Угрюмо кивнувъ головою и не глядя ей въ глаза, Дмитрій произнесъ сурово:

— Нынче... около полуночи... Василій померъ...

Безъ крика, безъ стона, Ксаня тяжело опустилась на лавку...

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

ВЪ МОНАСТЫРСКОМЪ ПАНСІОНѢ.

ГЛАВА I.

Мать Манеѳа и ея воспитанницы.

НА колѣни! На колѣни сію же минуту! Всѣ на колѣни!

И черная фигура матери Манеѳы выросла, какъ призракъ, на порогѣ классной.

Одиннадцать дѣвочекъ, возрастомъ отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ, одѣтыя одинаково въ черные люстриновые халатики, въ родѣ монашескихъ рясокъ, и въ коричневые тиковые передники, въ бѣлыхъ косыночкахъ на головахъ, покорно и безшумно опустились на колѣни.

— Такъ!.. Теперь пѣть покаянный псаломъ!

Голосъ матери Манеѳы звучалъ какою-то зловѣщей торжественностью. Сама она, высокая, костлявая, въ длинной черной мантіи съ треномъ, въ монашескомъ клобукѣ на головѣ, походила на какую-то страшную птицу.

Ея высохшее, желтое, какъ пергаментъ, лицо, ея злые,

сѣрые, немигающіе глаза и безкровныя, плотно сжатыя губы наводили трепетъ на пансіонерокъ.

— И пѣть покаянный псаломъ!—еще разъ процѣдила сквозь свои длинные, желтые зубы матушка и подняла костлявый палецъ кверху.

Тонкая, блѣдная, черноглазая красавица лѣтъ 16-ти, съ золотисто-бѣлокурыми косами, струившимися изъ-подъ скромной бѣлой косынки, задала тонъ своимъ мягкимъ грудным голосомъ. Это была самая старшая изъ пансіонерокъ, Ларисса Ливанская, богатая сирота, прозванная подругами «королевой» за красоту и какую-то чарующую, властную плѣнительность въ каждомъ ея движеніи, въ поступи, въ способѣ рѣчи.

Десять остальныхъ дѣвочекъ подхватили ноту Лариссы и стройными, молодыми звуками понесся гимнъ подъ сводчатый потолокъ огромной, темноватой классной.

Особенно усердно пѣли стоявшія въ сторонѣ отъ прочихъ, въ углу классной, подъ образомъ, три дѣвочки: Машенька Косолапова, дочь богатаго купца и городского головы, прозванная «головихой», толстая, приземистая, широкая, какъ тумба, съ тупымъ, сытымъ и самодовольнымъ лицомъ; Зоя Даръ, тоненькая, изящная, гибкая, какъ змѣйка, и носившая это прозвище, данное ей подругами, съ невиннымъ лицомъ и плутоватыми зелеными глазами, хорошенькая, лукавая и подвижная,—и, наконецъ, Катюша Игранова, бойкій четырнадцатилѣтній сорви-голова, или «мальчишка», отчаянная, безшабашно-смѣлая и дерзкая, но предобрая дѣвочка, предметъ искренняго негодованія пансіоннаго начальства.

Громче всѣхъ и какъ-то задорно выдѣляясь звучалъ голосъ послѣдней.

Коротко остриженная, вихрастая, Игранова вполнѣ оправдывала данное ей прозвище «мальчишки». Несмотря на

строжайшую дисциплину, царствовавшую въ пансіонѣ, быстроглазая Катюша успѣвала-таки бѣдокурить и проказить подъ самымъ носомъ начальницы. Въ строго патріархальномъ учрежденіи матери Манеѳы Катюшу терпѣли только изъ-за ея отца, занимавшаго какой-то важный постъ въ ближайшемъ городѣ и не скупившагося на подарки матери Манеѳѣ и ея помощницамъ, лишь-бы онѣ вывели въ люди его «бѣсенка», какъ онъ называлъ дочь.

Впрочемъ, это былъ не первый «бѣсенокъ», отданный на исправленіе матери Манеѳѣ.

Будучи монахиней одной изъ самыхъ старинныхъ обителей, мать Манеѳа, сама отличавшаяся строгостью нрава и суровостью, рѣшила, что невелика заслуга спасать самой свою душу, запершись въ четырехъ стѣнахъ обители, а что гораздо угоднѣе Богу спасать и другихъ.

И вотъ, преслѣдуя эту цѣль, мать Манеѳа открыла пансіонъ для дѣвочекъ, нуждающихся въ особенно строгомъ духовномъ уходѣ, или почему-либо не имѣющихъ возможности получить дома соотвѣтственное воспитаніе, которое, по мнѣнію матери Манеѳы, не могли дать никакіе институты, гимназіи и другія, тому подобныя, учебныя заведенія.

Открывая свой пансіонъ, мать Манеѳа была твердо убѣждена, что ея дѣло—угодное Богу и что родителей, которые пожелаютъ довѣрить ей своихъ дочерей, будетъ много-много. Но она уже впередъ твердо рѣшила ограничить пріемъ двѣнадцатью воспитанницами по числу двѣнадцати апостоловъ.

Подруга молодости матери Манеѳы, монахиня одной съ ней обители, сестра Агнія, добровольно предложила ей себя въ помощницы; жившая-же въ томъ-же городѣ княгиня, жена одного изъ важныхъ сановниковъ, приняла дѣятельное участіе въ устройствѣ задуманнаго Манеѳою духовнаго пансіона и взяла на себя обязанности попечительницы «монастырокъ», какъ прозвали Манеѳиныхъ воспитанницъ.

Большинство «монастырокъ» принадлежало къ числу такихъ дѣвочекъ, которыя, по мнѣнію ихъ родителей или опекуновъ, нуждались въ особенно строгомъ воспитаніи, и пансіонъ матери Манеѳы считался для нихъ какъ-бы исправительнымъ заведеніемъ. Но были въ пансіонѣ и хорошія, добрыя, прилежныя и смирныя воспитанницы, родители которыхъ находили систему воспитанія матери Манеѳы вообще образцовой. Были, наконецъ, и круглыя сироты, которымъ пансіонъ долженъ былъ замѣнять родительскій домъ.

Жизнь «монастырокъ» включалась въ строго опредѣленныя рамки, напоминая собою жизнь настоящихъ монашекъ.

Вставали въ 6 часовъ утра и спѣшили къ ранней обѣднѣ, гдѣ сами воспитанницы пѣли на клиросѣ. Къ девяти возвращались, наскоро пили чай, постный по средамъ и пятницамъ; разбавленный жидкимъ молокомъ—въ другіе дни недѣли, съ неизмѣннымъ ломтемъ сѣраго ситнаго.

До двѣнадцати часовъ шли уроки. Приходили учителя и учительницы, — въ ихъ числѣ особенно строгій монахъ Вадимъ. Въ полдень, послѣ общей молитвы, подавали скромный, монастырскій обѣдъ, состоявшій въ постные дни изъ водянистой похлебки, картофеля, каши и т. п. блюдъ, въ остальные-же дни—изъ рыбныхъ, и только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ за столомъ пансіонерокъ допускались мясныя блюда. Послѣ обѣда воспитанницы гуляли въ пансіонскомъ саду, тѣнистомъ и роскошномъ въ лѣтнее время, и застланномъ бѣлымъ саваномъ снѣга—въ зимнюю пору. Послѣ прогулки опять учились, вплоть до ужина, который добродушная, толстая кухарка Секлетея, другъ пансіонерокъ, приготовляла къ шести часамъ вечера. Въ девятомъ часу, послѣ длинной и торжественной общей молитвы и чашки жидкаго чая съ ситнымъ, день въ пансіонѣ заканчивался, и дѣвочки ложились спать на своихъ узкихъ, неудобныхъ и жесткихъ постеляхъ.

Жесткія съ тощими матрацами постели, ѣда впроголодь и частыя молитвы, по мнѣнію матери Манеѳы, какъ нельзя лучше способствовали «спасенію душъ» ввѣренныхъ ей дѣвочекъ, большинство которыхъ нуждалось будто-бы въ «наставленіи».

По мрачнымъ, непривѣтливымъ комнатамъ пансіона бродили, какъ тѣни, черныя, скромныя фигурки монастырокъ, въ бѣлыхъ косыночкахъ и тиковыхъ передникахъ. Изъ-подъ косынокъ выглядывали юныя, но уже изможденныя, какъ у заправскихъ монахинь, личики, худенькія личики съ не-дѣтски затаенной думой въ глазахъ. Правда, бывали и исключенія. Звонко раскатывался порою подъ сводами пансіона серебристый смѣхъ Катюши Играновой, но другія дѣвочки тотчасъ-же начинали шикать на нее:

— Что ты! Что ты! Мать Манеѳа услышитъ!

И смолкала, хоть не надолго, а все же смолкала рѣзвая дѣвочка.

Все, что сколько-нибудь напоминало свѣтскую жизнь, все старательно преслѣдовалось въ монастырскомъ пансіонѣ.

Иностранные языки, танцы и свѣтское пѣніе,—все это было исключено изъ программы училища матери Манеѳы. Зато клиросное и церковное пѣніе изучалось во-всю. Законъ Божій, катехизисъ, богословіе, исторія церкви, церковное пѣніе составляли главные предметы. Остальное, какъ-то: математика, географія, исторія—считалось второстепеннымъ. Въ свободные часы воспитанницамъ, въ видѣ развлеченія, давали читать житія святыхъ и нѣсколько книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, въ которыхъ рукою самой матери Манеѳы вычеркивались нѣкоторыя мѣста, признанныя строгою монахинею почему-либо «неудобными» для ея воспитанницъ.

Открывая свой духовный пансіонъ, мать Манеѳа втайнѣ преслѣдовала не одну только воспитательную цѣль: ея страст-

нымъ желаніемъ было какъ можно большее число пансіонерокъ отдать въ свою родную обитель и представить на служеніе Богу возможно болѣе юныхъ инокинь.

И мать Манефа, казалось, жила и существовала этой, ея завѣтной, мечтой.

ГЛАВА II.

Исторія съ курицей.—Уленька.—Сатана.

ОДИННАДЦАТЬ дѣвочекъ попрежнему съ неподражаемымъ искусствомъ выводили покаянный псаломъ. Скупое зимнее ноябрьское солнце, прорѣзавъ тучу кружившихся за окномъ снѣжинокъ, заглянуло въ классную. Одиннадцать юныхъ пансіонерокъ, склонивъ черненькія, бѣлокурыя и русыя головки подъ бѣлыми косынками, тщательно выводили тонкими, нѣжными голосами мрачныя и грозныя слова молитвы.

Игранова, Косолапова и Даръ стояли, какъ отвергнутыя, въ сторонѣ отъ прочихъ. Блѣдный лучъ солнца скользнулъ по бѣлокурой головкѣ Даръ и шаловливо позолотилъ ее. Хорошенькая «змѣйка» подняла свои зеленые глазки. Черная Манефа мраморнымъ изваяніемъ стояла передъ ней, чуть замѣтно перебирая кипарисовыя четки изсохшими пальцами.

Но вотъ окончился псаломъ.

Красавица Ларисса Ливанская, управлявшая хоромъ, встала первая съ колѣнъ.

— Матушка, что изволите еще приказать?—несмѣло прозвучалъ ея низкій, красивый голосъ.

— Ага, кончили?!

И Манефа быстрѣе затеребила четки, двигая сухими и желтыми, какъ воскъ, пальцами.

— Вы кончили?.. А я начинаю!—какъ-то значительно и зловѣще проронила она.—Сестра Агнія, разскажите все, какъ было дѣло!—обратилась она къ своей помощницѣ.

Сестра Агнія, маленькая, худенькая, длинноносая старая дѣва, за жалящій и колкій языкъ прозванная пансіонерками «скорпіонша», выступила впередъ и заговорила быстро, торопясь и захлебываясь:

— Да какъ-же, матушка, сами посудите: иду это я по коридору намедни мимо кухни и вдругъ—запахъ жаренаго масла и словно курицы мнѣ почудился. Это въ посту-то!.. Вхожу. «Ты что, Секлетея, жаришь?»... А она какъ въ ноги бухъ! «Не погубите, сестрица, не выдайте. Согрѣшила, что подѣлаешь?» Ну, тутъ я въ классъ отправилась и заявляю, что Секлетею-де вонъ надо, потому что она грѣхъ на всю школу накликала, въ посту оскоромилась, себѣ на погибель, намъ на соблазнъ. Иду, говорю, донести матушкѣ. А онѣ, вотъ эти негодницы,—тутъ сестра Агнія ехидно скосила глаза на трехъ «преступницъ»,—Игранову, Косолапову и Даръ,—а онѣ тутъ и покаялись: «мы, сестрица, виноваты, не гоните Секлетею, мы за курой ее посылали, проголодались, она не при чемъ». Такъ-таки и отчеканили негодницы! Стыда въ нихъ нѣтъ!

И сказавъ это, сестра Агнія укоризненно закачала своей головой.

Затихло въ классѣ.

Гробовая тишина водворилась въ немъ.

Затѣмъ, среди мертваго молчанія, прозвучалъ звонкій и серебристый голосъ Кати Играновой:

— Матушка! Не гнѣвайтесь... Не скрываемся мы... Мочи не было, поѣсть захотѣлось, ну и послали за курицей...

— А... а... послали!.. Ѣсть захотѣлось!..—протянула начальница-монахиня, отчеканивая каждое слово по слогамъ, и стремительно приблизилась, волоча свой длинный черный

шлейфъ по полу, къ Катюшѣ, схватила ее за плечи и грозно добавила, сдвигая брови:

— Во прахъ, негодница! Земные поклоны отбивать! Слышите, что выдумала! Голодно ей! Да зачѣмъ ты здѣсь?.. Ради того, чтобы плоть свою тѣшить, мамонъ яствами всякими набивать или ради спасенія вѣчнаго?.. Ради радости и утѣхи духовной!.. Замаливай грѣхъ свой, негодница!.. Чела отъ земли не вздымай! Слыхала? А вы, всѣ другія, за то, что не удержали отъ грѣха смраднаго подругу, тоже кайтесь. По тридцати земныхъ поклоновъ на каждую и съ колѣнъ вплоть до ужина не вставать, грѣшницы, утѣшительницы діавола, приспѣшницы суеты мірской!

И костлявый палецъ Манеѳы снова затрепеталъ въ воздухѣ.

Снова одиннадцать дѣвочекъ, какъ по командѣ, опустились на колѣни.

Черная, величественная, похожая на птицу, монахиня, не покидая своего грознаго вида, поплыла изъ классной. За нею, мягко шурша по полу, поплылъ длинный черный шлейфъ ея платья. За шлейфомъ мелкими шажками засеменила Агнія.

Опять тишина воцарилась въ классной.

Одиннадцать дѣвочекъ стояли на колѣняхъ, покорно склонивъ головки, со скрещенными на груди руками.

Стало темнѣть. Рѣдкое осеннее солнце скрылось, и сумерки окутали мало-по-малу угрюмую сводчатую классную. Изъ сосѣдней комнаты доносился звонъ тарелокъ и лязгъ вилокъ и ножей.

— Ужинъ накрываютъ,—среди полной тишины прозвучалъ голосъ Играновой, и ея черненькая головка смѣло вскинулась на худенькихъ плечахъ.—Вретъ скорпіонша. Небось, не она на курицу наткнулась, а эта галка-фискалка, Уленька, ей опять на хвостѣ сплетню принесла. Ужъ подожди у меня ты, Уленька!

— Тсъ! Тсъ! Катюша! Что ты! Безумная! Мы на «покаяніи», а ей хоть бы что! Въ голосъ кричитъ! Да что ты рехнулась, милая?

И Инна Кесарева, странная, милая дѣвочка, лѣтъ 14, дернула расшумѣвшуюся Катю за ея черную ряску.

Инна Кесарева была вся сѣдая вслѣдствіе перенесеннаго въ дѣтствѣ ужаса, о которомъ не любила говорить. Ея серебряная головка, не-дѣтски серьезное личико и грустный, странный, въ самое себя ушедшій взглядъ производили на окружающихъ жалкое впечатлѣніе. Подруги любили Инну, прозвали ее «маркизой» за серебряную, несмотря на юность, головку и нѣжно заботились о ней. Чуткія дѣтскія сердца какъ-бы желали вознаградить своею дружбою и заботами Инну за тяжелую драму, пережитую ею въ дѣтствѣ. И она своей серьезностью имѣла большое вліяніе на классъ.

— Тише, тише, Катюша! Неровенъ часъ, услышитъ Уленька и опять донесетъ матушкѣ,—еще разъ предупредила она Катю.

— А пусть ее доноситъ!—беззаботно тряхнувъ черненькой, кудрявой головкой, произнесла та.—Пусть доноситъ!

— Катя! Катя!—чослышалось со всѣхъ сторонъ.

— Что Катя? Родилась Катей и умру Катей!—внезапно вскакивая съ колѣнъ, закричала Игранова, и ея живые, черные, какъ коринки, глаза заблестѣли и заискрились разомъ.—Довольно намъ терпѣть отъ галки-сплетницы! Пора проучить ее... Все на длинномъ хвостѣ матушкѣ носитъ...

— Ты проучишь что-ли? — И высокая черноволосая Юлія Мирская, некрасивая дѣвочка, лѣтъ 16-ти, надменная, гордая, нелюбимая никѣмъ за ея дружбу съ тою же злополучной Уленькой, злобно взглянула на расходившагося «мальчишку», т.-е. Катю Игранову.

— Вы, Мирская, молчали-бы и свой длинный носъ не

совали куда не слѣдуетъ!—рѣзко отвѣтила Игранова.—Вы дѣвушка-чернявка при царицѣ Уленькѣ и вамъ съ нами о ней говорить не приходится.

Чернявка сдѣлала гримасу, обезобразившую въ конецъ ея, и безъ того некрасивое, лицо.

— Допрыгаешься ты когда-нибудь, Игранова!—процѣдила она сквозь зубы.

— И правда допрыгаешься, Катя... Молчи!

И красавица «королева» метнула на шалунью свои прелестные глаза.

— Ради васъ, Ларенька, ради васъ, королева моя, будетъ молчать Игранова!—произнесла порывисто-захватывающимъ голосомъ Катя.

Она давно и нѣжно боготворила Лариссу. Пылкую, впечатлительную дѣвочку прежде всего поражала и очаровывала красота Ливанской. Ларенька Ливанская казалась ей какимъ-то неземнымъ существомъ. Ея дивные золотые, какъ у феи, волосы, ея плавная поступь и бѣлыя, удивительной красоты, руки, ея не то молчащіе о чемъ-то невѣдомомъ другомъ, не то надъ кѣмъ-то таинственно подсмѣивающіеся, полупечальные глаза—все это рѣзко отличалось отъ прочихъ монастырскихъ пансіонерокъ. И не одна только Игранова преклонялась передъ «королевой». На Лариссу смотрѣли какъ-то особенно всѣ вообще воспитанницы матери Манефы. Ею интересовались. О ней говорили. Ей подражали въ манерѣ говорить, кланяться, носить волосы, косынку. Ея совѣта слушались. Ея голосъ имѣлъ замѣтное значеніе среди «монастырокъ».

Но горячее и восторженное поклоненіе Играновой, отчаяннѣйшей и смѣлой до дерзости дѣвочки, особенно пріятно тѣшило красавицу Лариссу. Золотокудрая королева относилась съ чуть замѣтной насмѣшливой ласковостью къ бѣдовому «мальчишкѣ», безпрекословно подчиняющейся ей во всемъ.

Катя притихла, но не надолго. Черезъ минуту глаза ея уже бѣгали по классной, бросая насмѣшливый взглядъ на стройныя, тоненькія фигурки, отбивавшія земные поклоны.

— Вотъ трусихи-то!—захохотала Катя,—никто не видитъ, а онѣ стараются! Оставьте! Бросьте!.. Вмѣсто того, чтобы шишки на лбахъ наколачивать, соберемся въ кружокъ да обдумаемъ хорошенько, что сдѣлать, чтобы Секлетею не прогнали за нашу куру несчастную, а то еще, чего добраго, благодаря этой мерзкой Улькѣ, вылетитъ Секле...

Дружное «тссъ!», вырвавшееся изъ груди десяти дѣвочекъ, не дало докончить Катѣ ея фразы.

На порогѣ класса въ надвинувшихся сумеркахъ чернѣла небольшая фигура.

— Никакъ испугала? Простите меня, грѣшную, дѣвоньки милыя!—сладенькимъ голоскомъ протянула вошедшая, отдѣляясь отъ дверей.

Чиркнула спичка, и черезъ минуту двѣ небольшія стѣнныя лампы, зажженныя худой, изжелта-смуглой рукой, освѣтили классную, одиннадцать колѣнопреклоненныхъ фигуръ и вновь появившуюся двѣнадцатую.

Это была Уленька, племянница матери Манеѳы, служившая въ послушницахъ N—скаго монастыря и года полтора назадъ поселившаяся у своей благодѣтельницы, какъ она называла мать Манеѳу.

Уленька была «очами» и «ушами» матушки для пансіонскихъ услугъ. Все, что ни видѣла и ни слышала среди пансіонерокъ Уленька, все она доносила ей. Зато дѣвочки платили самою чистосердечною ненавистью послушницѣ, за исключеніемъ одной только длинноносой Юліи Мирской, дружившей съ Уленькой.

Худенькая, изжелта-блѣдная, съ какимъ-то старообразнымъ и птичьимъ лицомъ, Уленька внушала одной своей внѣшностью невольное отвращеніе.

Уленька косила съ дѣтства, и это еще болѣе подчеркивало безобразіе ея, и безъ того некрасиваго, лица. То приторно-слащавая, то ехидно-язвящая, Уленька вполнѣ оправдывала свои прозвища «галки-сплетницы» и «язвы», данныя ей пансіонерками.

Зажегши лампы, она сложила руки и въ скромной, дѣланно-смиренной позѣ остановилась посреди классной. Ея лисій носикъ словно нюхалъ по воздуху, ея рысьи глазки такъ и бѣгали по сторонамъ.

— Никакъ опять на покаяніи, дѣвоньки?—послѣ минутнаго молчанія снова запѣла своимъ приторно-сладенькимъ голосомъ Уленька, озираясь во всѣ стороны.

Дѣвочки угрюмо молчали, уставясь глазами въ землю. Уленька, манерно поджимая губы и перебирая четки, висѣвшія на ея впалой груди, снова заговорила:

— И за что это васъ опять-то? Кажись, ничего не напроказили... А? Дѣвоньки?.. Ну, да матушка наша знаетъ, за что казнить, за что миловать. Кайтесь, дѣвоньки, кайтесь, милыя! Умерщвляйте свою плоть, дѣвоньки, епитиміею... Святое это дѣло... Самъ Господь намъ Іисусъ Христосъ вел...

Она не договорила.

Невысокая, сѣроглазая дѣвочка, съ какимъ-то необычайно прямымъ, лучившимся взоромъ, стремительно вскочила съ колѣнъ, въ два прыжка очутилась подлѣ Уленьки и, грубо схвативъ ее рѣзкимъ движеніемъ за руку, взволнованно бросила ей въ самое лицо:

— Подло притворяться! Подло лгать и наушничать! Ты донесла на «нашихъ», на Секлетею... Изъ-за тебя наказаны!.. Убирайся отсюда!.. Вонъ убирайся, гадкая сплетница!.. Язва! Переносчица! Лгунья!

Сѣрые глаза дѣвочки запрыгали отъ возбужденія. Лицо поблѣднѣло подъ бѣлой косынкой.

Уленька отшатнулась. Ея раскосые глазки сердито впились въ глаза блѣдной дѣвочки.

— Оленька Линсарова, неправду вы говорите, дѣвонька!— съ трудомъ подавляя въ себѣ порывъ злобы, запѣла Уленька,— неправду вы говорите, дѣ...

— Лжешь! Ольга всегда одну правду говоритъ... Она честная! Неподкупная!—вырвалось изъ груди Играновой, и въ ту же минуту «мальчишка» съ какимъ-то лихимъ задоромъ подскочила къ Уленькѣ и встала подлѣ блѣдной Ольги въ боевую позу.

Уленька растерялась.

— Господь Іисусъ Христосъ прежде всего не велѣлъ клеветать и сплетничать...

Едва она это сказала, какъ высокая, темноглазая Ларисса, не спѣша, плавнымъ и красивымъ движеніемъ поднялась съ колѣнъ.

За нею поднялись и всѣ остальныя.

Бѣлокуренькая, голубоглазая, хрупкая Раечка Соболева, прелестный болѣзненный и робкій двѣнадцатилѣтній ребенокъ, самая маленькая и слабенькая изъ всѣхъ пансіонерокъ, жалась къ Лариссѣ.

— Довольно, Уленька! Довольно! — произнесла повелительнымъ голосомъ Ларисса.

— Довольно! Да, довольно!—повторили за ней всѣ остальныя дѣвочки.

Сдержанный ропотъ злобы и негодованія пронесся по классной. Ненавистная Уленька своимъ притворствомъ переполнила, казалось, чашу общаго терпѣнія.

Красавица Ларисса, чуть усмѣхаясь своими алыми губками, малиновый цвѣтъ которыхъ не смѣла стереть даже скудная постная пансіонская пища, вперила глазки въ Уленьку. Остальныя, не моргая, тоже впились въ нее. Уленька поежилась. Ея раскосые глазки забѣгали теперь быстро, быстро.

— Ларенька... что вы? За что на меня этакъ-то, царевна моя распрекрасная?.. И вы всѣ на меня... на смиренную рабу матушкину!—затянула она было плаксивымъ голосомъ.—За что такая немилость, за что?

— Ты спрашиваешь за что?! — такъ и вскинулась на нее Игранова, подскакивая чуть-ли не къ самому носу послушницы,—а за то, гадкая сплетница, что ты насъ твоими мерзкими доносами съ ума свела! Убирайся ты вонъ отсюда. Фальшивая! Доносчица! Лгунья! Вонъ! Вонъ отсюда!

— Доносчица! Лгунья! Вонъ! Вонъ отсюда! — подхватили остальные ненавистью звенящіе голоса. — Сію-же минуту вонъ!

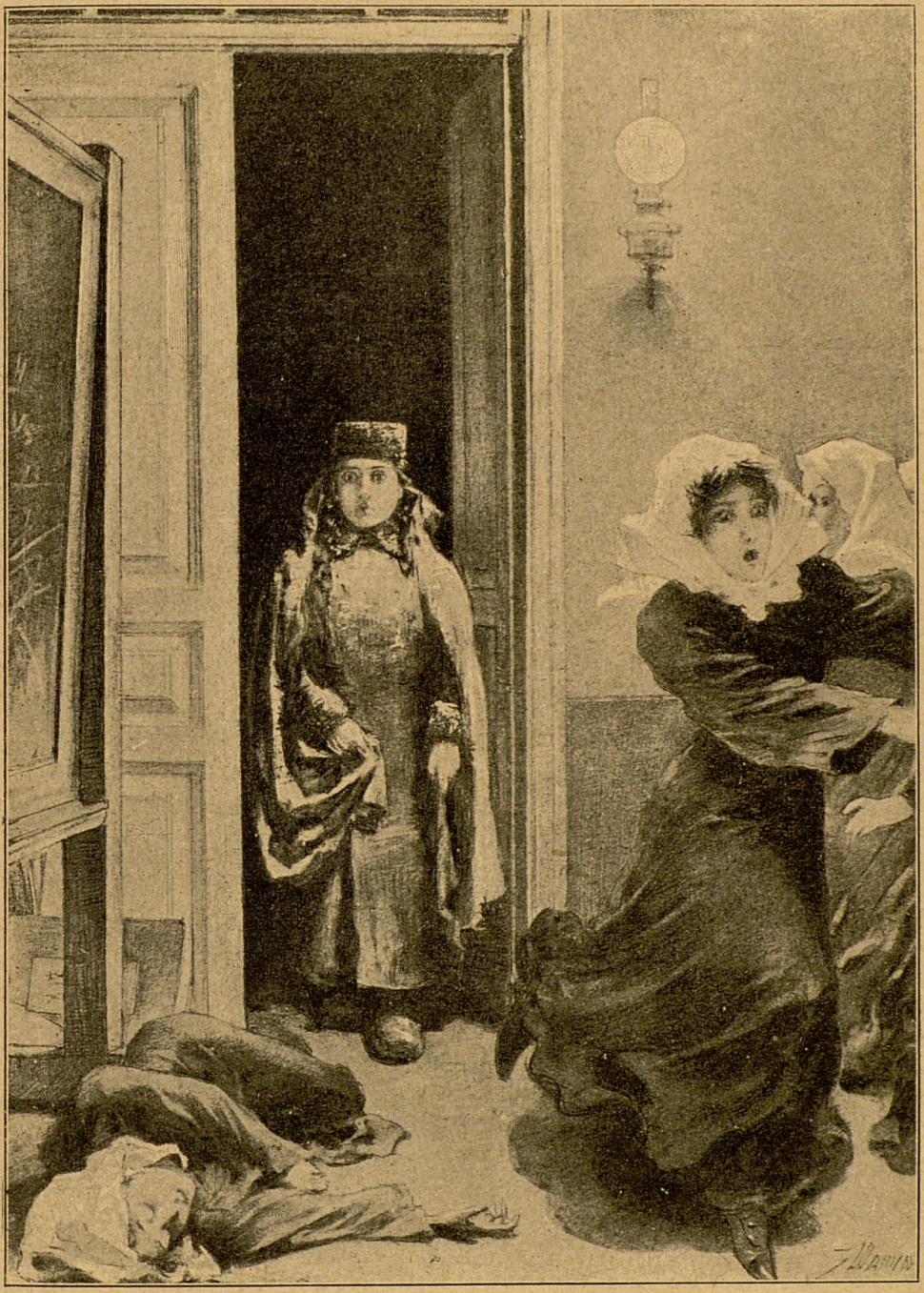
Дѣвочки глухо шумѣли. Растерянная и блѣдная стояла Уленька посреди классной.

Ея рысьи глазки метались изъ стороны въ сторону. Губы дрожали.

Но вотъ она словно очнулась, выпрямилась, какъ стрѣла. Алой краской залило изжелта-блѣдныя, веснущатыя щеки. Глаза засверкали.

— Ага!.. Такъ-то вы!.. — разомъ сбросивъ съ себя всю свою приторную слащавость, зашипѣла она, отчеканивая каждое слово, — такъ-то вы, смиренницы, каяльщицы, сестрички Христовы! За всѣ мои заботы, за мою любовь къ вамъ, за то, что забочусь о вашихъ грѣшныхъ душонкахъ — вы бунтовать вздумали, шумѣть!.. Обуялъ васъ, видно, дьяволъ силою своей нечистой, смутитель вашъ, господинъ вашъ... Рабыни вы его послушныя!.. Служанки вѣрныя!.. Сатаны служанки! Такъ-то, негодницы!.. Кому служите? Кого къ себѣ подпускаете?.. Близокъ онъ, нечистый господинъ вашъ, окаянный повелитель, сатана вашъ... Идетъ, приближается къ вамъ... Чую его приближеніе, смрадное, страшное и грѣховное... Чую! Чую!

Голосъ Уленьки становился все громче и громче. Рас-



Рая Соболева безъ чувствъ грохнулась на полъ...

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

косые глаза горѣли, какъ факелы. Лицо мертвенно-блѣдное подергивалось судорогой. При послѣднихъ словахъ она грозно подняла худой, блѣдный палецъ кверху и застыла въ этой позѣ.

Въ ней было что-то жуткое въ эту минуту. Какой-то сверхъестественный ужасъ окружалъ ее. Этотъ ужасъ мигомъ передался пансіонеркамъ. Казалось, эта блѣдная, безобразная, косая дѣвушка овладѣла робкой, взволнованной и на смерть испуганной дѣтской толпой.

Въ углу раздались истерическія всхлипыванія. Маленькая Соболева, внѣ себя отъ страха, рыдая, кинулась къ Уленькѣ, простирая руки впередъ:

— Не надо! Перестань! Не надо! Молчи! Молчи!—залепетала она испуганно.

Даже Ларисса поблѣднѣла. Въ насмѣшливыхъ до этого глазахъ «королевы» отразился не то страхъ, не то ужасъ.

— Молчи! Молчи!—неслось по классной.

И только двѣ дѣвочки изъ одиннадцати, схватившись за руки, стояли неувѣренныя, сбитыя съ толку, но смѣлыя и безстрашныя, какъ всегда.

Ольга Линсарова и «маркиза», Инна Кесарева, не поддались вліянію Уленьки. Но и ихъ смѣлыя сердца дрогнули невольно, когда послѣдняя, въ какомъ-то порывѣ безумія, оттолкнувъ маленькую Соболеву, съ широко распростертыми руками двинулась, закрывъ глаза, впередъ по направленію къ двери, выкрикивая глухимъ, одичалымъ голосомъ:

— Чую его! Здѣсь онъ! Близится сатана! Ко стаду своему близится! Къ окаяннымъ рабынямъ своимъ!.. Іисусъ милосердный, смилуйся надо мною! Не попусти узрѣть зрѣлище отвратное!.. Близится сатана! Вотъ онъ, вотъ!.. Ликуетъ онъ! Смѣется окаянный, страшный, радуется! Вотъ онъ, вотъ! — прибавила она, широко раскрывая глаза и упорно глядя на дверь, — вижу его! Вижу!.. Онъ близко!..

Онъ ужъ здѣсь!.. Прочь! Прочь! Прочь! — неистовымъ воплемъ вырвалось, наконецъ, съ хрипомъ изъ помертвѣвшихъ устъ Уленьки, и она съ страшнымъ крикомъ отпрянула назадъ отъ открывшейся внезапно двери.

Отвѣтный вопль одиннадцати дѣвочекъ пронесся по комнатѣ...

На порогѣ классной стоялъ... сатана.

ГЛАВА III.

Неожиданное явленіе.—Двѣнадцатая.

БОЛЬШІЕ черные глаза, блестящія черныя крупныя кольца кудрей, запушенныя снѣгомъ, сросшіяся брови, угрюмо-дикое выраженіе въ рѣзкихъ чертахъ молодого лица со сверкающимъ взоромъ, почти темный широкій плащъ, закрывающій до самыхъ пятъ плотную, низенькаго роста, фигуру,—вотъ и весь внѣшній обликъ явившагося на порогѣ классной сатаны.

— Уйди, нечистый!—взвизгнула не своимъ голосомъ Уленька.—Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!—зашептала она, задыхаясь въ приступѣ отчаяннаго страха.

И, сломя голову, Уленька бросилась бѣжать изъ класса, дикимъ визгомъ оглашая комнату, грубо отталкивая всѣхъ, кто попадался навстрѣчу, и не обращая вниманія на Раю Соболеву, которая съ тяжелымъ стономъ грохнулась безъ чувствъ на полъ.

Остальныя дѣвочки сбились въ кучу. Блѣдныя, на смерть испуганныя, личики и ужасомъ расширенные глаза впились въ неожиданно появившееся въ дверяхъ существо. Послѣднее шагнуло при гробовомъ молчаніи къ безчувственной Раечкѣ, нагнулось и... своими сильными руками подняло ее съ пола.

— Дѣвочкѣ дурно,—произнесъ сатана густымъ, низкимъ, но чрезвычайно пріятнымъ голосомъ, въ которомъ не было ничего сатанинскаго,—куда ее отнести?

Вопросъ былъ сдѣланъ по адресу пансіонерокъ. Черные блестящіе глаза сатаны устремились на нихъ.

Но никто ему не отвѣчалъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ полнаго молчанія.

Ольга Линсарова и за ней «маркиза» опомнились первыя. Инна Кесарева безстрашно приблизилась къ странному существу и спросила своимъ нѣжнымъ, точно надтреснутымъ голоскомъ:

— Кто вы?

— Я—Марко,—произнесъ сатана, быстрымъ движеніемъ сбрасывая темный плащъ.

— А-а, Марко! — вырвалось изъ груди всѣхъ десяти дѣвочекъ вмѣстѣ съ облегченнымъ вздохомъ.

Вотъ кого Уленька приняла за сатану!

Ксенію Марко, новую, «двѣнадцатую» воспитанницу матери Манеѳы! Марко, о поступленіи которой въ пансіонъ имъ уже было извѣстно! Ту самую Марко, которую графъ Хвалынскій рѣшилъ отдать на исправленіе въ ихъ пансіонъ! Ту самую, выросшую на волѣ въ лѣсу дѣвочку, про которую всезнающая и всюду поспѣвавшая со своимъ длиннымъ носомъ Уленька распускала слухи, будто она украла какую-то драгоцѣнность у своей благодѣтельницы-графини! Ксенію Марко, прибытія которой «монастырки» ждали съ нетерпѣніемъ, въ особенности когда онѣ узнали, что ее считаютъ «лѣсовичкою»!

Это прозвище передала имъ тоже Уленька, успѣвшая подслушать разговоръ матери Манеѳы съ графской домоправительницей.

— Дикая, грубая, своевольная, упрямая и воровка при-

томъ... Да и нечиста душой. Вѣдьмина дочка, какъ говорятъ,—таинственно сообщала Василиса начальницѣ.

Съ хорошей стороны аттестовала она Марко! Нечего сказать!

Мать Манеѳа долго покачивала головой, слушая Василису Матвѣевну. Ей-ли, усердной рабѣ Господа, принять въ свое чистое стадо эту нечистую овцу?

Во-время подвернувшаяся рука графской домоправительницы съ объемистой суммой, вкладомъ для монастырской обители отъ графа и графини Хвалынскихъ и обѣщанная, кромѣ того, награда за будущее исправленіе «заблудшей овцы» окончательно разсѣяли сомнѣнія матушки и рѣшили дѣло: Ксенія Марко была принята въ число монастырскихъ пансіонерокъ и духовныхъ дочерей матери Манеѳы.

И вотъ она здѣсь.

— Какъ вы сюда попали?—внезапно набираясь храбрости, обратилась къ Ксанѣ хорошенькая зеленоглазая «змѣйка» Даръ, выступая впередъ.

Ксаня спокойно взглянула на граціозно-тонкую, изящную дѣвочку и отвѣтила:

— Меня оставила графская экономка у дверей пансіона... Она не могла зайти... торопилась обратно... на поѣздъ... Сторожъ спалъ въ прихожей... мнѣ было некого спросить, какъ и куда пройти... Увидѣла свѣтъ, и вотъ я вошла сюда... Но скажите мнѣ, что дѣлать съ этой дѣвочкой?

И Ксаня безъ труда приподняла лежавшую на ея рукахъ Соболеву.

— Однако, вы сильная! Удивительно сильная, — произнесла Ларисса, медленно приближаясь къ «лѣсовичкѣ».

Та угрюмо усмѣхнулась углами рта въ то время, какъ глаза ея оставались мрачными и печальными.

— Положите дѣвочку на лавку... вотъ такъ... Отлично... Это съ ней не первый разъ... Мы намочимъ ей водой виски, и она очнется... Игранова, принеси графинъ,—тономъ, не допускающимъ возраженій, приказала Ливанская.

— Слушаю васъ, моя королева!

И Катюша въ одинъ мигъ исполнила порученіе.

Ларисса намочила свой носовой платокъ и обтерла имъ виски и голову впавшей въ обморокъ дѣвочки.

Черезъ минуту-другую Соболева открыла свои еще мутные голубые глазки. Увидѣвъ склоненное надъ нею незнакомое, смуглое лицо съ огромными глазами, она было испугалась снова и вся блѣдная прильнула къ своей покровительницѣ «королевѣ».

— Не бойся, это Ксенія Марко, «двѣнадцатая»!—успѣла шепнуть ей ея старшая подруга. И слабенькая Раечка успокоилась сразу. Она долго, долго смотрѣла въ черные мрачные глаза «лѣсовички» не то робко, не то неувѣренно.

«Такъ вотъ она какова, эта лѣсная колдунья, про поступленіе которой такъ много ходило толковъ за послѣднее время въ монастырскомъ пансіонѣ!»—мелькнуло въ ея мысляхъ, и блѣдныя губки дѣвочки дрогнули.

— Ахъ, простите, что я васъ испугалась и приняла за сатану!.. Но это Уленька виновата... Кричитъ «сатана! сатана!» и я повѣрила...—произнесла Раечка.—Вы Ксенія Марко? Да? И васъ считали «лѣсовичкою»? Неправда-ли? Я знаю. И знаю, что про васъ уже насплетничали, будто вы... Но нѣтъ, это все ложь... Я это вижу по вашимъ глазамъ, по вашему лицу... Воровки и лѣсовички не бываютъ такія... Вы честная, добрая... и,—прибавила она тихо,—вѣрно несчастная, очень несчастная...

И прежде чѣмъ кто-либо могъ опомниться, Раиса крѣпко и нѣжно поцѣловала лѣсовичку.

Ксаня вздрогнула. Ея угрюмое, гордое, озлобленное сердце забилось шибко-шибко.

Это была первая искренняя дѣтская ласка, полученная ею.

Голубоглазая, милая дѣвочка поняла ее. По однимъ ея мрачнымъ глазамъ и печальному виду поняла, угадала ея больную, надтреснутую душу!

Странное, неиспытанное еще никогда чувство охватило все существо Ксани. Ея сухіе черные глаза увлажились...

То мягкое и кроткое, что отъ поцѣлуя Раечки вошло въ душу не привыкшей къ ласкамъ дѣвочки, растворялось въ ней все больше и больше... Оно могучей, теплой волной заливало ея озлобленное, изстрадавшееся сердце. Злоба уходила, исчезала куда-то... Лицо, изъ угрюмаго, стало ласковымъ и привѣтливымъ.

Но вотъ около Ксани очутилась Ларисса Ливанская.

Она оглянулась, разсматривая своихъ новыхъ подругъ.

Кругомъ нея тѣснились черныя ряски и бѣлыя косыночки. Участливо и добро сіяли черные, голубые, сѣрые и зеленые глазки. Худенькія, отъ постовъ и частыхъ утомительныхъ церковныхъ службъ, лица озарились задушевными улыбками.

«Мы вѣримъ тебѣ... ты честная... ты хорошая... Только слишкомъ угрюмая... слишкомъ печальная!» — казалось, говорили они.

— Милая,—произнесла «королева», протягивая къ ней обѣ руки,—давайте, будемъ друзьями... Мы будемъ любить васъ... Мы уже знаемъ, почему васъ отдали въ «монастырки», но мы сразу не повѣрили сплетнямъ, а теперь мы всѣ, всѣ вѣримъ, что вы честная... Намъ это говорятъ ваши глаза... Да, да!.. Раечка вѣрно сказала... Ахъ, еслибы вы знали, какъ мы вамъ всѣ рады... Вѣдь вы изъ лѣса, съ воли... А мы здѣсь дня Божьяго не видимъ... Давайте вашу руку, и будемъ друзьями!

— И намъ, и съ нами!—откликнулись остальныя десять дѣвочекъ.

Даже Юлія Мирская и та, не посмѣвъ противостоять желанію своихъ однокашницъ, протягивала вмѣстѣ съ остальными руку Ксеніи.

Глыба льда, наполнявшая до краевъ душу лѣсовички, таяла, таяла, таяла...

Она довѣрчиво смотрѣла теперь на всѣ эти обращенныя къ ней съ такой лаской юныя лица, и ей казалось, что она снова попала въ лѣсъ, гдѣ встрѣчаетъ ее радостно стройная семья молодыхъ, ласковыхъ эльфовъ...

А эльфы-пансіонерки еще болѣе придвинулись къ ней.

— Мы будемъ какъ сестры съ тобою!—неожиданно прозвенѣлъ ей на ухо серебряный голосокъ Раечки.

— Я покажу тебѣ, что надо выучить на завтра!—серьезно и грустно по своему обыкновенію проговорила серебряная маркиза.

— Вы не по формѣ причесаны, дайте, я причешу васъ!—своимъ груднымъ чарующимъ голосомъ произнесла Кесарева.

Вмигъ заработали ея ловкія руки, и Ксаня въ одну секунду очутилась вся окутанная изсиня-черной сѣтью своихъ великолѣпныхъ кудрей.

Дѣвочки замерли отъ восторга, глядя теперь на Ксаню.

— Какіе у васъ чудные волосы!—вскричала Игранова, съ восторгомъ глядя на распущенныя косы Ксани, живописной рамой обрамляющія ея прелестное лицо.

— Удивительно! — вторила ей ея неизмѣнная подруга Ольга Линсарова, — удивительно!

Змѣйка Даръ, сверкая своими зелеными глазками, протискалась впередъ.

— Вы такая душечка! Такая прелесть!—заговорила она, вертясь передъ Ксаней,—такая прелесть, что я васъ выучу, выучу непремѣнно своему искусству.

— Искусству? Какому искусству?—удивилась Ксаня.

— О, вы не знаете? Она не знаетъ!—съ явнымъ сожалѣніемъ подхватило нѣсколько голосовъ разомъ.

Потомъ Ларисса сдѣлала шагъ впередъ и, наклонившись къ уху Ксани, произнесла съ какой-то значительной таинственностью:

— Змѣйка «кружится»... умѣетъ кружиться...

Ксаня съ изумленіемъ взглянула на Лариссу.

«Умѣетъ кружиться»... «Что это такое?» Еслибы ей сообщили сейчасъ, что эта блѣдная, вся въ пепельныхъ кудряшкахъ, съ трудомъ уложенныхъ въ двѣ тугія косички, дѣвочка умѣетъ дрессировать волковъ или барсовъ, она удивилась-бы не болѣе. Она хотѣла спросить, что означаютъ странныя слова, но спросить не пришлось.

Легкій шорохъ послышался за дверьми классной и черная фигура матери Манеѳы появилась на порогѣ ея.

ГЛАВА IV.

Недругъ.—Чужая вина.

ТЫ — Марко? — прямо направляясь къ Ксанѣ, спросила матушка. И глаза ея сурово взглянули на дѣвочку.

— Да, я — Марко, — тихо и спокойно отвѣчала та.

— Что значатъ эти распущенные волосы? Почему ты сидишь такой растрепой? — еще суровѣе обратилась къ ней мать Манеѳа.

— Это я виновата, матушка...—послышался тихій, пріятный голосъ Лариссы.—Мнѣ хотѣлось по «нашему» причесать новенькую...

— Не вѣрьте ей, матушка. Просто заступается Ла-

ренька,—произнесла ни вѣсть откуда появившаяся Уленька, бросая на Ксенію враждебные взгляды. — Новенькая не больно-то позволитъ подойти къ себѣ... Глядите, благодѣтельница, какъ глазищами-то ворочаетъ... Не даромъ ее приняла я, многогрѣшная, за са...

— Молчи! — сурово прервала ея елейное повѣствованіе Манеѳа и, снова обращаясь къ Ксеніи, проговорила:

— Почему ты не явилась сначала ко мнѣ?

— Я не знала дороги,—отвѣчала та.

— А сюда нашла дорогу?..

— Нашла.

— Охъ, матушка-благодѣтельница, и напугала-же она насъ!—снова лебезя и суетясь зашептала своимъ елейнымъ голоскомъ Уленька.

Но мать Манеѳа досадливо махнула на нее рукой, потомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, взяла за руку Ксаню и, повернувъ ее лицомъ къ столпившимся на серединѣ классной дѣвочкамъ, сурово заговорила:

— Дѣвицы, вотъ новый членъ нашей семьи... Не свѣтлымъ, желаннымъ, добродѣтельнымъ существомъ является Ксенія Марко... Тяжелое пятно лежитъ у нея на душѣ. Молитвой, постомъ и покаяніемъ должна она смыть свой тяжелый проступокъ передъ Господомъ и людьми... Долгое время ей надо замаливать свой грѣхъ... Воровство, дѣти, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ въ мірѣ... Только дьяволъ, князь тьмы, вмѣстилище зла и пороковъ, можетъ толкнуть на подобный проступокъ человѣка... Только носительница дьявола можетъ рѣшиться на страшное дѣло присвоенія-чужой собственности... И потому сторонитесь ея, дѣти! Сторонитесь той, въ душѣ которой онъ, врагъ нашъ, нашелъ себѣ удобное и желанное вмѣстилище. Не приближайтесь душами своими къ отступницѣ, къ нераскаянной грѣшницѣ до той поры, пока не очистится молитвою и по-

каяніемъ душа ея... Запрещаю я вамъ строго дружить съ Ксеніей Марко, разговаривать съ нею, проводить съ ней свободное отъ уроковъ время... Пусть будетъ она одна, покуда не найду я нужнымъ разрѣшить вашу дружбу съ нею.

Мать Манеѳа кончила свою рѣчь и поникла головою, какъ-бы отягощенная тяжелой думой о ввѣренной ей неисправимой грѣшницѣ.

Уленька, напротивъ, подняла свои раскосые глаза къ потолку и зашевелила блѣдными губами:

— Господи Іисусе Христе! Буди милостивъ къ грѣшной отроковицѣ твоей Ксеніи! Буди милостивъ, Господи Іисусе Христе!..

И вдругъ неистово взвизгнула на всю классную.

Въ ту же секунду Катюша Игранова, находившаяся подлѣ, какъ мячикъ отскочила отъ молитвенно настроенной Уленьки.

— Что съ тобой? Что ты?—испуганно вскинувъ глазами на послушницу, вскрикнула матушка.

— О... хо... хо.. благодѣтельница!.. Охо... хо... хо... милостивица! Щиплются онѣ!.. Аки зміи жалятся! — не своимъ голосомъ взвыла Уленька въ то время, какъ глаза ея злобно и подозрительно покосились въ сторону дѣвочекъ.

— Щипаться! Кто смѣлъ щипаться? Это еще что за новости!..

И мать Манеѳа грознымъ взоромъ обвела присутствующихъ.

— Кто посмѣлъ тронуть Уленьку? — послѣ минутнаго молчанія прогремѣлъ ея голосъ.

Дѣвочки притихли.

Онѣ знали, что строгое наказаніе постигнетъ виновную. Уленька стояла вся въ слезахъ и тянула своимъ обычно слащавымъ, теперь обиженнымъ голосомъ:

— Я-ли не тружусь для нихъ, я-ли не стараюсь!... А наградою мнѣ одна брань да щипки... О, Господи! Коли не довольны мною, матушка-благодѣтельница, отпустите рабу вашу смиренную... Отпустите въ обитель меня, грѣшную, коли не хороша я, не пригодна служба моя...

— Молчи! Не скули! Нужна мнѣ и ты, и твоя служба,—осадила ее Манеѳа, и снова повернувшись къ притихшимъ дѣвочкамъ, почти крикнула въ голосъ, охваченная гнѣвомъ:

— Кто посмѣлъ тронуть Уленьку?

Дѣвочки молчали попрежнему. Ихъ головы были потуплены. Глаза опущены долу.

На точно окаменѣвшемъ личикѣ Играновой, виновницы происшедшаго, царило самое безмятежное спокойствіе. Казалось, что она была далека отъ мысли обидѣть эту противную, раскосую и слащавую Уленьку.

Одна лѣсовичка стояла, высоко поднявъ голову и вперивъ въ своихъ новыхъ подругъ пристальный, не мигающій взоръ. Что ей было за дѣло до гнѣва монахини? Она была чужда страха и волненія, испытываемыхъ всѣми этими блѣдными дѣвочками.

Милыя, блѣдныя дѣвочки!—думала она.—Онѣ приняли ее какъ сестру. Онѣ впервые открыли ей, что значитъ чуткая, дружеская ласка. Послѣ стараго лѣса и слащавой, но вѣроломной Наты, онѣ впервые приласкали ее. Чѣмъ она отплатитъ имъ за ихъ ласку?

Въ груди лѣсовички, словно большая птица, трепетало что-то. Мягко и влажно засіяли черные угрюмые глаза. Острая нить мыслей пронеслась въ головѣ, отзываясь въ сердцѣ...

Идея! Счастливая идея!

Вольнымъ и быстрымъ движеніемъ отбросила Ксаня за плечи свои черныя косы и, шагнувъ быстро къ матери Манеѳѣ, произнесла твердо и громко на весь классъ:

— Онѣ не виноваты... Я, Марко, задѣла ту, косенькую...

И она, не привыкшая лгать, потупила голову.

— Ты!—беззвучно слетѣло съ устъ Манеѳы,—ты!—и не слушая разомъ зашумѣвшихъ дѣвочекъ, глухо заволновавшихся отъ этихъ словъ, матушка схватила за руку Ксаню и, не говоря ни слова, потащила ее изъ класса.

ГЛАВА V.

Въ холодной.—Близкія воспоминанія.—Секлетея.—Тайна таинственной молельни.

КАКАЯ-ТО дверь, темная пасть пустого чернаго пространства, волна сырого, холоднаго, какъ въ ледникѣ, воздуха — и мать Манеѳа втолкнула Ксаню въ маленькую коморку, бывшую когда-то пансіонской кладовой, теперь-же приноровленную для иныхъ цѣлей.

Зашуршало что-то... Чиркнула спичка и слабо освѣтила внутренность клѣтушки... Дрожащею рукою мать Манеѳа зажгла ощупью найденную на столѣ свѣчу. Слабый, трепетный огонекъ освѣтилъ коморку.

Единственный табуретъ у простого некрашеннаго стола, пучокъ соломы въ углу, образъ угодника Божія, чуть освѣщенный потухающимъ малюсенькимъ огонькомъ лампады—вотъ и все убогое убранство «холодной», куда мать Манеѳа запирала на хлѣбъ и на воду своихъ провинившихся ученицъ.

— Ты будешь здѣсь сидѣть до тѣхъ поръ, пока духъ лжи, притворства, злобы и бранчивости не покинетъ тебя,—смѣривъ взоромъ съ головы до ногъ Ксенію, сурово произнесла монахиня, грозя худымъ, длиннымъ пальцемъ передъ ея лицомъ.—А ежели не смиришься, негодница, придумаю

я тебѣ наказаніе иное... Смотри, не доведи меня до крайности! Ой, не доведи!

И, сказавъ это, она исчезла за дверью.

Задвижка щелкнула за нею, и Ксаня осталась одна.

Странно и смутно было у нея на душѣ...

Послѣднія событія ея коротенькой жизни словно совсѣмъ выбили дѣвочку изъ колеи.

Судьба вертѣла точно игрушкою бѣдной, понукаемой всѣми «лѣсовичкою», превративъ ее въ «барышню», подругу графини Наты, и любимицу графини Марьи Владиміровны—живую модель для картины графини...

Правда, невесело жилось Ксанѣ въ золоченой клѣткѣ графовъ Хвалынскихъ. Для нея, привыкшей къ свободной жизни, Розовая усадьба, гдѣ слѣдили за каждымъ ея шагомъ, гдѣ каждое слово, каждое движеніе, каждый жестъ приходилось обдумывать, чтобы не стать смѣшною, была хуже тюрьмы. А навязчивая дружба Наты тяготила ее. Слишкомъ рѣзко расходились обѣ дѣвушки и характерами, и вкусами, и воспитаніемъ, и образованіемъ, чтобы простая «лѣсовичка» могла стать подругою молодой графини. Притворяться-же Ксаня не умѣла, и сознавая въ душѣ, что Ната ея спасительница, она все-же не только оставалась равнодушною къ ней, но даже ненавидѣла ее, какъ ненавидѣла всѣхъ въ Розовой усадьбѣ, всѣхъ,—кромѣ Виктора, несмотря на всѣ его насмѣшки.

Но если скверно жилось Ксанѣ въ Розовой, когда она еще считалась живой игрушкой Наты, то послѣ злополучной пропажи брошки и вслѣдъ затѣмъ отъѣзда Наты—жизнь лѣсовички въ графской усадьбѣ стала прямо адомъ. Вопреки словамъ Василисы, ее не отправили на слѣдующій-же день въ городъ, а продолжали держать подъ строгимъ надзоромъ въ усадьбѣ, не позволяя отлучаться ни на шагъ. Тутъ-то начались для нея самые мучительные дни. Всѣ смотрѣли

на нее какъ на отверженную, какъ на преступницу, а Василиса и другіе слуги допекали ее своими колкими замѣчаніями и насмѣшками, которыя она должна была выносить молча. Вѣдь она считалась воровкой!...

Въ это время графъ съ графинею совѣтовались какъ поступить съ «преступницей».

Ни графъ, ни графиня не находили нужнымъ провѣрить признаніе Ксани, несмотря на слова Виктора, твердо стоявшаго на томъ, что лѣсовичка не взяла брошки, что она почему-либо, нарочно, сама наклеветала на себя. Тщетно умолялъ Викторъ графиню допросить еще разъ наединѣ Ксаню, тщетно просилъ позволить ему самому поговорить съ лѣсовичкой. Графиня не могла не вѣрить Василисѣ, утверждавшей, что она «сама видѣла», какъ Ксаня прятала злополучную брошку. Какъ-же не повѣрить старой, испытанной экономкѣ? Не станетъ-же она напрасно клеветать! И графиня не только не захотѣла говорить съ Ксаней, но даже запретила ей показываться на глаза.

Воспользовавшись случаемъ съ брошкою, графиня охотно прогнала-бы Ксаню «на всѣ четыре стороны», какъ говорила Василиса. Лѣсовичка успѣла надоѣсть графинѣ, уже искавшей другое развлеченіе послѣ неудачныхъ опытовъ съ картиной «Лѣсная фея». Но прогнать Ксаню было неловко. Что скажутъ люди, что скажутъ знакомые, предъ которыми и графъ, и графиня разыгрывали роль добрыхъ, сердобольныхъ, сострадательныхъ людей, занявшихся судьбою странной дикарки, «чудесно» спасенной ихъ дочерью? Особенно неловко послѣ того праздника, на которомъ лѣсовичка такъ очаровала всѣхъ. Нужно было сыграть роль добрыхъ опекуновъ до конца.

И вотъ, послѣ долгихъ совѣщаній, въ которыхъ принялъ участіе и отецъ Виктора, и даже Василиса, рѣшено было помѣстить Ксаню «на исправленіе» въ монастырскій пансіонъ сестры Манеевы.

Какъ разъ къ этому времени окончились лѣтнія каникулы, и наступило время отправить Виктора опять въ гимназію, находившуюся въ томъ самомъ городѣ, гдѣ и пансіонъ Манеѳы. Графъ воспользовался этимъ случаемъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, побывалъ у матери Манеѳы и условился относительно пріема лѣсовички въ число монастырокъ, при чемъ счелъ еще нужнымъ прибавить, что онъ разсчитываетъ на особенно строгое отношеніе къ «испорченной» дѣвушкѣ.

По возвращеніи графа Василисѣ велѣно было немедленно собрать всѣ вещи Ксани, отвезти ее въ пансіонъ и передать въ руки начальницѣ.

Нечего и говорить, съ какою радостью принялась Василиса за исполненіе этого приказанія.

Графъ и графиня отпустили вчерашнюю любимицу не простившись, не напутствовавъ на дорогу. Но мало того: какъ Ксаня убѣдилась въ первый же часъ своего пребыванія среди монастырокъ, ее представили какъ воровку, какъ самое испорченное и потерянное существо въ глазахъ матери Манеѳы и ея ученицъ! Они не пощадили ея!

Но это все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что потеряла Ксаня.

Умеръ Василій... Умеръ ея единственный, вѣрный, преданный другъ, такой-же жалкій, бѣдный сирота, какъ и она, обиженный людьми и Богомъ... Она не могла проститься съ нимъ даже... Онъ умеръ безъ нея, одинокій...

Едва-едва удалось Ксанѣ упросить, чтобы отпустили ее на похороны. Наконецъ—отпустили, но не одну, а подъ строгимъ надзоромъ Василисы. Она успѣла еще во-время. Вася лежалъ въ гробу. На лицѣ его застыла улыбка. Сжатыя маленькія его губы какъ-будто говорили:

— Ксаня! Бѣдная! Я вѣрю тебѣ! Я одинъ тебѣ вѣрю! Ты чистая! Ты гордая! Ты царевна лѣсная... Не нужны царев-

намъ ни золото, ни драгоцѣнные камни! У нихъ сокровища лѣса, вся лѣсная радость, всѣ цвѣты и букашки,—все ихъ. Ты не могла украсть! Ты не воровка!

— Да, я не крала! Я не воровка!—повторяла она тогда.— Василій! Васенька! Тебѣ одному я скажу это! Передъ тобой мертвымъ оправдываться не стыдно.

И она открыла свою душу мертвому другу...

Она не плакала на похоронахъ... Но глаза ея, не отрывавшіеся отъ усопшаго, говорили много—больше всякихъ слезъ...

Прямо съ похоронъ ее увезли снова въ усадьбу, гдѣ она, спустя недѣлю, узнала новость: Норовъ оставилъ мѣсто, уѣхалъ навсегда, и новый лѣсничій поселился въ лѣсной сторожкѣ... А еще черезъ мѣсяцъ Ксаню отослали сюда, въ монастырскій пансіонъ.

Всѣ эти мысли вихремъ кружились въ головѣ дѣвочки... Мечты о недавнемъ прошломъ такъ охватили ее, что она не замѣтила даже, какъ щелкнула у дверей задвижка. Она очнулась только тогда, когда передъ ней предстала маленькая, худенькая, сѣдая женщина въ темномъ, съ бѣлыми горошинками, платьѣ.

— Здравствуй, Христово дитятко! — произнесъ мягкій, ласковый голосъ, и маленькая, худая рука легла на плечо Ксани.

Дѣвочка вздрогнула и подняла голову.

Передъ ней стояла старушка съ добрымъ, предобрымъ морщинистымъ лицомъ.

— Кто вы?—невольно вырвалось изъ груди лѣсовички.

— Секлетея я. Не бойся, Христово дитятко...—произнесла старушка и, неожиданно наклонившись къ Ксанѣ, поцѣловала ее въ лобъ.

Пораженная дѣвочка отпрянула въ сторону, а старушка снова заговорила, поглаживая по ея черной, какъ смоль головкѣ:

— Не серчай, не серчай, Христово дитятко, на меня старуху... Любя вѣдь я... Всѣхъ-то я люблю васъ, Божьихъ дѣточекъ, всѣхъ люблю... Потому вы, какъ цвѣтики, безгрѣшныя... Серчаетъ, вишь, на васъ мать Манеѳа съ сестрою Агніей да Уленькой... Наказываютъ васъ... А по мнѣ не наказывать надо, а ласкать да нѣжить душу ласкою... Озлобить не трудно... Приручить, да пригрѣть, да душеньку растопить на добро—куда труднѣе... Не вѣрю я, чтобы вы, дѣточки, худыя были. Нѣтъ... Добрыя вы, только доброту вашу иной порой прячете, потому стыдлива она, эта доброта... Ахъ, Христово дитятко, печется о васъ всѣхъ Господь Милосердный, охъ, печется!.. Много отъ Него, Милостивца, видимъ добра!..

— Я не видѣла еще добра, а зла въ жизни много видѣла!—сурово и рѣзко произнесла Ксаня.

— Охъ, охъ! Не гнѣви-же Господа!.. Припомни хорошенько!.. Небось, Господь-то тебѣ не разъ помогалъ въ трудную минуту...

— Не помога... — хотѣла было возразить дѣвочка и вдругъ осѣклась. Словно въявь предстала передъ ней розовская лужайка, подгулявшая толпа хмѣльныхъ крестьянъ, огромное, огнедышащее жерло раскаленной до-красна печи, и она, какъ затравленный звѣрь, одна-одинешенька, преслѣдуемая, толкаемая на гибель всей этой разъяренной толпой... Тогда—о, это Ксаня хорошо помнитъ!—она подняла глаза къ небу, вспомнила мать, вскрикнула невольно «мама!» и нѣжно, неопредѣленно послала туда, къ звѣздамъ, мольбу о спасеніи... И, точно чудо, какъ разъ во-время подоспѣло спасеніе: когда, казалось, наступилъ уже послѣдній ея часъ, когда неоткуда было ждать помощи, вдругъ явилась графиня Ната Хвалынская и спасла безпомощную дѣвочку отъ ужасной смерти... Не подумала тогда Ксаня, откуда пришло это неожиданное спасеніе, не подумала,

что кто-то Могучій и Милостивый направилъ нарочно графиню въ то мѣсто, гдѣ пьяные мужики хотѣли сдѣлать расправу съ лѣсовичкою... Простыя, безхитростныя слова старушки напомнили Ксанѣ о пережитомъ, напомнили, что и она испытала милость и добро Господа...

Старушка молча смотрѣла на дѣвочку. Казалось, она видѣла насквозь все происходившее въ ея душѣ. Молча гладила она черненькую головку и любовно, почти съ материнской нѣжностью, смотрѣла въ ея угрюмые, прекрасные глаза.

— А теперь, Христово дитятко, подкрѣпи себя,—послѣ долгаго молчанія зазвучалъ въ коморкѣ мягкій старческій голосъ старушки. — Глянько-сь, что принесла я тебѣ... Кушай, дѣточка, кушай досыта... Небось, не догадались накормить тебя наши длинноносыя послѣ долгой-то дороги. Небось, съ утра не ѣла ничего?

— Не ѣла, бабушка,—согласилась Ксаня, сейчасъ только почувствовавшая голодъ.

Ласковый тонъ старушки, ея материнская заботливость невольно привлекали къ себѣ и пробуждали чувство довѣрія въ озлобленной и одинокой душѣ лѣсовички.

Между тѣмъ Секлетея вынула изъ-подъ платка теплый горшечекъ съ похлебкой и большой ломоть картофельнаго пирога.

— Кушай, Христово дитятко! Кушай, болѣзная!—приговаривала она, пока дѣвочка съ жадностью глотала похлебку.

Потомъ опять погладила довѣрчиво поднятую на нее черную головку и, внимательно глянувъ въ смуглое, красивое личико дѣвочки, произнесла, покачивая своей маленькой сѣдой головой:

— Ой, вижу, трудно здѣсь тебѣ будетъ, красавица... Ой, трудно! Не въ нашинскихъ ты дѣвочекъ... Наши ужъ пообвыкли, попокорнѣли, а ты, гордая, ндравная да вольная,

не усидишь, пожалуй, въ клѣткѣ... Вижу, дѣвонька. Ну, Христосъ съ тобой... Христосъ со всѣми вами... Любитъ васъ всѣхъ старая Секлетея. Давно-бы ушла отселѣ, кабы не вы... Оттого и приросла, какъ грибъ, къ мѣсту, оттого и дорожу этимъ мѣстомъ, чтобы васъ тѣшить, Христовы дѣточки, чтобы вамъ горькую участь вашу облегчить. Такъ-то, дѣвонька! Такъ-то!.. А теперь пойду. Спи со Христомъ!.. Хошь, сѣнца еще принесу на подстилку?

— Не надо... Я привыкла...

— То-то привыкла... Говорю и то... вольная ты. Въ лѣсу росла... Въ лѣсъ и потянетъ... Ой, потянетъ, дѣточка... А ты крѣпись! Какъ звать-то тебя?

— Ксенія.

— Ну, Господь съ тобой, Ксенюшка! Спи... А утречкомъ колоколъ разбудитъ... Въ церковь пойдешь...

И старуха, обнявъ одной рукой шею Ксани, быстро и широко перекрестила ее другою.

Глаза Ксани потупились въ землю. Сладка и пріятна была ей эта забота старухи. Никто еще въ жизни не крестилъ ее такъ. Можетъ быть мать. Но этого не помнила Ксаня. Что-то помимо воли обожгло глаза: не то слеза, не то влага... Хотѣлось крикнуть на весь домъ громко и пронзительно, хотѣлось упасть на полъ и застонать отъ боли и счастья за-разъ, отъ остраго прилива счастья, познанія первой искренней ласки, которой почти не знала угрюмая душа...

Секлетея ушла такъ же тихо, какъ и появилась, унося съ собою остатки ужина. Снова щелкнула задвижка за нею и Ксаня, изнеможенная, повалилась на разложенную на полу солому.

ГЛАВА VI.

Молельня сестры Манеѳы. — Будущая монахиня.

Едва лишь успѣла Ксаня смежить рѣсницы, какъ на нее какъ будто повѣяло лѣсной прохладой... Холодная коморка точно исчезла... Стѣны раздвинулись, ушли куда-то, и ихъ мѣсто заняли зеленыя вершины, разубранныя по лѣтнему... И шумятъ, шумятъ безъ конца... Какое счастье!.. Она опять въ лѣсу, въ знакомомъ, старомъ, дорогомъ лѣсу, о которомъ она часто грезила за послѣднее время!.. А шумъ становится все сильнѣе и сильнѣе. Ксаня знаетъ этотъ шумъ—шумъ колдующаго лѣса... Сотни голосовъ наполняютъ его... Это поютъ праздничные эльфы... Это трещатъ кузнечики въ травѣ... Но почему ихъ голоса такъ грубы и рѣзки и звучатъ глухо и жутко, какъ брань?.. И почему они заглушаютъ шумъ лѣса и стонъ дубравы?

Ахъ, что это? Это уже не лѣсъ шумитъ... Другое, совсѣмъ другое...

Послѣдніе остатки забытья соскользнули съ отуманенной головы Ксани... Сонъ улетѣлъ... Она, какъ встрепанная, вскочила со своей соломенной подстилки и, прижавъ ухо къ стѣнѣ, стала прислушиваться... Тамъ, за стѣною, раздавались какіе-то странные голоса: одинъ грозный и рѣзкій, другой—тихій, плачущій, какъ-будто молилъ о пощадѣ. Оба голоса раздавались все громче и громче среди ночной тиши.

Плачущій голосъ теперь почти падалъ до шопота. Его властной волной покрывалъ грозный.

Словъ нельзя было разобрать. Они были заглушены стѣною. Но смутный гулъ ихъ доносился ясно до ушей Ксани.

И вдругъ грозный голосъ загремѣлъ рокочущей волною. Слѣдомъ за этимъ раздался короткій трескучій звукъ, и громкій вопль огласилъ тишину спящаго зданія.

Затѣмъ все стихло... Только кто-то рыдалъ неудержимо и горько, тяжелымъ, душу потрясающимъ рыданіемъ.

Болѣзненно сжалось сердце Ксани. Не помня себя, она кинулась впередъ, забывъ совершенно, что толстая, глухая стѣна съ трехъ сторонъ и запертая на задвижку дверь, съ четвертой, не могутъ ни въ какомъ случаѣ помочь ей узнать въ чемъ дѣло.

И все-таки Ксаня рванулась впередъ, чувствуя непреодолимое желаніе спасти отъ невѣдомаго врага ту несчастную, что рыдала за дверью, надрывая ей душу.

Въ своей стремительности дѣвочка толкнула подсвѣчникъ. Послѣдній съ грохотомъ полетѣлъ на полъ. Свѣча потухла. Въ «холодной» стало темно какъ въ могилѣ.

Темно, но только на одну минуту.

Глаза Ксани вдругъ различили острую, яркую, какъ змѣйка, полоску свѣта, выходившую откуда-то изъ-подъ карниза стѣны.

— Дверь!—чуть-ли не въ голосъ радостно вскричала дѣвочка.

И, не помня себя, она изо всѣхъ силъ уткнулась руками въ стѣну.

Легкое, чуть слышное для уха шуршанье, чуть уловимый скрипъ, и Ксаня очутилась въ странной полутемной комнаткѣ, похожей на часовню.

Комнатка была очень невелика, немногимъ больше развѣ той коморки, куда запирали преступницъ-пансіонерокъ. Всѣ стѣны ея, не исключая и двери, черезъ которую проникла сюда Ксаня, были увѣшаны бархатными коврами, такъ что ни одинъ звукъ не долеталъ сюда извнѣ. Поверхъ ковровъ—образа, съ изображеніями суровыхъ ликовъ святыхъ

угодниковъ. Посреди комнаты находилось Распятіе. Передъ нимъ—аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Подлѣ аналоя—серебряная чаша съ кропильницей и святой водой. Повсюду стояли свѣтильники, не зажженные, однако, въ эту позднюю пору. Только передъ большимъ Распятіемъ висѣла лампада, озаряя скуднымъ, мерцающимъ свѣтомъ часовню.

Посреди комнаты, представлявшей собою часовню или молельню, распростершись на полу, лежала какая-то фигура въ бѣломъ. Ксанѣ виденъ былъ только изящный женскій затылокъ и распустившіеся вдоль спины золотые пушистые волосы, роскошнымъ покрываломъ укрывшіе лежащую, которая рыдала, не отрываясь отъ холоднаго каменнаго пола часовни.

Ксаня неслышно приблизилась къ лежащей.

— Кто вы? И о чемъ плачете?

Бѣлокуро-золотистый затылокъ отпрянулъ отъ холодныхъ каменныхъ плитъ. Блѣдное, залитое слезами, лицо съ предательскимъ пятномъ багроваго румянца на щекѣ поднялось на Ксаню. Послѣдняя сразу узнала въ несчастной красавицу Лариссу Ливанскую, «королеву».

— О!—вскричала послѣдняя, вскакивая на ноги, вся блѣдная и дрожащая въ одной длинной ночной сорочкѣ,—о, вы слышали... ты... слышала... Она ударила меня... била меня!..

— Ударила?!. била?!. тебя?!..

— Да, она била меня!.. Мать Манеѳа била меня по щекѣ!.. Понимаешь, била!

— Видишь-ли, — продолжала всхлипывая Ларисса, повиснувъ на шеѣ Ксани,—мать Манеѳа обязалась Богу поставлять ежегодно новыхъ инокинь къ себѣ въ обитель... Въ этомъ году выборъ палъ на меня... Сегодня она опять позвала меня къ себѣ, когда всѣ прошли въ спальню, подняла раздѣтую съ моей постели,

привела сюда и передъ Его Распятіемъ потребовала у меня клятвы... страшной клятвы, что я поступлю въ обитель... постригусь... стану инокиней, потому что она поручилась за насъ Распятому, поручилась приводить Ему, Спасителю міра, ежегодно одну свѣтлую, новую, чистую душу дѣвушки... Эту душу, понимаешь-ли, заживо погребутъ въ каменномъ мѣшкѣ, который зовется монастыремъ... Погребутъ заживо!.. Но я не соглашалась похоронить мою молодость въ монастырѣ... Я не хочу быть монахиней!.. Не хочу! Ахъ, пожалѣй меня, милая, милая ты моя лѣсовичка... Пойми только, голубушка!.. Не хочу я въ монахини, не хочу!.. У меня есть другія цѣли, другія желанія... Ксенія Марко, слушай. Тебѣ я повѣрю мою тайну... Хотя я совсѣмъ не знаю тебя, но я увѣрена, ты не выдашь меня... Ты одна не выдашь и поймешь...

И, схвативъ Ксаню за руку, Ларисса шопотомъ начала разсказывать:

— У меня есть женихъ. Насъ обручили еще въ дѣтствѣ другъ съ другомъ наши родители. Онъ живетъ у своей старой бабушки и моей бабушки тоже, потому что мы родственники и онъ мой троюродный братъ... Онъ мнѣ сказалъ, когда меня отвозили въ монастырскій пансіонъ матери Манеѳы:—«Учись, Ларисса! Я буду ждать, когда ты кончишь ученіе, и мы вмѣстѣ тогда будемъ приносить пользу человѣчеству. Ты богата и можешь открывать больницы и школы. Я буду всѣми силами помогать тебѣ»... Онъ ученый, мой Николай! Онъ смѣлый, и я люблю его! Да, я люблю его... Милая лѣсовичка, пойми меня ради Бога! Пойми, что Манеѳа хочетъ отнять меня отъ него... Хочетъ запереть въ четырехъ стѣнахъ обители, гдѣ я не смогу принести пользы и добра человѣчеству, какъ училъ меня Николай, и гдѣ я зачахну какъ цвѣтокъ... Понимаешь?

— И она настаивала?

— Да, настаивала и даже била меня по щекѣ за то,

что я не соглашалась... Она не понимаетъ, что не для меня обитель, что есть болѣе достойныя... А утромъ она придетъ и, можетъ быть, будетъ бить меня снова, зачѣмъ я не соглашаюсь, и никто-никто не въ состояніи помочь мнѣ...

Ужасъ охватилъ впечатлительную и нервную душу Ксеніи.

Она вздрогнула при одной мысли очутиться на ея мѣстѣ, вздрогнула и поблѣднѣла.

— Тебя надо спасти!—сказала она, твердо глядя въ прелестное, изящное личико Лариссы.

— Спасти! О, это невозможно!—простонала она.

— Какъ знать!.. Придумаемъ что-нибудь! Я еще не знаю какъ, но...

— О, милая, дорогая, подумай, подумай, — горячо вырвалось изъ груди несчастной «королевы», бросившейся на шею Ксани.—Не знаю почему, но твои слова какъ-то сразу вернули мнѣ надежду... Ты чуткая! Добрая! Про тебя лгали, выставляя тебя звѣремъ и воровкой! Ты мнѣ поможешь... Да, да, я это чувствую...

И Ларисса бросилась на шею Ксани.

— Знаешь-ли ты, — прибавила она, быстро обтирая слезы,—всѣ «наши» поражены твоимъ великодушнымъ поступкомъ, всѣ въ восторгѣ отъ тебя!.. Ты хорошій товарищъ, Марко! Но Катюша Игранова не вытерпѣла: вечеромъ, узнавъ, что тебя заперли въ холодную, побѣжала къ матушкѣ покаяться въ своей винѣ и просила освободить тебя... Манеѳа обѣщала... Завтра ты снова будешь съ нами...

Ксенія угрюмо мотнула головой.

— А Игранова? Ей достанется?

— Ахъ, та привыкла, чтобы ей доставалось. Съ нея все, какъ съ гуся вода... Но спѣши. Неровенъ часъ, сестра Агнія замѣтитъ тебя. Сейчасъ она дѣлаетъ свой ночной обходъ. Спѣши же отсюда.

— Прощай... Не отчаивайся. Все будетъ хорошо!

И глаза Ксеніи впервые зажглись лаской.

Ларисса молча пожала ея руку. Ксаня быстрой тѣнью скользнула къ задрапированной двери.

ГЛАВА VII.

Горные хребты.—Выходка.—Виноватая.

УТРО. Десятый часъ. Монастырки только-что вернулись, разрумяненныя морозомъ, изъ городского собора. Сегодня ранняя обѣдня затянулась почему-то, и онѣ, наскоро проглотивъ по кружкѣ чаю, вошли въ классную, когда тамъ, уже поджидая ихъ, бѣгала учительница географіи, Анна Захаровна Погонина. На ея желтомъ, сердитомъ лицѣ было написано явное недовольство и раздраженіе.

— Прохлаждайтесь, душеньки, прохлаждайтесь! Можно было-бы и поторопиться. Да-съ!—заскрипѣла она, нервно подергивая уголками рта, что бывало съ нею всегда въ минуты гнѣва и раздраженія.

Дѣвочки низко и почтительно отвѣсили ей по поясному поклону. «Книксены» въ монастырскомъ пансіонѣ сестры Манеѳы не полагались, и поясные поклоны отвѣшивались не только монахинямъ, но и учителямъ, и учительницамъ, и даже рѣдкимъ свѣтскимъ посѣтителямъ пансіона.

На низкій поклонъ Погонина отвѣтила чуть примѣтнымъ кивкомъ головы и быстро, стремительно заняла свое мѣсто на каѳедрѣ.

— Дежурная, что задано?

Встала «маркиза».

— Горные хребты заданы, Анна Захаровна. Только... только мы не выучили ихъ.

— Почему не выучили?

Глаза Погониной округлились.

— «Совсѣмъ сова», — шепнула Ливанская, сидѣвшая рядомъ съ Ксеніей.

Съ той злополучной ночи, когда несчастная королева рыдала на холодномъ полу Манеѳиной молельни, прошелъ цѣлый мѣсяцъ пребыванія Ксеніи въ пансіонѣ. Мѣсяцъ постоянныхъ окриковъ на лѣсовичку со стороны суровыхъ монахинь. Мѣсяцъ долгихъ стояній на утреняхъ, утомительныхъ высиживаній за уроками, къ которымъ съ трудомъ привыкала вольная, дикая, лѣсная дѣвочка.

Быстро промелькнулъ мѣсяцъ дружбы съ Ларенькой, «королевой», «маленькой Раечкой», какъ прозвали монастырки малютку Соболеву, и отчасти съ «мальчишкой» Играновой, которая поклонялась Лариссѣ, какъ вѣрный рыцарь, но не могла не подружиться и съ этой смуглой, дикой, красивой лѣсовичкой, успѣвшей принести ей такую жертву.

Всѣ четыре дѣвочки сидѣли поблизости одна къ другой въ классѣ и спали рядомъ въ неуютной, какъ казарма, спальнѣ, съ вытянутыми посреди нея узкими, жесткими кроватями.

Если Ксаня была все еще не разговорчива и угрюма, никогда не повѣряла Лариссѣ своихъ тайнъ, мыслей и желаній, то, напротивъ того, не сообщительная съ другими Ларенька дѣлилась съ лѣсовичкой всѣмъ, что имѣлось у нея на душѣ.

Ларенька, «королева», была старше возрастомъ всѣхъ этихъ милыхъ, но наивныхъ и немного смѣшныхъ, вслѣдствіе ихъ замкнутой жизни, дѣвочекъ. Красивая, умная, гордая, она покровительственно относилась къ Раечкѣ, балуя и нѣжа ее, какъ мать ребенка, хотя иногда шутливо и

ревновала ее къ восторгавшейся ею, ея рыцарю, Катюшѣ Играновой. Но врядъ-ли ту и другую могла любить эта златокудрая, мечтательная Ларенька. Одну «маркизу» развѣ, не-дѣтски серьезную, грустную и печальную Инну, она бы болѣе приблизила къ себѣ.

Но Инна всегда держала себя въ сторонѣ отъ прочихъ. Набожная и молчаливая, она или проводила время въ молитвахъ и чтеніи священныхъ книгъ, или часами сидѣла одна-одинешенька, поникнувъ серебряной головкой и вперивъ куда-то вдаль свои печальные глаза...

У Лареньки въ одинъ годъ умерли отецъ съ матерью. Богатая сирота осталась на попеченіи у бабушки. Но бабушка была, какъ она сама про себя говорила, «ветхая старушка» и сознавала, что не воспитать ей, какъ слѣдуетъ, своей внучки. Думала-думала старушка куда послать на воспитаніе внучку и рѣшила, что лучше всего въ пансіонъ матери Манеѳы, о которомъ она слышала много хорошаго отъ знакомыхъ монахинь. «Побудетъ года три-четыре внучка у матери Манеѳы,—размышляла бабушка,—да потомъ, если Богъ дастъ доживу, прямо оттуда и замужъ ее выдамъ за Николая». Этотъ Николай, тоже сирота, былъ другъ дѣтства Лариссы; съ нимъ Лариссу помолвили давно покойные родители дѣвочки. Николай Денисовъ кончалъ университетъ въ Петербургѣ. Онъ былъ лѣтъ на шесть старше Лариссы. Его образъ прочно лежалъ въ душѣ златокудрой королевы, и въ тишинѣ пансіонскихъ стѣнъ Ларенька не разъ мечтала о миломъ, добромъ и честномъ юношѣ, вопреки желанію матери Манеѳы, старавшейся во что бы то ни стало подарить обители эту молодую, богатую сироту.

Просьбы, мольбы и угрозы матушки мучительно отзывались на Лариссѣ. И не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ и опасеніями.

Но появилась эта смуглая, угрюмая, черноокая лѣсо-

вочка, съ таинственнымъ и непонятнымъ прошлымъ, со всею горечью пережитой тяжелой клеветы, и бѣлокурую Лариссу потянуло къ странной, необыкновенной подросткудѣвушкѣ.

* * *

— Почему не выучены горные хребты?—снова прозвучалъ нетерпѣливый вопросъ.

— Мы пѣли вчера до одиннадцати часовъ вечера херувимскую... Матушка приказали,—почтительно отвѣчала маркиза.

— Это не оправданіе!—такъ и закипѣла вся Погонина.— Это не оправданіе!.. А утро на что?

— Утромъ мы въ соборѣ были, Анна Захаровна.

— А до собора?—уже въ голосъ выкрикнула та. — До собора! Небось, нѣжились въ постеляхъ? О небесныхъ миндаляхъ мечтали? А?

— Что же намъ въ пять часовъ вставать что-ли! И такъ ужъ въ шесть будятъ!..

— Кто это сказалъ?

Круглые и безъ того глаза Погониной округлились еще больше.

— Кто это сказалъ? Игранова, ты?—визжала она.

— А хоть-бы и я!—раздался голосъ Играновой.

— Дерзкая! Ну, хорошо!.. Мнѣ нѣтъ дѣла, почему вы всѣ не выучили. Вы обязаны были выучить... Игранова, выходи къ доскѣ, отвѣчай хребты... — проговорила или, вѣрнѣе, прокричала разсвирѣпѣвшая учительница.

Вся блѣдная отъ злости, она застучала при этомъ кулакомъ по столу каѳедры и затопала ногой.

Игранова поднялась нехотя съ черной деревянной скамьи, придѣланной къ пюпитру, за которыми сидѣли пансіонерки во время уроковъ, и, не торопясь, подошла къ картѣ Европы, развѣшенной на черной-же классной доскѣ.

— Отвѣчай, какіе есть хребты.

Черные глазки Играновой заискрились насмѣшкою. Дѣвочки замерли въ ожиданіи какой-нибудь выходки, на которыя была великая выдумщица ихъ общая любимица.

Съ послѣдней скамьи тянулась Паня Старина, дочь труженицы прачки, безконечно старательная въ ученіи дѣвочка и первая ученица.

— Катя, Бога ради не выкинь чего-нибудь... Молчи лучше!.. — шептала она чуть слышно по адресу «мальчишки».

— Старина, уймись!—рѣзко крикнула учительница, и багровыя пятна румянца зажглись по ея прыгающимъ отъ волненія и гнѣва щекамъ.

— Игранова, отвѣчай, какіе знаешь хребты!

«Мальчишка» подняла голову. Улыбка змѣилась въ уголкахъ пухлаго ротика Катюши, сверкала въ ея живыхъ черныхъ глазахъ. Она съ усиліемъ проглотила слюну, какъ-бы собираясь съ силами, вздохнула полной грудью и выпалила сразу, дѣлая невинное лицо:

— Я знаю хребты спинные, человѣческіе, коровьи, лошадиные, собачьи...

— Что-о-о?

— Кошачьи, крысьи...

— Молчать!

— Лисьи, волчьи...

— Дерзкая! Стой...

— Свиные, поросячьи...

— Тебѣ говорятъ молчать!

— Молчу!

Черные глаза такъ и сверкаютъ, такъ и сыпятъ потоки смѣющихся искръ.

Монастырки давятся отъ хохота. Даже на угрюмомъ лицѣ Ксеніи выдавлена улыбка.

— Игранова, на колѣни! — вся зеленая отъ гнѣва командуетъ учительница.

— Стою!

И Игранова, точно деревянная кукла, опускается на полъ, вызывая невольный, хотя и сдерживаемый смѣхъ всего класса.

— Это уже черезчуръ!—шипитъ учительница.—Игранова, вонъ! Изъ класса вонъ!

— Ухожу!

Катюша, какъ автоматъ, поворачивается къ двери и деревянной походкой, какою ходятъ заводные солдаты на прилавкахъ игрушечнаго магазина, направляется къ порогу.

Степень гнѣва учительницы не имѣетъ границъ.

— Она думаетъ... она думаетъ... что... что... у нея отецъ полицеймейстеръ, и ей... все спускаться будетъ!..— бормочетъ она себѣ подъ носъ. — И это духовная пансіонерка, это... это монашеская питомица!.. Безстыдница!.. Дерзкая!..

И, полная злобы, Погонина соскакиваетъ съ каѳедры, бѣжитъ на середину класса и выталкиваетъ за дверь Катюшу. Катюша сначала упирается. Это выходитъ смѣшно. Дѣвочки тихо, чуть слышно, задавленно хихикаютъ. Затѣмъ, съ умышленной поспѣшностью, Катюша выскакиваетъ за дверь. Погонина, багровая отъ злости, оборачивается къ классу.

— Кто смѣетъ смѣяться? Кто смѣетъ смѣяться?!—кричитъ она и, замѣтивъ слабую улыбку на обычно угрюмомъ лицѣ Марко, закипаетъ новымъ приливомъ гнѣва.

— Аа! Такъ-то! Новенькая! На колѣни!

Ксаня удивленно подняла голову. Ея черные глаза спрашивали, казалось:

— «Почему должна я встать на колѣни?»

— Молчать, и сейчасъ-же на середину класса на колѣни! Слышала?!

Ксаня не двигалась.

— За что? За что?—послышались кругомъ негодующіе голоса.

— За что? За то, что эта дерзкая смѣялась, осмѣлилась смѣяться,—заикаясь кричала учительница.

— Мы всѣ смѣялись... Всѣ... Не одна Марко! Всѣхъ ставьте на колѣни, Анна Захаровна, всѣхъ!..

— Нѣтъ, не всѣ... Я видѣла... Она одна только... Да будешь-ли ты слушаться меня, наконецъ?—обратилась Погонина къ Ксанѣ.

Голосъ ея дрожалъ и срывался.

Ксаня попрежнему сидѣла, не трогаясь съ мѣста. Ея сильныя, смуглыя руки скрестились на груди. Мрачные, угрюмые глаза молчали. Ротъ, твердо сжатый, тоже молчалъ.

Погонина подошла къ ней почти вплотную.

— Дрянная, въ-конецъ испорченная дѣвчонка!.. Я буду жаловаться матери Манеѳѣ... Другая-бы на твоемъ мѣстѣ каялась, смиренничала, стараясь загладить свою вину...

— Какую вину?

Глаза Марко вспыхнули. Она стремительно вскочила и вытянулась во весь ростъ.

— Какую вину?—грозно сдвигая свои и безъ того сросшіяся брови, вся загораясь страстной ненавистью, прошептала она.

Погонина невольно подалась назадъ. Что-то жуткое почудилось ей въ грозно-красивомъ лицѣ этой полудѣвушки-полуребенка.

— Къ матери Манеѳѣ!.. Сію же минуту къ ней!..— хриплымъ голосомъ произнесла она.—Вы всѣ отъ рукъ отбились... Вы... вы... — и, широко размахивая руками, она вылетѣла изъ классной.

ГЛАВА VIII.

Два письма.—Импровизаціи.—Неожиданный результатъ.

Гулкій звонъ, раздавшійся по всему зданію пансіона, возвѣстилъ объ окончаніи урока.

Одновременно съ нимъ просунулась опять въ классъ лукавая Катюша.

— Что, ушелъ этотъ идолъ? — прозвенѣлъ смѣхомъ голосъ шалуньи.

— Катя... Катюша... Мальчишка!.. Что ты надѣлала?!

И моментально проказница была окружена со всѣхъ сторонъ.

— Что я надѣлала, а? Ничего! Просто ничего! — безпечно тряхнувъ своей стриженой головой и бѣлой косынкой, произнесла она.

— Да вѣдь тебя на публичную отповѣдь, пожалуй, еще потащутъ!.. Вѣдь ужасъ то какой! Надерзила какъ совѣ нашей!

— Ну, это дудки! Отповѣди не будетъ...

— Какъ не будетъ?—такъ и всколыхнулись дѣвочки.

— А такъ не будетъ!..—захохотала Катя.—Вотъ изъ-за этого письма самаго и не будетъ отповѣди.

И Катюша быстро опустила руку въ карманъ и вытащила оттуда какое-то письмо.

Заинтересованныя пансіонерки еще тѣснѣе окружили всеобщую любимицу.

— Говори! Говори, Катя! Что такое?

— А то такое, что я изъ нашей тюрьмы на волю ухожу.

— Какъ такъ? Что ты врешь, Катерина! Неужто на волю?

— Да, на волю!

И Катя звонко и протяжно свистнула такимъ лихимъ, молодецкимъ посвистомъ, что ей позавидовалъ бы любой уличный мальчишка.

Потомъ блестящими глазами она обвела кругъ любопытствующихъ подругъ, сдѣлала небольшую паузу и отчеканила, любуясь впечатлѣніемъ произнесенной фразы:

— Меня, дѣвочки, папаша отсюда въ институтъ переводитъ.

— Въ институтъ???

Въ глазахъ пансіонерокъ отразилось самое искреннее удивленіе.

Въ монастырскомъ пансіонѣ еще не было такого случая. Дѣвочки уходили или въ монастырь, или въ фельдшерицы, или въ учительницы духовныхъ училищъ,—но въ другое учебное заведеніе, въ институтъ не попадалъ никто.

И вдругъ Катя—въ институтъ!

— Счастливица! Счастливица!—зашептали кругомъ.— Ни эпитемій... ни «стоянокъ» на утреняхъ... ни постной пищи... ничего ужъ не будетъ!..

— Въ институтѣ, я слышала, пирожки слоеные по праздникамъ поваръ дѣлаетъ! — произнесла, облизываясь, Маша Косолапова.

— Вотъ глупая, чему завидуетъ! Пирожкамъ!.. Учатъ ихъ тамъ всему... Хорошо учатъ... Ученыя барышни изъ нихъ тамъ выходятъ! — произнесла съ восторгомъ Паня Старина.

— И «земныхъ» не отбиваютъ... И въ холодную не садятъ ихъ...—ввернула Линсарова.

— А одѣваютъ ихъ тамъ, дѣвочки, въ зеленый съ бѣлымъ... Красиво!.. И косынками головъ не обвязываютъ! И стихи тамъ по-французски и по-нѣмецки проходятъ!

Мечтательные глаза «королевы» засіяли.

— Да не врётъ-ли она, дѣвицы? Съ чего-бы ее отсюда, а?—грубо нарушила общее очарованіе Юлія Мирская.

— Я вру!? Я вру!?—такъ и захлебнулась Игранова.— Юлька, очухайся!.. Не отошло еще послѣ утрени... Что мнѣ врать!.. Это вы съ твоей Уленькой такъ заврались, что ужъ другъ друга не понимаете... А мнѣ что? Хочешь, письмо прочитаю?.. Папашино письмо. Папаша пишетъ, что отдалъ меня на исправленіе, а взамѣнъ того я будто, будто... еще хуже избаловалась... Видите-ли, и до него слухи дошли, что я даже будто-бы отцу дьякону къ рясѣ чертика пришпилила... Да еще разное другое... Ну и вотъ! Возьмутъ меня отсюда, изъ тюрьмы нашей... Ура!

И Катя такъ закричала въ забывчивости, что вошедшій въ классъ учитель русскаго языка, Лобиновъ, даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Дѣвица Игранова, пощадите мои уши!—съ комическимъ отчаяніемъ воскликнулъ онъ, быстро и ловко вспрыгивая на каѳедру.

Это былъ еще молодой человѣкъ, симпатичный и добрый, съ умными глазами.

Единственный учитель въ Манеѳиномъ пансіонѣ, пользовавшійся среди монастырокъ большими симпатіями, Лобиновъ далеко не раздѣлялъ «педагогическихъ пріемовъ» матушки, но такъ какъ его считали лучшимъ «словесникомъ» и, главное, такъ какъ его рекомендовалъ самъ архіерей, то мать Манеѳа не рѣшалась замѣнить его другимъ преподавателемъ, хотя и жаловалась иногда, что онъ не «подходитъ» для ея пансіона и учитъ тому, чего «монастыркамъ» и вовсе знать бы не слѣдовало.

— Въ чемъ дѣло, дѣвица Игранова?—спросилъ мягко Лобиновъ.

— Ахъ, Василій Николаевичъ,—вся вспыхнувъ проговорила Катюша,—виновата, не замѣтила, какъ вы вошли.

— Да чему же вы радуетесь?

— Ухожу я отсюда, Василій Николаевичъ... Ну, какъ узнала, что ухожу и все равно взятки гладки съ меня, взяла да «сову» и извела.

— Какую сову?

— А Погониху?

— Анну Захаровну? И вамъ не стыдно, Игранова?

— Ахъ, не стыдно, милый Василій Николаевичъ. Вѣдь она злая, идолъ она, чучело... Мы ее терпѣть не можемъ... Мучаетъ она насъ...

— Этакъ и меня можетъ не терпите?—лукаво усмѣхнулся Лобиновъ.

— Ахъ, нѣтъ! Нѣтъ! Мы васъ обожаемъ... Вы такой умный! Добрый! Прелесть! — раздались звонкіе голоса со всѣхъ скамей класса.

— Пощадите, дѣвицы... Совсѣмъ, можно сказать, неожиданное объясненіе въ любви!

И добрый Лобиновъ самъ весело разсмѣялся.

Онъ отечески нѣжно любилъ всѣхъ смѣшныхъ и наивныхъ дѣвочекъ Манеѳинаго пансіона, охотно дѣлилъ съ ними ихъ радости и невзгоды, горой стоялъ за своихъ «маленькихъ монашекъ» на учительскихъ совѣтахъ передъ начальницей, и пекся, какъ добрый пастырь, о своемъ монашескомъ стадѣ.

И жаль ему было терять каждаго члена этого маленькаго стада. Жаль было разстаться и съ Катюшей Играновой. Онъ первый и, пожалуй, единственный угадалъ въ отчаянной, шаловливой проказницѣ-дѣвочкѣ живую, непосредственную, богатую на способности душу.

«Да, жаль, жаль дѣвочки,—думалъ онъ.—Украшеніемъ Манеѳиной школы могла она быть. Все на лету быстро схватывала, училась, когда безъ лѣни, прямо таки блестяще.

И такая прямая, независимая, безстрашная! Жаль дѣвочки. . Но ей лучше тамъ будетъ!..»

И стряхнувъ съ себя легкій налетъ печали, Лобиновъ снова весело заговорилъ:

— Институтка, значитъ, будете... Два пальца при встрѣчахъ подавать намъ станете. Отмѣнная дѣвица! Заважничаете поди...

— Ахъ, что вы, Василій Николаевичъ!.. Никогда! Вѣдь я «королеву» и васъ больше всего люблю въ мірѣ,—пылко вырвалось изъ груди Кати.

— Вотъ тебѣ разъ! И еще объясненіе! Ну да ладно, дѣвицы... Будетъ болтать по пустому... Урокъ зря проходитъ... А урокъ сегодня будетъ у насъ особенный... Вотъ что, барышни: хочу я знать какъ вы слогомъ владѣете... Сочиненія писать вы писали... И что одна съ другой скатывала, за это я голову даю свою на отсѣченіе. Но теперь иное сочиненіе будетъ: словесное. Я вамъ тему задамъ, а вы на нее мнѣ турусы на колесахъ распишите, но не перомъ, а языкомъ, съ вашего позволенія. Импровизаціей это называется.

Дѣвочки притихли. Это было совсѣмъ нѣчто новое. И занятно, и страшно.

И монастырки сдержанно зашушукались:

— Дивно какъ-то!

Лобиновъ понялъ общее смятеніе.

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, дѣвицы,— выговорилъ онъ снова, и его милое лицо улыбалось съ поощрительной лаской.

— Даю вамъ тему—«Что я болѣе всего люблю въ мірѣ». Ну и разсказывайте мнѣ плавно и толково про то, что любитъ каждая изъ васъ... Начнемъ со слабѣйшихъ по классу. Госпожа Косолапова, начните... Десять минутъ на размышленіе и allo!

«Головиха» поднялась тяжело и неохотно со своего мѣста. Ея тупое красное лицо лоснилось. Губы безпокойно двигались. Потянулись минуты—одна, другая, третья, четвертая и пятая—десять минутъ.

Лобиновъ мелькомъ бросилъ взглядъ на часы и произнесъ:

— Ну, пора... Разсказывайте, барышня.

Но тяжелая и толстая «барышня» только переминалась въ отвѣтъ и тяжело пыхтѣла носомъ.

— М-м-м...—мычала Машенька,—м-м-м...

— Да брось свои губы! Точно жвачку жуетъ корова,—сердито шепнула ей ея сосѣдка Линсарова. — Отвѣчай... Только злишь его!..

— Я мммм... Я, Василій Николаевичъ... мммм...—затянула Машенька,—я мммного чего люблю... А больше всего пирогъ люблю съ капустой...

— Ха, ха, ха, ха!—веселымъ взрывомъ пронеслось по классу.—Отличилась Головиха наша!

— Что смѣетесь?—внезапно разсердившись и краснѣя какъ ракъ, заворчала Машенька,—очень это вкусно, если еще съ лучкомъ да поджарить корочку...

— Ха, ха, ха, ха!

— Довольно, дѣвица Косолапова! Я вижу вкусы у насъ разные, — засмѣялся Лобиновъ. — Я не про ѣду просилъ говорить.

И онъ махнулъ рукой ничуть не растерявшейся Машенькѣ.

— Дѣвица Старина!

Паня встала.

На ея не красивомъ, но умномъ личикѣ заиграло что-то ясное и живое, какъ солнечный лучъ.

— Я маму мою люблю, Василій Николаевичъ, — прошептала она чуть слышно. — Такъ люблю маму мою!..

Бѣдная у меня мама. Она прачка, день и ночь стираетъ, на морозѣ полощетъ бѣлье... чужое бѣлье... За шестьдесятъ копѣекъ въ день мозолитъ себѣ руки, трудитъ грудь и шею. Придетъ усталая, вся разбитая домой: — «Вотъ, Панюша, говоритъ, гляди, дѣточка, какъ работаетъ мама... Честно, хорошо работаетъ день-деньской для дочки своей. Хочу дочку въ люди вывести, Панюша, хочу ей образованіе дать!» А сама плачетъ, и я плачу и закорузлыя руки ея цѣлую... И хочется мнѣ трудъ ея раздѣлить и облегчить ея участь... А развѣ я смогу? Маленькая я еще... А разъ прихворывала мама. Работы не было. И денегъ не было тоже... Позвали татарина, продали кое-что изъ платья и бѣлья, купили хлѣба. На недѣлю хватило, потомъ голодъ опять. Послѣдній кусокъ мама мнѣ отдала... А сама отвернулась, чтобы мнѣ не показать, что голодна она, милая. Отвернулась, а сама говоритъ:—«Кушай, Панюшка, кушай. Я не хочу ѣсть»... Но мнѣ кусокъ поперекъ горла сталъ. Не смогла притронуться къ нему, бросилась къ ней... Цѣловала ея ноги, какъ святой... И тутъ-же слово дала, ради нея, мамы, учиться такъ, чтобы ей помощью и подмогой стать впослѣдствіи... Чудная, добрая, святая она у меня! Ее и люблю больше всего въ мірѣ. Да и какъ не любить?—трогательнымъ вопросомъ закончила Паня свой разсказъ.

— Да, какъ не любить то? — отозвался ей въ тонъ Лобиновъ, и какою то мягкою, свѣтлою влагой наполнились его добрые глаза.

И не одни его глаза наполнились слезами.

Многіе взоры дѣвочекъ увлажнились, смущенно потупившись...

Долго молчали монастырки, глядя на маленькую Паню Старину. Ея дрожащій волненіемъ голосокъ, ея просвѣтленное лицо во время разсказа поразили всѣхъ. Горячимъ чувствомъ звучала ея почти вдохновенная рѣчь.

Лобиновъ очнулся первый и новымъ, какимъ-то размягченнымъ голосомъ произнесъ:

— Дѣвица Игранова, вы!

Катюша встала, привычнымъ движеніемъ поправила косынку. Окинувъ лукавымъ взоромъ притихшихъ дѣвочекъ и удерживая свой взоръ на Лариссѣ, она заговорила:

— Я уѣду скоро... Скоро уѣду... И все самое дорогое оставляю здѣсь... Это самое для меня дорогое—*она*... Она—фея. У нея золотые волосы, какъ спѣлый колосъ ржи, и глаза — черные, какъ темнота ночи... Она — фея... Она вся радостная, вся созданная для пѣсенъ и счастья... Золотая царица веселья избрала ее своей подругой... Но ее дѣлаютъ печальной, ее дѣлаютъ грустной—и эта ряска монахини, и эти сѣрыя стѣны, и вся окружающая ее жизнь. Если бы я была рыцаремъ, я бы примчалась за ней на моемъ конѣ и увезла ее изъ-подъ носа нашихъ черныхъ матушекъ въ страны солнца и розъ, въ страны веселья и радости, туда, гдѣ люди живутъ какъ хотятъ, туда... далеко отъ жареной трески и картошки съ лукомъ! — со смѣхомъ, подъ общій хохотъ заключила шалунья, кивая и улыбаясь смущенной и розовой королевѣ.

— Игранова, вы—поэтъ! До картошки съ лукомъ—поэтъ настоящій!—одобрилъ ее Лобиновъ и вдругъ, поймавъ черный, мрачный, но внимательный взглядъ Ксани, произнесъ съ легкимъ движеніемъ руки въ ея сторону:

— Дѣвица Марко, очередь за вами!

Ксаня вздрогнула, но не поднялась, не встала. Что-то странное пробѣжало по ея лицу... Пока всѣ эти дѣвочки импровизировали то весело, то грустно, она была далеко отъ нихъ и отъ этой классной, и отъ сѣрыхъ стѣнъ монастырскаго пансіона... Мысли унесли ее въ лѣсъ, въ родной лѣсъ, пышный, зеленокудрый, тихо растущій снова передъ

ея глазами. Онъ стоялъ и шепталъ ей что-то ласково и кротко, милый старый лѣсъ...

Слова Лобинова прервали эти мечты. Нѣсколько секундъ Ксаня сидѣла молча, потомъ сразу какъ-то встала, подняла голову, вперила свои блестящіе глаза въ пространство и дрожащимъ голосомъ заговорила:

— У меня нѣтъ никого... Некого мнѣ любить... Мать—безъ вѣсти пропала, умерла должно быть. А другихъ родныхъ и близкихъ у меня нѣтъ и не было... *Онъ* одинъ мнѣ оставался... Одинъ *онъ*... Когда мнѣ было печально, слишкомъ печально и горько, я шла къ *нему*. Я ложилась на его мшистое ложе и давала кузнечикамъ убаюкать меня. Дикіе лѣсные цвѣты—*его* цвѣты—слали мнѣ ароматъ свой... Вѣнчики гвоздики раскрывались въ улыбку, ландышъ кивалъ... а *онъ* шумѣлъ... *онъ* говорилъ... Чудныя сказки разсказывалъ онъ, и отъ этихъ сказокъ я чувствовала себя царицей, царицей лѣса, повелительницей лѣсовичекъ, лѣшихъ и гномовъ... И было мнѣ хорошо... Въ ихъ зеленое царство уходила моя душа, летѣла мысль, быстрая, какъ птица... И поднималась я тогда, какъ на крыльяхъ, вольная, гордая, могучая дочь лѣса, дитя чащи, сильное дитя. Я забывалась на ложѣ мха и цвѣтовъ... Я была горда и счастлива какъ царица. Вѣдь *онъ* былъ мой и все его было мое!.. Приходили маленькіе, забавные лѣсные звѣрьки, обнюхивали меня довѣрчиво своими крошечными мордочками, ложились подлѣ меня, и ихъ глазенки говорили безъ словъ: «Ты добрая лѣсная царица, не тронешь ты насъ!...»

Голосъ Ксани выросъ, окрѣпъ. Глаза ея сверкали. Жаркій румянецъ залилъ смуглое лицо. Мощной, вдохновенной красотой дышала каждая черточка въ этомъ лицѣ.

Она была далека въ своемъ экстазѣ отъ окружающей ее обстановки. Она ничего не слышала и не видѣла, кромѣ тѣхъ дивныхъ образовъ, что носились надъ ея головой. И

она не замѣтила, какъ тихо растворилась дверь классной и, шелестя своимъ чернымъ шлейфомъ, вошла мать Манеѳа съ письмомъ въ рукахъ. Вошла, и, сдѣлавъ знакъ замѣтившимъ ее пансіонеркамъ и учителю не выдавать ея присутствія, остановилась у порога и вперила взглядъ въ лѣсовичку.

Ксаня продолжала. Ея голосъ то носился мощной волной по классу, то звенѣлъ тихими, затрагивающими звуками жалобно и тоскливо:

— И меня, вольную, силой отняли отъ *него*... Люди взяли и увели отъ лѣса его лѣсную дочку. Думать и говорить запретили о немъ... Мечтать запретили... Отняли отъ милаго, любимаго отца—стараго лѣса! Отняли, заперли, оклеветали, замучили... Замучили ложью, подозрѣніемъ, клеветою!.. Но любви къ нему, къ зеленому, кудрявому, родному моему они не вырвали. И не вырвутъ... Любить тебя буду всегда, буду вѣчно, и видѣть не видя, и слушать всегда твои пѣсни и шопотъ твоихъ сказокъ, старый, зеленый мой, ласковый лѣсъ!..

Сказавъ послѣднія слова, Ксаня упала головой на пюпитръ, вздрагивая плечами, не то воя, не то плача безъ слезъ...

Кое-кто заплакалъ тоже, поддавшись впечатлѣнію свѣжаго, остраго, неизжитаго горя... Маленькая Соболева тихо всхлипывала, приткнувшись къ плечу королевы...

Учитель сидѣлъ безмолвный, неподвижный, потрясенный до глубины души. Мать Манеѳа наклонила свой черный клобукъ и все-таки исподлобья смотрѣла на бившуюся въ безслезныхъ рыданіяхъ головой о пюпитръ Ксенію.

Лобиновъ очнулся первый.

— Марко! — прозвучалъ на весь классъ его взволнованный голосъ, — если бы мы жили во времена Греціи и Олимпійскихъ игръ, я первый возложилъ-бы лавровый вѣнокъ на вашу черную головку!.. Марко, вы слышите меня?

Нѣтъ, она не слыхала его. Ея головка попрежнему лежала на пюпитрѣ. Ея сердце сжималось жгучей тоскою по старому родному лѣсу, изъ котораго такъ дерзко и грубо вырвали ее...

Она не слыхала и того, какъ безшумнымъ призракомъ скользнула къ ней мать Манеѳа и, положивъ ей на голову свою костлявую руку, другую протянула ей съ письмомъ.

— Вотъ, дѣвочка, возьми, тутъ твое оправданье! Прочти скорѣе и да ниспошлетъ Господь миръ и покой на душу твою...

И обернувшись лицомъ къ классу, громко добавила, обращаясь ко всѣмъ остальнымъ:

— Дѣти! Господь Богъ не допустилъ окутать злостною клеветою невиннаго. Ксенія Марко не виновна въ пропажѣ у графовъ Хвалынскихъ. Преступница нашлась.

ГЛАВА IX.

Не виновата! — Необычайный трубочистъ.

«МИЛАЯ моя Ксаня!

Нѣтъ словъ выразить тебѣ того ужаснаго смятенія, которое произошло у насъ въ домѣ. Моя бѣдная, дорогая дѣвочка! Моя милая, маленькая дикарочка! Простишь ли ты насъ, Ксаня?! Прелестный мой черноокій ребенокъ! Вѣдь и боги могли ошибаться! А людямъ заблужденіе такъ сродно всегда! Но буду послѣдовательна... Моя милая, бѣдная, дорогая дѣтка! Три дня тому назадъ Василису поразилъ ударъ. О, это страшное, судорогами сведенное лицо! Этотъ перекосившійся ротъ! Я ихъ никогда не забуду... Я не могла ее видѣть, такъ она была ужасна. Но старуха потребовала меня къ себѣ и коснѣю-

щимъ языкомъ повѣдала мнѣ страшную новость... Она оклеветала тебя... Она показала тебя воровкой, чтобы избавиться отъ тебя, чтобы выгнать тебя изъ нашего дома. Богъ знаетъ, за что возненавидѣла тебя старуха, возненавидѣла всей душой. Но въ своемъ предсмертномъ лепетѣ она покаялась во всемъ. Покаялась, что это она унесла и спрятала брилліантовую бабочку и нарочно оклеветала тебя, невинную. Я сначала не хотѣла ей вѣрить. Но она настояла на томъ, чтобы открыли ея сундукъ. И что-же? О, милая, бѣдная моя, прекрасная Ксаня! Пропавшая брилліантовая бабочка была тамъ!.. Что было съ нами, ты не можешь себѣ представить! Графъ даже заплакалъ... Онъ! Мужчина! А обо мнѣ нечего и говорить! Теперь молю тебя объ одномъ, вернись къ намъ, Ксаня! Я окружу тебя роскошью, довольствомъ. Я воспитаю тебя наравнѣ съ Налемъ и Вѣрой, какъ свое собственное дитя. Вернись только, Ксаня! Сними грѣхъ съ души. Буду ждать съ нетерпѣніемъ отвѣта отъ тебя, моя милая, родная, честная дѣвочка. Всѣ цѣлуютъ тебя, а я крѣпче и сильнѣе всѣхъ.

Твоя Марія Хвалынская».

«P.S. Василиса скончалась сегодня утромъ. Помяни ея грѣшную душу.

Жду съ жгучимъ нетерпѣніемъ твоего отвѣта».

Ксаня въ десятый разъ перечитала тѣсныя строки длиннаго графининаго письма. Три дня уже прошло, какъ она его получила, и все не вѣрится дѣвочкѣ, что она чиста теперь передъ людьми, что снята съ ея души клевета, мѣшавшая ей жить и дышать свободно.

Она шла по дорожкѣ сада, большого пансіонскаго сада, окутаннаго бѣлыми сугробами, нанесенными сюда волшебникомъ-декабремъ.

Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами Ксани. Съ садовой пло-

щадки неслись веселые голоса развеселившихся на зимнемъ, морозномъ воздухѣ пансіонерокъ.

Деревья кругомъ казались невѣстами подъ серебристо-бѣлыми, ослѣпительными, запушенными инеемъ вершинами.

«Точно въ лѣсу!» — вихремъ пронеслось въ головѣ Ксани. И сердце ея всколыхнулось.

Она шла по узенькой боковой дорожкѣ, почти тропинкѣ, по которой «монастыркамъ» строго воспрещалось ходить. Дорожка вела въ уголъ сада къ полуразвалившейся небольшой бесѣдкѣ, служившей складомъ, въ которой были свалены старыя статуи, скамейки и разная рухлядь. Бесѣдка примыкала къ полуразрушенному забору, отдѣлявшему пансіонскій садъ отъ огромнаго пустыря, гдѣ лѣтомъ паслись стада, а зимою лежали холодные и мертвые снѣговые сугробы. Пустырь такъ-же, какъ и монастырскій пансіонъ, находился въ самой глухой части города, почти на его окраинѣ. Бесѣдка или «бѣлая руина» (прозванная такъ пансіонерками) имѣла особое значеніе въ пансіонской жизни. Говорили, что тамъ появляется тѣнь самоубійцы-дворника Герасима, покончившаго съ собою года четыре тому назадъ ударомъ топора, послѣ смерти любимой жены. Маленькая, протоптанная, очевидно, сторожемъ тропинка вела къ бесѣдкѣ.

«Бѣлой руины» боялись ужасно. Настолько боялись, что даже не гуляли въ той сторонѣ сада, гдѣ мутно-сѣрымъ пятномъ выглядывала она среди снѣга и инея деревьевъ. Но Ксаня не боялась «бѣлой руины» и нерѣдко ходила туда, когда хотѣлось остаться одной, вдали отъ подругъ. И теперь Ксаня направила свои шаги къ бесѣдкѣ.

Мысли Ксани кружились съ поразительной быстротой. Итакъ, позорное пятно смыто. Графиня зоветъ ее къ себѣ... Проситъ вернуться... Обѣщаетъ любить и лелѣять, какъ родную дочь... Ея врагъ Василиса лежитъ въ землѣ... Зна-

читъ, все хорошо... Все хорошо!.. Но почему же такъ тяжело ей, такъ смутно на душѣ?..

Погруженная въ свои мысли, Ксаня подошла къ бѣлой руинѣ и толкнула маленькую дверцу. Послѣдняя жалобно запѣла на ржавыхъ петляхъ, и Ксаня очутилась среди всевозможнаго хлама въ холодной, какъ ледникъ, конурѣ, гдѣ было темно, сыро и неуютно. Противъ самаго входа стояла высокая статуя Венеры съ отбитымъ носомъ, жалобно, казалось, поглядывавшая на нее. Ксаня машинально, все еще погруженная въ свои думы, опустилась на садовую скамью, имѣвшую вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ пристанище здѣсь въ бесѣдкѣ, и... черезъ минуту была уже далеко и отъ руины, и отъ Венеры, и отъ огромнаго пансіонскаго сада съ его пышно разукрашенными инеемъ деревьями, и думала лишь о томъ, что произошло за послѣдніе дни.

Пятно смыто... Мать Манеѳа сказала такъ всему пансіону. Сама обѣлила передъ всѣми пансіонерками ее, ни въ чемъ неповинную Ксаню... «Теперь, дѣвочка,—произнесла она на слѣдующій день,—тебя ждутъ почести и богатство... Не возгордись среди нихъ... Не забывай тѣхъ, кто сиръ и голоденъ. Помни Христа, страдавшаго и Царя Небеснаго, отдавшаго Свои власть и могущество ради юдоли земной!»

Ксаня вспоминаетъ, какое впечатлѣніе произвели на нее слова Манеѳы, вспоминаетъ, что чувствовала тогда? Радость? Нѣтъ, не радость. Ея «обѣленіе», признаніе ея невиновности пришло слишкомъ поздно. Она слишкомъ долго жила оклеветанная, и радость потеряла для нея теперь всякую силу...

Ксаня тяжело поникла головою...

Начинало темнѣть. Декабрьскій день коротокъ. Въ щель двери врывались сумерки... Край неба заалѣлъ пожаромъ заката. Голоса на площадкѣ утихли.—«Четыре часа, — успѣла сообразить Ксенія,—сегодня отецъ Вадимъ не пришелъ, и поэтому онѣ отъ 3-хъ до 4-хъ гуляютъ... Ужъ съ

часъ гуляютъ... Стало-быть четыре... Ея хватились поди... Пусть!.. Головы не снимутъ... А такое счастье—побыть наединѣ со своими думами—выпадаетъ не часто»...

И она остро переживала всю сладость своего уединенія.

Сумерки еще сгустились. Гдѣ-то далеко, далеко прозвучалъ колоколъ, возвѣщающій начало слѣдующаго урока.

— Пора!—произнесла Ксаня,—не то попадетъ дежурной, что не позвала меня.

Она рѣшительно подняла голову и сейчасъ же вскрикнула:

— Ахъ!

Глаза Ксани, расширенные недоумѣніемъ, впились въ полумракъ руины. Ноги подкосились,—но не отъ страха, нѣтъ. Лѣсное дитя не умѣло бояться. Неожиданность захватила Ксаню врасплохъ. Теплый, на подобіе рясы, подбитый ватой, тулупчикъ распахнулся, и дѣвочка, пораженная изумленіемъ, опустилась на скамью.

Изъ-за бѣлой мраморной Венеры торчала чья-то черная голова. Черный же обликъ, напоминающій дьявола, какимъ его рисуютъ на картинахъ, выглядывалъ изъ-за спины мраморной богини. Рядомъ съ ея ослѣпительно-бѣлой фигурой казалось еще чернѣе, еще страшнѣе черное лицо.

Не успѣла Ксаня опомниться, какъ голова зашевелилась. За нею зашевелилась рука, тоже черная, какъ сажа, и какая-то мрачная фигура вынырнула изъ-за статуи.

Первою мыслью Ксани было бѣжать. Что-то непріятно кольнуло ей сердце. Не страхъ, а нѣчто, похожее на минутный испугъ, пробралось колючей змѣйкой въ душу лѣсовички.

Теперь черный дьяволъ стоялъ въ двухъ шагахъ передъ нею.

Если бы она протянула руки, то коснулась бы его мрачной, тонкой, вертлявой фигуры.

Вдругъ его рука поднялась, и голова наклонилась. За нею наклонилось все туловище къ сидящей дѣвочкѣ, и тихій шопотъ понесся по бесѣдкѣ:

— Милая барышня, не бойтесь ничего! Я—только трубочистъ.

И тутъ же, повысивъ голосъ, произнесъ громко:

— Ксанька! Да на кой же ты шутъ не узнаешь старыхъ друзей?!

И звонкій хохотъ, знакомый, слишкомъ хорошо знакомый, огласилъ внутренность бесѣдки.

Примостившаяся было на кусту у входа голодная ворона испуганно шарахнулась въ сторону.

— Викторъ!—радостнымъ крикомъ вырвалось изъ груди Ксани.

— Онъ самый! Честь имѣю явиться!

И трубочистъ самымъ галантнымъ образомъ расшаркался передъ нею.

— Викторинька, милый! Да какъ же ты попалъ сюда?

— Нѣтъ, ты лучше спроси, какъ я не пропалъ, не замерзъ въ этой проклятой дырѣ,—снова зазвучалъ не то ворчливо, не то весело красивый юношескій голосъ.—И угораздило же вашу Манеѳу въ этакую глушь забраться! Ахъ, шутъ возьми! Я вѣдь съ часъ сижу въ этой крысьей норѣ въ сообществѣ съ этимъ миѳологическимъ обрубкомъ!

И мнимый трубочистъ довольно безцеремонно щелкнулъ мраморную Венеру по ея отбитому носу.

— Вѣдь пойми, узналъ я, что пансіонерки въ часъ на променажъ изволятъ выползать... А онѣ, перекати ихъ телѣги, въ три выползли!..

— Да у насъ урокъ былъ пустой, — оправдывалась Ксаня.

— А мнѣ какое дѣло до вашего пустого урока, когда у

самого у меня въ животѣ такъ пусто, что хоть весь вашъ пансіонъ туда умѣщай.

— Да какъ же ты попалъ сюда, Викторинька?

— А такъ и попалъ... Взялъ у нашего гимназическаго трубочиста аммуницію на-прокатъ за «рупь цѣлковый», лицо сажей вымазалъ, какъ видишь, добросовѣстно, чортъ-чортомъ сталъ и черезъ пустошь, да черезъ заборъ сюда махнулъ... Сначала, конечно, разузналъ всѣ ваши тамъ порядки, разузналъ, когда въ саду гуляютъ «ваши», изъ-за забора подглядѣлъ какъ ты сюда, въ этотъ ледникъ-бесѣдку заходишь, подглядѣлъ, что ты тутъ частенько посиживаешь... Вотъ и рѣшилъ явиться... Ничего, вышло все удачно, ни на кого не напоролся... Только вотъ ждать то здѣсь, бррр, холодно было... Пальто то я, видишь, не прихватилъ. Теплую тужурку подъ низъ подсунулъ, да она не грѣетъ, каналья, ни на тройку съ минусомъ даже—дурища! А въ своемъ видѣ нельзя было явиться. Еще трубочистомъ туда-сюда. Спроситъ какая-нибудь длиннохвостая ряса: «Вы что?»—«А я, ваше молитвенное смиренство, трубы почистить».—«А-а! Ну, чисти, голубчикъ, во славу Господню». Ну, я же и начищу имъ такъ, что вѣкъ не забудутъ!

— Да ты зачѣмъ же сюда-то?—недоумѣвала Ксаня.

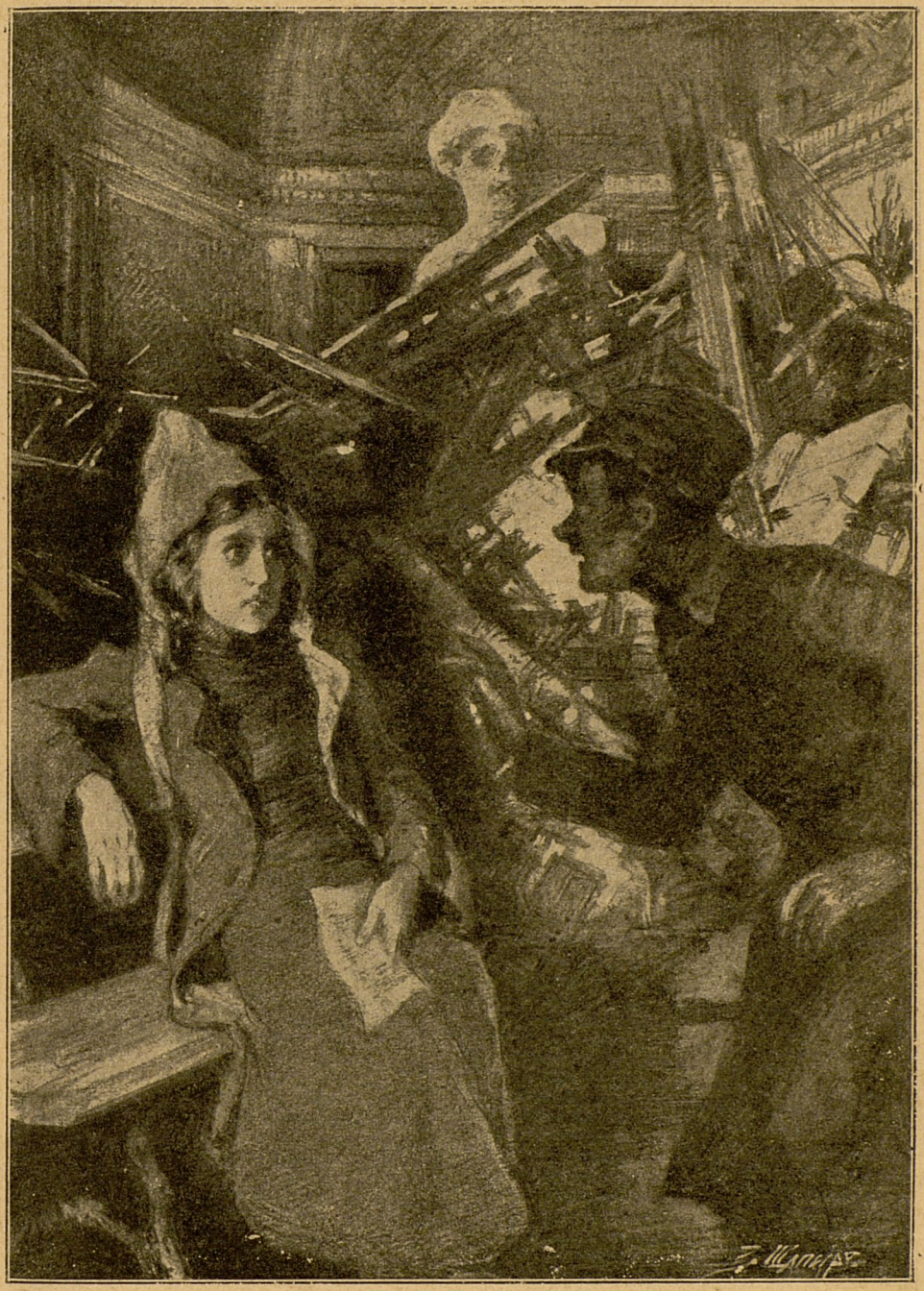
— Зачѣмъ сюда? Ахъ, ты, странная! Зачѣмъ сюда? И она еще спрашиваетъ! Голубчики! Весь свой разумъ, всѣ свои умственныя пожитки промолила, видно, Ксанька! Для тебя все это, пойми ты, Христа ради, лѣсное чучело! Для тебя!

— Для меня?

Ея черные глаза изумились.

— Для меня?

Сказавъ все это, Викторъ скроилъ невѣроятную физіономію, которой бы позавидовалъ любой чертенокъ, а потомъ какъ то странно встряхнулся и какъ подкошенный ринулся къ ногамъ Ксани.



— Милая барышня, не бойтесь ничего! Я—только трубочистъ... .

Гос. Публичная Б-ка

— Прости! Прости! Въ жизни ни у кого въ ногахъ не валялся, а у тебя земно молю: прости ты меня! Отпустя душу на покаяніе!

Ксаня вскочила.

— Что ты? Шутишь? Смѣешься? Что съ тобой?

Онъ схватилъ ея руку и прежде, нежели она успѣла отдернуть, почтительно, почти благоговѣйно приложился къ ней губами.

— Вотъ!—произнесъ онъ торжествующе.—Въ жизнь мою ни у одной дѣвчонки рукъ не лизалъ, а у тебя цѣлую! Ксаня! Царевна ты моя лѣсная! Хочу этимъ прощеніе у тебя заслужить за то, что вмѣстѣ съ другими чуть было не повѣрилъ Василисѣ и въ воровствѣ тебя заподозрилъ... Правда, я усомнился сразу, но все же не такъ ужъ, чтобы совсѣмъ, грѣшный. А во всякомъ случаѣ недостаточно тебя защищалъ. И я дуракъ, трижды, четырежды, милліонъ разъ дуракъ...

— Ага... ты про брилліантовую бабочку все?—произнесла она холодно.

— Слушай, Ксаня, накажи ты меня какъ-нибудь,—продолжалъ Викторъ.—Мнѣ тогда будетъ легче. Ну, вотъ что, возьми ты эту почтенную даму, что Венерой зовется, и тресни ты ею меня по хоропему. Ей Богу же, мнѣ легче будетъ.

— Полно, Викторъ. Я ужъ забыла!—отвѣтила спокойно Ксаня, махнувъ рукою.

— Забыла!—воскликнулъ онъ и быстро вскочилъ съ колѣнъ.—Неужели забыла? Значитъ, простила и меня, и графиню, и Нату, и... и всѣхъ, всѣхъ, кто причинилъ тебѣ столько горя?.. Значитъ, вернешься?.. Да, вернешься и будешь снова съ нами... Милая! Милая ты Ксаня! Другъ ты! Настоящій другъ!

Онъ кинулся къ ней, схватилъ ея руки и крѣпко сжималъ ихъ своими сильными юношескими пальцами. Но чѣмъ

оживленнѣе становилось его лицо, тѣмъ мрачнѣе и печальнѣе дѣлались ея тонкія, красивыя черты.

— Вотъ и отлично, вотъ и отлично!—лепеталъ онъ.— Вмѣстѣ поѣдемъ на рождественскія каникулы въ Розовое... Отецъ за мной пріѣдетъ, и тебя захватимъ... Ахъ, славно, Ксаня, славно!.. А теперь, айда въ гимназію! Вѣдь я удралъ, попросту удралъ. Что еще будетъ-то!.. Вѣдь не суббота сегодня! Въ субботу я къ знакомымъ въ отпускъ хожу. Какъ-нибудь и къ тебѣ явлюсь. Только не въ своемъ видѣ, конечно... Въ своемъ-то не приведи Господи: тебя подкачу. Ваша Манеѳа вѣдь мужского духа не терпитъ. Правда?

— Правда. Мужчинамъ въ нашъ пансіонъ входъ воспрещенъ.

— Ну, вотъ видишь, а я вѣдь, какъ гимназистъ, мужчиной считаюсь. Но,—прибавилъ онъ,—когда что понадобится, писульку мнѣ черкни и сюда въ бесѣдку подъ-мышку этой мраморной Венерѣ и сунь. Я разъ въ недѣлю сюда забѣгать буду... А ты къ святкамъ готовься. Вѣдь тамъ, въ Розовомъ, балъ будетъ. Mademoiselle, позвольте васъ тогда просить на всѣ кадрили, польки, вальсы, всякіе миньоны и шакони, словомъ, на все...

И онъ шаловливо расшаркался передъ дѣвочкой.

Окончивъ свою горячую рѣчь, пылкій, честный, но необузданный мальчикъ взялъ за руку Ксаню и заглянулъ ей въ глаза.

— Такъ ѣдемъ, Ксаня, ѣдемъ?—ласковымъ призывомъ сорвалось съ его губъ.

Въ сгустившихся сумеркахъ ему трудно было различить ея лицо. А лицо это, между тѣмъ, было блѣдно и уныло. И на этомъ лицѣ Викторъ могъ бы прочитать отвѣтъ «лѣсовички»—отвѣтъ, конечно, отрицательный.

— Нѣтъ, Викторъ,—глухо произнесла Ксаня,—нѣтъ, я съ вами не поѣду, я останусь здѣсь.

— Что?!—воскликнулъ Викторъ.—Почему?

— Тамъ у васъ повѣрили небылицѣ, что украла я... Меня, которую знали хоть малость, все-таки заподозрили... А тутъ, тутъ... Викторинька! пойми, тутъ чужія, невѣдомыя дѣвочки, въ первый разъ увидѣвшія меня, поняли, что не воровка я, что не преступница, и сердечно, дружески отнеслись ко мнѣ. Такъ мнѣ и оставаться, стало быть, съ ними... мнѣ и жить здѣсь... А въ Розовое къ вамъ и вообще никуда я не поѣду... Такъ и скажи тамъ графамъ твоимъ... А тебѣ спасибо, что пришелъ. Спасибо, Викторинька!

И махнувъ рукой, она быстро выбѣжала изъ бесѣдки, оставивъ опѣшившаго и растеряннаго Виктора одного.

— Когда понадобится, черкни и записку сюда доставь!— послалъ онъ ей вдогонку, въ то время какъ ея черная фигурка то появлялась, то исчезала среди сугробовъ, быстрыми скачками спѣша домой...

ГЛАВА X.

Горе королевы.—Такъ она рѣшила.—Змѣйка кружится.—Разсказъ маркизы.

ДѢВИЦЫ! Радость! Матушка Манефа сегодня послѣ всенощной въ обитель снаряжается!

Ольга Линсарова, какъ добрый геній въ черной рясѣ, своимъ звонкимъ шопотомъ точно пробудила подругъ отъ унылой задумчивости.

Дѣвочки, сидѣвшія за чтеніемъ житія святыхъ въ этотъ праздничный морозный вечеръ, живо повскакали съ мѣстъ.

Если бы радостную вѣсть имъ принесла другая пансіонерка, онѣ бы не повѣрили. Но Ольга Линсарова была

настоящимъ воплощеніемъ истины. «Правда въ ряскѣ», какъ ее шутя называла Игранова. Ольгѣ вѣрили всегда, вѣрили каждому ея слову.

— Господи, да неужто-жъ уѣдетъ?—боясь радоваться неожиданному счастью, шопотомъ переговаривались дѣвочки.—Вотъ то радость! Скорпіонша въ отпуску. Въ Новгородъ укатила къ сестрѣ «мірской». Манеѳа сегодня уѣдетъ. Остается Уленька... Но Уленька не такъ страшна! Донесетъ, правда, матушкѣ, но пока донесетъ, сколько дѣлъ надѣлать можно...

— Дѣвочки, и пиръ же мы устроимъ нынче! Косолапихѣ отецъ пропасть всякой снѣди прислалъ... Подѣлимся, головиха?

И Игранова мячикомъ подкатилась къ толстушкѣ Машѣ.

— Подѣлюсь, дѣвочки! Тятенька, Богъ ему здоровья пошли, цѣлую лавку доставилъ сюда съ нашими молодцами!—заключила она, облизываясь.

— И мнѣ отецъ съ денщикомъ посылку прислалъ, у сторожа въ передней стоитъ,—объявила Игранова.

— И ты, институтка, подѣлишься?

Катюшу иначе не называли теперь, узнавъ о ея переводѣ изъ пансіона въ институтъ.

— Подѣлюсь, дѣвочки... А и пиръ же мы устроимъ!—чуть не на весь классъ рявкнула Катюша.

— Ко всенощной! Ко всенощной стройтесь, дѣвочки!—словно изъ-подъ земли выросла Уленька,—матушка торопитъ. Бурнусы велѣла новые ради праздника надѣть.

— Ладно, знаемъ!

И дѣвочки, охотнѣе чѣмъ когда-либо, выстроились въ пары. Еще-бы! Имъ-ли не радоваться! Цѣлыя сутки впереди на свободѣ, безъ надзора двухъ строгихъ, суровыхъ, ничего не прощающихъ инокинь.

Весело и бодро шли черныя фигурки по знакомой до-

рогѣ къ городскому собору. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Крещенскій морозецъ пощипывалъ щеки. Вызвѣздѣвшее небо умильно сіяло дѣтскимъ глазамъ золотыми, чуть мигающими очами. Соборъ, освѣщенный по праздничному, казался особенно торжественнымъ въ этотъ вечеръ Рождественскаго кануна. И суровые лики святыхъ, и свѣтлыя ризы священниковъ, и безъ единой улыбки мрачное лицо Вадима, строгаго духовника пансіонерокъ, все сегодня получало какой-то особый свѣтлый отпечатокъ. Печать грядущаго праздника виднѣлась на всемъ. И сами клирошанки пѣли какъ никогда. Казалось, ангелы спустились на землю, чтобы голосами этихъ скромныхъ черныхъ фигурокъ привѣтствовать родившагося въ дальнемъ Виѳлеемѣ младенца Христа...

Послѣ всенощной «монастырки», несмотря на утомленіе, шли по городскимъ улицамъ бодрыя, веселыя. Въ пансіонѣ ихъ встрѣтила съ подогнутымъ подоломъ Секлетея, мывшая полы въ отсутствіи дѣвочекъ. Сторожъ Нахимовъ, ветхій бѣлобородый старикъ, накрылъ столъ, поставилъ кутью, рисъ съ медомъ, пироги съ вязигой и заливное. Виѳлеемская звѣзда глядѣла въ окно. Постъ разрѣшался.

Поужинавъ и получивъ напутствіе отъ уѣзжавшей матушки, дѣвочки пришли въ спальню.

Одну Ливанскую матушка задержала у себя.

Охотно и быстро раздѣвались «монастырки» въ этотъ вечеръ. Онѣ знали, что лишь потушитъ лампу Уленька и уйдетъ въ свою комнату, отстоящую далеко отъ ихъ спальни, какъ всѣ встанутъ со своихъ жесткихъ постелей. И начнется тогда пиръ горой, начнется полная дѣтская радость. Будутъ лакомиться домашними яствами, будутъ гадать и разсказывать страхи въ эту таинственную святочную ночь... Хорошо будетъ!.. Ахъ, хорошо!..

Уже одиннадцать дѣвочекъ покорно, по первому сигналу

Уленьки, улеглись въ постели, скрестивъ на груди руки, какъ это требовалось пансіонскимъ уставомъ. Уже худая, костлявая рука Уленьки протянулась къ лампѣ, чтобы завернуть въ ней свѣтъ, какъ неожиданно хлопнула дверь спальни и, рыдая навзрыдъ, Ларисса ворвалась въ комнату.

— Что? Что ты? Что съ тобой? Ливанская! Королева! Ларенька! Что случилось?

Дѣвочки, не помня себя, не слушая Уленьки, повскакали со своихъ постелей и окружили рыдающую красавицу.

Ларисса даже не могла совладать съ собою. Съ распустившимися вдоль спины косами, вся блѣдная, съ трясущеюся челюстью, она бросилась, распростершись, на постель и рыдала, рыдала, рыдала.

Растерянныя, взволнованныя, босыя, въ однѣхъ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ, дѣвочки стояли вокругъ любимой подруги.

— Ларенька, милая, да скажи ты, что съ тобой, Ларенька!..

Она все рыдала, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

Но вотъ, протиснувшись съ трудомъ черезъ толпу дѣвочекъ, къ ней пробралась Уленька.

Положивъ свою желтую, крючковатую руку на плечо королевы, послушница затянула своимъ приторно-слащавымъ голоскомъ:

— Полно убиваться... Грѣшно плакать такъ-то, дѣвонька... Матушка отличаетъ... Матушка, можно сказать, изъ цѣлаго сонма выбрала... а вы такъ неистовствуете, красавица вы моя! О Господи!.. слезъ откеда берете-то! Словно не на безгрѣшное, ангельское празднество, не на радость духовную, а на смертное дѣло васъ ведутъ... Опомнитесь, Ларенька, опомнитесь, краля моя писаная... Христовой невѣстой будете... Госпо...

— Не хочу въ обитель! Не хочу быть монахиней! Не хочу! Слышишь? Не хочу! Не пойду въ обитель. Умру лучше, а не пойду! Такъ пусть и знаютъ! Умру! Да! Да! Да!

Теперь уже Ларисса не лежала, захлебываясь въ слезахъ. Высокая, стройная, она выросла передъ послушницей. Красивые глаза ея горѣли злымъ, непріязненнымъ огнемъ. Обычно разсудительная и спокойная дѣвушка, она вся теперь кипѣла возбужденіемъ.

— Что вы, Ларенька, что вы, царевна моя распрекрасная, что вы раскричались такъ?!—затянула было снова Уленька и вдругъ осѣклась.

Прямо ей въ лицо уставились два съ лишнимъ десятка такихъ жгучей ненавистью горящихъ глазъ, что она запуталась, смолкла и, подхвативъ для чего-то свою черную ряску рукою, поспѣшно пробормотала что-то и юркнула за дверь.

— Ушла!—вздохомъ облегченія вырвалось изъ груди дѣвочекъ.—Теперь, Ларисса, говори.

Королева сѣла. Вокругъ нея сѣли остальныя. Маркиза Соболева пробралась къ «королевѣ» ближе другихъ и, положивъ на колѣни королевы свою бѣлую головенку, смотрѣла ей въ лицо полными скорби и участія глазами.

Вѣрный рыцарь—Игранова—помѣстилась у ногъ Лариссы и, судорожно подергивая ртомъ, кусала губы, чтобы не дать воли охватившему ее волненію. Остальныя дѣвочки плотнѣе окружили ихъ.

— Говори, Ларя, говори.

— Да что говорить, дѣвочки, что говорить-то!—съ тоскою и озлобленіемъ вырвалось изъ груди Лариссы.—Позвала «она» меня сейчасъ и говоритъ:—«Знаешь зачѣмъ я въ обитель ѣду?»—Не знаю, говорю, а у самой сердце екнуло, недоброе

словно что-то почуяла душа. Не знаю, говорю, матушка. А она ухмыльнулась да и говоритъ: — «Готовься предстать передъ праведныя очи матушки игуменьи... Послѣ праздниковъ и елки у княгини отвезу тебя я туда»... Какъ услыхала я это, такъ и бухнула ей въ ноги...—Матушка, не губи! Матушка, оставь у себя, не неволь! Не гожусь я въ монахини. Грѣшница я. Мірская душа во мнѣ... А она мнѣ на это:—«Душа что воскъ. Разогрѣешь ее молитвами, и станетъ она топиться и таять отъ жизни иноческой. Такъ мы рѣшили съ матушкой игуменьей,—такъ тому и быть. Готовься стать инокиней!»

— Все кончено теперь!—заключила, зарыдавъ вновь и заламывая руки, Ларисса.

Примолкли, притихли дѣвочки. Горе было велико.

Трудно было помочь такому горю. Мракомъ и безнадежнымъ отчаяніемъ наполнились дѣтскія души. Помочь нельзя.

— Ларенька, милая! Отнимутъ отъ насъ тебя, Ларенька!— прокричала маленькая Соболева.

— Маркиза, молчи! Не рви душу... И безъ того тошно... О, если бы только силу мнѣ!

И «мальчишка» довольно недвусмысленно погрозила кому-то кулакомъ въ пространство.

— Бодливой коровкѣ Богъ рогъ не даетъ,—съехидничала Юлія Мирская, выставляя изъ-за чьей-то спины свою черную голову.

— Юлька, молчи, дѣвушка-чернявка... А то, ей Богу, кусаться буду... Убирайся къ своей Уленькѣ... Вы съ ней пара!—бѣшено крикнула Игранова и топнула ногой.

— Сама убирайся къ уличнымъ мальчишкамъ, тамъ твоя компанія!—огрызнулась Юлія.

— Дѣвицы, не ссорьтесь!.. Тутъ надо думать, какъ Ларенькѣ помочь, а онѣ грызутся!—вмѣшалась Паня Старина.

— Да какъ помочь? Какъ помочь-то! Если написать Лариссиной бабушкѣ письмо, мать Манеѳа перехватитъ... а самимъ въ кружку опустить нѣтъ возможности. О, Господи! Затворницы мы тюремныя! Заживо погребены отъ людей!

И «правда въ ряскѣ» злобно ударила кулакомъ по ночному столику.

— Ничего не подѣлаешь! Смириться надо, Ларенька!

И серебряная голова маркизы прилегла на плечо Ливанской.

— Бѣдная! Бѣдная Ларенька!—присовокупила она нѣжнымъ, печальнымъ голоскомъ. И вдругъ заплакала. Заплакали и остальныя.

Въ болѣзненно-настроенномъ воображеніи вырисовывались передъ каждой изъ нихъ суровыя стѣны обители, молчаливо-угрюмый сонмъ монахинь, карающая за малѣйшій недочетъ неумолимая игуменья и весь ужасъ монастырскаго заточенія, который, какъ имъ казалось, неизбѣжно ждалъ ихъ общую любимицу Лариссу.

Слезы усилились и перешли въ рыданіе. Стонами горя, перваго молодого горя, наполнился мрачный пансіонскій дортуаръ.

И вдругъ свѣжей струею влилось нѣчто въ это общее безпросвѣтное отчаяніе юныхъ подругъ.

— Тише! Не плачьте! Горю можно помочь!—раздался сильный, молодой голосъ за ихъ плечами.

Въ одинъ мигъ поднялись опущенныя головки, и залитыя слезами лица обратились въ ту сторону, откуда послышалась твердая и смѣлая рѣчь.

— Ксаня! Лѣсовичка! Что придумала ты?

Ксаня молча выдвинулась впередъ. Ея черные глаза горѣли мыслью.

Ей дали дорогу, разступившись, пропустили къ Лариссѣ, усадили рядомъ на постель.

— Ну... ну... говори, что придумала, Ксаня!

Она обвела толпившихся вокругъ нея дѣвочекъ своимъ сверкающимъ взоромъ и произнесла твердо и рѣзко, съ налета:

— Ей бѣжать надо, Лариссѣ... Къ бабушкѣ,.. въ Петербургъ... Просто бѣжать,—сказала Ксаня.

— Да какъ бѣжать-то?.. Какъ бѣжать, скажи!—волнуясь и трепеща отъ неожиданно задуманнаго плана, зашептали дѣвочки.—Вѣдь мы на замкѣ день и ночь... За нами слѣдятъ: Назимовъ въ передней, внизу дворникъ у воротъ, въ черныхъ сѣняхъ мальчишки на побѣгушкахъ... Какъ бѣжать-то?

— Черезъ садъ надо... Мимо бѣлой руины, черезъ заборъ, а тамъ ей помогутъ и къ бабушкѣ добраться...— глухо и трепетно срывалось съ губъ Ксани.

— Помогутъ? Кто поможетъ?

— Помогутъ... Я знаю, что помогутъ... У меня есть знакомый гимназистъ... Онъ къ тому времени вернется въ городъ и поможетъ... Только письмо надо, письмо... Въ руину... Да... Да... А письмо я напишу сейчасъ.

Сказавъ это, Ксаня вдругъ обернулась, неожиданно схватила за руку Мирскую и сказала твердымъ голосомъ:

— Если ты выдашь, если проболтаешься своей Уленькѣ, берегись тогда!

Что-то страшное загорѣлось въ глубинѣ ея черныхъ глазъ. Страшное, неумолимое, злое.

Юлія вздрогнула, поблѣднѣла и забожилась на образъ съ теплющейся передъ нимъ лампадой именемъ угодниковъ святыхъ, что будетъ молчать.

— Хорошо!—угрюмо бросила Ксаня,—а ты, Ларенька, не горюй. Переправятъ тебя къ бабушкѣ и къ жениху,— добавила она на ухо Лариссѣ.

Та молча благодарно вскинула на нее глазами.

— А теперь, дѣвоньки, пировать давайте!—прервала тяжелую сцену Машенька Косолапова,—смерть ѣсть хочется, животики подвело.

— Ну, ладно... Давайте... Спасется Ларенька отъ иночества, славно будетъ; не спасется—нагорюемся, наплачемся послѣ... А пока не будемъ портить праздника,—произнесла умышленно весело, наскоро вытирая слезы, еще блестѣвшія на глазахъ, Линсарова.

— Глядите, дѣвочки, Змѣйка кружится!..—послышался чей-то возгласъ.

Дѣвочки живо обернулись. Всѣ, даже печальная Ларисса, на мгновенье позабыли свое горе. Любопытствомъ и оживленіемъ зажглись молодые глаза.

Посреди спальни, разметавъ косы вдоль спины, кружилась Змѣйка. Ея бѣлая сорочка до пятъ, распущенные волосы, блѣдное, возбужденное лицо и странно вдохновеннымъ экстазомъ горящіе зеленые глаза—все поражало въ Змѣйкѣ.

Сначала Зоя Даръ кружилась тихо, плавно. Но вотъ быстрѣе и рѣзче съ каждой секундой становились ея движенія. Разсыпались пушистымъ сіяніемъ пепельные кудри, зеленые огни, сверкая, переливались въ огромныхъ, неимовѣрно расширенныхъ теперь глазахъ. Змѣйка Даръ вертѣлась, какъ волчокъ, вся тонкая, гибкая, недаромъ носившая прозвище змѣйки. Мелькали кудри, мелькали бѣлыя ножки, тонкое, поблѣднѣвшее личико и глаза, зеленые русалочьи глаза...

Она остановилась неожиданно, быстро, прежде чѣмъ кто-либо изъ присутствующихъ могъ ожидать этого, и тяжело дыша, смотрѣла на всѣхъ, никого не видя, красивая, но блѣдная и словно недовольная чѣмъ-то.

— Сейчасъ начнетъ пророчествовать!—и Ларисса первая бросилась къ ней.

— Скажи, Змѣйка, буду я монахиней?

— Нѣтъ!—глухо и хрипло сорвалось съ устъ Змѣйки.

— А я?—спросила Игранова, выступая впередъ.

— Нѣтъ! Тебя ждетъ счастье.

— А я?—и маленькая Соболева выглянула изъ-за спины Ларисы.

— Ты... ты уйдешь отъ насъ Христовой невѣстой. Черезъ годъ, нѣтъ больше, черезъ три года,—съ усиліемъ роняла Змѣйка.

— А она? А она? А Ксаня?

И десятки рукъ выдвинули впередъ Лѣсовичку.

— Она... она...—Змѣйка сдѣлала невѣроятное усиліе надъ собою, чтобы договорить задохшимся голосомъ:—она найдетъ еще въ жизни самое дорогое! Са-мо-е до-ро-го-е!

И повалилась, почти лишившись чувствъ, на кровать.

— Съ ней всегда такъ: покружится-покружится, предскажетъ, а потомъ ей дурно...—таинственно сообщила Ларисса Ксанѣ.—Дайте ей выспаться хорошенько,—повелительнымъ тономъ приказала она остальнымъ.

— Дѣвочки! Да что же это? Идите ѣсть, милыя. Паштетъ изъ щуки прислалъ тятя, просто объѣденіе.

И Машенька Косолапова, съ вымазанной какимъ то удивительнымъ грибнымъ соусомъ рожицей, словно изъ-подъ земли выросла передъ всѣми.

— И правда пировать пойдемте!—подхватила Игранова, довольная уже однимъ тѣмъ, что ея королеву не ждетъ иноческій клобукъ по словамъ прорицательницы Змѣйки.

Составили нѣсколько ночныхъ столиковъ рядомъ, покрыли ихъ салфеткой, разставили яства, и пиръ начался.

— Дѣвочки, милыя! А ночь то сегодня какая! Въ эту ночь всякая нечисть на землю сходитъ и бродитъ между людьми,—таинственно сообщила Юлія Мирская, тщательно очищая мандаринъ.

— Ну, вотъ еще! Вы со своей Уленькой чего не вы думаете!—съ набитымъ паштетомъ ртомъ отозвалась Игранова.

— Эта ночь великая! Въ эту ночь Христосъ родился!—пѣвуче произнесла Соболева, повергнутая предсказаніемъ Змѣйки въ какое то сладостно-печальное настроеніе.

— Въ эту ночь страхи разсказывать принято,—отозвалась Паня Старина.

— И то, дѣвочки, давайте разсказывать...—предложила, внезапно оживляясь, королева.

— Давайте, давайте!.. А только кому начинать?—зашумѣли кругомъ дѣвочки, большія охотницы до всякихъ «страховъ».

— Маркиза пусть начинаетъ! Начинай, Иннуша! Что это ты отъ всѣхъ удаляешься? Разскажи!.. Ты говорить хорошо умѣешь, какъ взрослая...—послышались молящіе возгласы монастырокъ.

Серебряная головка маркизы отпрянула отъ окна. Всегда тихая, задумчивая дѣвочка и теперь осталась вѣрна себѣ. Отдѣлившись незамѣтно отъ пирующихъ подругъ и прильнувъ къ стеклу своей оригинальной серебряной головкой, она смотрѣла на небо, на яркую, огнистую Виѳлеемскую звѣзду.

— Разскажи! Разскажи, маркиза!—пристали къ ней дѣвочки.

— Да что же разсказать вамъ, душеньки?—прозвучалъ ея кроткій голосокъ.—Лучше о княгининомъ спектаклѣ да о елкѣ поговоримъ. Вѣдь не за горами то и другое. Вотъ заставятъ насъ роли учить... Поведутъ насъ на репетиціи... Наступитъ вечеръ... Елку у княгини зажгутъ... Гости съѣдутся... И мы играть будемъ опять то, что княгиня выдумаетъ... Про Юдифь и Олоферна или про Агарь въ пустынѣ...

— Нѣтъ, Юдиѳь и Агарь раньше были... Теперь про Руѳь или про Исаака будетъ!—поправила ее Линсарова.—Ну, да это послѣ узнаемъ... Лучше ты что-нибудь разскажи намъ, Инночка.

Маркиза задумалась, поникла серебряной головкой. Что-то странное, неуловимое промелькнуло въ ея лицѣ. Морщинки набѣжали на ея дѣтски серьезный лобъ и придали лицу еще болѣе не-дѣтское выраженіе.

— Хорошо,—произнесла она,—разскажу вамъ, слушайте.

И безшумно опустилась въ кругъ затихшихъ подругъ.

РАЗСКАЗЪ МАРКИЗЫ.

Мама съ маленькой Инночкой жила на самомъ краю города, тамъ, гдѣ кончались послѣдніе ряды толкучки (рынка), и гдѣ тянулись большіе сараи, когда-то служившіе для склада дровъ, теперь обветшалые, старые, никому не нужные. Отецъ Инны былъ сторожемъ прилегавшихъ къ этимъ сараямъ провіантскихъ магазиновъ. Жили они только трое: папа, мама и Инночка. Папа служилъ раньше въ управляющихъ у одного помѣщика, но помѣщикъ разорился, и Инночкиному папѣ предложили мѣсто сторожа. Онъ его и взялъ. Тѣмъ охотнѣе взялъ, что давало ему это мѣсто небольшой домикъ на самомъ краю города, состоящій изъ двухъ комнатъ: одной наверху и одной внизу съ прилегающей къ нимъ крошечной кухней. Въ верстѣ отъ домика шумѣлъ лѣсъ. До города было тоже съ версту, если не больше. Домикъ стоялъ въ глухомъ мѣстѣ, и люди часто говорили, что надо оставить сторожу это жилье, что неспокойно въ лѣсу, что тамъ «пошаливаютъ». Но сторожъ все не рѣшался покинуть уютную избушку и перевезти больную жену (мать Инночки давно страдала сильнымъ ревматизмомъ) въ какое-нибудь сырое подвальное помѣщеніе въ

городѣ. На болѣе удобное и гигіеничное у нихъ не хватало средствъ. Маленькая семья жила тихо, мирно и уютно. У нихъ были накоплены кой-какія деньжонки, и они не терпѣли нужды. Безбѣдно и славно жилось.

Былъ сочельникъ. На дворѣ гулялъ Крещенскій морозъ. Папа еще засвѣтло уѣхалъ въ городъ за покупками и заранѣе предупредилъ жену и дочь, что заночуетъ тамъ, а рано утромъ вернется. Караулить за себя попросилъ своего кума. Кумъ взялъ ружье и пошелъ обходомъ. Но наступающій-ли праздникъ соблазнилъ его, или просто стужа прогнала, только онъ къ десяти часамъ очутился въ городскомъ трактирѣ.

Въ маленькомъ домикѣ и не подозрѣвали этого.

Мама и Инночка мечтали о томъ, какіе подарки и гостинцы, какую елочку принесетъ изъ города папа. Больная мама лежала въ постели, десятилѣтняя Инночка пріютилась, какъ кошечка, у нея въ ногахъ, и обѣ тихонько разговаривали въ маленькой комнатѣ второго этажа. Потомъ мама задремала. Инночка, почувствовавъ голодъ, спустилась въ кухню, находившуюся внизу. Тамъ она открыла дверцу шкапа, чтобы утолить свой голодъ оставшимся отъ обѣда пирогомъ.

Вдругъ легкій шорохъ привлекъ ея вниманіе. Инночка прислушалась.

«Неужели папа изъ города?»—мелькнуло въ ея мысляхъ.

Въ сѣняхъ раздались шаги. Кто-то шаркалъ ногами и тихо разговаривалъ. Но это не были шаги отца, не былъ его голосъ. Голоса, раздававшіеся за дверью, были хриплы и глухи. Инночка замерла на мѣстѣ, вся обратившись въ слухъ. У отца былъ ключъ отъ входной двери прямо въ кухню черезъ маленькія сѣни, которыя не замыкались, а только притворялись на ночь. Если-бъ это былъ отецъ, онъ бы «просто» вложилъ ключъ въ замокъ и вошелъ. Но

«тотъ» или «тѣ», что шептались за дверью, какъ видно, не имѣли ключа. Значитъ это были чужіе. Можетъ быть воры, разбойники, что «шалили» въ ближнемъ лѣсу. При одной мысли объ этомъ острый, колючій холодокъ пробѣжалъ по тѣлу Инночки. Кровь леденѣла въ жилахъ...

Страхи ея оправдались. Отмычка заскребла о замокъ. Кто-то надавливалъ ею извнѣ со страшной силой. Инночка съ ужасомъ схватилась за голову.—«Сейчасъ они ворвутся сюда, найдутъ и конецъ!.. Смерть имъ обѣимъ, ей и мамѣ!»— Не помня себя, она кинулась было изъ кухни предупредить мать объ опасности. Но въ ту-же минуту замокъ отскочилъ, и дверь съ грохотомъ растворилась. Дѣвочка едва успѣла юркнуть за огромную, широкую водяную кадку, стоявшую въ углу кухни... «Они» вошли. Ихъ было двое. У обоихъ было по огромному ножу въ рукахъ. Безпорядочные костюмы и отвратительно-порочныя лица обличали въ нихъ вѣчныхъ бродягъ.

— Ну, Кнопка, ты пошарь въ сосѣдней комнатѣ, тамъ, видалъ я въ окно, стоятъ у нихъ сундуки съ одеждой и деньгами, а я здѣсь пошарю. А послѣ того поднимемся наверхъ, — скомандовалъ одинъ изъ бродягъ хриплымъ голосомъ.

Волосы дыбомъ поднялись на головѣ Инночки.

«Наверху мама... Они убьютъ маму!»—мысленно прошептала Инночка.

Стонъ отчаянія вырвался изъ ея груди.

— Никакъ здѣсь есть кто-то!—шепнулъ первый оборванецъ другому, и оба насторожились.

— Ты-бы пошарилъ по угламъ, дядя Семенъ!—произнесъ тотъ, кого звали Кнопкой.

— И то пошарю!—откликнулся его товарищъ и сталъ обходить кухню, заглядывая во всѣ углы и не выпуская своего огромнаго ножа изъ руки.

Сердце Инночки мучительно колотилось въ груди. Она задыхалась. Судороги свели ей руки, ноги, все тѣло. Мысль туманилась отъ ужаса въ головѣ. Вотъ одинъ изъ бродягъ приближается къ ея кадкѣ... Ей хорошо видно изъ темнаго угла, какъ горятъ его страшные глаза, какъ хищно направленъ, выискивая что-то, его пронзительный ястребиный взглядъ...

Вотъ онъ ближе... ближе... Вотъ наклонился надъ кадкой... Вотъ радостью освѣтилось свирѣпое лицо...

— Ага! Дѣвчонка! Нашелъ-таки!—вскричалъ онъ, грубо выволакивая лѣвою рукою изъ-за кадки обезумѣвшую отъ страха дѣвочку, въ то время, какъ въ правой у него заблестѣлъ ножъ...

Въ этотъ самый моментъ какъ безумный выскочилъ изъ сосѣдней комнаты его товарищъ, котораго онъ называлъ Кнопкой.

— Дядя Семенъ! Спасайся!—весь блѣдный со страха шепнулъ онъ, прижимая къ груди ворохъ награбленныхъ вещей.—Идетъ кто-то! Сюда идетъ...

И въ два прыжка оба разбойника скрылись за дверью.

А Инночка такъ и осталась стоять на мѣстѣ, точно пришибленная, не вѣря своему чудесному избавленію отъ руки убійцы. Въ этомъ состояніи и нашелъ ее отецъ, вернувшійся раньше времени въ ту же ночь изъ города. Увидѣлъ онъ Инночку и не узналъ: изъ черноволосой дѣвочка стала совсѣмъ сѣдая...

* * *

Послѣднія слова Инна Кесарева договорила чуть слышно и низко, низко наклонила серебряную головку. Дѣвочки затихли разомъ, подавленныя, потрясенныя до глубины души. О веселье не было и помину. Всѣ поняли, что не выдуманную исторію разсказывала Инна, и что передъ

ними только-что развернулась тяжелая драма одной бѣдной, изстрадавшейся дѣтской души.

Съ горячимъ участіемъ и съ любовью смотрѣли монастырки на серебряную голову маленькой маркизы...

ГЛАВА XI.

Послѣдняя соломинка. — Маскарадъ. — Спасена!

ПРОШЛА недѣля.

Крещенскіе морозы неистовствовали во всю. Монастырокъ водили въ соборъ, укутанныхъ до глазъ теплыми байковыми платками. Въ угрюмой классной топился каминъ. Въ садъ не выходили. И все же по крайней, едва протоптанной боковой дорожкѣ, ведущей къ бѣлой руинѣ, мелькала ежедневно черная фигурка туда и обратно, тишкомъ отъ бдительныхъ взоровъ воспитательницъ.

Уже давно положила Ксаня подъ руку безносой каменной Венеры письмо Виктору,—письмо, въ которомъ всячески умоляла какъ-нибудь спасти Ларенькy отъ монастыря, и каждый день прибѣгала узнать не взята-ли записка. Но записка все еще торчала подъ-мышкой статуи. Очевидно, Викторъ еще не возвращался съ Рождественскихъ каникулъ. Отчаяніе и страхъ охватили предпріимчивую, смѣлую душу Ксани.

Что дѣлать, если Викторъ еще въ Розовомъ? Вѣдь послѣзавтра послѣдній срокъ. Послѣзавтра матушка увезетъ Ларенькy. Не хочетъ даже оставить ее до княгининаго спектакля и елки. Бѣдняжка Ларисса не осушала слезъ,

узнавъ объ этомъ. Спасенія не откуда было ждать. Бабушка жила въ Петербургѣ, не подозрѣвая о томъ, что хотѣли дѣлать съ ея красавицей-внучкой. Письма Ларенькн къ бабушкѣ старательно контролировались сестрою Агніей, и Ларисса не могла сообщить о намѣреніяхъ Манеѳы. А сама сестра Агнія краснорѣчиво писала бабушкѣ, что для счастья Ларенькн необходимо, чтобы она, понявъ всю суетность мірской жизни, скрылась бы отъ ея соблазновъ въ монастырѣ. При этомъ Агнія прибавляла отъ себя, что Ларенька очень довольна, что на ея долю выпадаетъ счастье стать Христовой невѣстой. Читавшей эти письма Лариссиной бабушкѣ и въ голову не приходило, что ея милая внучка всей душой рвется на волю.

— Завтра послѣдній срокъ! Послѣдній день Лариной свободы!—мелькало въ головѣ Ксани, пока она, какъ заяцъ, прыгала межъ сугробовъ, подвигаясь къ бѣлой руинѣ.— Если и сегодня не откликнется Викторъ, пропала Ларенька!

Ей такъ живо представилась бѣлокурая красавица Ларенька въ иноческомъ одѣяніи, постриженная въ обитель, жизнерадостная, кокетливая и вполнѣ мірская Ларенька съ ея бѣлыми, выхоленными ручками и тщательно подвитыми тишкомъ отъ Манеѳы кудерьками на лбу, что сердце Ксани замерло отъ жалости и боли за молодую дѣвушку.

Былъ вечеръ. Снова вызвѣздило небо. Снова ласково глядѣло золотыми очами на нее, лѣсовичку. Ксаня торопилась. Она знала, что въ угрюмой, неуютной сводчатой классной ее ждутъ одиннадцать дѣвочекъ, помогшихъ ей только что убѣжать въ бѣлую руину за письмомъ, и что эти одиннадцать дѣвочекъ дрожатъ отъ страха за Ларенькн, наконецъ, что у всѣхъ одиннадцати одно желаніе въ сердцахъ, одна дума въ головѣ: не вошла-бы ненарокомъ въ классъ мать Манеѳа, не хватилась-бы исчезнувшей Ксани.

Торопится Ксаня. Трудно ей двигаться среди снѣжныхъ

сугробовъ. Но вотъ и бѣлая руина. Мѣсяцъ и звѣзды озаряютъ ее. Скрипнула дверь.

— Господи помилуй! Лишь бы записка!—вихремъ проносится въ головѣ лѣсовички.

Изъ бесѣдки запахло сыростью.

Ура! подъ-мышкой у Венеры письмо, не бѣлая записка, всунутая дней шесть тому назадъ Ксаней, а сѣрый крѣпкій конвертъ, незнакомый конвертъ.

Чиркнула спичка, зажженъ крошечный огарокъ, предусмотрительно выпрошенный у Секлетеи, и черная фигурка, прильнувъ къ мраморной статуѣ, быстро пробѣгаетъ письмо.

«Лѣсная царевна, здравствуй! — читаетъ Ксаня, — радъ служить тебѣ, чѣмъ могу. Твою Ларенькy вызволимъ,—не безпокойся,—но не черезъ заборъ, какъ вы придумали, милыя черненькія затворницы (не очень то это «тае», чтобы благовоспитанная дѣвица черезъ заборъ, какъ галка, заскакала), а совсѣмъ по иному способу. Сама бабушка пришлетъ за Ларенькой свою посланную. И деньги на дорогу (деньги, надо тебѣ сказать, пока пришлютъ, свои дамъ, а когда Ларенька будетъ въ Петербургѣ, пускай вышлетъ немедленно). Пониме? А остальное дѣло въ шляпѣ. Завтра вечеромъ ждите избавленія.

Прощай, царевна! Твой вѣрный рабъ

Викторъ».

P. S. № 1. Ксанька, это-ли не дружба? На что лѣзу то ради тебя!!!

P. S. № 2. Письмо сожги.

P. S. № 3. Охъ, и радъ же я буду натянуть носъ всѣмъ вашимъ длиннохвостымъ сорокамъ!

P. S. № 4. Только гляди, чтобы и съ вашей стороны все чисто было. А то знаю я дѣвчонокъ: сейчасъ «ахъ и ахъ!» и въ обморокъ «трахъ!» Чтобы ни-ни, не смѣли этого!

P. S. № 5. Если-бъ ты знала, какіе длинные носы были

у нашихъ графятъ, когда они узнали, что ты не вернешься! Благодѣтели!!!»

Этимъ кончалось письмо. Ксаня его дочла до послѣдней строчки. Потомъ медленно поднесла къ свѣчному огарку и запалила съ двухъ концовъ. Письмо вспыхнуло и сгорѣло.

Съ нимъ сгорѣли и всѣ улики.

Веселая и довольная, едва ли не впервые въ жизни, Ксаня возвратилась въ пансіонъ.

* * *

— Ларенька! Ларенька! Королева! Тебя къ матушкѣ зовутъ! Уленьку матушка за тобой прислала!—пулей влетая въ классъ, кричала маленькая Соболева.

Слѣдомъ за нею бочкомъ протиснулась въ классную и черненькая фигурка Уленьки.

— Ступайте къ матушкѣ со Господомъ, дѣвонька!—затянула она своимъ елейнымъ голоскомъ, отвѣсивъ поясной поклонъ Лариссѣ.

Послѣдняя поблѣднѣла. Поблѣднѣли за нею и всѣ остальныя дѣвочки. Этой минуты онѣ всѣ ждали болѣе сутокъ. И вотъ она настала.

— Ларенька, къ матушкѣ! Ступай, торопись, Ларисса! Господь съ тобой!—шептали взволнованные голоса.

Это волненіе, этотъ страстный, трепетный шопотъ не могъ ускользнуть отъ глазъ и ушей Уленьки.

— Недаромъ это онѣ! Ой, недаромъ!—мысленно произнесли «очи» и «уши» матери Манеѳы.

Блѣдная, трепещущая Ларисса поспѣшила въ комнату начальницы.

Уленька побѣжала за ней.

У запертой двери обѣ остановились.

— Во имя Отца и Сына!—дрожащимъ голосомъ произнесла Ларенька, нажимая рукой дверную ручку.

— Аминь!—послышался за дверью голосъ матушки.

По строго, разъ навсегда, заведенному обычаю пансіонерки не входили иначе въ келью матери Манеѳы.

Съ тѣмъ же сердечнымъ трепетомъ Ларенька переступила порогъ кельи начальницы. И впрямь келья. Огромный кіотъ занимаетъ чуть-ли не полкомнаты; передъ дорогими образами-складнями теплится лампада; подъ образами высокій покатый столикъ въ родѣ аналоя; на столикѣ книга въ тяжеломъ бархатномъ переплетѣ съ крупными золочеными застежками. Это библія. Мать Манеѳа всегда читаетъ ее по вечерамъ. Передъ аналоемъ коврикъ. На немъ матушка кладетъ земные поклоны. Кипарисовыя четки привѣшены на углу аналоя. Противъ него сундукъ, высокій, черный, кованый желѣзомъ, похожій на гробъ. Подальше—кровать, узенькая, жесткая, неудобная, настоящая кровать монахини-келейницы; затѣмъ большое кресло у окна и два стула у небольшого столика, накрытаго камчатной скатертью. На подоконникѣ—горшки съ кактусами и геранью.

Когда Ларенька, чуть живая отъ волненія, переступила порогъ матушкиной кельи, она почувствовала запахъ герани, смѣшанный съ лампаднымъ масломъ и ладаномъ. Мать Манеѳа сидѣла прямая и строгая на своемъ креслѣ и читала какое-то письмо.

Высокая, закутанная, съ обвязанной головой дѣвушка стояла у двери въ тепломъ пальто и валенкахъ.

Ея бойкіе сѣрые глаза такъ и впились въ Ларенькуу. Эти глаза да кончикъ носа и часть разрумяненной морозомъ щеки только и видны были изъ-подъ теплаго платка.

— Вотъ, Ларисса,—произнесла матушка,—письмо отъ твоего родственника. Бабушка твоя занемогла серьезно...

— Ахъ!—вырвалось изъ груди королевы, и она едва устояла на ногахъ.

— Если вамъ дорога ваша свобода, то молчите!—услышала она быстрый шопотъ, долетѣвшій до нея изъ-подъ

платка,—ваша бабушка здорова и невредима и пожалуйста безъ обмороковъ только...

Эти слова разомъ вернули Лариссѣ ея бодрость. Она благодарно взглянула на стройную незнакомую дѣвушку.

— Вотъ видишь-ли,—продолжала мать Манеѳа, ничего не замѣтивъ изъ происшедшей у нея подъ самымъ носомъ сцены,—тебѣ надо ѣхать къ бабушкѣ. Твой родственникъ пишетъ, что она очень плоха.

— Очень плоха!—тонсенькимъ голосомъ произнесла дѣвушка.

— Да...—подтвердила Манеѳа,—и надо собираться сейчасъ же!

— Сейчасъ же!—эхомъ отозвалась дѣвушка,—поѣздъ отходитъ ровно въ 8. Значитъ черезъ полчаса.

— Ты поѣдешь съ Аннушкой, горничной твоей бабушки... И завтра она привезетъ тебя обратно,—сурово и отрывисто приказывала Манеѳа.

— Привезу обратно!—снова пискнула изъ-подъ своихъ платковъ Аннушка.

Мать Манеѳа встала, медленно приблизилась къ Лариссѣ и проговорила плавнымъ, рѣзковато-твердымъ голосомъ:

— Завтра къ вечеру будь дома. Помни. Матушка-игуменья велѣла во вторникъ пріѣзжать въ обитель.

— Слушаю, матушка!—покорно произнесли дрожащія губки Лариссы.

И она низко наклонила свою бѣлокурую головку въ поясномъ поклонѣ. Манеѳа широкимъ крестомъ перекрестила бѣлокурую головку и сухими, блеклыми губами коснулась лба Лариссы.

— Береги барышню, Аннушка!—бросила она дѣвушкѣ.

— Буду беречь!—снова послышалось изъ-подъ платка, и блеснувшіе было внезапною радостью два лукавые сѣрые глаза скромно потупились долу.

— Ну, со Христомъ ступайте, а то опоздаете: поѣздъ не ждетъ.

— И то не ждетъ.

И Аннушка широко распахнула дверь кельи.

Ларисса вышла. Въ коридорѣ уже толпились подруги. И опять находившейся среди нихъ Уленькѣ показались странными ихъ возбужденныя, блѣдныя лица и какою то затаенной тревогой блестѣвшіе глаза.

— Прощай, Ларенька! Прощай, родная!—бросаясь къ ней на шею, прорыдала Раечка.

— Всего лучшаго, Ларисса!

Ольга Линсарова горячо пожала руку Ливанской.

— Прощайте, моя королева Ларя! Прощайте, милая бѣлокурая красавица!

И Катюша буквально душила уѣзжавшую поцѣлуями.

— Чудно какъ,—мучительно соображала Уленька, глядя на эту сцену.—Прощаются то, словно на вѣкъ разстаются! Ой, не къ добру это!.. Добѣжать бы до матушки... Оповѣстить бы... А еще, какъ на грѣхъ, сестра Агнія запропастилась!

Между тѣмъ усиліями подругъ Ларисса была одѣта. Теплый бурнусъ, капоръ, огромный платокъ на головѣ. Изъ-подъ платка выглядываетъ бѣлое, какъ мѣлъ, личико, трепетные, испуганные, какъ у серны, глаза. Эти глаза отыскали въ толпѣ Ксаню.

— Спасибо, милая, вѣкъ не забуду!—шепнули дрожащія губки Лареньки.

Казалось бы, никто кромѣ Ксани не долженъ былъ услышать тѣхъ словъ, но нѣтъ: услыхала Уленька.

Вся блѣдная отъ охватившихъ ее подозрѣній, она выскочила впередъ.

— Стой! Чего не забудешь? А? Говори! Сознавайся!

Нѣтъ—скажу матушкѣ,—зашипѣла она, крѣпко схвативъ за руку Лариссу.

Та поблѣднѣла, какъ смерть, подъ своимъ платкомъ. Поблѣднѣли за нею и всѣ остальныя дѣвочки.

«Начинается! Вотъ онъ ужасъ то гдѣ!»—мысленно произнесла каждая изъ нихъ.

Но тутъ выступила Аннушка.

— Что ты? Аль рехнулась, чернорясница! Что тебѣ привидѣлось то? Что мою барышню держишь? А? Опоздаемъ изъ-за тебя на поѣздъ,—звонко и развязно выкрикнула она.—Пусти, что-ли!..

— Не пущу!—въ свою очередь выкрикнула Уленька и, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ предупредить ее, закричала отчаяннымъ голосомъ на весь пансіонъ:

— Матушка! Благодѣтельница! Сюда! Сюда! Неладно что-то! Скорѣе, матушка! Караулъ... Кара...

— Молчи, несчастная!

И тяжелая, сильная рука легла на ротъ Уленьки, не давъ ей докончить. Желая освободиться, послѣдняя рванулась назадъ, зацѣпила платокъ, покрывавшій голову Аннушки, и лицо послѣдней открылось.

Ахъ, что это было за лицо! Не дѣвичье, нѣтъ—съ бойкими, черезчуръ смѣлыми глазами, съ предательскими усиками надъ крупнымъ, характернымъ юношескимъ ртомъ, съ коротко остриженными волосами.

— Ай, мужчина! — не своимъ голосомъ взвизгнула Уленька и со страху присѣла на полъ.

Произошла сумятица. Дѣвочки кинулись къ Уленькѣ, загораживая собою путь къ Манеѳиной кельѣ.

Тѣмъ временемъ усатая дѣвушка, быстро накинувъ опять на голову платокъ, схватила обезумѣвшую отъ страха Лариссу и кинулась съ ней на крыльцо, черезъ темную

прихожую мимо изумленно вперившаго въ нихъ глаза сторожа Назимова.

Входная дверь хлопнула.

Одновременно съ ней захлопали и другія двери. Мать Манеѳа, сестра Агнія и старая Секлетея,—всѣ устремились къ группѣ дѣвочекъ и кричавшей теперь во весь голосъ Уленькѣ.

Въ страшной суматохѣ кричали всѣ.

И Манеѳа, и дѣвочки, и Агнія, и сторожъ.

Кричали о разбойникахъ, объ усахъ, о похищеніи и еще о чемъ то, что было невозможно разобрать.

Эта общая, преднамѣренно затѣянная монастырками суматоха много помогла дѣлу.

Когда все утихло, и грозный голосъ матери Манеѳы потребовалъ объясненія, Ларисса Ливанская, вмѣстѣ съ мнимою прислугою ея бабушки Аннушкою—а на самомъ дѣлѣ переодѣтымъ Викторомъ—были уже далеко.

ГЛАВА XII.

Доносчица.—Громы и молніи.—Месть.—Печальный конецъ.

ВСѢ видѣли, какъ красная и взволнованная Уленька вошла въ келью матушки, видѣли, какъ долго оставалась дверь кельи закрытой на ключъ и слышали, какъ за дверью нашептывалъ что то ненавистный голосъ послушницы.

— Ну, теперь донесетъ на всѣхъ! Будетъ ужо всѣмъ на орѣхи!—съ непріятнымъ чувствомъ шептались дѣвочки.

— Вотъ бы ее за это, доносчицу, язву, кляузницу!

— Свое получитъ! Не останется безъ гостинца!

— А все же ловко выхватили Ларенькy!
— Что и говорить!
— Небось, ужъ на вокзалѣ теперь!
— Какое! Катитъ!
— Неужто ужъ въ поѣздѣ?
— А ты думала какъ?
— Слава Богу!

Дѣвочки тихонько крестились и поздравляли другъ друга. Но, несмотря на пріятное сознаніе, что Ларисса находится теперь внѣ всякой опасности, гдѣ-то въ самой глубинѣ дѣтскихъ душъ разгоралось яркое пламя тревоги.

Всѣ знали, что «доносчица» Уленька вмѣстѣ съ сестрой Агніей больше двухъ часовъ пробыли у матушки въ кельѣ, что позвали туда Секлетею и Назимова и что, наконецъ, послѣ пансіонскаго ужина, въ Манеѳину келью плавной и неторопливой походкой пришелъ о. Вадимъ, приглашенный письмомъ отъ матушки.

«Ну, будетъ теперь потѣха!»—съ тоскою говорили дѣвочки, и души ихъ наполнялись все больше и больше тревогой.

Озабоченныя и унылыя прошли онѣ въ спальню. Молчаливо раздѣлись и тихо, тихо разошлись по своимъ постелямъ. Обычныя болтовня, шуточки и бесѣды замѣнились полной тишиной.

— А знаете, дѣвочки, покаянной отповѣдью это пахнетъ!— неожиданно раздался голосъ Пани Стариной среди возникшей мертвой тишины, когда сестра Агнія, прикрутивъ лампу, вышла изъ спальни, закончивъ свой вечерній обходъ.

— О, Господи! Не приведи Боже!—простоналъ чей-то голосъ,—душу они намъ вытянутъ своей отповѣдью, всю душу по каплѣ!..

— Да неужто-жъ и впрямь?

Предположеніе дѣвочекъ оказалось вѣрнымъ.

Когда онѣ на слѣдующее утро появились въ классной, то увидѣли тамъ высокую, сухую фигуру отца Вадима.

Посреди учебной комнаты стоялъ аналой. На немъ лежали крестъ и евангеліе, какъ на исповѣди. Едва пансіонерки, низко отвѣсивъ поясные поклоны священнику, заняли свои мѣста, какъ вошла мать Манеѳа въ сопровожденіи Уленьки, съ какимъ то особенно смиреннымъ видомъ слѣдовавшей за нею.

— Вотъ, батюшка, передъ вами на-лицо великія измѣнницы,—слегка кивнувъ головой на почтительные поклоны дѣвочекъ, произнесла Манеѳа. — Онѣ столкнули съ пути истиннаго подготовленную для вѣнца иноческаго невѣсту Христову. Онѣ сбили ее на путь мірской, суетный и шумливый. Онѣ погубили чистую душу великимъ соблазномъ свѣтской жизни. Пусть же покаются, кто изъ нихъ сдѣлалъ это, кто нашептывалъ въ уши Ларисѣ Ливанской мятежныя, грѣшныя рѣчи. Это онѣ устроили ей побѣгъ—ей, уже готовой молодой инокинѣ, посвятившей себя тихой и благочестивой монашеской жизни! Пусть же та, кто сдѣлала это, покается передъ очами своего духовника, передъ крестомъ и евангеліемъ!—заключила грозно и сурово свою рѣчь матушка.

— Пусть покается. Покаяніе облегчитъ душу!—спокойно и строго произнесъ о. Вадимъ.

Его блѣдные пальцы нервно пощипывали рѣдкую бородку. Небольшіе, холодные, сѣрые глаза суровымъ взоромъ окидывали притихшихъ дѣвочекъ.

И, помолчавъ немного, о. Вадимъ произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Парасковія Старина, ты-ли виновна въ поступкѣ Лариссы, ты-ли знала о немъ?

— Знала и виновна, батюшка!—тихо отозвалась та.

— Встань и подойди сюда!

Паня покорно поднялась со своего мѣста и вышла на середину классной.

— Раиса Соболева!

— И я грѣшна, батюшка!

Соболева, робкая и дрожащая, присоединилась къ Панѣ.

— Ольга Линсарова, Ксенія Марко, Юлія Мирская, Зоя Даръ!—вызывалъ поочереди батюшка.

Названныя дѣвочки съ потупленными головами вставали, кланялись и выходили на середину, беззвучно шепча:

— Каемся, виновны, батюшка!

Наконецъ двѣ послѣднія пансіонерки, сестрицы Сомовы, Даша и Саша, прозванныя сіамскими близнецами за ихъ постоянную, неразлучную дружбу, по примѣру другихъ, вышли на середину класса. За ними послѣдовали и остальныя.

— Всѣ виновны, всѣ!—шептали совмѣстнымъ шопотомъ взволнованныя дѣвочки.

Но вотъ къ нимъ скользнула вертлявая и юркая фигура Уленьки, съ вытянутою впередъ головою.

Ея раскосые глаза косили больше чѣмъ когда-либо.

Два багровыя пятна румянца играли на щекахъ.

Дѣвочки съ невольнымъ замираніемъ сердца подняли на нее взоры. Ничего добраго не предвѣщала ея черная, словно изъ-подъ земли выросшая передъ ними, фигура.

— Неправда, дѣвоньки, не вѣрно, милыя! Клевещете вы на себя!—запѣла-затянула она со своимъ обычнымъ слащавымъ смиреніемъ.—Клевещутъ онѣ на себя, батюшка! Виновна одна, а вину ея на себя другія приняли... Вотъ кто виновенъ!

И, злорадным, торжествующимъ взоромъ обжигая Ксаню, Уленька направила прямо на нее свой костлявый палецъ.

— Виновата она, Ксенія Марко! — еще разъ торжествующе проговорила Уленька.

* * *

— Ты совершила большой грѣхъ!.. На твоей совѣсти страшное преступленіе... Ты помогла Лариссѣ бѣжать,—раздавался строгій, безжалостный голосъ матери Манеѳы, когда она, позвавъ Ксаню въ свою комнату, осталась съ ней наединѣ.—Ты должна искупить этотъ грѣхъ... Не хотѣла ты, чтобы Ларисса пошла въ монахини, такъ сама ты вмѣсто нея должна идти въ монастырь... Понимаешь?.. Впрочемъ,—прибавила Манеѳа, сурово и остро глядя въ лицо лѣсовички,—для тебя это искупленіе будетъ великою благодатью... Ты одинокая, забытая, покинутая всѣми сирота. Что ждетъ тебя на волѣ по окончаніи училища?.. Ты вѣдь одна, одна и всегда одна-одинешенька!.. И впредь такою же останешься... Но это еще ничто: куда ты пойдешь—всюду грѣхъ пойдетъ за тобою!.. Всюду грѣхъ!.. Смутила ты Лариссу, помогла ей вырваться на волю праздной, суетной жизни, и совѣсть твоя заѣстъ тебя за это и не будетъ тебѣ нигдѣ покоя... Одно еще для тебя теперь спасенье—монастырь. Въ монастырѣ ты спасешь свою душу и обрящешь царствіе небесное... Тамъ ты можешь замолить нечистую совѣсть, покрыть, придавить грѣхъ свѣтлымъ, чистымъ дѣяніемъ, отдавъ себя на служеніе Господу вмѣсто Лариссы...

Замолкла монахиня. Ея черные, холодные и сухіе глаза впились въ Ксаню.

Ксаня стояла молча, устремивъ взоръ по направленію къ окну. Она очевидно думала, размышляла...

«Ты одна, одна... всегда одна-одинешенька... куда ты пойдешь?» Мать Манеѳа права. Куда идти ей по окончаніи училища? Въ лѣсъ обратно? Да вѣдь не къ кому... Къ графамъ Хвалынскимъ? Нѣтъ, ни за что! Искать какое-нибудь занятіе, мѣсто? Но тогда придется жить среди людей, подчиняться во всемъ чужой волѣ, чужимъ капризамъ, а она, Ксаня, какая то странная, особенная, ей не ужиться съ другими... Мать Манеѳа права: для нея, Ксани, для

одинокой лѣсовички, лучше всего идти въ монастырь. Онъ ей домомъ будетъ... Тамъ, въ монастырѣ не оскорбятъ, не оклевещутъ, оставятъ въ покоѣ съ ея мыслями и думами, безъ разспросовъ докучныхъ, безъ дружбы томительной и ненужной...

И смѣло выдержавъ строгій взоръ матери Манеѳы, Ксаня произнесла спокойно:

— Вы правы, матушка... Идти мнѣ некуда... Отдайте меня въ обитель...

Манеѳа крѣпко и порывисто обняла дѣвочку.

* * *

На дворѣ свирѣпствовала вьюга. Первые дни новаго года напугали мятелями и стужей людей. Свистъ вѣтра, его завываніе въ трубахъ и дикая пляска мятелицы заставили обитателей прятаться по домамъ.

Въ монастырскомъ пансіонѣ все спало въ эту ненастную ночь. Только въ комнатѣ Уленьки горѣла свѣча. Безъ черной ряски и обычной повязки послушницы на головѣ Уленька казалась еще неприглядѣе. Худое, желтое лицо, длинная, вытянутая, жилистая шея и жиденькая, мочальнаго цвѣта косичка, торчащая на затылкѣ,—все это говорило не въ пользу Уленькиной внѣшности. Теперь эта внѣшность казалась вдвое безобразнѣе отъ злостной, торжествующей улыбки, игравшей на ея сухихъ и блѣдныхъ губахъ.

Уленька сидѣла за столомъ съ карандашомъ въ рукѣ. Передъ нею лежала маленькая тетрадка, вся испещренная фамиліями монастырскихъ пансіонерокъ. Противъ каждой фамиліи было поставлено число и какая-нибудь замѣтка. Длинный рядъ чиселъ и длинный рядъ замѣтокъ въ видѣ слѣдующаго:

26-го декабря. Паня Старина въ глаза назвала меня «язвой», а матушку-благодѣтельницу всячески поносила заглазно.

28-го декабря. Катя Игранова швырнула тарелку съ винегретомъ, сказавъ, «что эту дрянь ѣсть не намѣрена».

29-го декабря. Маша Косолапова пустила мнѣ въ лицо «дуру».

30-го декабря. Ксенія Марко разорвала передникъ.

31-го декабря. Шушукались о чемъ то, а когда я подошла, стали ругаться.

1-го января. Встрѣчали новый годъ въ спальнѣ, безъ благословенія на то матушки.

3-го января. Помогли увезти Лареньку. Пріѣзжалъ за ней юнецъ съ усиками, переодѣтый дѣвушкой.

4-го января. Ксенія Марко мнѣ кулакомъ пригрозила, а Катя Игранова матушку-благодѣтельницу вкупѣ съ сестрицей Агніей «черными козами» обозвала.

Прибавивъ послѣднюю строчку, Уленька помусолила карандашъ и приписала къ ней:

4-го же января, вечеромъ. Катя Игранова кричала въ раздѣвальной: «Что вы думаете? Очень мы васъ боимся! И тебя, доносчица! Постой еще, удружимъ тебѣ—будешь насъ долго помнить!»

И записавъ это, Уленька тщательно перечла запись. Потомъ положила карандашъ. На сегодня довольно. Завтра отнесетъ она эти записи матушкѣ, и всѣ виновныя будутъ строго наказаны. Уленька заранѣе потирала руки при мысли о томъ, что ждетъ ея враговъ.

Она была мстительна и зла. Ничего не забывала, ничего не прощала. За непріязнь и ненависть къ ней дѣвочекъ она платила двойной непріязнью и ненавистью. Свои записи она вела съ какимъ то наслажденіемъ, ощущая особую прелесть отомстить презиравшимъ ее дѣвочкамъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Уленька убрала со стола тетрадь и карандашъ въ ящикъ и подошла къ небольшому шкапику, пріютившемуся въ углу ея крошечной комнатки.

Въ этомъ шкапикѣ хранились всѣ сокровища Уленьки.

Нужно сказать, что у Уленьки была еще одна радость въ жизни, помимо радости мстить ненавистнымъ ей пансіонеркамъ: она любила покушать, полакомиться вкусными вещами потихоньку отъ всѣхъ. Мать Манеѳа частенько посылала Уленьку за необходимыми покупками, и всегда послушница умѣла оттянуть пятачокъ, другой отъ покупки въ свою пользу. Изъ копѣекъ скоро составились гривенники и пятиалтынные, изъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ—рубли. На эти рубли Уленька тайкомъ покупала разныя дешевыя лакомства и, попрятавъ ихъ въ свой шкапикъ, по вечерамъ, когда всѣ укладывались спать, съ наслажденіемъ предавалась «радости объяденія».

И сейчасъ она распахнула дверцу шкапа и нѣкоторое время любовалась разставленными на нижней полкѣ въ строгомъ порядкѣ коробочками съ карамелью, жестянками съ леденцами, слитками халвы, пряниками, воздушными кондитерскими пирожными. Потомъ съ жадностью схватила ближайшій къ ней пирожокъ съ битыми сливками и принялась его ѣсть.

За окномъ шумѣла непогода. Въ трубѣ завывалъ вѣтеръ. Свистѣла вьюга, распѣвала мятелица тысячами пронзительныхъ адскихъ голосовъ, а въ душѣ Уленьки пѣли птички. Всѣ радости земныя, все свое земное благополучіе она строила на сладкомъ кускѣ того или другого съѣдобнаго.

Она ѣла съ какою-то безумной жадностью пирожныя, леденцы, пряники, конфеты. Ея крѣпкіе, желтые, кривыми лопатками зубы хрустѣли съ особеннымъ удовольствіемъ.

Присѣвъ на полу спиной къ двери, Уленька вся погрузилась въ свое «занятіе». Ея глаза горѣли алчнымъ, сухимъ блескомъ.

«Грѣшно-ли это?—вихремъ пронеслось въ мысляхъ Уленьки.—Нѣтъ, не грѣшно,—тутъ же отвѣчала она са-

мой себѣ.—Другіе лгутъ, безчинствуютъ, грубятъ, ссорятся... А она только лакомится. Стало быть, дьяволъ не близокъ къ ней. Стало быть, онъ не посмѣетъ подойти къ ней, Уленькѣ, какъ къ грѣшницѣ»...

Больше всего въ мірѣ Уленька боялась дьявола. Она самымъ искреннимъ образомъ вѣрила въ его присутствіе на землѣ, передъ людьми, особенно въ минуты совершаемыхъ ими грѣховъ и преступленій.

«Нѣтъ, нѣтъ, она не грѣшница! И врагу рода человѣческаго нечего дѣлать у нея... Она, Уленька, благочестивая, богобоязненная, къ Господу усердная, къ молитвѣ и къ посту»...

Мысли вихремъ кружились въ головѣ Уленьки въ то время, какъ желтые зубы ея работали во всю. И все-таки смутно, гдѣ-то внутри ея, какой-то голосъ шепталъ ей въ уши:

— Бойся, Уленька! Бойся дьявола! Неладное ты дѣлаешь теперь! Близокъ къ тебѣ врагъ рода человѣческаго!

И эти странныя, беззвучныя рѣчи сѣяли въ душѣ лакомившейся послушницы все большій и большій, смутный ужасъ. Завыванія вѣтра и дикія пѣсни непогоды усугубляли ея волненіе.

— Господи помилуй!—прошептали губы Уленьки, и разомъ всѣ лакомства потеряли для нея всю свою заманчивую прелесть.

Она сидѣла теперь затихшая, странно ошеломленная и подавленная своимъ мистическимъ настроеніемъ. Тяжелое, острое чувство страха все мучительнѣе и мучительнѣе вползало въ душу. Ей вдругъ стало страшно одной, со всѣми этими тюричками и коробками сластей, олицетвореніемъ ея грѣшныхъ побужденій.

Дикіе и страшные голоса за окномъ и мертвая, сонная тишина пансіона навели необъяснимый трепетъ на Уленьку.

— Врагъ человѣческій близокъ! Онъ здѣсь! Онъ рядомъ

съ тобою, грѣшница!—шепталъ внутри ея назойливо-властный голосъ.

Въ ту же минуту вѣтеръ дикимъ голосомъ завылъ въ трубѣ. Нагорѣвшій незамѣтно огарокъ съ трескомъ потухъ, и Уленька очутилась въ полутьмѣ, освѣщенной лишь неровнымъ мерцаніемъ лампады.

Ей стало жутко до духоты. Болѣзненно жутко. О недавнемъ пиршествѣ не было и помину.

— Закрою шкапъ... Лягу скорѣе... Буду молиться пока не усну, буду призывать имя Господне...—роняли блѣдныя губы Уленьки.

Но тотъ же непонятный страхъ мѣшалъ ей подняться, встать, отойти отъ шкапа. Она поблѣднѣла. Руки захолодѣли. Ноги отказывались служить... Нѣсколько минутъ простояла Уленька, прислушиваясь и глядя въ темный уголъ комнаты...

Въ это время тихо, съ легкимъ скрипомъ отворилась дверь и кто-то вошелъ, страшный, грозный. Уленька чувствовала, что вошелъ этотъ «кто-то» и не сомнѣвалась, что это былъ «онъ», врагъ рода человѣческаго, пришедшій казнить ее.

Смутныя, страшныя догадки рождались въ ея головѣ одна за другою. Но двинуться съ мѣста она не смѣла, не могла... Ужасъ сковывалъ всѣ ея движенія...

А «шаги» приближались. Она чувствовала ихъ приближеніе, и кровь незримыми молоточками ударяла ей въ голову, холодъ мурашками пробѣгалъ по всему ея тѣлу, потъ каплями выступилъ на лбу...

«Онъ» былъ уже близко... Краемъ скошеннаго глаза Уленька ясно видѣла что-то жуткое, необычайное, что было передъ ней...

Отчаяніе придало ей силы... Точно кто толкнулъ ее въ голову и заставилъ поднять глаза...

— А!.. а-а!.. а!—дикимъ воплемъ вырвалось изъ груди Уленьки.

Передъ ней стояла огромная бѣлая безформенная фигура, страшная, вселяющая ужасъ своей необъятной и непонятной величиной.

— А!.. а-а!.. а!—еще разъ дико и жалобно вскричала Уленька... и волосы, отдѣлившись, зашевелились на ея головѣ.

Фигура подняла бѣлую руку, и худой огромный палецъ медленно погрозилъ Уленькѣ... Та пронзительно взвизгнула, откинулась назадъ и тяжело рухнула на полъ...

ГЛАВА XIII.

Муки совѣсти.—Опять Секлетея.—На репетиціи.—Другъ.—Дверь пріоткрывается.

ЧТО-ТО таинственное происходило въ пансіонѣ на слѣдующее утро. Входная дверь постоянно хлопала. Мальчишку Сеньку, дежурившаго въ черныхъ сѣняхъ и на кухнѣ для посылокъ Секлетеи, то и дѣло усылали куда-то. Какой-то незнакомый господинъ въ сопровожденіи матушки прошелъ въ комнату Уленьки и оставался тамъ долго, долго, часа два.

Дѣвочки едва-едва сидѣли на урокахъ, которые уже начались у нихъ со второго дня новаго года, и поминутно поглядывали на дверь. Масса странностей поражала ихъ въ это утро: и бѣготня, и суетня по пансіону, и таинственное шушуканіе въ коридорѣ, и то, что вмѣсто обычно дежурившей во время уроковъ Уленьки въ классной сидѣла сестра Агнія.

— Чтобы это значило?—недоумѣвали монастырки.

Ихъ любопытство было подожжено.

И вотъ все разрѣшилось неожиданно и странно.

— Уленька при смерти! Уленька умираетъ!—объявила сестра Агнія дѣвочкамъ въ то время, когдѣ онѣ, одѣтыя по праздничному, чинно сидѣли въ спальнѣ, ожидая экипажей отъ княгини, такъ какъ въ то утро ихъ должны были везти на репетицію спектакля въ княжескій домъ.

— Уленька при смерти! Уленька умираетъ!—словно громомъ небеснымъ ошарашило дѣвочекъ.

Тѣсной недоумѣвающей толпой окружили монастырки сестру Агнію.

— Что!? Какъ умираетъ!? Почему умираетъ!? Вчера еще была здорова!? Отчего? Что случилось съ Уленькой?—слышались вздрагивающіе отъ волненія голоса.

Ее дружно ненавидѣли всѣмъ пансіономъ, эту Уленьку, ей никогда не желали добра; больше того: на ея голову призывались всевозможныя несчастья. Но смерти ей никто не желалъ, смерти ея никто не хотѣлъ.

И дѣтскія сердца, чуткія, добрыя и отзывчивыя даже къ врагамъ, забили тревогу.

— Какъ умираетъ? Неужели умираетъ Уленька?

— Да, дѣти... Ея болѣзнь очень опасна, очень... Воспаленіе мозга отъ внезапнаго, сильнаго испуга... Что-то случилось съ Уленькой въ эту ночь. Она была сильно потрясена, испугана. Ее нашли распростертою на полу безъ чувствъ... Можетъ быть ее умышленно напугалъ кто-нибудь изъ васъ? О, какъ это жестоко! Господь не простить такого грѣха...

И съ этими словами Агнія поспѣшила въ комнату больной.

Долгое молчаніе воцарилось въ спальнѣ.

— Умираетъ!—наконецъ первая очнулась маркиза.

— И почему-бы?—тихо сорвалось съ устъ Раисы.

— Испугали, говорятъ. Но кто, кто?

И честные, прямые глаза Ольги Линсаровой оглядѣли проницательнымъ взглядомъ подругъ.

— Жестоко! — подхватила Паня Старина, — о, какъ жестоко!

Что-то быстро метнулось, кинулось ей на шею и потрясенный голосъ прорыдалъ:

— Я... я виновата... въ болѣзни Уленьки... въ ея смерти быть можетъ... Я... я... одна я...—со стонами, воплями и рыданіями срывалось съ трепещущихъ устъ Катюши Играновой, бившейся въ истерическомъ припадкѣ на груди Пани.

— «Мальчишка», милый, что съ тобою? — обступили Игранову монастырки. — О чемъ ты, голубушка, родная, Катя?

— Дѣвочки... голубушки... золотенькія!.. Охъ, Господи! Ужасъ какой!.. Не знала я, что этимъ кончится... Я пошутить и... и отомстить хотѣла Уленькѣ за ея доносы и передачи матушкѣ и... и... рѣшила ее напугать... взяла простыню и щетку половую и сорочку набила тряпьемъ... Вышло привидѣніе большое, страшное... Пальцы бумагой обернула, трубочками, какъ когти, и къ ней, къ Уленькѣ, ночью... тихонько вошла... щетку высоко подняла... Вышло высокое чудовище... Уленька испугалась, закричала... упала, а... я... я... убѣжала... Грѣшница я, дѣвицы, великая грѣшница, и нѣтъ мнѣ прощенья.!.

Новымъ приливомъ рыданья заключила свою исповѣдь Катя.

Дѣвочки тѣснились вокругъ Катюши, оторопѣлыя, испуганныя, не зная чѣмъ утѣшить, успокоить несчастнаго «мальчишку». Первой заговорила маркиза.

— Не плачь, Катюша, вѣдь ты не хотѣла этого... вѣдь ты пошалила только,—ласково утѣшала она все еще истерично всхлипывающую Катю.

— Не хотѣла, не хотѣла она!—подхватили и остальныя.—Не плачь! Не плачь, Катюша!

— Нѣтъ, пусть плачетъ! Пусть плачетъ, Христовы дитятки! Пусть плачетъ безталанная, такія слезы покаянія угодны Господу,—неожиданно прозвучалъ за спинами монастырокъ знакомый старческій голосъ. — Пусть облегчитъ себѣ душу раскаяніемъ! Плачь, дитятко! Плачь, болѣзное! Плачь, и надъ тобою смилуется Господь! И, увидя чистыя слезы, Господь вернетъ Уленькѣ здоровье, а тебѣ душевное спокойствіе!

— Секлетеюшка! Милая! — въ одну минуту Катюша была въ объятіяхъ незамѣтно подошедшей старухи.—Я не хотѣла этого... Богъ видитъ, не хотѣла!..—лепетала она, давясь новыми мучительными рыданіями.

— Вѣрю! Вѣрю, что не хотѣла!—лаская морщинистой рукой прильнувшую къ ней черненькую головку, шептала Секлетея,—вѣрю, что не хотѣла, дитятко... Господь проститъ, Господь проститъ... Вотъ помолиться надо было-бы за здоровье рабы Божіей Іулліаніи... вотъ хорошо-бы...

Едва успѣла произнести эти слова Секлетея, какъ одиннадцать дѣвочекъ опустились на колѣни и нестройно, разногласно, но горячо и страстно сорвалась хоромъ молитва съ молодыхъ, горячихъ, трепещущихъ губъ:

— Господи! Спаси Уленьку! Помоги Уленькѣ! Исцѣли ее, Господи! Ты милосердъ, кротокъ и могущественъ! Спаси Уленьку, Милосердный Господь!

Позади всѣхъ стояла старая Секлетея. Ея старчески слезящіеся глаза были устремлены на икону. Изсохшія отъ времени, дряхлыя губы шептали:

— Боже! Будь милостивъ къ симъ юницамъ... Не вѣдаютъ бо, что творятъ...

Когда сестра Агнія вошла въ спальню, чтобы оповѣстить дѣтей о пріѣздѣ за ними экипажей отъ княгини, она невольно замерла отъ удивленія на порогѣ комнаты.

Старая Секлетея и одиннадцать юныхъ монастырокъ горячо молились одной общей молитвой о здравіи болящей рабы Божіей Іулліаніи.

И что-то мягкое и ласковое впервые засвѣтилось въ суровомъ, сухомъ и строгомъ лицѣ монахини...

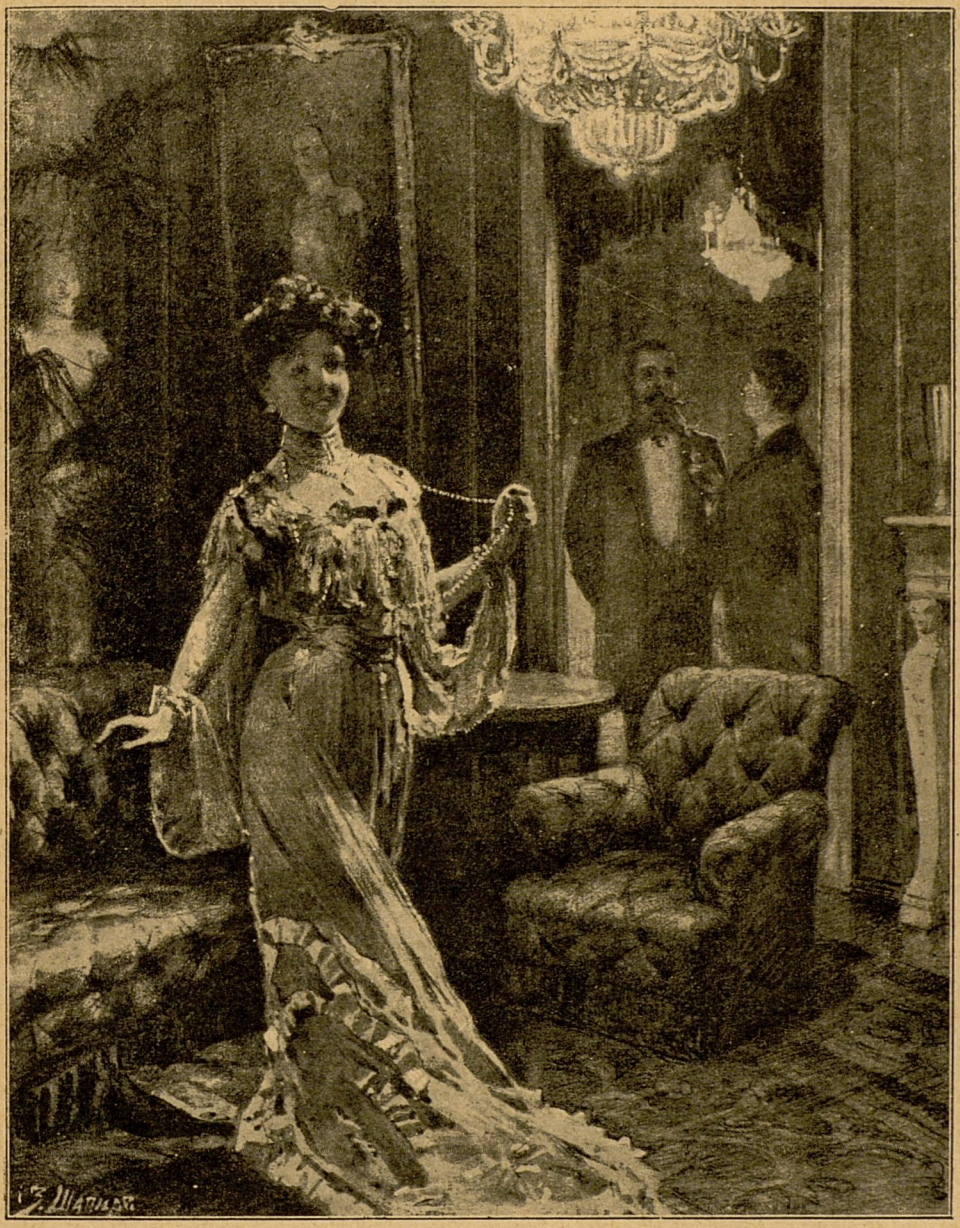
* * *

— Милочки мои! Здравствуйте! Здравствуйте, дорогія... Добро пожаловать, душечки! Да какія же онѣ всѣ худенькія у васъ... Можно подумать, что вы ихъ однимъ воздухомъ питаете, матушка... А это кто? Вѣрно новенькая? Какая красоточка! Ну, здравствуй, здравствуй, милая... А Ларенькиѣтъ? Жаль... Красавица!.. Тю-тю Ларенька! Сами виноваты, матушка... Этакую красавицу и въ монастырь уговаривать идти... Ахъ, что за глаза у новенькой! Чудо! Чудо! А вотъ и Катюша... Милая чернушечка... И ты, серебряная головка... Великолѣпно, душечки!.. Всѣ, всѣ на-лицо...

Звонкій, серебристый, какъ колокольчикъ, голосокъ разомъ наполнилъ и огромныя палаты княжескаго дома, и великолѣпно убранную, всю застланную коврами гостиную, и дрожащія отъ радостнаго волненія сердца пансіонерокъ.

Лишь только онѣ переступили порогъ роскошно обставленной комнаты, навстрѣчу имъ поднялась эта полненькая, небольшая фигурка, вся, какъ облакомъ, окутанная розовымъ тюлемъ наряднаго matinée, звенящая безчисленными браслетами и брелоками.

Маленькое личико княгини сіяло радостью и удовольствіемъ. Съ удивительною ловкостью она одновременно тормошила и цѣловала пансіонерокъ и тонко, по-свѣтски, льстила матери Манеѳѣ и восхищеннымъ взоромъ обдавала Ксаню, которую видѣла въ первый разъ. Странною казалась эта веселая, нарядная, жизнерадостная молодая женщина рядомъ съ черными, постными фигурками юныхъ монастырокъ, которыя, чувствуя на себѣ постоянно строгій взоръ матери



Княгиня вышла на встрѣчу двумъ стоящимъ на порогѣ мужчинамъ...

Гос. Публичная Библиотека

Манеѳы, держали себя степенно, какъ подобаетъ воспитанницамъ духовнаго пансіона.

Между тѣмъ княгиня, наговорившись вдоволь, вдругъ, порхнувъ на середину комнаты, крикнула:

— Чаю! Чаю! Дайте намъ чаю! Я совсѣмъ забыла...

И тотчасъ же, поворачивая взоръ къ двери, прибавила:

— Ахъ, это ты, Поль! И вы, Арбатовъ... Посмотрите, что за милочки... Особенно эта...

И княгиня, выйдя навстрѣчу двумъ стоявшимъ на порогѣ мужчинамъ, зашепталась съ ними, то и дѣло поминутно оглядываясь на Ксаню. Одного изъ вошедшихъ пансіонерки знали. Это былъ еще не старый человѣкъ, очень представительной наружности, съ великолѣпными усами и бакенбардами. Въ разстегнутомъ сюртукѣ поверхъ ослѣпительно бѣлой манишки онъ имѣлъ очень величественную и благородную осанку.

Это былъ мужъ княгини, важный сановникъ, отъ времени до времени, раза три-четыре въ годъ посѣщавшій вмѣстѣ съ женою пансіонъ и считавшійся усерднымъ покровителемъ затѣи матери Манеѳы.

Рядомъ съ нимъ стоялъ незнакомый дѣвочкамъ мужчина въ наглухо застегнутомъ, безукоризненно сшитомъ сюртукѣ, съ тщательно выбритымъ, безъ малѣйшаго признака растительности, лицомъ. Это полное отсутствіе на лицѣ бороды и усовъ придавало ему почти мальчишескій видъ. А между тѣмъ въ густой каштановой шевелюрѣ уже замѣтно серебрилась сѣдина. Молодо, горячо и какъ-то по-дѣтски восторженно глядѣли на міръ его большіе, чистые голубые глаза.

Эти ребяческіе глаза подъ сѣдѣющей шевелюрой и составляли главную прелесть симпатичнаго и открытаго лица незнакомца.

Чай былъ поданъ въ гостиной.

Пансіонерки, подавленныя роскошью огромнаго княже-

скаго дома, затерянныя среди ковровъ, бронзы, прекрасной, дорогой мебели, нарядныхъ гобеленовъ и картинъ, чувствовали себя неловко. Онѣ пили чай, обжигаясь отъ смущенія, отказывались отъ сладостей и мучительно краснѣли при каждомъ словѣ, обращенномъ къ нимъ присутствующими.

Одна Ксаня казалась равнодушной и безучастной. Она привыкла уже къ подобной роскоши въ Розовой усадьбѣ, и ни гобелены, ни картины, ни серебряная сервировка за столомъ не могли удивлять и восхищать лѣсную дѣвочку.

Едва окончили чай пансіонерки, какъ княгиня Елизавета Алексѣевна или просто «княгиня Лизъ», какъ ее называли ея многочисленныя пріятельницы, раздала пансіонеркамъ голубые листки съ мелко исписанными на нихъ строчками. Отъ голубыхъ листковъ пахло такъ же хорошо, какъ и отъ самой княгини: тѣми же крѣпкими, нѣсколько приторными духами. На голубыхъ листкахъ были написаны роли тѣхъ крошечныхъ сценокъ изъ священнаго писанія, которыя сочиняла сама княгиня Лизъ и которыя разыгрывались ежегодно пансіонерками на большомъ вечерѣ съ елкой въ домѣ княгини-попечительницы.

Княгиня Лизъ была не прочь поставить что-либо и свѣтское, но мать Манеѳа энергично воспротивилась этому:

— Господь съ вами, благодѣтельница, и такъ ужъ у нихъ головы Богъ вѣсть чѣмъ набиты, и такъ ужъ грѣшимъ мы: на елкѣ да на игрищахъ у васъ послѣ Крещенія забавлялись... Свѣтскихъ пьесъ не надо, не прогнѣвитесь, ваше сіятельство!

И княгиня нехотя уступила Манеѳѣ.

Хотя отрывки, выбранные княгиней изъ священнаго писанія и облеченные въ драматическіе этюды, были совсѣмъ коротенькія вещицы, но каждая изъ пансіонерокъ могла проявить въ нихъ способность къ читкѣ и декламаціи. На выучку же роли потребовалось не болѣе часа.

— Ну, не будемъ терять драгоцѣннаго времени,—снова зазвенѣлъ серебристый голосокъ княгини, когда дѣвочки, подучивъ тексты. написанные на голубыхъ листкахъ, скромно объявили, что онѣ готовы.

— Пройдемъ въ залу.

Розовый тюль и смѣющееся, жизнерадостное личико княгини мелькнули впереди. За нимъ потянулись скромныя черненькія фигурки.

Часть большой залы была отдѣлена сценой. Богато разукрашенная занавѣсь падала до низу тяжелыми бархатными складками.

На сценѣ дѣвочекъ уже ждалъ тотъ самый бритый, ясноглазый какъ ребенокъ человѣкъ, который пришелъ вмѣстѣ съ княземъ.

— Ну-съ, милыя мои дѣвицы, не робѣть, говорить ясно и четко!—произнесъ онъ весело и громко красивымъ, въ душу вливающимся голосомъ, ласково окидывая поочередно пансіонерокъ добрымъ, подбодряющимъ взглядомъ.—Кто чего не пойметъ, говорите сразу, потомъ поздно будетъ... У насъ только одна репетиція, спектакль черезъ два дня. Прошу это помнить.

— Сергѣй Сергѣевичъ, нельзя-ли еще одну репетичку, малюсенькую... — зазвенѣлъ молящими нотками голосокъ княгини.

— Княгинюшка, матушка, нельзя... Вѣдь въ вечеръ вашего спектакля я уѣзжаю, а дѣлъ у меня еще пропасть всякихъ!.. Вы знаете, княгиня, путь мнѣ большой предстоитъ.

— Знаю! Знаю! Вы, милый Арбатовъ, зря не откажете!—засмѣялась княгиня.

Арбатовъ?

Гдѣ слышала Ксаня это имя?

И дѣвочка мучительно напрягала мысль, чтобы припомнить.

— Ахъ,—да!

Арбатовъ—это тотъ знаменитый, большой актеръ изъ городского театра, про котораго не разъ говорили за столомъ у графовъ Хвалынскихъ и которымъ такъ восторгался Викторъ. И не одинъ только Викторъ: по его словамъ, Арбатова считали крупною величиною, о немъ всѣ говорили съ восторгомъ. Ему подражали. Ему завидовали.

— «Что за молодчинища этотъ Арбатовъ! Играетъ, какъ дьяволъ!»—не разъ говорилъ Викторъ, отдававшій свои послѣднія карманныя деньги за мѣсто въ театрѣ, чтобы только видѣть и слышать этого самаго Арбатова.

Такъ вотъ онъ каковъ—Арбатовъ, тотъ человѣкъ, который умѣетъ заставлять смѣяться и плакать другихъ людей, тотъ, который веселаго, насмѣшливаго, сильнаго Виктора зачаровывалъ своею игрою! Такъ вотъ онъ каковъ, «свѣтило сцены»!

Ксаня впилась глазами въ лицо Арбатова и не отрывала отъ него взора.

Но куда-же и зачѣмъ онъ уѣзжаетъ?

И вдругъ снова вспомнила Ксаня рѣчи того же Виктора. Арбатовъ—не только актеръ, но и выдающійся режиссеръ—рѣшилъ самъ стать во главѣ театра и уѣхать въ маленькій южный городъ, гдѣ у него уже набрана своя труппа. Съ этой труппой онъ рѣшилъ совершить артистическое турнэ по всей Россіи.

«Свѣтило сцены» между тѣмъ бѣгало и суетилось на подмосткахъ, устанавливая группы.

— Не такъ! Не такъ!—усиленно жестикулировалъ онъ передъ лицомъ Ольги Линсаровой, которая никакъ не могла изобразить жену Лота, превратившуюся въ соляной столбъ.

Ужасъ, охватившій оглянувшуюся на гибель Содома и Гоморры женщину и тѣмъ обрекшую себя на смерть окаменѣнія, никакъ не выходилъ у Ольги. Она вскидывала ру-

ками и страшно выпучивала глаза; выходило гадко и смѣшно. Арбатовъ наконецъ разсердился.

— Нѣтъ, такъ нельзя!—безнадежно развелъ онъ руками, обѣгая присутствующихъ разочарованнымъ взглядомъ.—М-lle Линсарова рѣшительно не годится въ жены Лоту,—и взглядъ его при этихъ словахъ встрѣтился съ черными угрюмыми глазами Ксани.

— Ага, идея!—блеснувъ внезапно своимъ красивымъ, выразительнымъ взоромъ, произнесъ онъ.—Попробуйте вы, мадемуазель, замѣнить вашу подругу.

Ксаня покорно поднялась со своего мѣста и взошла на подмостки. Ольга Линсарова охотно передала ей свой листокъ, такъ какъ сама сознавала, что для трагической роли жены Лота она не годится.

Ксаня заняла мѣсто Ольги. Зная уже содержаніе, Ксаня въ нѣсколько минутъ освоилась съ ролью.

Красивая, сильная, порывистая, съ широкими движеніями, рожденными вольной лѣсной пеленою, она сразу оказалась прекрасною женою Лота.

А когда ея густой, низкій грудной голосъ произнесъ дрогнувшимъ отъ смущенія звукомъ первыя слова сцены: «О, Лотъ, я чувствую, что гибель тамъ, за нами», Арбатовъ подпрыгнулъ отъ восторга.

— Вотъ это я понимаю! Продолжайте, продолжайте, дѣтка! Хорошо!

Черные цыганскіе глаза Ксани блеснули.

— «Содомъ и Гоморра гибнутъ, и тысячи грѣшниковъ гибнутъ вмѣстѣ съ ними!..—продолжала Ксаня.—Ты слышишь, Лотъ, какъ рушатся дома!»

— Браво! Браво!—зааплодировалъ Арбатовъ.

Артистическій инстинктъ актера подсказалъ ему, что передъ нимъ недюжинное дарованіе. Голубые дѣтскіе глаза Арбатова искрились. Душа наполнялась восторгомъ.

— Браво! Браво! Продолжайте, черноокая фея!

Юлія Мирская, игравшая Лота, прочла между тѣмъ:

— «Жена, берегись смотрѣть назадъ... Ангелъ предупредилъ меня, что Господь строго запретилъ это»...

— «О, Лотъ!.. Душа моя трепещетъ!.. Я чую, что кто то гонится за нами... Сѣра и дымъ слѣпятъ мнѣ очи... А тамъ, сзади, гибнутъ друзья наши! Я никогда не увижу ихъ больше, Лотъ!»

— «Берегись, жена, берегись оглянуться! Пламень и пепелъ сожгутъ тебя!»

— «Одинъ лишь взглядъ, Лотъ!.. Одинъ единственный взглядъ!»...

— «Берегись, мать! Берегись!»—взывали Раечка и Катюша, которыя должны были изображать дочерей Лота.

— «Не могу! Не могу! Я должна увидѣть гибель тѣхъ, что остались за нами! Я должна увидѣть нашъ домъ!»—почти въ голосъ выкрикнула Ксаня, сверкая пылающими глазами, оглянулась и—съ беззвучнымъ крикомъ, замершимъ на устахъ,—застыла съ широко раскрытымъ взоромъ, изобразившимъ трагическій ужасъ, ужасъ гибели и смерти.

Прошла минута, другая, третья... Никто не двигался въ огромной залѣ, никто не говорилъ. Пансіонерки замерли, изумленныя, потрясенныя.

— Да вѣдь это актриса, настоящая, готовая актриса!—произнесъ гдѣ-то рядомъ у уха Ксани громкій голосъ и послѣ маленькой паузы добавилъ:—Откуда вы раздобыли эту прелесть, мать Манеѳа?

Ксаня не слышала, что отвѣчала монахиня, не слышала, что творилось на сценѣ, не слышала, какъ маленькая Соболева трогательно прочла слова Іосифа, проданнаго въ рабство, какъ дочь фараона, въ лицѣ Пани Стариной, произнесла монологъ надъ корзиной съ малюткой Моисеемъ или, вѣрнѣе, попросту, надъ огромной куклой изъ папье-маше,

Она опомнилась лишь тогда, когда кто-то взялъ ея руку и усадилъ подлѣ, а сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный голосъ произнесъ гдѣ-то близко, близко отъ нея:

— Матушка Манеѳа, и вы, княгиня, ручаюсь вамъ, что эта барышня будетъ украшеніемъ вашихъ представленій. Только она еще не тверда въ текстѣ, и въ то время, какъ прочія играли у васъ уже въ прошлые годы, сія дѣвица выступаетъ впервые... Такому огромному самородку-таланту должна быть придана надлежащая оправа, а посему я хочу подготовить барышню и заняться съ нею часика два. Потомъ мы ее отошлемъ въ пансіонъ съ горничной княгини... А пока, если позволите, оставимъ ее здѣсь.

— Отлично! Отлично!—защебетала княгиня, увлекая мать Манеѳу и пансіонерокъ въ столовую, гдѣ былъ сервированъ холодный завтракъ.—Не надо имъ мѣшать! Не надо!.. Ну, поздравляю васъ, матушка, у вашей духовной дочери недюжинный артистическій талантъ!—обратилась она, вся сіяя, къ начальницѣ-монахинѣ.

— Талантомъ единымъ должны обладать мои дочери,—произнесла съ суровымъ, безстрастнымъ лицомъ Манеѳа:—къ молитвѣ Господней, къ радѣнію передъ Богомъ Милостивымъ, къ посту и покаянію должно имъ имѣть талантъ!

— А... а, вы все про то... — защебетала княгиня,—но она, эта новенькая, такая прелесть, такая красавица!

— Красота земная—тлѣнъ,—произнесли сурово сухія губы матушки и, чтобы чѣмъ-нибудь смягчить эту суровость, Манеѳа пожала своей холодной, сухой рукой маленькую, пухлую ручку княгини.—Не слѣдовало бы въ сущности допускать всѣ эти представленія, и только ради васъ, матушка-благодѣтельница, ваше сіятельство, ради васъ допускаю дѣвочекъ тѣшиться свѣтскими забавами... Только ради васъ, благодѣтельница наша,—заключила она.

— Спасибо!.. Спасибо, милая!—звенѣлъ, переливался щебечущій, серебристый голосокъ княгини.

Радостью сіяли ея яркіе, смѣющіеся глазки.

А въ бѣлой залѣ въ это время на подмосткахъ наскоро сколоченной сцены звенѣлъ другой голосъ, срываясь отъ внутренней дрожи волненія:

— Слушайте! Гдѣ вы играли раньше?

— Нигдѣ!

— Не можетъ быть!

Голосъ прозвучалъ гнѣвомъ. Добрые дѣтскіе глаза Арбатова строго блеснули на Ксаню.

— Неужели?—поправился онъ болѣе мягкимъ тономъ, видя, какъ вспыхнули гнѣвнымъ негодованіемъ глаза дѣвочки.—А я былъ твердо увѣренъ, что вы уже играли... Вы знаете всѣ пріемы актрисы и замѣчательно владѣете вашимъ голосомъ.

— Никогда... Никогда я не играла,—тоскливо, подъ впечатлѣніемъ его недовѣрія, произнесла Ксаня.

— Дѣтка моя, слушайте... Вы видите, я гожусь вамъ въ отцы... У меня у самого была-бы такая дочурка, если бы Богъ не отнялъ ее отъ меня... Клянусь вамъ ею, моей покойной крошкой, что вы—талантъ... Вы такой талантъ, моя дѣтка, какого я не видывалъ до этихъ поръ, и не только я: не видали ни эти стѣны, ни нашъ городъ, ни даже столичный театръ... Это вы доказали только что исполненною вами сценою... Да, да!... И если правда, что вы до сихъ поръ дѣйствительно никогда не играли, никогда не выступали на сценѣ, то вы какой-то совершенно исключительный талантъ! Я много видѣлъ на своемъ вѣку начинающихъ артистовъ и артистокъ и говорю это на основаніи многолѣтняго опыта... Подъ этой черной ряской горитъ неугасимый и яркій свѣточъ искусства...

Голосъ Арбатова поднялся, выросъ и звучалъ теперь

вдохновенными, горячими, за душу хватающими нотами.

— Конечно, вамъ надо еще много поработать надъ собою, надо постигнуть всѣ тайны сценическаго искусства, ибо въ искусствѣ, какъ и въ жизни, безъ ученья нѣтъ умѣнія... Но я глубоко увѣренъ, что разъ вы поработаете надъ собою, изъ васъ выйдетъ большая, знаменитая артистка...

Смутно лишь понимала Ксаня, что это значитъ «быть актрисой, артисткой», никогда ей въ голову не приходило, что она когда-либо будетъ выступать на сценѣ. И слова Арбатова произвели на нее огромное впечатлѣніе.

Точно что-то ударяло молотами въ голову Ксани и откликалось въ сердцѣ. И сердце это росло и желаніе росло тоже,—желаніе быть свободной и гордой и не зависѣть отъ черныхъ монахинь, отъ матери Манеѳы или отъ игуменьи чужого, невѣдомаго ей монастыря.

Лицо Ксани пылало, глаза горѣли...

Ея собесѣдникъ волновался не менѣе ея. Онъ давно мечталъ о новомъ, свѣжемъ, молодомъ талантѣ, который могъ бы украсить составленную имъ труппу, давно искалъ такой талантъ—и вдругъ неожиданно передъ нимъ предстала молодая дѣвушка, которая безъ малѣйшей подготовки и школы провела сцену такъ, что любая опытная актриса могла бы ей позавидовать. И даже внѣшность этой дѣвушки такова, какъ будто сама судьба предназначила ее въ актрисы: лицо прекрасное, юное и полное какой-то невыраженной трагической тайны, огневые глаза съ горячимъ взглядомъ, удивительно красивые, энергичные жесты и движенія и, вдобавокъ ко всему, низкій и прекрасный голосъ настоящей актрисы!..

«Откуда, откуда у этой дѣвушки, воспитанницы монастырскаго пансіона въ провинціи, вдругъ такое очевидное артистическое дарованіе? Откуда у нея эти плавные, изящ-

ные жесты, это умѣнье держать себя на сценѣ, этотъ задушевный, чудный голосъ и способность владѣть имъ? Откуда все это? Откуда?»—думалъ Арбатовъ.

— Кто вы, дѣтка?—наклоняясь къ ней, спросилъ онъ.—Кто вы, кто ваша мать... вашъ отецъ?

— Я... я—ничья...—произнесла Ксаня,—лѣсная!.. Мама должно быть умерла... Я ее почти не знаю... Пріемный отецъ уѣхалъ... тетя и Василій, названный братъ, умерли тоже... Я жила въ лѣсу, была въ усадьбѣ у графовъ, теперь въ пансіонѣ у матушки... Я—лѣсная...

— Лѣсная! Это звучитъ гордо и красиво! Лѣсная! Дитя изъ лѣса! — восторженно произнесъ Арбатовъ. — Лѣсная—какъ фея Раутенделейнъ изъ дивной Гауптмановской сказки... Странно, я давно-давно ищу эту фею, то-есть не фею, а актрису, которая сумѣла бы изобразить фею Раутенделейнъ!.. Но—увы!—мнѣ не удалось найти такую...

Тутъ Арбатовъ своими большими, горячими руками схватилъ похолодѣвшія руки Ксани.

— Дѣтка, у меня явилась мысль: не хотите-ли вы посвятить себя сценѣ, искусству, театру, стать актрисой?... Въ васъ горитъ талантъ, настоящій актерскій талантъ... Я это чувствую, я это вижу... Нѣсколькихъ фразъ, которыя вы произнесли, нѣсколькихъ жестовъ, которые вы сдѣлали, достаточно, чтобы признать, что вы уже актриса... Я сочту за великую честь и за великую заслугу передъ искусствомъ—стать вашимъ руководителемъ, вашимъ учителемъ... Слушайте, дѣтка: довѣрьтесь старому, опытному актеру, искренно любящему театръ,—продолжалъ Арбатовъ, волнуясь все больше и больше,—поѣзжайте съ моей труппой... Первая пьеса, которую я поставлю въ моемъ театрѣ, будетъ чудный «Потонувшій колоколъ» Гауптмана, и вы выступите въ немъ феей Раутенделейнъ. Въ вашемъ успѣхѣ я заранѣе увѣренъ... Да! да!.. Я надѣюсь васъ подготовить быстро,

скоро... Вы будете великолѣпной феей Раутенделейнъ!.. Вѣдь вы какъ-будто созданы для роли лѣсной феи!..

Ксаня была какъ во снѣ. Нѣжный, отечески ласковый голосъ говорилъ ей такія заманчивыя, такія свѣтлыя рѣчи, что отъ нихъ пріятно кружилась голова, и сердце билось какимъ-то страннымъ, неиспытаннымъ, острымъ желаніемъ вырваться на свободу, доказать, что у нея дѣйствительно талантъ.

Фея... лѣсная сказка... о, какъ это все сродни ей, Ксанѣ, одинокой лѣсной дѣвочкѣ, которую зоветъ на новое поприще этотъ добрый, съ дѣтскими глазами и серебряными нитями въ волосахъ, ласковый человѣкъ.

И въ то-же время глухой внутренній голосъ шепталъ ей:

— А твое обѣщаніе! А монашескій клобукъ? А слово, данное Манеѣ?.. Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Ты не должна быть обманщицей, лѣсовичка!

Она поднялась со своего стула, гордая, суровая, и заговорила, задыхаясь отъ волненія:

— Нѣтъ... не поѣду съ вами!.. Не хочу... У меня другое... Я поступаю въ монастырь...

— Въ монастырь? Вы, дѣтка, вы—въ монастырь!? Побойтесь Бога! Съ вашей молодостью, съ вашимъ талантомъ!.. Дитя! Кто внушилъ вамъ эту мысль? Это преступленіе противъ себя, противъ своей юности!... Слушайте, дѣтка, я не менѣе религіозенъ, нежели вы, должно быть. Я умѣю вѣрить, я умѣю молиться...Чтобы угодить Богу, чтобы любить и познавать Его, не надо запираться въ тѣсную келію отъ всего міра... Во всякомъ случаѣ, тотъ, кто своимъ талантомъ можетъ доставить высокое художественное наслажденіе людямъ, тотъ, кому отъ Бога дана возможность заставить толпу волноваться, плакать, смѣяться, тотъ, кто въ состояніи привлечь вниманіе слушателя и показать ему жизнь, какъ она есть,—тотъ, по-моему, не имѣетъ права

прятаться за монастырскія стѣны и совершаетъ грѣхъ, зарывая свой талантъ... Конечно, людямъ, которые смотрятъ на театръ, какъ на пустую забаву, которые не признаютъ великаго значенія искусства, мои слова покажутся ересью. Но тотъ, кто умѣетъ цѣнить сцену, кто понимаетъ ея значеніе, тотъ признаетъ, что я правъ... Не знаю, дѣтка, поймете ли вы эти слова стараго, опытнаго и преданнаго искусству актера—потому что вы еще слишкомъ молоды, вы не знаете жизни... Повѣрьте одному: у васъ талантъ воспользуйтесь случаемъ развить его, показать его... Сама судьба предназначила вамъ быть артисткой, и вы должны, вы обязаны посвятить себя искусству, сценѣ... Дѣтка, я многихъ изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя увлекаются театромъ, не обладая никакими задатками таланта, отговаривалъ и отговорилъ посвятить себя сценѣ, зная, что ихъ ждетъ тамъ вмѣсто славы одно разочарованіе... Но васъ, напротивъ, я хотѣлъ бы убѣдить поступить на сцену, потому что я ясно вижу—вы созданы для театра... Довѣрьтесь же мнѣ, какъ отцу и другу, поѣзжайте съ моей труппой... Вы настоящая маленькая лѣсная фея Раутенделейнъ изъ которой я сдѣлаю великую актрису...

Арбатовъ всталъ и поглядѣлъ въ глаза Ксанѣ, ожидая отъ нея отвѣта.

— Нѣтъ!.. я не могу!.. я не поѣду!..—тихо отвѣтила Ксаня.—Я дала обѣщаніе...

— Я не вѣрю... это не можетъ быть,—волновался Арбатовъ,—это обѣщаніе у васъ вырвано вѣроятно силою... О, я знаю вашу мать Маневу, знаю ея продѣлки!.. Дѣтка моя,—продолжалъ онъ нѣжно,—поймите вы, что это положительно грѣхъ не использовать своего таланта... Нѣтъ, нѣтъ, вы должны согласиться ѣхать со мною, чтобы яркой звѣздой засіять на русской сценѣ! Да, феей Раутенделейнъ появитесь вы въ первый разъ на подмосткахъ и

этой чудною лѣсною сказкой ознаменуете вашъ дебютъ сначала въ маленькой труппѣ провинціальнаго городка, а оттуда—кто знаетъ—быть можетъ впослѣдствіи засіяете яркою звѣздою на всю Россію, на всю Европу, весь міръ...

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Оставьте меня!.. Не уговаривайте меня!..—вся дрожа отвѣчала Ксаня.—Я не могу... я дала обѣщаніе... я должна... я...

Она не окончила своей фразы.

Въ дверяхъ показалось розовое облако тюля, и княгиня Лизъ, смѣясь и звеня своими браслетами, обняла Ксаню.

— Прелесть моя, за тобой прислали! Я бы охотно оставила тебя у себя, но... боюсь матушкинаго гнѣва!

И, сдѣлавъ испуганное лицо, княгиня расхохоталась раскатисто и звонко.

Ксаня отвѣсила по низкому монашескому поклону ей и Арбатову и быстро поспѣшила изъ залы.

— Не правда-ли—прелесть?—блеснувъ глазами ей вслѣдъ, спросила княгиня.

— Она настоящая фея Раутенделейнъ!—восторженно произнесъ тотъ.

— Кто?—не поняла княгиня.

— Фея Раутенделейнъ изъ Гауптмановской сказки «Потонувшій колоколъ». Маленькая лѣсная нимфа, ушедшая къ людямъ изъ темнаго лѣса раздѣлять ихъ судьбу...

— Вы правы, назвавъ ее такъ, Арбатовъ! Ея исторія—это нѣчто удивительное!

И, присѣвъ на стулъ подлѣ Арбатова, княгиня Лизъ тутъ же, на подмосткахъ сцены, разсказала ему всю исторію Ксани-лѣсовички въ томъ видѣ, какъ она ее узнала отъ матушки Манеѳы.

ГЛАВА XIV.

Молитва услышана. — Обреченная. — Паника.—Героиня.

ТИХО мерцаетъ лампада передъ Распятіемъ Спасителя. Божественный Страдалецъ изображенъ съ низко поникшей головою на грудь. Капельки крови, застывшія на тѣлѣ, кажутся горящими рубинами чистѣйшей воды. Взоръ Спасителя поднятъ къ небу. Въ немъ свѣтозарная скорбь, именно свѣтозарная. Иначе нельзя опредѣлить эту полную неземной грусти, сладкую надежду на то, что великая жертва принесена за міръ, за людей на общее людское благо.

Ксаня сидитъ у подножія Распятія въ пустой, холодной и полуосвѣщенной часовнѣ. Ея зубы дробно стучатъ. Руки и ноги захолодѣли.

Сегодня первая ночь «испытанія». Такихъ ночей она должна провести шесть, прежде чѣмъ матушка отвезетъ ее въ обитель. Такъ уже принято у нихъ въ пансіонѣ, что каждая, обрекшая себя Богу, должна простоять шесть ночей на молитвѣ отъ девяти до трехъ утра, чтобы сосредоточиться въ полномъ одиночествѣ, подвести подсчеты прошлому, обдумать строго грядущее, наединѣ съ самой собою.

Но завтрашняя ночь будетъ пропущена. Завтра елка и вечеръ у княгини и представленіе «божественной мистеріи», какъ называла княгиня устраиваемые ею спектакли.

Ахъ, какъ морщилась матушка, когда говорила ей вечеромъ сегодня, благословляя ее идти въ часовню:

— Эти свѣтскія выдумки помѣшаютъ тебѣ только «готовиться», оторвутъ высокіе помыслы и замѣнятъ ихъ суетой. Просила княгиню освободить тебя, а она и слушать не хочетъ. Говоритъ, что ты будешь украшеніемъ ея

представленія... Ну, и пусть!.. А завтра опять за молитву...

Утромъ Секлетея принесла въ классную радостную вѣсть. «Уленькѣ лучше... Уленька выживетъ... Доктору удалось предупредить воспаленіе мозга!»

Итакъ, молитва пансіонерокъ была услышана. Уленька была внѣ опасности.

Точно праздникъ Святой Пасхи была встрѣчена эта вѣсть присмирѣвшими пансіонерками. Уленька - язва, Уленька-сплетница была забыта. Помнили о страждущей, болящей и несчастной Уленькѣ и взялись помогать сидѣлкѣ, приглашенной къ больной. Потомъ вспомнили о Ларенькѣ.

— Что-то она? Какъ доѣхала?

— Надо бы узнать... въ бѣлую руину сбѣгать... Вѣрно ужъ лежитъ тамъ письмо отъ Ларенькинаго спасителя,— предложилъ Ксанѣ кто-то изъ дѣвочекъ.

Изъ-за крещенскихъ морозовъ дѣвочекъ гулять не водили, и потому Ксанѣ пришлось снова прыгать зайцемъ среди сугробовъ.

Подъ-мышкой мраморной Венеры лежало письмо.

«Царевна лѣсная! Симъ доношу, что довезъ вашу бѣглянку до вокзала и посадилъ въ поѣздъ,—писалъ Викторъ.— Она вамъ кланяется. Сейчасъ получилъ отъ нея длинную телеграмму. Извѣщаетъ, что благополучно доѣхала до своей бабушки и что бабушка къ Манеѣ ее больше не отпуститъ. Какъ видишь, царевна, все устроилось отлично— на зло всѣмъ вашимъ монашенкамъ. Ларисса обѣщала прислать обо всемъ подробное письмо, которое я въ свое время исправно вамъ доставлю. Ну, а когда же я увижу твою милость? Въ субботу отпрошусь въ отпускъ къ товарищу и приду въ эту разлюбезную собачью конуру. Можетъ быть увижу тебя или найду отъ тебя писульку. Прощай, друже! Радъ, что сослужилъ тебѣ службу. Въ сущности,

вѣдь ты славный малый, Ксанька, хотя и не хочешь знать ни меня, ни Розовыхъ графятъ. Ну, пока до свиданія. Искренно преданный Викторъ».

Ксаня спрятала письмо ея вѣрнаго и единственнаго друга.

Въ субботу онъ обѣщалъ придти. Но въ субботу она не выйдетъ къ нему. Она уже будетъ въ обители. Такъ рѣшила матушка, такъ должно быть. Она—одинокая, всѣми забытая сирота, и ей только два выхода въ жизни: или въ лѣсъ, или въ обитель. Но въ лѣсъ нельзя. Ее поймаютъ, найдутъ, отвезутъ въ Розовую усадьбу. Нѣтъ! Нѣтъ! Она не хочетъ этого! Ни за что въ мірѣ! Лучше ужъ въ обитель, туда, за сѣрыя стѣны, гдѣ плавно движутся черныя тѣни монахинь, гдѣ жизнь катится тихо и ровно и гдѣ нѣтъ ни ненависти, ни вражды, гдѣ все время будетъ проходить въ молитвѣ...

«Въ молитвѣ? А развѣ ты умѣешь молиться?»—шепчетъ какой-то голосъ внутри Ксани.

Нѣтъ! Не умѣетъ.

Она не умѣетъ, по крайней мѣрѣ не умѣетъ т а к ъ, какъ хотѣла бы молиться...

Ея глаза поднялись на Распятіе...

Какое чистое, прекрасное, страдальческое лицо! Сколько въ Немъ дивнаго самозабвенія, покорности и кроткой ласки!.. Любитъ-ли Онъ, чистый и безгрѣшный, ее, Ксаню, несмотря на то, что она не умѣетъ и не можетъ молиться Ему? Говорятъ, Онъ всѣхъ любитъ, и добрыхъ, и злыхъ, и кроткихъ, и жестокихъ. Она постарается понять Его, почувствовать всю Его милосердную душу... Тамъ, въ монастырѣ, она научится молиться Ему. Вѣдь тамъ Его домъ, Его обитель... Не можетъ же она не полюбить кроткаго хозяина этой обители...

Во всѣ глаза смотритъ Ксаня на Распятіе. Милостивыя, кроткія очи затуманены слезами неземной скорби, руби-

новыя капельки крови на ладоняхъ и ногахъ, рубиновыя кровинки на высокомъ челѣ, увѣнчанномъ колючими терніями...

— Да!.. Да!.. Я буду покорной и кроткой монахиней, я постараюсь научиться молиться Тебѣ!—безъ словъ шептали ея губы, и какая-то непривычная, тихая радость разлилась по ея душѣ.

«У васъ талантъ, дѣтка... Вы засіяете яркой звѣздой на всю Европу! На весь міръ!»—гдѣ-то близко-близко послышался знакомый голосъ подлѣ нея, почти рядомъ. Она оглянулась даже, но никого не было кругомъ. Часовня была пуста. А между тѣмъ почти въявь передъ нею стояло доброе, ласковое лицо, и восторженно сіяли его дѣтски чистые, прекрасные голубые глаза...

Снова слышался голосъ Арбатова: «Вы талантъ, дѣтка, талантъ, какого я не встрѣчалъ. Вы настоящая фея Раутенделейнъ! Идемъ за мною, фея Раутенделейнъ изъ лѣсной сказки, я сдѣлаю васъ великой!»

И его голосъ то падалъ до шопота, то поднимался снова и снова падалъ, баюкая и нѣжа ее, какъ колыбельная пѣснь...

Она забылась подъ эти нѣжащіе, въ душу вливающіеся звуки... Забылась, приткнувшись черною головкой къ подножію распятаго Христа...

* * *

Острый, непріятный и удушливый запахъ наполнилъ часовню. Ѣдкій дымъ просачивался сквозь дверную щель и замочную скважину. Этотъ дымъ разбудилъ Ксаню. Она съ усиліемъ раскрыла глаза. Пахло гарью, но попрежнему кругомъ была тишина. Только что-то зловѣще шуршало за порогомъ часовни. Темные клубы дыма наполняли ее. Ксаня вскочила, схватилась за голову. Голова трещала и нестерпимо ныла. Дымъ ѣлъ глаза, заползалъ въ ротъ, въ

носъ, застилалъ зрѣніе. Она задыхалась... Туманная мысль въ больной головѣ подсказывала страшную дѣйствительность.

Пожаръ! Горимъ!—вотъ первое, что сознательно, молотомъ ударило въ мозгъ.

— Пожаръ! Горимъ!

Съ этимъ крикомъ, дико и пронзительно нарушившимъ тишину пансіона, она метнулась, сломя голову, изъ часовни, широко распахнула тяжелую дверь и отступила съ трепетомъ. Огромное пламя бушевало по коридору—огненное, страшное, перемѣшанное съ чернымъ, ѣдкимъ, рѣжущимъ глаза дымомъ. Оно начиналось тамъ далеко, въ комнатѣ сестры Агніи и, наростая съ каждой секундой, принимая чудовищные размѣры, стремилось дальше къ столовой, классной и къ спальнѣ пансіонерокъ.

Не помня себя, Ксаня метнулась туда.

— Горимъ! Спасайтесь!—крикнула она дикимъ, изступленнымъ голосомъ, появляясь на порогѣ.

Тамъ уже знали о пожарѣ. Съ воплями, стонами и слезами дѣвочки метались изъ стороны въ сторону, не зная, за что схватиться, что спасать. Блѣдныя, потерявшіяся, съ распущенными волосами, въ однѣхъ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ, съ перекошенными ужасомъ лицами, онѣ носились изъ угла въ уголъ, громко и дико взывая о помощи.

Но никто не шелъ, никто не приходилъ спасать ихъ. Отъ комнаты Манеоы, кухни и коморокъ прислуги—дѣвочки были отдѣлены этимъ свирѣпствующимъ моремъ огня.

Мимо Ксани пронеслась вихремъ маленькая Соболева.

— Куда?

— Туда, въ пламя! Все равно не спастись!—истерически взвизгнула дѣвочка.

Сильныя руки Ксани схватили ее.

— Ни съ мѣста! Тамъ смерть!—властно крикнула Марко.

Высокимъ, чужимъ голосомъ Юля Мирская читала отходную. Ея худыя руки тянулись къ потолку. Въ длинной сорочкѣ, съ худымъ, перекошеннымъ отъ смертельнаго ужаса лицомъ, она походила на привидѣніе.

Змѣйка Даръ, блѣдная и страшная, стояла на ночномъ столикѣ и, стараясь осилить стоны и вопли, выкрикивала какимъ-то фанатически звенящимъ голосомъ:

— Дѣвоньки! Молитесь! Молитесь! Дѣвоньки! Близка смерть! Умремъ, какъ невѣсты Христовы!

Въ это время въ спальнѣ стало свѣтло какъ днемъ.

Второй деревянный домъ горѣлъ какъ свѣча.

Вопль дикій и пронзительный потрясъ спальню. Змѣйка тяжело рухнула со столика въ глубокомъ обморокѣ.

Стоны, крики, плачъ стали громче.

Вдругъ сильный, могучій возгласъ покрылъ всѣ эти стоны и плачъ.

— Одѣваться скорѣе! Вынуть салопы и платки! И внизъ... на улицу!.. Медлить нельзя!—кричала Марко.

Ея властный окрикъ протрезвилъ всѣхъ. Вопли, стоны и пѣніе отходной прекратились. Змѣйку привели въ чувство, обливъ ей голову водой. Соболеву успокоили. И все это сдѣлано было по тому же властному приказанію блѣдной черноглазой дѣвушки-подростка.

Когда испуганная на смерть Манеѳа, Агнія и прислуга появились въ спальнѣ, дѣвочки были готовы, одѣты всѣ до одной.

— Внизъ!.. внизъ!.. На крыльцо!... На улицу!...—срывалось съ блѣдныхъ, трепещущихъ губъ матушки, и взволнованныя, потрясенныя монастырки, съ ужасомъ косясь на свирѣпствующее пламя, бросились по лѣстницѣ.

И было какъ разъ во-время. Невыносимо ѣдкій дымъ душилъ ихъ. Губы трескались отъ жары. Пламя пожара охватило все зданіе.

По улицѣ въ это время, тяжело громыхая, катили пожарные. Прямо къ дѣвочкамъ летѣла княжеская коляска. Князь стоялъ, махалъ рукою и кричалъ:

— Къ намъ! Къ намъ, матушка!... Забирайте дѣвочекъ и къ намъ!.. Княгиня ждетъ!.. Ее предупредили!..

А пламя, подхватываемое вѣтромъ, свирѣпствовало все больше и больше. Со свистомъ и ревомъ огненный клубокъ плясалъ свой дьявольскій танецъ вправо и влѣво... Черный дымъ застилалъ легкимъ флеромъ этотъ торжествующій праздникъ огня... Балки зданія рушились одна за другой... О спасеніи пансіона не было и рѣчи. Надо было отстаивать другія, ближнія зданія.

Крики пожарныхъ сливались съ криками зрителей, собравшихся густою толпою на улицѣ.

Князь продолжалъ кричать:

— Къ намъ, къ намъ везите дѣвочекъ!.. Берите коляску и отправьте въ четыре пріема!.. Мѣста всѣмъ хватитъ!..

Но его не слышали. Крики людей, вой пламени и шумъ падающихъ балокъ заглушали все.

Среди общаго гула и шума, на крыльцѣ пансіона показалась фигура въ сѣромъ платкѣ и бѣломъ передникѣ.

— Больную... больную забыли!—кричала она,—больную вынести забыли... Нельзя... не вынести... Погибаетъ... Сгоритъ...

И, рыдая, упала на ступени.

Отвѣтный крикъ пронесся на пожарищѣ.

— Уленьку забыли! Уленька сгоритъ!

Ужасъ сковалъ присутствующихъ, смертельный, паническій ужасъ.

— Человѣкъ погибнетъ!.. Человѣкъ сгоритъ!

Пожарные были заняты каждый своимъ дѣломъ на крышѣ и съ боковъ фронта. За свистомъ вѣтра и шумомъ

пожарища имъ не слышно было отчаянныхъ криковъ матери Манеоы и дѣвочекъ.

— Спасите больную! Спасите больную!—гудѣла толпа.

— Не спасти все едино!.. Ишь огнище-то!—слышались отдѣльные голоса.

— Суньсяка въ пламя— капутъ!

— О Господи, душа человѣческая!

— Рискнуть надо!

— Братцы, идемъ!

Въ ту же минуту съ грохотомъ обвалилась горящая балка.

Толпа отшатнулась волной.

— Поздно теперь, шабашъ!—выкрикнулъ чей-то голосъ.

Вдругъ черная фигура отдѣлилась отъ толпы и, прежде чѣмъ кто-либо могъ остановить Ксаню, она ринулась впередъ въ самое море огня.

* * *

Что-то толкало ее впередъ. Она летѣла какъ на крыльяхъ среди двухъ потоковъ бушующаго моря. Ея кожа и губы трескались отъ жары, одежда начинала тлѣть. Одна мысль жгла ей мозгъ:

— Больная... забытая... она... Ульяна!.. Надо спасти!.. вытащить!.. Надо... непремѣнно надо...

Ксаня сама не замѣчала, что говоритъ это вслухъ, какъ одержимая, какъ безумная.

Вотъ коридоръ... вотъ часовня... Дальше, дальше... Пламя занялось... и уже стѣны горятъ... Шурша зловѣще, огонь гуляетъ по обоямъ и мебели... Вотъ и комната Уленьки...

Черный дымъ наполнялъ эту комнату, выбиваясь клубами въ коридоръ... Онъ ѣстъ глаза Ксани, туманитъ голову, почти лишаетъ мысли...

Рядомъ пылаетъ какъ костеръ пріемная пансіона.

Смертельно душно...

Лѣсовичка дѣлаетъ скачокъ.. другой... Вотъ она уже въ комнатѣ послушницы.

Уленька лежитъ на кровати съ закрытыми глазами.

— Неужели задохлась?

Ксаня прикладываетъ ей ухо къ сердцу.

— Нѣтъ! Жива! Слава Богу, сердце бьется!

И Ксаня сильными руками поднимаетъ Уленьку. Больная послушница мала и худа, гораздо меньше ея, Ксани. Но въ обморочномъ состояніи она тяжело повисла на рукахъ своей спасительницы.

Ватное одѣяло тянется за ней, мѣшая ступать, путаясь въ ногахъ, заставляя спотыкаться. Быстрымъ, сильнымъ движеніемъ Ксаня вскидываетъ свою ношу выше и идетъ... спѣшитъ...

Огненные языки тянутся къ ней, какъ красныя чудовища, со звѣрскимъ желаніемъ лизнуть, поглотить, уничтожить...

Она подвигается медленно со своей ношей на рукахъ.

— Скорѣе-бы, скорѣе!

Больная, безчувственная Уленька стонетъ въ забытьѣ:

— Душно! Душно! Воды! Душно!

— Сейчасъ! Сейчасъ! Потерпи немного!

Коридоръ миновали... Спальню тоже... Вотъ и лѣстница... Сейчасъ, сейчасъ спасенье...

Но что это? Цѣлое море огня передъ ними: пока возилась со своей ношей Ксаня, лѣстница давно занялась.

Какъ сойти внизъ?

Ксаня бросилась было впередъ, наперекоръ свирѣпствующей стихіи—и мгновенно отскочила назадъ. Тяжело громыхая, что-то ринулось внизъ изъ-подъ самыхъ ногъ ошеломленной Ксани.

И на ея глазахъ остатки обгорѣвшихъ ступеней исчезли въ огнѣ.

Кончено! Путь отрѣзанъ. Нельзя выбраться безъ лѣстницы изъ третьяго этажа.

Тогда, внѣ себя, чувствуя гибель, она метнулась къ окну

— Спасите!..—крикнула она своимъ рѣзкимъ, сильнымъ голосомъ.—Спасите!..

Черныя, покрытыя сажей фигуры были ей хорошо видны изъ окна.

Люди жестикулировали, кричали ей что-то, но ничего нельзя было разобрать.

А пламя приближалось. Поворотомъ вѣтра, ворвавшимся сквозь выбитыя стекла, оно приняло другое направленіе. Оно свистѣло, какъ страшное чудовище, теперь за самыми плечами Ксани. Оно касалось ея волосъ, одежды... Сейчасъ оно оцѣпитъ ее всю съ ея ношей, и онѣ обѣ, и Уленька, и Ксаня, сгорятъ въ бушующемъ пламени. Пока пожарные приставятъ лѣстницу и дойдутъ до нихъ, все уже будетъ кончено... все... все! Онѣ сгорятъ... Сгорятъ обѣ...

Пламя все ближе и ближе... Черные глаза Ксани покосились на бушевавшее вокругъ нея безпощадное огненное чудовище, которое уже трепетно охватывало ее со всѣхъ сторонъ.

— Конецъ!—гдѣ-то со смертельнымъ спокойствіемъ отозвалось въ глубинѣ сердца Ксани.

Она подняла глаза къ небу, какъ тогда, въ тотъ вечеръ, около Розовой усадьбы, когда угрожала ей такая же гибель отъ огня.

Неясная мысль толкнулась въ голову. Передъ ней всплылъ Тотъ, Распятый, съ рубиновыми капельками на ногахъ и ладоняхъ и на блѣдномъ челѣ, обвитомъ терновымъ вѣнцомъ... Блеснули Его глаза, кроткіе, добрые, милостивые, любящіе...

— Христосъ! — прошептала Ксаня,—Ты Спаситель міра,— спаси насъ!

— Прыгай, прыгай!—послышались голоса снизу.

Ксаня наклонилась. Третій этажъ высоко. Внизу нѣсколько покрытыхъ сажей, закоптѣлыхъ фигуръ держали огромный кусокъ сѣтки подъ самыми окнами дома.

Ксаня вздрогнула.

— Спасены!—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ и, осторожно положивъ Уленьку на край окна, она обернула ее одѣяломъ и тихонько столкнула внизъ.

Безшумно упало на протянутую сѣть безчувственное тѣло больной.

Ее приняли бережно и переложили на носилки.

— Прыгай! Прыгай!—кричала снова черезъ минуту Ксанѣ та же толпа.

Лѣсовичка вздрогнула, вскочила на подоконникъ, быстро, безсознательно перекрестилась и скользнула внизъ на растянутую подъ окномъ сѣтку...

ГЛАВА XV.

Спектакль.—Дверь распахнулась настежь...

БЫЛО семь часовъ вечера, когда первые приглашенные появились въ «театральной» залѣ княжескаго дома.

Въ какомъ-то серебристо-золотистомъ и голубомъ платьѣ встрѣчала ихъ княгиня Лизъ, смѣющаяся и розовая, какъ лѣтнее утро.

Съ хорошенькихъ губокъ фейерверкомъ слетала трескучая французская рѣчь:

— Imaginez-vous... въ двѣнадцать ночи набатъ... крики

На крыльцѣ пансіона показалась фигура въ черномъ ..

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

и зарево!... Ахъ, это было ужасно! (Смѣющееся личико изображало ужасъ).—Paul зоветъ камердинера... Qu'y a-t-il? Пансіонъ горитъ!.. Я потеряла голову... Эти милыя чернушки и вдругъ... Paul скачетъ на пожаръ, привозитъ ихъ всѣхъ... Et figurez vous, я узнаю, что одна изъ нихъ—героиня!.. Да, да, героиня! Вынесла больную прислугу изъ пламени... Развѣ это не подвигъ! И это была та самая новенькая, лѣсная красавица, о которой я вамъ говорила. Вы ее увидите скоро, сейчасъ... Замѣчательная дѣвушка...

— Но пансіонерки? Какъ онѣ могутъ играть послѣ такого потрясенія?—интересовались гости.

— Ахъ, ихъ надо развлечь. Il faut les distraire, les pauvres petites. Этотъ спектакль отвлечетъ ихъ мысли отъ катастрофы. Слава Богу, что все еще такъ кончилось. Вѣдь весь пансіонъ сгорѣлъ до тла... Я пока пріютила ихъ у себя. А завтра ихъ переведутъ въ новое помѣщеніе. Я уже приказала нанять тутъ неподалеку.

И розовое личико принимало особенное выраженіе.

Между тѣмъ за сценой Арбатовъ выходилъ изъ себя, устанавливая группы, горячась и волнуясь какъ никогда.

— Такъ нельзя! Такъ нельзя! Нужно живѣе!—тормошилъ онъ Юлію Мирскую, изображавшую Лота съ самымъ возмутительно-равнодушнымъ лицомъ.—Вѣдь за вами гибнетъ Содомъ и Гоморра, всѣ ваши родственники и друзья!

— И вы тоже невѣрный тонъ взяли,— налеталъ онъ на Машеньку Косолапову, которая спокойно перелистывала тетрадку, представляя изъ себя Вооза, называющаго Руѳь, т. е. Катю Игранову, своей женой.

— Вотъ вы, малютка, хорошо, очень хорошо!—одобрилъ онъ Соболеву, покорно и трогательно вошедшую въ роль Іосифа, проданнаго братьями въ неволю.

Увлекающійся и горячій, Арбатовъ до того любилъ сцену,

театръ, что даже къ постановкѣ маленькихъ духовныхъ пьесъ, сочиненныхъ княгиней, отнесся съ присущимъ ему вниманіемъ и серьезностью. Режиссерская жилка заговорила въ старомъ актерѣ, и онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы даже нелѣпыя пьески княгини-писательницы, составленныя изъ кусочковъ, діалоговъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, все же въ отношеніи постановки вышли безукоризненно. Но особенно интересовалъ Арбатова предстоящій «первый дебютъ» будущей знаменитости, какъ онъ мысленно уже окрестилъ Ксаню, несмотря на ея заявленіе, что она не желаетъ посвятить себя сценѣ. Старому актеру и режиссеру хотѣлось показать зрителямъ новый талантъ съ самой выгодной стороны. Гримируя самолично дѣвочекъ, наклеивая на лица однѣхъ длинныя библейскія бороды или покрывая пудрой и румянами красныя щеки монастырокъ, Арбатовъ поминутно поглядывалъ на Ксаню, которая, совсѣмъ уже готовая къ «выходу на сцену», сидѣла въ углу и повторяла свою роль.

Въ древне-библейскомъ костюмѣ, съ распущенными вдоль стана своими роскошными волосами, Ксаня была настоящей красавицей. Къ тому же Арбатовъ сдѣлалъ тушью какіе-то два неуловимые штриха вокругъ ея глазъ, и безъ того красивые глаза лѣсовички стали глубокими, томными и дивно-прекрасными. Ксаня удивленно посматривала отъ времени до времени на себя въ зеркало, узнавая и не узнавая свое лицо, странно преобразившееся, благодаря слою румянъ и пудры и штрихамъ вокругъ глазъ. Въ то же время она читала вполголоса свою роль, предполагая, что никто не обращаетъ на нее вниманія. Но ошиблась: Арбатовъ прислушивался—и на лицѣ его замѣтенъ былъ восторгъ, когда, увлекаясь ролью, Ксаня произносила цѣлые монологи громко, съ удивительнымъ выраженіемъ, отчетливо, ясно отчеканивая каждое слово.

— Дѣтка моя,—заговорилъ Арбатовъ, когда всѣ осталь-

ныя пансіонерки были готовы и поспѣшили на сцену,— дѣтка моя, теперь я все больше убѣждаюсь въ вашемъ успѣхѣ. Вы буквально родились актрисой... Вспомните, что я вамъ говорилъ и... и... рѣшайтесь ѣхать со мною, въ мою труппу... Я все устрою, нужно только ваше согласіе...

— Матушка сказала, что черезъ недѣлю отвезетъ меня въ обитель,—былъ тихій отвѣтъ Ксани.

— Вздоръ!—вскричалъ Арбатовъ въ забывчивости,— вздоръ! Опомнитесь! Знаете, что ждетъ васъ въ монастырѣ? Тоска, медленное угасаніе молодой жизни... А тамъ, тамъ, на сценѣ, извѣстность, слава, полный расцвѣтъ и торжествующій праздникъ таланта!..

— Но я обречена,—шепнули ея губы.

— Да, обречена, — подхватилъ Арбатовъ, — обречена, чтобы властвовать надъ толпою силою своего таланта, обречена на то, чтобы высоко и гордо нести свѣтлое знамя искусства!.. Слушайте: сегодня,—прибавилъ онъ шопотомъ,—сегодня послѣ нашего спектакля, съ послѣднимъ поѣздомъ я уѣзжаю... Если вы рѣшитесь, то сегодня-же...

Рѣзкій звонокъ прервалъ его рѣчь. Этотъ звонокъ означалъ, что пора начинать.

Наскоро шепнувъ Ксанѣ:—«Подумайте! Рѣшайтесь, пока не поздно!»—Арбатовъ исчезъ въ кулисахъ.

Въ залѣ зашуршали платья, зашумѣли голоса. Изъ-за тяжелаго бархатнаго занавѣса долетали звучащія веселыми перекатами французскія фразы, смѣхъ, восклицанія, милый, возбужденный голосъ княгини.

Затѣмъ все стихло какъ по мановенію волшебнаго жезла.

Откуда то изъ-за кулисъ послышались чарующіе звуки бетховенской сонаты, и занавѣсъ тихо пополз кверху.

Сцена Лота должна была быть первою, согласно съ

строго библейскимъ порядкомъ, но, приберегая эффектъ появленія Ксани подъ конецъ спектакля, Арбатовъ пустилъ ее послѣдней.

Звуки бетховенской сонаты смѣнились иными тихими, чуть слышными, еще болѣе чарующими звуками... Точно кто-то невѣдомый и глубоко печальный тихо плакалъ, сѣтуя и жалуясь на судьбу... И подъ эти чарующіе звуки юная Раечка—Іосифъ, съ закованными, какъ у невольника, руками и ногами, разсказывала какъ тяжело ей, Іосифу, разстаться съ милымъ отцомъ, родиной и любимымъ братомъ Веніаминомъ. Ея голосокъ хваталъ за сердце, а нѣжное лицо было такъ трогательно-прелестно, что по окончаніи сцены ее наградили бурными, долго не смолкающими апплодисментами.

Раечка кончила. Прекрасный Іосифъ удалился со сцены. Его смѣнили Руѳь и Воозъ.

Эта сцена не обошлась безъ приключенія. У Вооза отклеилась борода въ самую патетическую минуту. Нимало не смущаясь, Машенька Косолапова оторвала ее совсѣмъ и положила въ карманъ подъ оглушительный хохотъ зрительнаго зала. Катюша Игранова—Руфь неистово фыркнула при видѣ безбородаго Вооза и, позабывъ роль, понесла какую-то чепуху.

Но и этихъ двухъ растерявшихся дѣвочекъ наградили поощрительными апплодисментами.

Прочтенъ, наконецъ, длинный монологъ Ольги Линсаровой надъ корзиной съ Моисеемъ, и бархатный занавѣсъ опустился подъ дружные хлопки зрительнаго зала.

Снова послышались чарующіе звуки невидимой музыки, и снова тяжелый занавѣсъ поднялся.

Одобрительный шопотъ пронесся по залу. На сценѣ, рядомъ съ Лотомъ и его дочерьми, Мирской, Играновой и Соболевой, появилась черноокая красавица съ трагическимъ лицомъ и гордыми губами.

— О, Лотъ, я чувствую, что гибель тамъ за нами!

Первая же фраза Ксани, произнесенная ея глубокимъ, сильнымъ груднымъ голосомъ, захватила зрителей.

Въ огромномъ залѣ стало тихо, какъ въ могилѣ. Всѣ взоры приковались къ лѣсовичкѣ.

Арбатовъ нервно потиралъ руки. Его глаза, обводившіе публику, казалось, говорили: «Ага! Каково?!»

Съ каждой новой фразой Ксаня все больше и больше захватывала зрителей.

Публика едва дышала, боясь проронить хоть одинъ звукъ изъ ея роли.

— О, Лотъ, я гибну!.. Смерть пахнула мнѣ въ очи!.. Сковала и руки, и ступни... Я гибну!.. Смерть!.. Я обращаюсь въ камень!..—дикимъ, захватывающимъ крикомъ закончила Ксаня и окаменѣла съ исполненнымъ трагическаго ужаса лицомъ.

Занавѣсъ медленно пополъ.

Гробовая тишина воцарилась въ залѣ.

Воцарилась на мигъ. Только на мигъ, послѣ котораго громъ оглушительныхъ рукоплесканій, громъ восторженныхъ отзывовъ и похвалъ раздался въ переполненномъ залѣ.

Точно что ударило въ голову Ксанѣ, когда ее, возбужденную, неостывшую еще отъ вдохновеннаго экстаза, Арбатовъ вывелъ за руку изъ-за кулисъ и сказалъ:

— Но, дѣтка, я думаю, теперь вы убѣдились, что ваша стихія—сцена... Теперь вы убѣдились, что царевнѣ лѣсной не мѣсто въ кельѣ...

И онъ сталъ разсказывать ей какой успѣхъ ждетъ ее, если она согласится играть фею Раутенделейнъ.

Едва Арбатовъ вывелъ Ксаню въ залъ, ее тотчасъ же окружилъ со всѣхъ сторонъ цѣлый цвѣтникъ нарядныхъ дамъ, цѣлый сонмъ блестящихъ мужчинъ въ орденахъ, лентахъ.

Ее спрашивали о чемъ-то, ее задаривали улыбками, ласковыми взглядами, похвалами и похвалами безъ конца.

Ксаня угрюмо молчала, но душа ея расцвѣла. Что-то огромное, прекрасное, какъ солнце, наполняло ее.

— Дорогу! Дорогу княгинѣ!—послышался вдругъ шопотъ, и княгиня Лизъ очутилась передъ дѣвочкой.

— Вотъ твои лавры!.. Это только скромная дань твоему огромному таланту!—произнесла съ влажными глазами княгиня, и на красивой головкѣ Ксани очутился вѣнокъ изъ душистыхъ пурпуровыхъ розъ...

* * *

Сейчасъ послѣ представленія въ залѣ зажгли елку. Зеленокудрое дерево было разукрашено по-царски. Изящныя бездѣлушки, сласти, свѣчи—все это играло и горѣло въ тончайшихъ свѣтовыхъ переливахъ электрическихъ фонарей.

За деревомъ стоитъ Ксаня. Ея глаза горятъ, лицо пылаетъ. О, этотъ успѣхъ! Онъ кружитъ голову, дурманитъ мысль. Онъ такъ дивно-сладокъ и хорошъ, онъ такъ пріятно и радостно ласкаетъ сердце.

Ей было слишкомъ хорошо отъ всѣхъ этихъ похвалъ. Она боялась, что отъ остраго прилива счастья разорвется сердце. Вотъ почему она скрылась возбужденная, зачарованная за эту зеленую, пестро разукрашенную ель.

Здѣсь, въ одиночествѣ укромнаго уголка, никто не мѣшалъ ей грезить...

О, какъ сладки эти грезы... Что ей сказалъ Арбатовъ, когда ввелъ ее въ залъ? Ахъ, да: «царевнѣ лѣсной не мѣсто въ кельѣ!»

И еще про фею Раутенделейнъ говорилъ ей много, много. Но все это должно отойти отъ нея, скрыться. Она—обреченная. Она чужая для сцены, для театра, для людей...

Смертельный ужасъ разомъ наполнилъ душу Ксани. Ей стало жутко. Ей стало холодно. Дрожь пробѣжала по тѣлу.

Теперь въ монастырь?! Теперь схоронить себя навѣки?! О!

Она задрожала съ головы до ногъ.

Передъ ней, какъ призракъ, появилась Манеѳа.

— Вотъ ты гдѣ, дѣвонька, а я то искала. Всюду искала тебя. Я за тобою. Больно великъ соблазнъ здѣсь. Хочу увести тебя отсюда, дѣвонька, помолиться. Вмѣстѣ съ тобой молиться буду, всю ночь будемъ замаливать сегодняшній грѣхъ... Охъ, суета суетъ, суета суетъ и великая суета!.. Бѣжимъ отъ нея, дѣвонька, пока не поздно, пока дурманъ не закружилъ мыслей...

Никогда еще голосъ матушки не звучалъ такъ ласково и кротко. Но отъ этой ласковой кротости еще большій холодъ охватилъ душу Ксани.

Вернуться! Позволить себя запереть въ монастырь! Никогда! Никогда!

Шумный успѣхъ, выпавшій на долю Ксани, отравилъ своимъ ядомъ угрюмую душу не привыкшей къ нему лѣсовички!

«Никогда!» — еще разъ вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ и, не помня себя, она рванула свою руку изъ цѣпко охватившихъ ее пальцевъ Манеѳы и бросилась со всѣхъ ногъ отъ нея черезъ рядъ комнатъ, въ гостиную.

Въ гостиной сидѣли группами гости, весело и оживленно разговаривая. Между ними не было Арбатова.

«Неужели уѣхалъ?—острымъ жаломъ вонзилась въ голову Ксани тревожная мысль.

Она рванулась дальше, въ кабинетъ. Ея глаза блуждали какъ у безумной, отыскивая Арбатова.

Вотъ онъ!

Арбатовъ какъ разъ прощался съ княгинею и другими лицами, желавшими ему успѣха.

Ксаня остановилась, никѣмъ не замѣченная, на порогѣ. Минута и Арбатовъ быстрымъ шагомъ направился къ выходу и тутъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Ксаней.

— Дѣтка моя! Что съ вами? Отчего этотъ разстроенный видъ?

Она стояла, какъ вкопанная, тяжело дыша, съ тѣми же блуждающими глазами.

— Возьмите меня съ собою... туда... къ вамъ... въ театръ... Я не могу... больше... Я не хочу въ обитель... Выше силъ!.. Не могу! Не могу!..

Она задыхалась.

Онъ схватилъ ее за руку.

Его голубые дѣтскіе глаза вспыхнули, загорѣлись.

— Дѣтка, неужели? О, я зналъ, что вы не могли поступить иначе... Скорѣе же, скорѣе!

Онъ схватилъ ее за руку и нервной походкой сбѣжалъ внизъ, въ швейцарскую, гдѣ высокій гайдукъ-казакъ помогъ одѣться Ксанѣ, накинулъ нарядную бобровую шинель на плечи Арбатова и распахнулъ передъ ними дверь.

«Честно-ли я поступила?» — вихремъ пронеслось въ мысляхъ дѣвочки, когда острый морозный воздухъ прямо дохнулъ ей въ лицо.

У подъѣзда уже стоялъ экипажъ княгини, который долженъ былъ довезти Арбатова на вокзалъ. Арбатовъ, усадивъ Ксаню и сѣвъ рядомъ съ ней, велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе.

— «Честно-ли я поступила?»—шепнула еще разъ Ксаня, когда яркіе фонари вокзала привѣтливо блеснули ей въ лицо.

Она не слышала, что говорилъ ей Арбатовъ всю дорогу. Ея мысли кружились съ поразительной быстротой...

Вотъ они на вокзалѣ.

Арбатовъ послалъ ожидавшаго его съ вещами носильщика купить билеты, а самъ побѣжалъ дать телеграмму

своей труппѣ съ извѣщеніемъ о предстоящемъ пріѣздѣ и о томъ, что везетъ съ собою «дебютантку».

Но вотъ раздался звонокъ, заставившій Арбатова съ Ксаней броситься въ вагонъ.

— Слава Богу! А вѣдь чуть было не опоздали. Фея Раутенделейнъ, садитесь!—произнесъ Арбатовъ.

Поѣздъ тронулся... Колеса зашумѣли... Замелькали фонари, фонари безъ счета...

Арбатовъ наклонился къ Ксанѣ и шепнулъ:

— Дѣтка моя, вѣрьте, сама судьба заставила васъ промѣнять монастырь на сцену... О, я увѣренъ, вы будете благодарны судьбѣ, вы будете счастливы, что послушались совѣта стараго актера...

Ксаня ничего не отвѣтила. Ея голову сверлила все время одна мысль: честно-ли она поступила, бѣжавъ тайкомъ послѣ того, какъ она добровольно дала обѣщаніе поступить въ монастырь? Она старалась успокоить себя тѣмъ, что это судьба такъ рѣшила, а не она, Ксаня...

А колеса шумѣли...

Шумѣли, точно пѣли: «Привѣтъ тебѣ, лѣсная фея»...

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.

ЧАСТЬ III.

НА СЦЕНѢ.

ГЛАВА I.

Новыя впечатлѣнія.

ПРІѢХАЛИ, дѣтка!

Голосъ Арбатова звучалъ весело и звонко.

Ксаня широко раскрыла большіе заспанные глаза.

Та же обстановка, что и въ послѣднія двое сутокъ, проведенныя ею въ дорогѣ, тѣ же развалившіеся на мягкихъ диванахъ спящіе пассажиры, тотъ же вагонный ночникъ, завѣшенный зеленой тафтой.

Поѣздъ стоитъ.

— Что, дѣтка, проснуться еще не можете?—засмѣялся Арбатовъ и тутъ же сталъ отдавать распоряженія носильщику.

Широко раскрытыми, недоумѣвающими глазами Ксаня смотрѣла въ полутьму вагона, моргая длинными, черными рѣсницами. Ахъ, какой чудесный она видѣла сонъ! Милый, старый лѣсъ, его деревья-великаны, его пышные ковры изъ зе-

ленаго мха и цвѣтущихъ дикихъ незабудокъ—вотъ что приснилось ей...

И какъ неожиданно, какъ странно было пробужденіе! Этотъ вагонъ, эти грубо храпящіе во снѣ чужіе люди... и зимняя стужа за опушенными снѣгомъ оконцами купе.

— Торопитесь, дѣтка, поѣздъ стоитъ недолго,—слышится снова надъ ея ухомъ голосъ Арбатова, и онъ предлагаетъ ей руку. Ксаня машинально опирается на эту руку, и оба выходятъ изъ вагона.

Едва они спустились на платформу, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружилъ цѣлый десятокъ мужчинъ и дамъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ, батенька! Наше вамъ почтеніе!

— Сережа-мамочка! Наконецъ-то!

— Отцу командиру наше нижайшее!

— А мы тутъ ждали, ждали, ждали!

— Поѣздъ опоздалъ на цѣлый часъ.

— Кущикъ уже носъ отморозилъ, до того на вокзалѣ досидѣлись...

— Ха, ха, ха, ха!

Цѣлый потокъ веселыхъ привѣтствій, смѣха, восклицаній посыпался на выходившаго изъ вагона Арбатова. Его обнимали, цѣловали, и все это среди самыхъ шумныхъ и бурныхъ рѣчей, самаго непринужденнаго веселья.

Бритыя лица мужчинъ, говорившихъ какъ-то особенно и жестикулирующихъ особенно, нарядные, оригинальные и своеобразные костюмы дамъ показывали, что всѣ, встрѣчавшіе Арбатова, были артисты и артистки.

Дѣйствительно, тутъ была на-лицо почти вся Арбатовская труппа: толстый Дмитрій Петровичъ Славинъ или «папа-Митя», серьезный комикъ труппы, съ милымъ, добрымъ, бабьимъ лицомъ, юркій, какъ обезьяна; второй комикъ, морщинистый Кущикъ, казавшійся скорѣе старообразнымъ мальчикомъ, нежели старикомъ; худой, какъ

смерть, костлявый, съ мрачнымъ взглядомъ, въ какомъ-то невѣроятномъ плащѣ, накинутомъ на плечи, трагикъ Дорин-скій-Громовъ; красивый, съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ, jeune premier труппы Гродовъ-Радомскій; старуха Ликадіева, которую вся труппа Арбатова называла не иначе какъ «тетя Лиза» и любила безъ памяти; тоненькая, миніатюр-ная Зинаида Долина; затѣмъ еще какіе-то молодые люди, почти мальчики, веселые, суетливые, особенно крѣпко тряс-шіе руку Арбатова,—артисты на вторыя роли, и барышни-статистки въ скромныхъ шубкахъ, потертыхъ шапочкахъ.

Все это окружило Арбатова, привѣтствовало его, осыпая радостными возгласами.

Скромная фигурка Ксани въ черномъ монастырскомъ одѣяніи, съ большимъ платкомъ на головѣ какъ-то ужъ слишкомъ рѣзко отличалась отъ всей этой веселой, суетли-вой толпы, кипѣвшей жизнью, шумной и суетливой. Ксаня съ удивленіемъ смотрѣла на эту толпу.

— Давайте знакомиться, дѣтка!—произнесъ Арбатовъ, обращаясь къ Ксанѣ.—Позвольте вамъ представить,—приба-вилъ онъ, обращаясь къ собравшейся труппѣ,—это та мо-лодая новая артистка, о которой я вамъ телеграфировалъ...

Прежде чѣмъ могла опомниться Ксаня, десятки рукъ протянулись къ ней.

— Ай, да какая же она красавица!—искренно вырвалось изъ груди Славина, и онъ отечески ласково погладилъ Ксаню по головкѣ поверхъ ея чернаго монашескаго платка.

— Ну, ужъ ладно. Языкъ то попридержите. Избалуете только дѣвочку!— грубовато огрызнулась старуха Ликадіева и безъ дальнихъ разговоровъ обняла Ксаню.—Ты ихъ, дѣ-точка, не слушай... Красавица да красавица... А вотъ услышитъ это «сама», она тебѣ пропишетъ красавицу-то, потому страсть завистлива она у насъ!

— Кто завистливъ?—хотѣла спросить Ксаня и не успѣла.

Великолѣпный букетъ бѣлыхъ розъ, чуть благоухающихъ среди морозной ночи, очутился передъ нею. Красивый господинъ въ бобровой шапкѣ протягивалъ его дѣвушкѣ, опѣшившей отъ неожиданности.

— Будущему собрату на поприщѣ служенія священному искусству отъ его товарищей!—нѣсколько высокомѣрнымъ тономъ произнесъ Гродовъ-Радомскій и, театральнымъ жестомъ протянувъ цвѣты Ксанѣ, низко склонилъ передъ нею свою щегольски завитую голову.

— Цвѣты? Мнѣ? Зачѣмъ же?—быстро проговорила она, вспыхнувъ до ушей.

— Звѣздѣ восходящей! Таланту молодому, нетронутому!—пробасилъ глуховатый голосъ трагика за ея плечами.—Сергѣй Сергѣевичъ извѣстилъ насъ телеграммой, что нашелъ «новое дарованіе», и вотъ мы позволили себѣ привѣтствовать васъ этими цвѣтами, барышня!—и его костлявая рука сжала руку Ксани.

Потомъ къ ней потянулись съ привѣтствіемъ другія руки. Ксаня отвѣчала на всѣ эти пожатія взволнованная, разгорѣвшаяся. Но вотъ неожиданно ея глаза встрѣтились съ другими глазами, молодыми, восторженными, голубыми, какъ южное небо, и чистыми, какъ оно.

— Душечка! Дайте мнѣ расцѣловать васъ. Я и не ожидала, что вы такая!

И двѣ тоненькія, почти дѣтскія, ручонки обвили шею лѣсовички, а пухлый дѣтскій ротикъ горячо прижался къ ея губамъ:

— Вы такая прелесть! Такая дуся! Красоточка вы моя!

Это была Зинаида Долина или, какъ ее звали въ труппѣ, «Зиночка», занимавшая въ труппѣ Арбатова амплуа т. н. ingenue comique.

Ея искренняя ласка и дѣтски-восторженный поцѣлуй не оскорбили дикую лѣсную дѣвочку. Это не были снисходительныя ласки графини Наты, желавшей быть только благодѣтельницей. Нѣтъ, въ Зиночкѣ Долиной Ксаня почуяла искренній, нѣсколько восторженный, дѣтски-горячій порывъ, оттолкнуть который ей было не подъ силу.

Она позволила маленькой Зиночкѣ поцѣловать себя, пожала еще двѣ-три протянутыя ей руки и вопросительно вскинула глазами на Арбатова.

Тотъ такъ и сіялъ. Горячая встрѣча, оказанная труппой Ксанѣ, тронула его до глубины души.

— Я радъ! Я очень радъ, лѣсная царевна,—шепнулъ онъ ей,—и поцѣлуи, и розы, и дружеское участіе—все налицо. Начало прекрасное! Теперь бы только съ «самою» поладить... И еще вашимъ мѣстопребываніемъ позаботиться... Къ тетѣ Лизѣ васъ что-ли помѣстить? Тетя Лиза,—окликнулъ онъ «старуху» Ликадіеву,—вы нашу Ксенію пріютите у себя?

— И... и, батюшка,—отвѣтила Ликадіева.—И рада бы, да у меня и безъ того Кущикъ и Рѣчковъ живутъ, да цѣлая свора мелкой братіи. Шумно, неуютно вашей барышнѣ у меня покажется. Ужъ лучше бы къ Зиночкѣ ее пристроить...

Услышавъ свое имя, Зиночка въ одну минуту очутилась подлѣ. Ея миніатюрная фигурка уже протискалась къ Ликадіевой.

— Ахъ, конечно, конечно, тетечка! Да я m-lle...—не знаю ихъ имени и отчества—какъ солнцу рада... Только вотъ мои головорѣзы развѣ...

— Пустяки! Ты, дѣвонька, съ Зиночкой поселишься,—безаппеляціоннымъ тономъ рѣшила Ликадіева, обращаясь къ Ксанѣ.—Ну, а теперь маршъ по домамъ! Пора и честь знать! Прощайте, братцы, я во-свояси.

— Мы васъ проводимъ, тетя Лиза. И мы по домамъ тоже,—послышалось разомъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ голосовъ.

— А я васъ пойду усажу, дѣтка!—своимъ бодрымъ, веселымъ голосомъ говорилъ Арбатовъ, взявъ подъ руку съ одной стороны Зиночку, съ другой Ксаню и направляясь съ ними въ сопровожденіи всей толпы къ выходу вокзала.

Маленькій городъ уже спалъ, погруженный въ непробудную тишину. Нѣсколько сонныхъ извозчиковъ стояло у вокзала. Арбатовъ кликнулъ одного изъ нихъ, усадилъ на него Зиночку съ Ксаней и уже готовился распроститься съ ними, какъ неожиданно скромный монашескій костюмъ послѣдней рѣзко бросился ему въ глаза.

— Но вѣдь не можетъ же она ходить въ этомъ подрясникѣ, въ самомъ дѣлѣ!—вихремъ пронеслась его мысль и, наклонившись къ самому уху Зиночки, онъ шепнулъ ей:

— Голубушка, не откажите завтра по магазинамъ поѣздить и нашу дѣтку пріодѣть какъ слѣдуетъ... А все, что будетъ стоить—это ужъ дѣло театра... Вотъ вамъ на первый случай,—и онъ сунулъ крупную кредитную бумажку въ маленькую ручку Зиночки.

— Ну, а теперь, добрый путь! Спите покойно на новомъ мѣстѣ, дѣтка! Берегите хорошенько нашу новую звѣздочку, Зиночка, на васъ полагаюсь... Пусть отдохнетъ наша дебютантка съ дороги хорошенько... Завтра репетиція назначена ровно въ шесть!

Ванька хлестнулъ своего поджараго конька, конекъ бойко затрусилъ съ мѣста, и сани запрыгали по рыхлой снѣжной дорогѣ.

ГЛАВА II.

Маленькое гнѣздышко и его птенцы.

ВОТЪ мы и дома! Милости просимъ, гостья дорогая!—прозвенѣла птичьимъ голоскомъ Зиночка и первая выпорхнула изъ саней, наскоро расплатившись съ извозчикомъ.

Передъ Ксаней былъ небольшой деревянный домикъ съ зелеными ставнями, наглухо закрытыми въ эту ночную пору.

— Моя хатка съ краю!—сострила Зиночка и нажала пуговку звонка, духомъ вбѣжавъ на низенькое крыльцо.

Ея «хатка» была дѣйствительно съ краю. Домикъ, снятый Зиночкой, находился далеко за людными улицами города, гдѣ-то у большого пустыря, занесеннаго снѣгомъ, недалеко отъ церкви и городского кладбища.

На звонокъ выбѣжала, со свѣчою въ рукѣ, молодая горничная, она же и кухарка, и нянька, и экономка, какъ узнала впослѣдствіи Ксаня.

Хозяйка и гостья очутились въ крошечныхъ сѣняхъ, изъ которыхъ вели двѣ двери въ жилыя комнаты.

Горничная не безъ удивленія вскинула глазами на необычайную посѣтительницу въ монашеской рясѣ.

— Это—новая артистка нашего театра. Она будетъ жить съ нами вмѣстѣ, Глаша,—пояснила Долина служанкѣ.

Глаша привѣтливо улыбнулась Ксанѣ румяными пухлыми губами и прошла въ сѣни, освѣщая путь высоко поднятой свѣчою.

Въ первой комнатѣ было свѣтло и уютно. На столѣ шипѣлъ чисто-на-чисто вычищенный самоваръ, стояла сухарница съ булками и кренделями, лежалъ холодный кусокъ мяса, очевидно оставшійся отъ обѣда. Изъ другой комнаты, сосѣдней со столовой, доносилось легкое сопѣнье. Очевидно за дверью сладко спали.

Часть столовой была отгорожена сиреневой занавѣской. Зиночка смѣясь указала на нее Ксанѣ.

— Тамъ моя спальня. Тамъ и вы будете спать со мною!— весело проговорила она,—а теперь садитесь и кушайте хорошенько, что Богъ послалъ.

И говоря это она проворно, быстро рѣзала мясо, намазывала масломъ булки и наливала чай, не переставая въ то же время бросать восхищенные взгляды на Ксаню. Та въ свою очередь мелькомъ исподлобья поглядывала на хозяйку дома.

Безъ теплой шапочки и пальто Зиночка казалась еще меньше, и въ своемъ гладкомъ коричневомъ платьицѣ, съ туго закрученной на затылкѣ бѣлокурой косой, совсѣмъ уже походила на дѣвочку-гимназистку.

Худенькое личико Зиночки мѣнялось ежеминутно. Когда она смѣялась, оно казалось дѣтски, ребячески беззаботнымъ, но вдругъ неожиданно облако грусти набѣгало на него, и тогда Зиночка имѣла видъ болѣзненной и чѣмъ то опечаленной дѣвочки.

Ксаня смотрѣла на свою новую пріятельницу и ей казалось непонятнымъ, какъ могъ такой ребенокъ очутиться среди артистовъ. Неожиданно для самой себя Марко спросила:

— Какъ вы, такая молоденькая, дѣвочка почти, крошка, уже попали на сцену?

Зиночка вскинула на нее большими глазами, въ которыхъ заиграли и залучились голубые огоньки и всплеснувъ маленькими ручонками, звонко и искренно расхохоталась.

— Ха, ха, ха!—заливалась Зиночка безпечнымъ смѣхомъ,—это я то крошка? Я то дѣвочка? Да у меня у самой крошки есть!.. Да!.. есть!.. А вы и не знали?.. Ахъ, вы—милая, милая!.. Да мнѣ ужъ двадцать восемь лѣтъ стукнуло... Слышите, тамъ за стѣной спятъ мои головорѣзы.

Старшему, Валѣ, уже восемь, а Зекѣ четыре... Завтра обоихъ увидите... А то вдругъ дѣвочка! Ха, ха, ха, ха! Чего только не выдумаете, красоточка моя!

И, вскочивъ со своего мѣста, она бросилась душить Ксаню поцѣлуями.

И опять гордой, угрюмой лѣсовичкѣ не показались непріятными эти добрыя, простодушныя ласки. И не отдавая себѣ отчета, смуглая рука Ксани легла на шею Долиной, а сильный грудной голосъ лѣсной дѣвочки произнесъ взволнованно:

— Я рада, что попала къ вамъ... У васъ такъ хорошо, уютно и просто... Мнѣ будетъ пріятно съ вами, не тяжко... Какъ на волѣ... Притворяться не надо...—отрывисто проговорила она.

— И я рада! И я!—восторженно подхватила Зиночка.— Вы знаете, душечка, словомъ не съ кѣмъ перемолвиться тамъ, въ театрѣ... Еще папа-Славинъ и тетя Лиза добрые люди... А другіе такъ и норовятъ съязвить, обидѣть... А «сама» особенно... Какъ ехидна, прости Господи, какая... Ея не было на вокзалѣ... Замѣтили? Куда ужъ! Гордая, страсть!..—«Не доставало еще, говоритъ, того, чтобы я встрѣчать какую то дѣвчонку ѣздила!» Это она про васъ, милочка, сказала, когда мы всѣ на вокзалъ поѣхали васъ встрѣчать. Злая она ужасно! Такъ и шипитъ! Такъ и шипитъ! Она съ вами сразу на ножи... Вотъ увидите, дуся... Да вы не отчаивайтесь... Сергѣй Сергѣевичъ не допуститъ... Да и важничать ей, нашей «самой», не придется. Скоро Бѣлая пріѣдетъ, и тогда ей капутъ. Придется Истомихѣ хвостъ поджать,—увидите сами... Ахъ, милая, если бы вы знали сколько въ нашей актерской средѣ бываетъ непріятностей! — прибавила вздыхая Зиночка. — Это — чистая каторга! Не умри мой Владиміръ, никогда бы не пошла въ актрисы... Но послѣ его смерти я безъ гроша осталась, ребятъ кормить было надо... ну и... ну и...

Голубые глаза Зиночки мигомъ наполнились слезами.

— Воля! Воля! зачѣмъ ты умеръ?!—неожиданно разрыдалась она, упавъ на столъ бѣлокурой головкой. Слезы такъ и полились ручьями по ея худенькому личику. Ксаня теперь только разглядѣла цѣлую сѣть мелкихъ морщинокъ, избороздившихъ это худенькое дѣтское личико.

Въ минуту отчаянія Зиночка уже не казалась ребенкомъ. Она блекла какъ цвѣтокъ, лишенный солнечной ласки. Цѣлая драма пережитыхъ страданій отражалась на этомъ лицѣ.

Ксаня растерялась, не зная что дѣлать. Она не умѣла плакать, не умѣла и утѣшать чужого горя. Ей хотѣлось-бы сказать много теплыхъ, хорошихъ словъ, которыми такъ умѣлъ утѣшить ея больную, одинокую душу въ минуту тоски и горя старый лѣсъ, но лѣсное дитя не сумѣло передать той могучей, утѣшающей ласки, которою щедро одѣлялъ ее ея старый зеленый мохнатый пріятель. И ей оставалось только смущенно смотрѣть на бѣдную, плачущую Зиночку.

— Маленькая мама опять плачетъ!—неожиданно раздался нѣжный дѣтскій голосъ за ея плечами.

Ксаня живо обернулась въ ту сторону, откуда раздавался голосъ.

Въ дверяхъ смежной комнаты стоялъ черноволосый и стройный мальчикъ. Онъ былъ въ одной нижней ночной рубашонкѣ, доходившей почти до его босыхъ ножекъ, съ пылающими отъ сна щечками, съ черными глазенками, въ глубинѣ которыхъ дрожали слезы.

Быстро переплетая босыми ногами, онъ подбѣжалъ къ Зиночкѣ, обвилъ руками ея шею и произнесъ тономъ вполнѣ взрослаго человѣка:

— Не плачь, маленькая! Папа съ неба увидитъ твои слезки и ему будетъ больно, больно отъ нихъ!.. Ты вѣдь

сама такъ говорила мнѣ и Зекѣ, когда мы принимались плакать.

Точно дѣйствіемъ волшебства изсякли Зиночкины слезы. Она прижала къ своей груди ребенка и уже съ улыбкой говорила Ксанѣ о томъ, что она должна жить, должна радоваться, имѣя на рукахъ такого милаго, такого хорошаго бутуза. Потомъ «бутуза» заставили представиться незнакомой тетѣ, «новой актрисѣ», и счастливая мать въ сопровожденіи Ксани повела Валю въ дѣтскую и уложила его въ кроватку съ синимъ переплетомъ. Въ другой такой же кроваткѣ спалъ второй сынишка Зиночки, Зека, имъ самимъ переименованный изъ Жоржика въ такое странное имя. Этотъ былъ такъ же миніатюренъ, хрупокъ и бѣлокуръ, какъ и его маленькая мама.

— Вотъ оба мои сокровища!—произнесла съ гордостью Зиночка, склоняясь надъ кроватками обоихъ дѣтей.—Мнѣ есть для кого жить, страдать и трудиться...

И разомъ оборвала свою фразу, встрѣтившись глазами съ хмурымъ, угрюмымъ и печальнымъ взоромъ лѣсовички.

Ксаня вся какъ то осунулась и точно потемнѣла...

Она не знала материнской ласки, она не помнила ее. Она выросла никому ненужной, всѣмъ чужой и одинокой... Даже Васю, ея милаго названнаго брата Васю отняла у нея судьба...

И низко, низко опустилась на грудь печальная головка лѣсовички...

Въ эту ночь, несмотря на нѣжныя заботы Зиночки, Ксаня почти-что не спала. Прошедшее угнетало ее, будущее страшило своей темной, мрачной пустотой.

ГЛАВА III.

Первые шаги.—Тучи сгущаются.

КАКЪ назойливыя кровавыя мухи лѣзли на глаза N-ской публики чуть-ли не аршинныя ярко-красныя буквы саженной афиши, вывѣшенной на дверяхъ городского театра:

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

ПОТОНУВШІЙ КОЛОКОЛЪ

Драма-сказка ГАУПТМАНА

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ НАШЕМЪ ГОРОДѢ!

При участіи въ главной роли феи Раутенделейнъ талантливой дебютантки, шестнадцатилѣтней КИТТИ КОРАЛИ-ГОРСКОЙ.

Эти огромныя буквы бросились въ глаза и Ксанѣ, переименованной Арбатовымъ изъ Ксеніи Марко въ Китти Корали-Горскую.

Ксаня вспыхнула до корней волосъ, увидя свое исковерканное имя на афишѣ.

— Зачѣмъ это?—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ, и она досадливо пожала плечами.

— Чудесно! Чудесно придумано!—восторгалась Зиночка и даже въ ладоши захлопала отъ прилива дѣтскаго восторга.—Какъ мило и поэтично: Китти Корали-Горская! Какъ это звучитъ прекрасно! Увѣряю васъ, это звучитъ какъ музыка, дорогая моя! Корали!.. Корали!.. Чудо какъ хорошо!.. Вообще все выходитъ удачно: и театральная фа-

милія, которую придумалъ для васъ Арбатовъ, и костюмъ, который совершенно измѣнилъ васъ...

Дѣйствительно костюмъ, пріобрѣтенный въ лучшемъ магазинѣ города N-ска, дѣлалъ Ксаню значительно выше, стройнѣе, много красивѣе и изящнѣе.

Темная ткань цвѣта черной вишни выгодно оттѣняла смуглую блѣдность ея лица, а модный, изящный покрой костюма замѣчательно шелъ къ стройной фигурѣ прежней лѣсовички. Черная котиковая шляпа съ перомъ, прикрывая верхнюю часть лица, набрасывала легкую тѣнь на слишкомъ угрюмые глаза Ксани, смягчая ихъ яркій, сверкающій блескъ. Отъ изящныхъ ботинокъ на высокихъ каблукахъ она стала выше и казалась совсѣмъ взрослой барышней, красавицей въ полномъ смыслѣ слова. Одни только волосы, не поддающіеся никакимъ усиліямъ черепаховыхъ гребенокъ, вольно струились чернымъ каскадомъ локоновъ по ея плечамъ. Однако, ловкія ручки Зиночки, сумѣвшія стянуть корсетомъ и платьемъ коренастую фигурку Ксани, умудрились таки соорудить нѣчто похожее на прическу на головѣ ея новой подруги.

Когда онѣ обѣ появились на слѣдующій день въ театрѣ на подмосткахъ сцены, весь составъ труппы, участвовавшей въ назначенной на это утро репетиціи, былъ уже тамъ на-лицо.

Вчерашніе знакомые подошли къ Ксанѣ здороваться.

Старуха Ликадіева безъ церемоніи взяла ее за плечи повернула къ свѣту и произнесла, пристально разглядывая ея лицо:

— Вотъ это я понимаю! Вчера то я въ потемкахъ и не разглядѣла со слѣпу... Такіе глаза и врать то не сумѣютъ... Но, дѣвочка, мнѣ кажется, не въ нашей трясинѣ болотной твое мѣсто... И зачѣмъ это тебя Сережа къ намъ приволокъ?

У старухи Ликадіевой была особенность всѣмъ и каж-

дому говорить «ты» съ первой же встрѣчи. Ксаня смутилась такимъ вступленіемъ, приготовилась отвѣтить, но въ это время откуда то изъ-подъ пола показалась запыленная, грязная, вся въ стружкахъ фигура Арбатова, съ бобровой шапкой на головѣ, сдвинутой на затылокъ.

— А-а, дѣтка! Преобразились! Ну-ка, дайте мнѣ взглянуть на себя. Молодцомъ! Ей Богу же очаровательно! Совсѣмъ настоящей примадонной выглядите!—весело разсмѣялся онъ, очень довольный внѣшнимъ видомъ Ксани и тутъ же еще тише прибавилъ:—Никто вашего настоящаго имени здѣсь не знаетъ и не долженъ знать. Вы отнынѣ будете Корали-Горская, а по имени Китти... Запомните!

Онъ безпечно расхохотался, и его кудрявая голова, посеребренная пылью и естественною сѣдиною, снова скрылась въ какомъ-то провалѣ.

— Колодезь для дѣдушки-водяного устраиваю самолично!—крикнулъ онъ откуда-то, уже скрывшись изъ вида.

Ксанѣ никогда еще не приходилось быть за кулисами, на настоящихъ сценическихъ подмосткахъ, поэтому теперь она не безъ любопытства озиралась вокругъ себя.

Было грязно, громоздко и неуютно.

То, что казалось такимъ красивымъ со сцены: деревья, облака, горы, пейзажи—все это на самомъ дѣлѣ представляло изъ себя грязные, грубо намалеванные куски картона и полотна. Тутъ же безпорядочно навалены были въ кучу въ дальнемъ углу какія то латы изъ папки, обклеенной мишурою, мечи, рыцарскіе доспѣхи. Въ противоположномъ углу стоялъ довольно потрепанный будуаръ въ стилѣ Людовика XVI, какія то замысловатые пуфы, козетки и какой то вычурный подъ балдахиномъ туалетъ. И все это заслонялось внутренностью русской избы со скамьями и лежанкой, съ кадкой для воды и, ни къ селу, ни къ городу, приткнутой сбоку утлой картонной лодкой.

— Что, дѣтка, сокровища наши осматриваете?—послышался Ксанѣ знакомый голосъ, и курчавая сѣдоватая голова Арбатова вторично неожиданно появилась изъ-подъ полу.— Вотъ вамъ роль феи Раутенделейнъ и кстати заодно и сама пьеса. Садитесь и почитайте, и познакомьтесь съ пьесою, которую мы будемъ сейчасъ репетировать,—весело проговорилъ онъ, выпрыгивая съ легкостью юноши изъ своего подполья, и протянулъ ей объемистую тетрадку.

Ксаня машинально взяла тетрадку и, присѣвъ на восьмиугольный кусокъ дерева, выкрашенный подъ пень грязно-коричневымъ цвѣтомъ, начала внимательно читать.

Съ первыхъ же строкъ пьеса несказанно поразила ее и чуднымъ поэтическимъ своимъ содержаніемъ, и удивительнымъ сходствомъ героини ея, маленькой лѣсной феи,—съ нею, Ксеніей Марко, питомицей дремучихъ далекихъ лѣсовъ.

Златокудрая фея Раутенделейнъ живетъ въ лѣсу, тщательно оберегаемая отъ людского глазу бабушкой-вѣдьмой, лѣшимъ и старымъ, толстымъ дѣдушкой-водянымъ, живущимъ въ колодцѣ. Дѣдушка-водяной могучъ, богатъ и знатенъ. Ему подвластно все его водяное царство. Но ни власть, ни могущество и богатство не милы дѣдушкѣ-водяному, если нѣтъ съ нимъ малютки Раутенделейнъ, которую онъ, старый дѣдка, давно любитъ и хочетъ заполучить себѣ въ жены. Онъ поднимается со дна своего колодца, кряхтя и позѣвывая, испускаетъ свое обычное «бреке-ке-кексъ» и поджидаетъ къ себѣ красавицу-фею. Красавица-фея—веселое дитя. Она ищетъ цвѣтовъ и орѣховъ среди лѣсной чащи, дурачится со старымъ лѣшимъ и пляшетъ съ подругами-нимфами при лунномъ блескѣ вплоть до утра. Она приходитъ поболтать и съ дѣдкой «бреке-ке-ке-ксомъ», безпечная и ясная, какъ лѣтній день. Но ни о замужествѣ, ни о любви не думаетъ еще маленькая фея Раутенделейнъ, но вотъ...

Щеки Ксани разгорѣлись... Ахъ, эта сказка про лѣсъ и фею, о, какъ прекрасна она!

Лѣсовичка читала ее, увлекаясь все больше и больше, и ушла въ это занятіе всѣмъ своимъ существомъ.

— Китти!.. Корали!.. Корали!.. Да проснитесь же, милочка! Всѣ ждутъ васъ!—услышала она птичій голосокъ Зиночки надъ собою.—Репетиція сейчасъ начинается.

Ксаня удивленными глазами посмотрѣла на Долину. Кто это Китти Корали? Какая Китти? Какая Корали? Ахъ, да вѣдь это она, Ксаня!

И она быстро захлопываетъ тетрадку.

Пока она читала здѣсь, въ уголку, сцена приняла новый, еще болѣе безалаберный видъ. Посреди нея теперь стоялъ какой-то обрубокъ, выдолбленный въ серединѣ. Вокругъ этого обрубка метался Арбатовъ и, размахивая руками, кричалъ:

— Папа-Митя! Папа-Митя! Водяной! Полѣзай же въ колодезь... Пока что, такъ репетировать будемъ, а потомъ я вамъ такія декораціи загну, что пальчики, друзья мои, оближете... Тетя Лиза, пожалуйте сюда... Вотъ домикъ вѣдьмы... Пока я русскую избу поставлю, но къ спектаклю будетъ хижина изъ хвойныхъ вѣтокъ. Плотники скоро ее приготовятъ. Ну-съ, Корали, вамъ начинать! Читайте прямо по тетрадкѣ.

И взявъ за руку недоумѣвающую Ксаню, онъ вывелъ ее на середину сцены и тихо шепнулъ:

— Ну, помогай вамъ Богъ, моя дорогая!

Послѣднія слова были произнесены такъ тихо, что Ксаня скорѣе угадала, нежели услышала ихъ. Да врядъ-ли что-нибудь слышала и видѣла теперь лѣсовичка. Дивный, чарующій, полный недосказанной тайны сюжетъ поэтической драмы-сказки совсѣмъ захватилъ ее. Она какъ-будто почувствовала себя прежней Ксаней — такой-же нимфой

Раутенделейнъ, лѣсной феей, дикимъ, лѣснымъ, сказочно-свободнымъ дитятей. Какъ уменъ и дальновиденъ оказался Арбатовъ, давъ ей для ея перваго дебюта эту до нельзя подходящую ей роль! Ей, Ксанѣ, не надо стараться дѣлать изъ нея что-либо. Ей надо только остаться самой Ксаней, прежней Ксаней лѣсовичкой—и все. «Старый лѣсъ, здравствуй, и снова здравствуй. Я опять возвращаюсь къ тебѣ!»—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ, и какая-то волна, уже разъ испытанная тамъ, на подмосткахъ княжескаго зала, снова захватила Ксаню, глаза вспыхнули...

Она стала читать свою роль по тетрадкѣ ясно, выразительно, съ чувствомъ. Все притихло на сценѣ. Смолкли актеры, болтавшіе и громко смѣявшіеся въ кулисахъ. Нѣсколько десятковъ глазъ съ любопытствомъ впились въ дебютантку. Но Ксаня ничего не видѣла и, забывъ окружающихъ, вся была поглощена своею ролью.

Нахлынула волна и понесла ее куда-то. Куда—неизвѣстно!.. Шумъ деревьевъ, рокотъ лѣсного ручья, щебетаніе пташекъ—все уже ясно чудилось Ксанѣ, и все это выражалось теперь въ ея чтеніи.

Голосъ ея то крѣпчалъ, то падалъ, то звенѣлъ смѣхомъ, загадочнымъ и нѣжнымъ, какъ у русалки, красивый, какъ пѣсня жаворонка, какъ музыка, какъ звуки арфы...

И Богъ знаетъ сколько-бы длилась эта музыка, какъ бы долго оставались безъ движенія актеры за кулисами и актеры на сценѣ, завороженные звуками музыки этого голоса, очарованные внѣшностью, граціей и дикой прелестью молодого, незауряднаго существа, если бы громкій, рѣзкій голосъ не нарушилъ всеобщаго очарованія.

— Но это безуміе мучить дѣвочку съ первой репетиціи... И вамъ не стыдно, Арбатовъ!

Всѣ головы повернулись въ ту сторону, откуда слышался

голосъ. Повернулась туда же и чернокудрая головка словно проснувшейся отъ своего экстаза Ксани.

Въ глубинѣ сцены стояла женщина, высокая, полная, лѣтъ 38, съ золотисто-рыжими, цвѣта спѣлаго колоса, волосами, выбивавшимися изъ-подъ огромной мѣховой, отороченной соболями и страусовымъ перомъ, шляпы, въ тяжеломъ бархатномъ платьѣ, съ массою браслетовъ поверхъ длинныхъ щегольскихъ перчатокъ. Соболья накидка, небрежно спущенная съ одного плеча, волочилась вдоль бархатнаго шлейфа. Эта женщина была бы хороша собой, если бы брови ея не были такъ черны, а щеки и губы не были слишкомъ румяны, чтобъ казаться натуральными.

Большіе, холодные глаза отталкивали своимъ недобрымъ выраженіемъ. Она такъ пристально впилась этими злыми глазами въ Ксаню, что дѣвушкѣ сразу стало какъ то непріятно отъ этого взгляда.

— Это Истомина, наша премьерша,—зашептала Зиночка Долина, незамѣтно приблизясь къ Ксанѣ.—Она здѣсь все, потому что очень богата. Она держитъ театръ пополамъ съ Арбатовымъ и дѣлаетъ все, что хочетъ. А вотъ и ея Митрофанушка, ея сынокъ-недоучка. Тоже принца крови изъ себя корчитъ. Отовсюду повыгнали, ну и пришлось въ актеры идти... У-у, противные!.. Обоихъ ненавижу!..

Слушая страстный шопотъ Зиночки, Ксаня недоумѣвала, что сталось съ этой кроткой, тихенькой, чуть восторженной, маленькой женщиной. Теперь уже Зиночка Долина не походила на веселую, безпечную птичку. Нѣтъ, это былъ скорѣе звѣрекъ, загнанный и дикій. Ея голубые глазки загорѣлись злобою, блѣдныя щеки вспыхнули, брови сдвинулись, и все миловидное, маленькое личико приняло жесткое, непріятное выраженіе.

Между тѣмъ рыжая Истомина не сводила съ Ксани глазъ, вооруженныхъ лорнетомъ. Смотрѣлъ на нее и стоявшій

подлѣ матери молодой человѣкъ, худенькій, высокій, какъ жердочка, съ тщательно расчесаннымъ проборомъ на макушкѣ и какимъ то завитымъ кокомъ, прихотливо пристроеннымъ надъ узенькимъ лбомъ. На юношѣ былъ щегольской, свѣтлый костюмъ, ярко-красный галстукъ, съ воткнутой въ него брилліантовой булавкой. Онъ игралъ стеклышкомъ монокля, прикрѣпленнымъ на золотой цѣпочкѣ къ пуговицѣ сюртука.

— Это «одноглазый Циклопъ». Мы его прозвали такъ за его монокль,—успѣла шепнуть Зиночка на ухо Ксанѣ и неожиданно звонко разсмѣялась.

Истомина окончила свой осмотръ, пожала плечами и сердито крикнула:

— Сергѣй Сергѣевичъ, подите сюда!

— Что угодно, Маргарита Артемьевна?

— Вы хотите, чтобы эта дикарка впервые выступила въ такой отвѣтственной роли? — презрительно процѣдила сквозь зубы премьерша, когда Арбатовъ приблизился къ ней.

— Эта роль точно написана для нашей дебютантки!— произнесъ тотъ и ласковымъ, ободряющимъ взглядомъ окинулъ Ксаню.—А что касается исполненія, то вы можете судить о немъ уже по читкѣ. Она всѣхъ захватила, эта дѣвочка... Тетя Лиза прослезилась даже, слушая ее...—не безъ гордости присовокупилъ онъ тутъ-же.

— У тети Лизы слезы дешевы, одно могу замѣтить,— сквозь зубы пробурчала Истомина,—а что касается роли, то, вотъ увидите, она ее провалитъ...—почти прошипѣла она.

— Провалитъ, вотъ увидите!—вторилъ и ея сынокъ, вскидывая свое стеклышко,—эту роль могла-бы сыграть только моя мамаша.

— Пожалуй, я бы охотно сыграла ее...—отозвалась та новымъ, значительно смягченнымъ тономъ.

Что-то разомъ перевернулось въ добродушномъ сердцѣ Арбатова. Непривычная злость закипѣла въ немъ. Лицо

приняло жесткое выраженіе, такое же точно, какимъ было за минуту личико Зиночки. Онъ былъ обиженъ за свою ученицу. Едва сдерживаясь отъ гнѣва, онъ произнесъ насмѣшливо, глядя въ холодные, злые глаза премьерши:

— Полноте, Маргарита Артемьевна! Китти Корали и никто болѣе не сможетъ изъ всей нашей труппы сыграть эту роль. Въ ней есть всѣ данныя для этой роли: и юность, и красота, и грація, словомъ все необходимое для феи Раутенделейнъ.

Затѣмъ, пожавъ плечами, онъ, не дождавшись отвѣта, быстрыми шагами отошелъ отъ позеленѣвшей отъ гнѣва премьерши.

— Ну, дѣтка милая, держитесь стойко,—произнесъ черезъ минуту Арбатовъ, ласково погладивъ по головкѣ Ксаню, успѣвшую уже снова отойти въ сторону, чтобы пробѣжать про себя продолженіе сказки, захватившей ее съ головой.— Тучи сгущаются, гроза близко,—продолжалъ Арбатовъ,—но съ такимъ талантомъ, съ такимъ голосомъ и лицомъ вамъ нечего бояться ни тучъ, ни грозы, милая, маленькая лѣсная царевна!

* * *

Какъ въ чаду вернулась въ этотъ день Ксаня въ скромный домикъ Зиночки.

Первая репетиція—была и ея первымъ тріумфомъ. Вся труппа, за исключеніемъ развѣ Радомскаго и Кущика, постоянно находившихся въ качествѣ приближенныхъ къ особѣ Истоминой, до небесъ превозносила ее, когда она прочла всю свою роль до конца. Арбатовъ нѣсколько разъ повторялъ, что ему не вѣрится, что Ксаня начинающая, неопытная дебютантка. Старуха же Ликадіева безъ дальнихъ словъ заключила въ объятія Ксаню и, глядя на нее затуманеннымъ взглядомъ, полнымъ материнской любви, проговорила сердечно:

— Ну, спасибо тебѣ, дѣточка, потѣшила меня, старую... Давно не приходилось слышать такой читки... Ангелы Божіи въ тебя талантище вдохнули твой... Не зарывай его въ землю, дѣвочка, трудись, и изъ тебя такая актриса выйдетъ, что и самую Бѣлую за поясъ заткнешь!

И она еще разъ крѣпко поцѣловала обѣ смуглыя щечки Марко.

Тутъ подошелъ папа-Славинъ, взялъ за обѣ руки Ксаню и сказалъ съ чувствомъ:

— Ну, дочка, одолжила, поистинѣ одолжила... Дай Богъ всегда такъ-то... А только себя пожалѣть надо... Вы вотъ что, мамочка, силъ то зря не расходуйте, къ спектаклю поберегите... На репетиціяхъ въ полтона жарьте... А тамъ... дай Богъ! дай Богъ!.. «Сама» то лопнетъ со злости, а у ея Митрофанушки, шутъ его возьми, желчь разольется, потому что оба не въ мѣру завистливы, талантливую душу утопить готовы.

— Дивно! Дивно!—шептала въ какомъ то упоеніи Зиночка, восторженно сжимая руки Ксани. — Когда вы читать начали — я думала захлебнусь отъ счастья... Какой тонъ!.. Какой голосъ, а мимика какая! Вы геніальны, Корали!..

Всѣ эти похвалы кружили гордую, самолюбивую головку Ксани. Когда же Громовъ-Доринскій, подойдя къ ней, театральнымъ жестомъ привѣтствовалъ ее и громко съ пафосомъ крикнулъ:

— «Привѣтъ царицѣ, покорившей насъ всѣхъ до единаго!»—Ксанѣ захотѣлось громко и весело разсмѣяться чуть не впервые въ жизни.

ГЛАВА IV.

Новая жизнь.

БЫСТРОЙ чередою замелькали пестрые дни въ жизни Ксани. И радость, и горе несли эти дни недавней дикой лѣсной дѣвочкѣ и скромной монашеской воспитанницѣ, ставшей столь неожиданно артисткой Китти Корали-Горской.

Странно и чуждо чувствовала себя въ эти дни лѣсовичка: длинные, безконечные часы репетицій, еще болѣе длинные часы разучиванія роли, потомъ вечера тихіе, мирные семейные вечера въ кругу маленькой семьи Зиночки—все это было такъ ново, такъ необычайно для нея.

Лишенная съ дѣтства ласки и тихой семейной жизни, Ксаня теперь только поняла всю ея прелесть. Усталая, измученная возвращалась она подъ кровъ крошечнаго, стараго домика съ зелеными ставнями изъ театра, гдѣ дружескія изліянія мало знакомыхъ ей людей тяготили ее не менѣе злыхъ выходокъ, насмѣшекъ и колкостей Истоминой и ея сына Поля, прозваннаго всею труппою Арбатова «Циклопомъ» и «Митрофанушкой». Отъ этихъ насмѣшекъ и колкостей не могъ оградить Ксаню ни Арбатовъ, ни добрая Ликадіева, ни милая Зиночка.

Почти послѣ каждой репетиціи вслѣдъ Ксанѣ неслись фразы въ родѣ: «подожди, проучатъ тебя, зазнавшаяся знаменитость», «картонная героиня», «чернавка, воображающая себя принцессой», «дутый талантъ» и пр., и пр., и пр. безъ конца, безъ счета.

Такъ злобствующая Истомина срывала свой гнѣвъ на ни въ чемъ неповинной Ксанѣ.

Ей, этой Истоминой, было далеко не по душѣ появленіе Ксани въ труппѣ. Маргарита Артемьевна Истомина не обла-

дала ни особымъ талантомъ, ни молодостью, ни красотой. Играла же она видныя, первыя роли частью за неимѣніемъ въ труппѣ другой, болѣе талантливой актрисы, частью по праву хозяйки театра, такъ какъ, когда Арбатовъ задумалъ составить собственную труппу и открыть театръ, она вступила съ нимъ въ компанію и внесла довольно значительную сумму съ тѣмъ, чтобы вести дѣло на равныхъ началахъ.

Съ появленіемъ Ксани самая черная зависть пробудилась въ душѣ Истоминой. Она, казалось, не пожалѣла бы никакихъ средствъ, чтобы погубить свою молоденькую соперницу, которая должна была затмить ее несомнѣнно своимъ самородкомъ-талантомъ. Этого, бьющаго въ глаза, таланта сама Истомина, какъ артистка, не могла не видѣть, и за этотъ крупный, недюжинный талантъ она и возненавидѣла Ксаню всѣмъ сердцемъ, всею душою, съ первой же встрѣчи, и всячески преслѣдовала ее.

Не мудрено, что Ксаня, усталая, измученная отъ всѣхъ этихъ преслѣдованій, съ особеннымъ удовольствіемъ возвращалась въ семью Зиночки, гдѣ ее ждали дружба и забота. У Зиночки былъ крошечный лишь талантъ. Она сознавала это и была далека отъ желанія играть сколько-нибудь выдающіяся роли. Послѣ смерти мужа-офицера она осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни и исключительно ради возможности заработать что-либо своимъ дѣтямъ-сироткамъ пошла въ актрисы и заслужила себѣ репутацію старательной артистки. Къ большему она не стремилась. Ей хватало ея скромнаго жалованья, и она жила припѣваючи со своими малютками въ крошечномъ сѣромъ домикѣ на окраинѣ города. Къ этимъ крошкамъ Зиночки незамѣтно привязалась и лѣсовичка. Когда усталая и возбужденная Ксаня возвращалась въ сѣрый домикъ, навстрѣчу къ ней выбѣгали дѣти; черненькій Валя и бѣлокурый Зека съ крикомъ радости об-

вивали ручонками ея тонкую, смуглую шею и покрывали ея лицо градомъ дѣтскихъ, неподкупныхъ поцѣлуевъ.

— Тетя Китти пришла! тетя Китти!—восклицали наперебой дѣти.—А ты намъ разскажешь сегодня какую-нибудь сказочку, тетечка?—просили они и жались къ своей смуглой, юной, красивой тетѣ, черные, обычно угрюмые глаза которой имъ однимъ только и умѣли улыбаться ласково и мягко.

И какъ умѣла Ксаня разсказывать имъ сказки про маленькую лѣсную дѣвочку! Затаивъ дыханіе, боясь пошевельнуться, Валя и Зека слушали, широко раскрывъ любопытные глазенки, о дѣвочкѣ-лѣсовичкѣ, о мальчикѣ Васѣ, о старомъ-старомъ ворчунѣ-лѣсѣ, о нимфахъ, лѣсныхъ колдуньяхъ, о лѣсныхъ царяхъ и блѣдныхъ зеленокудрыхъ русалкахъ, о маленькихъ лѣсныхъ звѣрькахъ и щебетуньяхъ-птицахъ... Быль мѣшалась со сказкой, сказка съ былью. Мальчики замирали на колѣняхъ Ксани, ихъ глаза разгорались, ихъ щечки алѣли, какъ розы. Разгорались и блѣдныя щеки разсказчицы при этихъ воспоминаніяхъ, разгорались и чудно сверкали ея мрачные, черные, какъ тьма ночи, глаза... И точно просыпались отъ сна и она, и дѣти, когда неожиданно падала ложка съ подноса, и птичій голосокъ Долиной кричалъ изъ столовой:

— «Да идите же вы чай пить, сказочники».

— Нѣтъ, вы положительно отобьете ихъ отъ меня, Китти... Право отобьете...—прибавляла при этомъ каждый разъ Долина.—Валя и Зека, хотите взять себѣ въ мамы тетю Корали?

И всѣ четверо заливались веселымъ, безпечнымъ смѣхомъ, среди взрывовъ котораго такъ странно было слышать грудныя низкія нотки лѣсовички. Съ пылающими щеками, возбужденная, не остывшая отъ воспоминаній, Ксаня наскоро пила чай и тутъ же у стола принималась за репети-

рованіе роли, хотя роль была уже давно готова у нея. Дѣти спали. Зиночка чинила что то у лампы. А голосъ лѣсовички, звучный и нѣжный, бархатистый и сочный, какъ лѣсная пѣсня, наполнялъ собою всѣ уголки крошечной Зиночкиной квартирки...

* * *

— Нѣтъ, вы положительно геніальны, Китти, душечка моя! Если-бъ вы знали, какъ я счастлива за васъ! А Сергѣй Сергѣевичъ, тотъ ходитъ какъ именинникъ и вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ... Счастливица! Такой талантъ! Нѣтъ, вы далеко пойдете, Корали!

Точно во снѣ слышатся эти рѣчи Ксанѣ, точно во снѣ. Мысль работаетъ какъ въ туманѣ. Ей страннымъ, очень страннымъ все кажется сегодня. Она скользитъ, какъ призракъ, по двумъ крошечнымъ комнаткамъ сѣраго особнячка и чуть слышно шепчетъ что то. Или не Ксаня это шепчетъ, а фея Раутенделейнъ, сама фея?..

Завтра вечеромъ рѣшается ея судьба, — судьба дикой, одинокой, чуждой всему міру дѣвушки: завтра первый ея выходъ, первый дебютъ новой феи Раутенделейнъ. И завтрашній вечеръ долженъ рѣшить, дѣйствительно-ли она «величина», крупный, недюжинный талантъ, какъ говорятъ ей это въ лицо Зиночка, папа Митя, Ликадіева, Арбатовъ и другіе, или... или...

И въ непонятной тоскѣ Ксаня сжимаетъ голову обѣими руками. Какой позоръ, какой ужасъ, если публика не признаетъ ее!

А вѣдь это можетъ случиться! Она, Ксаня, можетъ испугаться, смутиться въ послѣднюю минуту — и тогда пропало все! О, какъ тогда будутъ торжествовать ея враги: Истомина и ея прилизанный сынокъ Поль, играющій подъ псевдонимомъ громкой фамиліи Свѣтоноснаго. Они спятъ и видятъ, что она, Ксаня, провалитъ спектакль.

Не будетъ этого, не будетъ! Неужели Тотъ, Который распоряжается судьбою людей, допуститъ, чтобы... Нѣтъ, нѣтъ!.. Это было-бы величайшею несправедливостью...

И Ксаня вскакиваетъ, блѣдная, взволнованная, потрясенная...

Тетрадь съ ролью выскользнула изъ ея рукъ и, шелестя раскрывшимися листами, полетѣла на полъ...

— Ахъ, Боже мой! Такъ нельзя!.. Что вы! Что вы! Сядьте, сядьте скорѣе!—сама не своя волновалась Зиночка, вскакивая съ мѣста. — Корали, милочка, да сядьте же, сядьте!—настаивала она, дергая за рукавъ ничего не понимающую Ксаню.

— Куда сѣсть?.. Зачѣмъ сѣсть?—съ удивленіемъ спрашивала та.

— На тетрадь сядьте, на роль вашу. У насъ, у актеровъ, повѣрье есть: если кто роль на полъ уронитъ—сѣсть на нее надо тутъ-же кряду, иначе провалите ее, роль то-есть... Сядьте скорѣе, а то завтра провалите вашу Фею Раутенделейнъ... Слышите-ли вы меня, Корали!

И прежде, чѣмъ успѣла сообразить что-либо Ксаня, Зиночка силой усадила Ксаню на полъ прямо на тетрадь съ ролью, усѣлась съ ней рядомъ съ самымъ серьезнымъ видомъ и, просидѣвъ такимъ образомъ на ней минуту-другую, снова поднялась, счастливо улыбаясь всѣмъ своимъ худенькимъ, дѣтски-милымъ лицомъ.

— Ну, вотъ теперь уже ничего не страшно, завтрашняго дня бояться нечего,—степенно проговорила она.

Ксаня только рукою махнула. Она была далека отъ всякаго рода предразсудковъ. И потомъ: ей-ли бояться этого завтра? Она, лѣсовичка, во всю свою коротенькую жизнь не боялась никого и ничего.

Завтра!.. завтра!..

И вотъ наступило это завтра. Цѣлый день Ксаня была

какъ-то странно спокойна. Даже Зиночка чуть-чуть не поссорилась изъ-за этого съ ней. По Зиночкинымъ предразсудкамъ, дебютантка должна была бояться во что бы то ни стало въ день спектакля. Это обѣщало благополучіе, успѣхъ, тріумфъ.

— Странная вы какая то... Точно идолъ безчувственный!—возмущалась Зиночка,—а впрочемъ такому талантищу и волноваться не стоитъ. Все равно публика отъ восторга при одномъ вашемъ появленіи театръ разнесетъ,—тутъ-же добавляла Долина.

Наступилъ вечеръ. Задолго до начала спектакля Зиночка повезла Ксаню въ театръ. Въ маленькой дощатой уборной горѣла электрическая лампа. На столѣ, покрытомъ кисейной накладкой и имѣющемъ видъ туалета, были тщательно разложены всѣ принадлежности для грима: краски, бѣлила и румяна для лица, карандаши для бровей, глазъ и губъ, о-де-колонъ, пудра. Большой, пушистый коверъ покрывалъ полъ комнаты. На столѣ, подлѣ зеркала стояли цвѣты въ красивой хрустальной вазѣ.

— Что это? Кто такъ украсилъ уборную? — удивленно освѣдомилась Ксаня.

— Арбатовъ,—коротко отвѣтила Зиночка,—онъ прислалъ изъ своей квартиры коверъ, зеркало и цвѣты. А все нужное для гримировки—это я припасла вамъ, Коралинька,—застѣнчиво присовокупила Зиночка и вспыхнула до ушей.

Ксаня молча крѣпко пожала ей руку. Проявлять благодарность какъ-либо иначе не умѣла лѣсная дѣвочка.

Однообразный, нудный и пронзительный звонокъ заставилъ вздрогнуть обѣихъ.

— Первый звонокъ, черезъ часъ начало,—послышался за дверью голосъ помощника режиссера.

Тотчасъ-же Зиночка приступила къ дѣлу. Она начала

съ того, что расчесала вьющіеся, изсиня-черные кудри дебютантки, потомъ помогла ей загримировать лицо.

Сбросивъ верхнюю суконную юбку и скромную фланелевую блузку, Зиночка накинула на себя воздушный костюмъ нимфы—крошечной ролки одной изъ лѣсныхъ фей, подругъ Раутенделейнъ, которую она играла въ этотъ вечеръ. Потомъ, наскоро набѣливъ и подрумянивъ лицо и распустивъ по плечамъ бѣлокурыя волны своей пышной шевелюры, принялась снова за Ксаню.

Боже, чего только не выдѣлывали ея крошечныя ручонки! Сначала она было набѣлила чѣмъ-то бѣлымъ смуглыя щеки Марко, ея носъ, лобъ и шею, потомъ озабоченно стерла все и, хмурясь и поджимая губы, проговорила:

— Нѣтъ, бѣлила положительно не пристали къ вашему лицу, Корали... Играйте смуглянкой, очаровательной смуглянкой, какою вы есть на самомъ дѣлѣ. Только вотъ тутъ и тутъ...—она провела нѣсколько неуловимыхъ штриховъ вокругъ глазъ Ксани, мазнула черною тушью ея вѣки, рѣсницы и брови, бросила нѣсколько алыхъ бликовъ на смугло-блѣдныя щеки лѣсовички, тронула кровавой палочкой кармина ея нѣжныя губки и торжествующая произнесла:

— Готово! Теперь стойте смирно, я васъ буду одѣвать. Вотъ туфли, вотъ трико, вотъ туника... Отлично... такъ... Ахъ, Китти, и какою же красотою наградилъ васъ Господь!.. Вотъ выйди вы такъ въ этомъ костюмѣ на сцену и скажи публикѣ: «А знаете, я роли ни въ зубъ толкнуть — не знаю и играть не могу!»—весь театръ все-таки при видѣ васъ загремитъ отъ восторга. Я убѣждена въ этомъ, право!.. А вы еще талантище вдобавокъ и заговорите такъ, что всѣ сразу заплачутъ... Теперь готово... Стойте! Въ волосы я вамъ живыя розы вплету, чудо какъ хорошо это будетъ! Истомиха со злости лопнетъ... Ну, теперь

все!.. Поглядите-ка сюда! А, какова? Себя небось сами не узнаете?

И Зиночка легонько подтолкнула къ зеркалу Ксаню. Послѣдняя сдѣлала шагъ впередъ, ахнула и отступила невольно.

Какъ? Неужели это она? Эта красавица-дѣвочка въ короткой зеленой прозрачной, усыпанной блестками и затканной серебромъ туникѣ, съ горячимъ, искрящимся взоромъ, съ смугло-алыми, пылающими щеками, съ кудрями, распущенными по плечамъ и увѣнчанными бѣлыми розами, съ блуждающей на румяныхъ щекахъ таинственной и манящей усмѣшкой,—неужели это она?

Полно! Да она ли это? Ужъ не выслалъ-ли старый лѣсъ-волшебникъ одну изъ своихъ зеленыхъ нимфъ вмѣсто нея, скромной Ксеніи Марко?

Какъ преобразилъ ее этотъ воздушный костюмъ, это слегка загримированное лицо, эти черные съ бѣлыми розами перепутанные кудри!

— Лѣсная царевна!—прошептали въ забвеніи румяныя губки, и она протянула къ зеркалу свои смуглыя, точеныя руки...

Снова дрогнулъ колокольчикъ за дверями уборной.

— Господа, пожалуйте на сцену! Черезъ десять минутъ начало!—послышался снова гдѣ-то, поблизости, голосъ помощника режиссера, и одновременно въ дверь Ксаниной уборной постучали.

— Войдите!—успѣла крикнуть Зиночка и, торжествующе улыбаясь всѣмъ своимъ существомъ, почти въ голосъ крикнула входившему Арбатову:

— Сергѣй Сергѣевичъ, глядите!

Тотъ словно замеръ на мѣстѣ.

— Браво!—вырвалось у него почти испуганнымъ, восторженнымъ крикомъ, и онъ отступилъ назадъ къ двери, опѣшившій, потерянный, изумленный.

— Дѣтка! Вы-ли это?!

— Ну, конечно она! Конечно!—расхохоталась Зиночка,—а вы ужъ поди думали, что мы и загримироваться не умѣемъ. Только вотъ золотого парика, который полагается феѣ, не надѣвали. Ни къ чему онъ, когда собственные кудри—одна прелесть. Да и нельзя ей лицо мазать—портить только... А за цвѣты спасибо, пригодились... Поблагодарите же за цвѣты, Китти!—захохотала и засуетилась Зиночка.

— Благодарю васъ!—тихо проронила Ксаня.

Арбатовъ крѣпко сжалъ ея руку.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей новой питомицы.

— Вотъ вамъ моя рука... на счастье... И Господь съ вами!.. Я чувствую, что буду отнынѣ, какъ отецъ дочерью, гордиться вами!

Его голосъ дрогнулъ. Онъ быстро перекрестилъ Ксаню, поцѣловавъ ее въ лобъ, и вывелъ ее изъ уборной.

— Боже мой! Да развѣ это фея Раутенделейнъ! Чумичка какая то!..—услышала Ксаня знакомый голосъ за кулисами.

Арбатовъ вздрогнулъ и обернулся.

Передъ нимъ и Ксаней, съ рѣзко намалеваннымъ красками лицомъ, въ бѣлокуромъ парикѣ и средневѣковомъ мѣщанскомъ платьѣ, стояла Истомина, игравшая жену Генриха Литейщика. Ея лицо кривилось отъ плохо сдержанной досады, губы и глаза со злобою усмѣхались.

— Что они сдѣлали съ вами, дитя мое! Выпустить васъ безъ парика и такой чумичкой-смуглянкой вдобавокъ!—стараясь говорить вкрадчиво и нѣжно, произнесла она снова, непосредственно обращаясь къ Ксанѣ.

Арбатовъ вспыхнулъ.

— Оставьте дѣвочку въ покоѣ, Маргарита Артемьевна!—произнесъ онъ рѣзко.—Чѣмъ меньше искусственности въ такомъ юномъ существѣ, тѣмъ это лучше для него. Я радъ,

что Китти будетъ не обычной феей Раутенделейнъ, какою представляетъ ее себѣ публика, а внесетъ въ эту роль нѣчто новое, свѣжее и незаурядное. Она прелестна къ тому же и безъ всякаго грима.

И, сказавъ это, онъ наскоро провелъ Ксаню въ первую кулису.

— Отсюда будетъ вашъ первый выходъ, дѣтка,—проговорилъ онъ уже новымъ, дѣловымъ тономъ.—Выбѣгайте смѣло, забудьте о публикѣ... Вы не Ксаня Марко и не Китти Корали болѣе, помните это: вы сегодня фея лѣса, лѣсовичка Раутенделейнъ, лѣсное дитя! И да хранитъ васъ Христосъ!

Новый звонокъ задребезжалъ близко, совсѣмъ близко отъ нихъ. Въ тотъ же мигъ послышались чудесные меланхолическіе звуки Шопеновскаго вальса. Это оркестръ заигралъ за спущеннымъ занавѣсомъ. Голоса смолкли и въ публикѣ, и за кулисами. Наступила торжественная минута. Звуки то пѣли и разростались, то снова нѣжно, нѣжно замирали точно гдѣ-то вдали... Пѣли чарующія скрипки, по соловьиному заливалась флейта, рыдала арфа сладко и печально...

Но вотъ прервалась музыка, и занавѣсъ съ шуршаньемъ, легко и быстро, поднялся кверху. Сердце Ксани дрогнуло впервые...

— Китти!—послышался за ея плечами сдержанный шопотъ,—вотъ вамъ мое благословеніе.

Ксаня живо обернулась.

Зиночка въ своей прозрачной юбочкѣ и корсажѣ стояла передъ нею, улыбалась подрумяненными губками и протягивала ей маленькій образокъ.

— Спрячьте за вырѣзъ платья... Это отъ Владычицы изъ обители Казанской... Володя, мужъ мой покойный, привезъ... Во всемъ помогаетъ... Я всегда выхожу съ этимъ образкомъ на сцену... А теперь съ Богомъ!

Она быстро перекрестила Ксаню, помогла ей засунуть образокъ за платье и такъ же быстро скрылась за кулисами.

— Вашъ выходъ, г-жа Корали, приготовьтесь!—услышала Марко надъ своимъ ухомъ, и старичокъ, помощникъ режиссера, съ пьесой въ одной рукѣ и съ электрическимъ фонарикомъ въ другой, очутился подлѣ Ксани.

Протянулась минута, показавшаяся вѣчностью Ксанѣ. Что пережила она въ эту минуту, врядъ-ли она могла отдать себѣ отчетъ. Это не былъ страхъ. Нѣтъ. Это былъ сплошной, холодящій душу ужасъ, отъ котораго замирало сердце, и мурашки пробѣгали по спинѣ. Ей точно хотѣлось уснуть съ тѣмъ, чтобы никогда больше не проснуться. Умереть, сгинуть навегда... Мысль о предстоящемъ сейчасъ первомъ появленіи на судъ публики, сознаніе, что вернуться назадъ уже теперь невозможно, разомъ охватили душу Ксани.

— Да выходите же!.. Что вы зѣваете! Пора!—съ тѣмъ же ужасомъ, явственно отразившимся въ старческихъ глазахъ, топая ногами, чуть-ли не кричалъ ей въ голосъ помощникъ режиссера.

Она только сейчасъ проснулась отъ забытья, отъ какого то тяжелаго кошмара, на минуту завладѣвшаго ею...

— Не пойду!—строптиво и рѣзко буркнула она,—не пойду! Зачѣмъ они смѣются!

Они дѣйствительно смѣялись. Истомина и ея сынъ Поль открыто насмѣхались надъ нею, вытянувъ шеи изъ-за сосѣднихъ кулисъ.

— Но вы зарѣжете насъ... Арбатова... спектакль!—схватившись за голову, простоналъ помощникъ.

И тутъ же Ксаня почувствовала, какъ чьи то сильныя руки взяли ее за плечи и мягкимъ, но упорнымъ движеніемъ почти вытолкнули на сцену. Передъ нею на мигъ про-

мелькнуло встревоженное, но радостное личико Зиночки, благодарно улыбающееся по адресу Арбатова, сумѣвшаго прервать критическій моментъ.

А въ другой кулисѣ перекошенныя лица Истоминой и Поля. И затѣмъ все смѣшалось въ представленіи Ксани. Дѣйствительность перестала для нея существовать...

ГЛАВА V.

Фея Раутенделейнъ.—Тріумфъ.

ЛЕГКІЙ, невольный, восторженный крикъ сорвался съ устъ Ксани, когда она очутилась на сценѣ.

Что то рѣзкое, свѣтлое ударило ей въ глаза. Это была усѣянная электрическими лампочками рампа, отдѣляющая зрительный залъ отъ публики.

Но Ксаня не обратила вниманія ни на этотъ свѣтъ, ни на биткомъ набитую зрительную залу, ни на продолжительное, дружное рукоплесканье публики, привѣтствовавшей ея появленіе.

Она видѣла *его*, только *его*: давно забытый, старый другъ былъ снова съ нею—старый родной лѣсъ. Искусственно выполненный въ талантливо написанныхъ декораціяхъ, онъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. На послѣдней репетиціи декораціи не были еще готовы и теперь Ксаня впервые увидѣла ихъ. Увидѣла... и замерла душа лѣсной дѣвочки. Въ полумракѣ, господствовавшемъ на сценѣ, огромныя деревья, и искусственные куски зеленаго мха и травы, и синее озеро, затонувшее въ зарослях, и колодецъ,—показались вполнѣ естественными лѣсовичкѣ... Она забыла все—и недавнія горести, и невзгоды, и хитросплетенную сѣть интригъ сна-

чала въ Розовскомъ помѣстьѣ, потомъ въ монастырскомъ пансіонѣ и здѣсь на сценѣ. Она чувствовала одно: она снова въ лѣсу, прежняя лѣсовичка, лѣсная дѣвочка, фея-нимфа Раутенделейнъ... Что-то широкое, властное и могучее разросталось въ душѣ Марко. Пропадали, исчезали постепенно мѣсяцы тоски и страданій изъ ея души и памяти—и словно подъ вѣяніемъ сладкой, непонятной чары оживало въ ней прежнее лѣсное дитя...

Старый лѣсъ, лучъ мѣсяца, пробивающійся сквозь зеленую листву деревьевъ, окружающихъ поляну, темный, глубокій колодецъ, дѣдушка-водяной, вытягивающій свое уныло-однообразное «Бреке-ке-кексъ»... Какъ это ново и вмѣстѣ старо! И вспомнивъ это старое, фея Раутенделейнъ заговорила хорошо заученныя ею наизусть слова ея роли...

Какой то, казалось, съ усиліемъ сдерживаемый шопотъ одобренія пролетѣлъ по театру... Точно пронеслось сладкое вѣяніе вѣтерка...

При первыхъ же звукахъ голоса дебютантки вся зрительная зала поняла, что хотя и начинающая, но далеко не заурядная актриса стоитъ передъ нею.

И дѣйствительно, Ксаня точно переродилась...

Запахомъ сосенъ и свѣжаго лѣса, соловьиными ночами, душистымъ лѣснымъ озеромъ и знойною прелестью лѣта повѣяло отъ словъ Раутенделейнъ...

Свободно дохнула юная грудь Марко... Вольно и радостно почувствовала она свое перерожденіе въ прежнюю лѣсную Ксаню... Легкая, граціозная скользила она по сценѣ, шутила съ дѣдушкой-водянымъ и со страшнымъ лѣшимъ, прыгавшимъ съ настоящею козлиной ловкостью Кущикомъ. Появилась вѣдьма-Ликадіева, упрекавшая въ бездѣльѣ Раутенделейнъ. Смѣхомъ звонкимъ и безпечнымъ, таинственнымъ и русалочьимъ въ одно и то же время отвѣчала Ксаня. И откуда брался этотъ смѣхъ у всегда угрюмой,

нелюдимой и печальной лѣсовички!.. Появились легкія эльфы-подруги, феи, лѣсныя нимфы и закружились въ легкомъ танцѣ. И фея Раутенделейнъ закружилась между ними, тихо и нѣжно напѣвая груднымъ голоскомъ:

Эльфа, смуглая сестра,
Посмотри, и я смугла,
Весь нарядъ изъ серебра,
Это бабушка плела...

Неподдѣльной веселостью, искреннимъ, наивнымъ дѣтскимъ весельемъ вѣяло теперь отъ красавицы-феи въ изображеніи Ксани. Уроки граціи, преподававшіеся ей Викторомъ въ Розовской усадьбѣ, не пропали даромъ: она казалась воздушной и граціозной, какъ настоящая эльфа лѣсовъ.

Неожиданно проносится надъ лѣсомъ гулкій, протяжный звонъ, и лѣсные жители узнаютъ, что колоколъ утонулъ въ холодномъ лѣсномъ озерѣ, свергнутый съ высокой колокольни, вмѣстѣ со своимъ мастеромъ Генрихомъ Литейщикомъ. Колоколъ въ озерѣ. Генрихъ Литейщикъ разбился чуть ли не на смерть. Фея Раутенделейнъ видитъ впервые прекраснаго, какъ принцъ изъ сказки, Литейщика—и сердце ея пробуждается впервые. Она чувствуетъ, что есть міръ чудесный и красивый. Въ немъ живутъ, радуются и горюютъ люди, умные, смѣлые и могучіе, такіе, какъ этотъ Генрихъ. А Генриха уже нѣтъ подлѣ. Его разыскиваютъ и уносятъ его друзья въ свое людское царство...

Раутенделейнъ груститъ, Раутенделейнъ томится. Ей скучно и пустынно теперь въ лѣсу. Ее тянетъ къ людямъ, въ ихъ царство, къ ихъ полезной, смѣлой, прекрасной жизни. И, вся встревоженная, возбужденная и гордая, она бѣжитъ, не глядя на уговоры и просьбы бабушки-вѣдьмы и дѣдушки-водяного, бѣжитъ изъ родного лѣса...

— «Туда, въ далекое людское царство!»—звучитъ надъ зрительной залой потрясающій, жуткій голосокъ Ксани, и

она мелькаетъ чернокудрая, воздушная, въ серебристо-зеленой одеждѣ по сценѣ, какъ свѣтлое видѣніе...

Едва замеръ послѣдній крикъ дебютантки, какъ бурнымъ громомъ апплодисментовъ задрожалъ театръ. Занавѣсъ, тихо шелестя, пополз ъ книзу.

Въ кулисахъ метнулись красное, счастливое, вспотѣвшее лицо Арбатова, искаженныя злыми гримасами лица Истоминой и ея сына и сіяющіе глаза Зиночки, весело кивавшей Ксанѣ.

А она стояла безмолвная, поблѣднѣвшая, еще не успѣвшая отойти отъ своего неулегшагося вдохновеннаго экстаза.

— Корали-Горская! Корали-Горская! — кричали между тѣмъ въ залѣ все громче и громче.

Снова зашелестѣлъ занавѣсъ, снова взвился, и снова блѣдная, взбудораженная Ксаня очутилась передъ тысячной толпою публики, бурно и шумно апплодировавшей ей.

— Кланяйтесь-же!—долетѣло до нея откуда то сбоку, и она машинально склонила долу красивую чернокудрую головку.

— Браво! Браво! Корали! Браво!—неистовствовали верхи и партеръ.

Откуда то изъ ложи сорвалась роза, за ней другая, третья, и вскорѣ цѣлый дождь цвѣтовъ посыпался на сцену къ ногамъ взволнованной дебютантки.

— Корали! Корали!—гремѣло по театру.

И она снова выходила на крики и апплодисменты, взволнованная, но довольная и радостная...

* * *

Словно въ чаду прошла къ себѣ въ уборную Ксаня. Она опомнилась только тогда, когда чьи то трепещущія руки сжали ея шею, а залитое слезами лицо Зиночки скрылось на ея груди.

— Ахъ, какой у васъ талантъ, Корали, какой талантъ! Боже, какой талантъ!—чуть ли не прорыдала она.

— Гдѣ она? Давайте ее сюда!—загремѣлъ голосъ папы Славина за дверью, и онъ въ сопровожденіи Арбатова появился на порогѣ уборной.

— Дитя мое! Позволь тебя расцѣловать старому ветерану сцены! — произнесъ онъ, широко раскрывая свои объятія.

— Дай Богъ тебѣ такъ же продолжать, какъ ты начала, дитя!—и въ свою очередь старуха Ликадіева протискалась къ Ксанѣ.

— А я теперь ничего не скажу! Я послѣ спектакля скажу, а пока я молчу... Молчу. Нѣтъ меня въ театрѣ...— шутливо твердилъ Арбатовъ, а у самого руки дрожали, и изъ глазъ такъ и сыпались искры безъ счета, безъ конца.

Голова кружилась у Ксани. Она какъ будто еще не проснулась. Надо было переодѣваться ко второму акту, а руки, обычно сильныя руки, не повиновались ей. Сама она дрожала какъ въ лихорадкѣ.

И тутъ ее опять выручила Зиночка. Она безъ церемоніи выпроводила всѣхъ изъ уборной и, съ быстротою заправской горничной, переодѣла свою подругу въ простой крестьянскій костюмъ, который требовался по ходу пьесы.

Во второмъ актѣ фея Раутенделейнъ должна появиться въ скромномъ домикѣ Литейщика и убѣдить его уйти въ лѣсъ и стать королемъ, властителемъ всего лѣсного царства.

Прозвучалъ звонокъ, заиграла музыка. Снова взвился занавѣсъ.

Ксаня, вполнѣ готовая, стояла въ первой кулисѣ, ожидая своего выхода.

— Ну, что, не боитесь теперь?—послышался за нею звучный мужской голосъ.

Она обернулась. Передъ нею стояла Зиночка и рядомъ съ ней молоденькій артистъ Колюзинъ.

Что-то милое, открытое, что-то дѣтски простодушное

было во всей его высокой атлетической фигурѣ и въ румяномъ безусомъ лицѣ.

— Отъ всего сердца поздравляю васъ съ тріумфомъ и желаю дальнѣйшаго успѣха,—сказалъ онъ и сильно тряхнулъ руку Ксани.

Ксаня хотѣла было поблагодарить юношу, но надъ самымъ ея ухомъ послышалось шипящее: «Вамъ выходить, г-жа Корали!» И она, теперь безъ всякаго уже страха, шагнула на сцену.

Со второго акта «Потонувшаго Колокола» сказка уже развертывается въ драму. Генрихъ Литейщикъ лежитъ умирающій въ своей комнатѣ. Его жена Гертруда плачетъ надъ нимъ. Ксанѣ, едва она появилась на сцену, сразу бросилось въ глаза злое выраженіе Истоминой, игравшей Гертруду. Она очень скверно въ этотъ вечеръ вела свою роль. Появленіе болѣе талантливой и юной, болѣе счастливой соперницы изводило Маргариту Артемьевну. Прежде чѣмъ выйти на сцену, она долго шепталась съ сыномъ и злостно улыбалась чему то. И когда Поль, подмигнувъ матери, исчезъ за кулисами, она сразу успокоилась и притихла.

Все это не ускользнуло отъ бдительнаго взора Зиночки.

— Миша! Миша!—тревожно позвала она Колюзина, съ которымъ была очень дружна,—Истомина что-то предпринимаетъ противъ Корали... Надо-бы оградить нашу Китти. Вѣдь Истомина змѣя подколодная со своимъ дѣтенышемъ... Богъ знаетъ, на что рѣшиться можетъ, на всякую низость... Надо подкараулить ихъ и имъ помѣшать.

— Подкараулю и помѣшаю. Вы вѣдь знаете, до чего у меня на этого липкаго Польку руки чешутся!—бодро отвѣчалъ Колюзинъ,—вы ужъ не безпокойтесь, Зинаида Васильевна, для честныхъ, хорошихъ людей я на все готовъ. Ей Богу.

— Спасибо, Миша.

— Полно, голубушка. Мало вы для меня сдѣлали, что

ли? Сколько разъ вы меня выручали, сколько совѣтовъ дали... Вонъ и урокъ мнѣ достали... Я вѣдь это чувствую... Я за васъ и подругу вашу въ огонь и въ воду готовъ.

И, ласково взглянувъ на Зиночку, Колюзинъ исчезъ за кулисами.

Между тѣмъ, на сценѣ все глубже и сильнѣе развертывалась драма. Какимъ то грубымъ, неестественнымъ голосомъ, нелѣпо завывая, Истомина-Гертруда произнесла свой монологъ и съ трагическими жестами ушла со сцены, вполнѣ разсчитывая на то, что публика будетъ апплодировать ей. Но публика молчала. Взбѣшенная Истомина прошла въ свою уборную и разразилась горькими, злыми, безсильными слезами.

— О, эта дѣвчонка! Это изъ-за нея! Но я не позволю ей встать на моей дорогѣ! Я не позволю! Или я, или она!..—рыдала она, ломая руки.—Я уничтожу ее! Да, да, уничтожу!

Ксаня не слыхала ни этихъ слезъ, ни этихъ рыданій. Роль снова захватила ее, а она въ свою очередь захватила толпу и повела ее за собою.

Закипѣлъ котелокъ на сценѣ, закипѣло зелье. Готово лекарство нимфы-колдуньи. Раутенделейнъ поитъ имъ больного. Оживаетъ Генрихъ. Бурное объясненіе происходитъ между ними. Генриху жаль оставить семью и отдаться лѣсу. Но чары лѣсной колдуньи сильны. Упоительно развертывается рѣчь феи. Это цѣлый гимнъ лѣсу и его могущественной красотѣ. Королевской властью плѣняетъ она Генриха, тщеславіемъ прельщаетъ его. Генрихъ побѣжденъ. Торжествующая увлекаетъ его въ лѣсъ фея Раутенделейнъ.

Подъ несмолкаемые апплодисменты опускается занавѣсъ. Ксаня, пошатываясь, выходитъ раскланиваться за руку съ Гродовымъ-Радомскимъ, играющимъ героя пьесы.

— Корали! Корали!—неистово кричатъ верхи.

— Корали! Корали!—звучно несется по партеру.

И вдругъ неизвѣстно откуда слышится одиночный крикъ:

— Не надо Корали! Долой Корали! Истомина, браво! Браво! Истомина solo! И-с-то-о-мина!

Крикъ подхватывается и разрастается гдѣ то наверху. Это уже не одинъ голосъ кричитъ, а много, много.

Торжествующая выходитъ изъ-за кулисъ Истомина, бросаетъ уничтожающіе взгляды на Ксаню и приближается къ рампѣ. Наверху, между тѣмъ, все разрастается и разрастается крикъ:

— Долой Корали! Истомину solo! Браво, Истомина! Браво!

— Вы слышите, Миша?—вся поблѣднѣвшая, трепещущая лепечетъ Зиночка.—Это интрига, гнусная подлость! Я слышу голосъ Поля... Онъ подговорилъ, а можетъ быть и подкупилъ какихъ то негодяевъ... Надо унять, остановить...

Зиночка не договариваетъ. Какой то маленькій предметъ летитъ сверху на сцену и подпрыгивая скачетъ по сценѣ. Это умышленно запущенное въ Ксаню гнилое яблоко, брошенное изъ райка. Оно пролетѣло низко, всего на какой-нибудь вершокъ, отъ головы дебютантки.

Зиночка схватила за руку Мишу.

— Что это, Господи!.. Что это!?—шептала она.

Но Миша уже ея не слушалъ. Порывистый, честный и благородный, онъ мало отдавалъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Быстрѣе стрѣлы выскочилъ въ залу, потомъ рванулся по лѣстницѣ и, духомъ вбѣжавъ наверхъ, очутился въ райкѣ.

Его мужественная широкоплечая фигура атлета, словно изъ-подъ земли, выросла передъ Полемъ. Тотъ метался, какъ угорѣлый, среди скамеекъ райка и убѣждалъ громкимъ шопотомъ неистовствовавшихъ тамъ какихъ то темныхъ личностей и оборванцевъ:

— Поусердствуйте, братцы!.. Вызывайте г-жу Истомину!.. Ее одну!.. Еще... еще!.. А Корали яблоками... яблоками гнилыми... выскочку, интриганку!.. Я не забуду вашей услу...

Вдругъ онъ неожиданно умолкъ, съежился и присѣлъ, увидя передъ собой богатырскую фигуру Миши.

— Ты что тутъ дѣлаешь, негодяй!—прогремѣлъ голосъ послѣдняго.—А? Тебя я спрашиваю, что ты дѣлаешь здѣсь?

Поль струсилъ. Вся его тщедушная фигурка задрожала съ головы до ногъ.

— Я... я...—залепеталъ онъ, блѣднѣя, какъ платокъ.

— Ты жалкій негодяй!—отрѣзалъ ему Миша, и его честные сѣрые глаза блеснули, какъ молніи,—и если ты сейчасъ же не прикажешь всей этой пьяной или безтолковой оравѣ уйти изъ театра, я тебя слѣдомъ за твоимъ яблокомъ сброшу туда внизъ.

И онъ внушительно потрясъ за плечи тщедушную фигурку Поля, какъ бы собираясь привести свою угрозу въ дѣйствіе. Потомъ презрительнымъ взглядомъ окинувъ подозрительныхъ субъектовъ-оборванцевъ, окружавшихъ того, поспѣшно вышелъ изъ райка.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ новые крики поразили его:

— Корали! Корали! Браво! Браво!

Это кричала публика въ партерѣ, возмущенная поведеніемъ кучки «верховъ» и понявшая интригу.

— Корали! Корали!

Весь театръ, какъ одинъ человѣкъ, кричалъ теперь:

— Корали! Корали!

ГЛАВА VI.

Тріумфъ разрастается.

ТРЕТІЙ актъ прошелъ, какъ сонъ, какъ лучезарный розовый сонъ для Ксани. Опять шумѣлъ лѣсъ, и игралъ мѣсяцъ. Опять выглядывалъ изъ своего колодца старый дѣдушка-водяной, опять прыгалъ, дурачась, лѣшій. Но фея Раутенделейнъ была уже не одна. Генрихъ Литейщикъ, превратившійся въ короля лѣса, былъ съ нею. Фея Раутенделейнъ была счастлива. Генрихъ остался королемъ лѣса, несмотря на появленіе и просьбы его дѣтей, принесшихъ ему кувшинъ со слезами ихъ матери и его жены Гертруды. Онъ почувствовалъ въ себѣ мощь и силу лѣсного владыки и упивался своей тщеславной властью, которую прекрасная фея Раутенделейнъ раздѣляла съ нимъ.

При громѣ рукоплесканій опустился занавѣсъ. Изъ партера подали Ксанѣ великолѣпную корзину съ цвѣтами.

— Это отъ семьи губернатора,—проговорилъ Арбатовъ.— Губернаторъ поздравляетъ васъ съ успѣхомъ, дитя!

Старуха Ликадіева опять пробралась къ ней.

— Что ты сдѣлала съ нами, дѣтка?.. Мы ожили, старики, помолодѣли на двадцать лѣтъ... Спасибо Сережѣ, что откопалъ тебя, жемчужинку драгоцѣнную!—и дрожащей рукой она гладила черные кудри дѣвушки.

А тамъ, за занавѣсомъ, какъ море въ часъ прибоя, шумѣла публика, не устававшая вызывать покорившую ее дебютантку...

Начался четвертый, послѣдній актъ. Исчезли со сцены эльфы и гномы, исчезла всякая лѣсная нечисть. Въ лѣсъ пробрался монахъ. Онъ сталъ увѣщевать Генриха вернуться въ міръ, стать снова человѣкомъ. Онъ долго просилъ, за-

клиналъ, увѣщалъ. И послѣ безконечныхъ колебаній Генрихъ сдался. Монахъ скрылся. Трепещущая и блѣдная, появилась на его мѣстѣ фея Раутенделейнъ. Страшную драму переживаетъ она. Она не можетъ отпустить Генриха, своего короля. Она должна стать его женою. Она любитъ его. И она проситъ, умоляетъ, заклинаетъ его остаться. Но онъ неумолимъ. Голосъ Ксани то падаетъ до звучнаго шопота, то растетъ мощный и красивый. Неподдѣльныя слезы, рыданія звучатъ въ немъ. Эти рыданія захватываютъ публику. Тишина въ зрительномъ залѣ. Глаза всѣхъ впиваются въ юную артистку. Какъ хороша! Какъ удивительно хороша она въ своемъ отчаяніи и горѣ!.. Но Генрихъ непоколебимъ. Онъ уходитъ. Фея Раутенделейнъ снова одна. Ночь, лунный свѣтъ, шопотъ деревьевъ. Изъ колодца показывается синяя безобразная голова водяного.

— «Бреке-ке-кексъ!»—кричитъ онъ и напоминаетъ о томъ, что фея Раутенделейнъ давно просватана ему въ жены. Онъ правъ. И сама фея вспоминаетъ это. Блѣдная, точно изваянная изъ мрамора, съ заломленными въ отчаяніи руками, приближается къ колодцу Ксаня, какъ статуя безысходнаго горя. Ей ничего не остается, какъ стать водяною царицей. И она смѣло заноситъ ногу и погружается въ колодецъ. «Холодно мнѣ, холодно!»—звенитъ оттуда ея голосъ съ такимъ невыразимымъ отчаяніемъ, съ такою безысходной тоскою, что жутко становится отъ него.

Публика замираетъ. Занавѣсъ опускается при полной тишинѣ. Тишина господствуетъ еще и тогда, когда выведенная за кулисы изъ колодца Ксаня попадаетъ въ открытыя объятія Зиночки.

Но вотъ дрогнула зала, дрогнули, казалось, самыя стѣны, потолокъ и полъ театра. Сплошной ревъ восторга загремѣлъ за сценой. Занавѣсъ поползъ кверху, и ничего не понимаю-

щая, не остывшая, блѣдная, съ горящими глазами, Ксаня очутилась передъ рампой подъ неумолкаемый, восторженный ревъ толпы...

* * *

— Спасибо, дѣтка! — сказалъ Арбатовъ и поцѣловалъ, какъ у взрослой, руку Ксани.

Послѣ спектакля труппа раздѣлилась на двѣ неравныя половины: Истомина, ея сынъ Поль, Громовъ, Кущикъ, Гродовъ-Радомскій съ нѣсколькими маленькими актерами и актрисами, приверженцами Истминой, поѣхали ужинать въ какой то дорогой ресторанъ, въ то время какъ Арбатовъ, Ликадіева, папа-Славинъ, Миша и Ксаня собрались въ крошечномъ особнячкѣ, снимаемомъ Зиночкою. Здѣсь, за шумящимъ самоваромъ и скромною закускою велись дружескія бесѣды, здѣсь безкорыстно и искренно восхищались дебютанткой и произносили заздравныя рѣчи въ счетъ ея новыхъ и новыхъ успѣховъ. Здѣсь, въ этомъ маленькомъ кружкѣ, одинокая лѣсная дѣвочка нашла свою новую семью...

КОНЕЦЪ III ЧАСТИ.

ЧАСТЬ IV.

ДНЕВНИКЪ КСАНИ.

Февраль 190... г.

СОНЪ или дѣйствительность?

Право, иногда кажется, что все это сонъ... Пройдетъ онъ, минуетъ, я открою глаза, и кончится эта лучезарная сказка... Снова увижу себя въ скучномъ монастырскомъ пансіонѣ, въ тѣсной клѣткѣ, въ тюрьмѣ... А цвѣты, восторги публики и апплодисменты окажутся лишь одною сонною грезой...

Вчера былъ новый тріумфъ... Ставили «Снѣгурочку» Островскаго. Милый, добрый Арбатовъ! Онъ заботится обо мнѣ, какъ отецъ. Какія подходящія онъ даетъ мнѣ роли. Добрый Арбатовъ! Онъ какъ будто чувствуетъ, что только въ лѣсу можетъ быть счастливо лѣсное дитя... Опять на сценѣ былъ лѣсъ, опять вздымались деревья къ небу, опять лѣсная дѣвочка, Снѣгурочка изъ сказки, уходила отъ роднаго лѣса, отъ дѣдушки Мороза и матери Весны въ шумное людское царство. И опять неистовствовала публика, и театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, какъ тогда, совсѣмъ какъ тогда...

Пока мы съ Зиночкой гримировались въ уборной, за дощатой перегородкой Истомина бесѣдовала съ Кущикомъ, Гродовымъ-Радомскимъ и Громовымъ.

— Не мудрено, что эта дѣвчонка недурна въ роляхъ лѣсныхъ дикобразокъ,—умышленно громко говорила она.— Она, говорятъ, изъ лѣса взята. А себя самое не мудрено изобразить. А вотъ, попробуйте ей свѣтскую роль дать— провалитъ.

— Какъ пить дать, съ трескомъ провалитъ, мамочка!— вторилъ ей Кущикъ.

— Куда ей за вами гнаться!—пробасилъ замогильнымъ голосомъ Громовъ.

— Съ ней трудно играть: несетъ, какъ дикая лошадь,— безапелляціонно рѣшилъ Гродовъ-Радомскій.

Гадкіе, мелкіе, низкіе люди!

Они льстятъ Истоминой, потому что у нея есть деньги и она хозяйка театра. Они изъ кожи лѣзутъ, чтобы заслужить ея расположеніе. Вчера на репетиціи Кущикъ съ полчаса кудахталъ курицей, чтобы доставить удовольствіе ей. Миша Колюзинъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— А вы за такой выходъ сколько получаете?

Кущикъ взъерепенился, хотѣлъ броситься на Мишу съ кулаками, да во-время сообразилъ, что тотъ втрое сильнѣе его.

Миша—славный. Онъ мнѣ Виктора напоминаетъ немного. Ахъ, гдѣ-то Викторъ? Гдѣ Ларенька, Паня Старина, Катюша Игранова? Что-то подѣлываютъ онѣ? Вспоминаютъ-ли лѣсовичку или и думать позабыли о ней?

Вчера Валя подошелъ ко мнѣ, обнялъ за шею и сказалъ:

— Я тебя люблю, тетя Китти, потому что ты всегда печальная и мнѣ тебя жаль.

Развѣ я печальная? Не надо быть печальной.

Арбатовъ, Миша, Ликадіева и Зиночка столько разъ про-

сили не быть печальной. Печаль не идетъ актрисѣ. Надо улыбаться и радоваться.

Радоваться? Чему?

Февраль 190... г.

Сегодня новая интрига. Уже нѣсколько дней Истомина ходитъ съ улыбающимся лицомъ, точно именинница.

— Берегитесь, дѣтка, она не зря это. Подкопъ вамъ готовитъ,—успѣлъ мнѣ шепнуть Миша.

— Какой подкопъ?

Сегодня все разъяснилось.

Подходитъ она на репетиціи и говоритъ:

— Вы, Корали, не откажите мнѣ въ товарищеской услугѣ—сыграть въ мой бенефисъ роль свѣтской барыни Реневой въ пьесѣ «Свѣтитъ да не грѣетъ».

Что! Я широко раскрыла глаза. Ренева вѣдь 30-лѣтняя женщина, злая кокетка, безсердечная, почти злодѣйка. Роль совершенно для меня неподходящая. Истомина это отлично знала.

— Я не могу играть этой роли,—отвѣчала я.

— О, это не по-товарищески, Корали.

А сама смѣется. И ея рыжіе волосы смѣются, и злые глаза ея. И тутъ же объясняетъ: эту роль хотѣла взять на себя Бѣлая, но... врядъ-ли она пріѣдетъ.

Бѣлая—знаменитая актриса. Она гастролируетъ по провинціальнымъ южнымъ городамъ. Я слышала восторженные отзывы о ней отъ Сергѣя Сергѣевича, Зиночки, Миши. По ихъ словамъ это настоящее свѣтило сцены, великая актриса. Но что общаго у меня съ ней, зачѣмъ намъ назначаютъ однѣ роли? Понять не могу...

Я пробурчала что-то въ отвѣтъ и отошла отъ нея.

— Дикарка!—услышала я ея насмѣшливый голосъ.

— Просто невоспитанная дѣвчонка!—вторилъ матери ея сынокъ Поль.

— Не берется играть, зная, что провалитъ роль. Куда ей! Узкое дарованьице на опредѣленныя роли.

Что?! Эта фраза заставила меня живо обернуться.

Точно ударъ хлыста прошелся по тѣлу. Нѣтъ, я имъ сыграю Реневу, нарочно сыграю, чтобы доказать имъ, проучить ихъ.

Вѣдь недаромъ же зажжено загадочное пламя въ моей груди! Недаромъ же огонь его пожираетъ меня! Развѣ это я? Развѣ Ксаня-лѣсовичка говоритъ тамъ на сценѣ выученныя чужія слова?... Нѣтъ, кто то другой руководитъ мною, кто-то заставляетъ загораться сердце и мозгъ, пылать глаза и лицо... Ужъ не ты-ли, волшебникъ-лѣсъ, не ты-ли, мой дорогой, единственный другъ, далекій и милый, охраняешь, вдохновляешь меня?...

Поддержи меня, помоги мнѣ, старый другъ! На тебя вся надежда!

Того же дня ночью.

Вечеромъ сказала Зиночкѣ о томъ, что передумала и согласна играть Реневу. Она всплеснула руками, вытаращила глаза, хотѣла протестовать и вдругъ неожиданно широко улыбнулась.

— И ты сыграешь отлично, Корали! Ты имъ покажешь! О! я вѣрю въ тебя!

И она сжала мою руку.

Милая Зиночка!

Съ нѣкоторыхъ поръ она говоритъ мнѣ «ты» и ходитъ за мною, какъ пажъ за своей королевой. Если я умѣю чувствовать признательность, пусть эта признательность отнынѣ принадлежитъ ей, Арбатову и Мишѣ.

Арбатовъ сказалъ: «Истинный талантъ долженъ проявиться во всемъ. Истомина отдаетъ вамъ свою роль, думая погубить васъ ею. Но... дѣтка моя, наперекоръ всему, вы сыграете эту роль такъ, какъ никто не подозрѣваетъ».

— Жаль только, если «сама» лопнетъ отъ злости. Некому будетъ поручать тогда роли бабы-яги, вѣдьмы и тому подобныя,—звонко расхохотался Миша.

Хорошій онъ. Мнѣ передали, какъ онъ расправился съ Полемъ въ вечеръ моего дебюта изъ-за меня.

О, если бы я умѣла благодарить!..

Февраль... 190... г.

Тотъ, Кто создалъ небо и землю, цвѣты и травы, горы и лѣса, Тому я говорю: «Ты великій, Ты далъ мнѣ сокровище, которымъ обладаютъ немногіе. Ты далъ мнѣ талантъ!.. Я не умѣю благодарить Тебя. Меня не учили Тебѣ молиться. И все-таки, когда я буду богата и знаменита, я поѣду въ родной лѣсъ, опущусь на зеленую лужайку среди мха и дикой гвоздики и скажу: «Ты Великъ, и я на колѣняхъ передъ Тобою благодарю Тебя!»

А ты, старый лѣсъ, ты знаешь-ли мою радость, мое торжество?.. Ты не видѣлъ его, такъ слушай. Все разскажу по порядку. Для того и завела я этотъ дневникъ, чтобы бесѣдовать съ тобою, мой другъ, мой единственный, мой любимый.

Слушай!

Былъ бенефисъ Истоминой. Театръ переполненъ... Цвѣты и огни... Огни и цвѣты... Много цвѣтовъ и много огней... Публика ломилась въ двери театра такъ, точно хотѣла ихъ разнести. Пріѣхалъ губернаторъ. Миша и Зиночка были въ публикѣ. И оба говорили потомъ, какъ были возмущены зрители распредѣленіемъ ролей.

— Помилуйте,—тамъ и тутъ говорилось въ зрительномъ залѣ,—Корали, этотъ ребенокъ, дикій и свѣжій, какъ махровый цвѣтокъ, играетъ кокетку, свѣтскую львицу, тогда какъ Истомина, пожилая женщина, выходитъ въ роли дѣвочки Оли!..

— Она думаетъ, что достаточно молода для нея...

— Но это возмутительно!..

И ничего возмутительнаго не увидѣла публика, напротивъ... О, этотъ вечеръ, я благословляю тебя!..

Въ моей уборной были разложены платья воздушныя, нѣжныя, съ длинными тренами, стоившія много денегъ. Зиночка и Арбатовъ недаромъ метались по модисткамъ и портнихамъ цѣлые дни. Я ничего подобнаго не видѣла еще. Тюль, ленты, воланы...

Но больше всего смутилъ меня парикъ съ изысканной прической, каштаново-бронзовый и очень красивый. Съ помощью пышнаго капота, этого парика и совсѣмъ особаго грима Зиночка вполнѣ преобразила меня.

Куда дѣвался мой смуглый цвѣтъ лица, мои мрачные глаза, мои полныя губы? Незнакомая, бѣлая какъ мраморъ, съ насмѣшливымъ, немного горькимъ выраженіемъ лица, красавица глянула на меня изъ зеркальной рамы.

И тутъ только я впервые задумалась надъ тѣмъ, что Ренева, которую мнѣ предложили играть, не здодѣйка, не львица, какъ ее изображаютъ другія актрисы. Она просто одинокая, несчастная дѣвушка, озлобленная на судьбу и ради этого дѣлающая немало зла.

И мнѣ стало жаль ее... Теплые тона наискивались уже для этой роли... Задушевная скорбь одинокой—и тутъ же рядомъ безжалостная вѣтренность русалки. «Такъ именно я ее и сыграю»,—рѣшила я.

— Бѣлая въ театрѣ!—неожиданно пронеслось по кулисамъ, какъ разъ въ ту минуту, когда я уже была готова къ выходу на сцену.

— Пріѣхала съ вечернимъ поѣздомъ. Она на этотъ разъ здѣсь проѣздомъ. Будетъ смотрѣть спектакль. Старайтесь, братцы! Не ударьте въ грязь лицомъ. Сама Бѣлая васъ смотрѣть будетъ!—взволнованнымъ голосомъ лепеталъ Арбатовъ и болѣе чѣмъ когда-либо метался по сценѣ

Я мало вниманія обратила на его слова. Какое мнѣ дѣло до какой-то Бѣлой, хотя бы она была и знаменитостью! Въ эту минуту я думала только о моей роли. Для меня не существовало ни Бѣлой, ни Истоминой, ни Зиночки, никого, кромѣ Реневой, той Реневой, въ которую я должна сейчасъ сама преобразиться...

Вся загораясь знакомымъ уже мнѣ приливомъ экстаза, я вышла на сцену, на мгновеніе взглянула на биткомъ набитый зрительный залъ — и тутъ невольно взоръ мой привлекла сидѣвшая въ ближайшей къ сценѣ губернаторской ложѣ дама. Тонкая, смуглая, стройная, съ цѣлымъ сокровищемъ густыхъ черныхъ волосъ, съ печальными черными глазами — она рѣзко выдѣлялась среди другихъ дамъ въ публикѣ.

«Гдѣ я видѣла эти глаза, эти волосы, эти безсильно опущенныя вдоль стана точеныя руки?» — мелькнуло у меня въ головѣ. Но припомнить не могла, хотя и вся фигура дамы, и черты ея лица знакомы мнѣ, страшно знакомы.

Я съ трудомъ оторвалась отъ дивнаго видѣнья, такъ и притягивавшаго мой взоръ, и произнесла первыя слова роли.

Черезъ минуту и театръ, и публика, и смуглая красавица въ губернаторской ложѣ—все было забыто.

Я уже жила всѣми горестями и радостями Реневой... Я переживала одиночество и тоску богатой, скучающей отъ бездѣлья дѣвушки-русалки—точно я сама была этой Реневой, точно я не *играла*, а *изображала дѣйствительность*, точно я произносила не чужія, заученныя слова, а говорила то, что чувствовала сама... Я вошла въ роль.

Не помню, какъ вела я ее... Не помню, какъ и что я говорила... Точно это былъ сонъ, точно это были грезы...

Опустился занавѣсъ, и гулкое браво, смѣшанное съ апплодисментами, оглушило меня.

Смуглая красавица поднялась въ своей ложѣ и, перегнувшись черезъ барьеръ ея, бросила мнѣ цвѣтокъ. Я поймала его на-лету и незамѣтно сунула за корсажъ платья. Почему? Не знаю сама. Но этотъ цвѣтокъ, эта бѣлая, какъ воскъ, нѣжная лилія вдругъ стала мнѣ дорога, какъ далекая пѣснь моего стараго лѣса.

Въ антрактѣ Зиночка прибѣжала ко мнѣ и стала душить меня поцѣлуями.

— Вѣришь-ли, тебя никто не узнаетъ! Сама слышала, какъ въ публикѣ громко говорили: «Но это не Корали играетъ, а какая-то новая талантливая артистка». Ахъ, Китти, Китти! Ты даже голосъ можешь перемѣнять! Счастливица! А Бѣлая... знаешь, что она сказала: «Откуда взялъ эту жемчужину Арбатовъ?.. Я никогда не думала, что роли Реневой можно дать такое новое, такое свѣжее трактованіе»... Китти, душечка, какъ я счастлива за тебя!

Арбатовъ пришелъ слѣдомъ за Зиночкой. Онъ не сказалъ обычнаго «спасибо», а только взглянулъ на меня. И чего-чего только не было въ этомъ взглядѣ! И отцовская гордость, и глубокая признательность, и безконечное счастье учителя за свою ученицу...

Этотъ взглядъ окрылилъ меня.

Я точно отдѣлилась отъ земли и понеслась куда-то вверхъ, высоко, высоко...

Я ничего не видѣла и не слыхала. А между тѣмъ по сценѣ металась каррикатурно толстая фигура Истоминой въ коротенькомъ платьѣ, со спущенной по-дѣвичьи косой и густо набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, не имѣвшимъ въ себѣ не только ничего дѣтскаго, но и молодого. Потомъ, только черезъ нѣсколько дней я узнала о томъ, какъ она была смѣшна и нелѣпа не въ своей роли.

Иногда, машинально взглянувъ на сосѣднюю ложу, я

видѣла смуглыя, поблѣднѣвшія щеки да широко раскрытые глаза, впившіеся въ меня...

Въ послѣднемъ актѣ у Реневой самая сильная сцена. Я настолько была проникнута ею, что не замѣтила ехидной улыбки Поля, вставшаго близко, близко отъ входной двери, черезъ которую я должна была пройти.

Моментъ насталъ. Я сдѣлала шагъ и, распустивъ непривычный для меня тренъ легкаго платья, двинулась къ двери и широко распахнула ее. Въ ту же секунду я замѣтила движеніе ко мнѣ Поля. Не успѣла я предупредить его намѣреніе, какъ крупная нога юноши, какъ будто нечаянно, но на самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ, всей ступнею опустилась на шлейфъ моего платья. Я рванулась всѣми силами, еще и еще. Тренъ не поддавался...

Тогда, негодующая, я дернулась всѣмъ тѣломъ... Воланы и кружева затрещали по всѣмъ швамъ и воздушный тюлевый тренъ остался подъ ногой Поля, сдѣлавъ удивительно смѣшной мою куцую, оборванную юбку.

— Простите... нечаянно,—сталъ было лепетать Поль.

Отвѣчать ему было некогда, и я очутилась на сценѣ.

Гдѣ-то наверху, въ райкѣ послышался сдержанный смѣхъ. Кто-то фыркнулъ внизу въ партерѣ. Я поблѣднѣла какъ смерть. И не знаю, что бы стало со мною, если бы совершенно ясно до моихъ ушей не долетѣла низкимъ грудным голосомъ произнесенная фраза:

— Какая низость! Мужайтесь, Корали! Браво! Браво! Браво!

Это крикнула изъ губернаторской ложи, перекинувшись черезъ барьеръ, смуглая красавица съ черными глазами.

Странно подѣйствовалъ на меня этотъ крикъ. «Въ меня вѣрятъ... Мною восторгаются... Меня признали!»—вихремъ пронеслось въ моей головѣ, и снова какая-то могучая посторонняя сила подхватила меня и понесла высоко, высоко...

Кончился монологъ Реневэй. Кончилась моя роль. Усталая, но счастливая я вышла раскланиваться къ публикѣ.

Публика стонала, публика безумствовала. Мое имя произносилось сотнями голосовъ. Помимо воли я взглянула въ крайнюю ложу. Смуглой женщины не было тамъ. Немного озадаченная и непріятно удивленная ушла я со сцены и прошла въ уборную.

Тамъ была Зиночка, а съ ней высокая, стройная дама, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ пышнымъ начесомъ черныхъ волосъ, съ тонкими, красивыми руками, съ темнымъ, неизъяснимо ласковымъ взглядомъ кроткихъ, печальныхъ глазъ... Зиночка влюбленными глазами смотрѣла на черноокую красавицу.

Лишь только я появилась въ дверяхъ, послѣдняя быстро приблизилась ко мнѣ, подняла затянутыя тонкой лайкой стройныя руки мнѣ на плечи и, нѣжно заглядывая мнѣ въ лицо своими печальными глазами, заговорила:

— Дитя мое! восторгаться вашимъ талантомъ, хвалить васъ, говорить вамъ банальныя фразы—пошлость. Скажу одно: спасибо за то, что вы меня, старую актрису, научили, какъ надо играть... За одинъ этотъ вечеръ вы взяли, вынули и унесли мое сердце... Къ сожалѣнію, я должна уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ сегодня. Но черезъ два-три мѣсяца я буду здѣсь, и тогда... тогда мы еще не разъ удивимъ публику съ этихъ подмостокъ, неправда-ли, Корали? Я не оставлю васъ отнынѣ и, если понадобится, разыщу на днѣ морскомъ.

И, коснувшись моего лба нѣжными, мягкими губами, она исчезла, легкая и воздушная, какъ нѣжная фея, за дверью моей уборной...

— Кто это?—съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія вырвалось у меня, и сердце впервые сжалось чѣмъ-то новымъ, невѣдомымъ мнѣ еще до сихъ поръ. Это была жалость Без

конечная жалость къ себѣ оттого только, что волшебный сонъ длился такъ недолго, и что «она» ушла и не скоро вернется опять.

— Кто это?—еще разъ спросила я Зиночку, глядя все еще вслѣдъ удаляющейся стройной фигурѣ.

Та широко раскрыла ротъ и выпучила глаза.

— Какъ, ты не знаешь? Вѣдь это Нина Бѣлая, это наша знаменитость!

Февраль. . 190... г.

Послѣдніе дни февраля. Постъ уже наступилъ. А мы играемъ. Дѣла идутъ отлично. Послѣдніе дни февраля такіе мягкіе, нѣжащіе. Они уже дышатъ весною. Да, да, я уже чую весну. Въ эту пору такая прелесть въ лѣсу. Снѣгъ нахохлился и потемнѣлъ... Ледъ въ ручьѣ тоже потемнѣлъ, надулся... Воздухъ сталъ такой хрустально-прозрачный... Таетъ... Въ мартѣ выглянутъ первыя скромныя головки подснѣжниковъ... Проклятіе судьбѣ, взявшей меня оттуда!.. Никакой успѣхъ, никакіе апплодисменты и восторги толпы не вернутъ мнѣ моего лѣса, моего стараго лѣса... О, если бы снова туда!.. А мы играемъ...

Поля нѣтъ больше съ нами. Труппа потребовала его удаленія изъ-за меня. Не вся труппа конечно, а папа-Митя, тетя Лиза, Громовъ, Зиночка и другіе. Арбатовъ подтвердилъ это требованіе, и Истоминой осталось покориться. Два безобразные поступка Поля со мною заставили возмутиться всѣхъ. Онъ вышелъ изъ труппы, но не перестаетъ преслѣдовать меня при встрѣчахъ насмѣшками.

Говорятъ, Миша Колюзинъ больно прибилъ его тогда, послѣ исторіи со шлейфомъ.

— Правда это, Миша?—спросила я его какъ-то, когда онъ завернулъ къ намъ съ урока, который дополнялъ его скудный заработокъ въ театрѣ.

Онъ только тряхнулъ кудрями и весело разсмѣялся.

— Для Киттички и для Зиночки,—продолжалъ Колюзинъ,—я не только этого маклака, а и самого Громова, если онъ когда-либо васъ обидитъ, въ бараній рогъ согну... И плакать не позволю, потому что Зиночкѣ я по гробъ жизни обязанъ, пригрѣла она меня, сироту, выручала нерѣдко... а вы... Да за вашъ талантище я вамъ въ ножки поклонюсь, вотъ что, барышня!

Миша сирота. Онъ учился въ семинаріи и готовился быть «духовнымъ». Но неудержимая страсть къ театру привела его сюда. Таланта особеннаго у Миши не замѣчается. Онъ играетъ безъ разбору всякія роли, получаетъ пустяки и, въ помощь къ скудному жалованью, даетъ уроки дѣтямъ. Зиночка приняла въ немъ горячее участіе, угадавъ, что подъ этой бурсацкой грубоватой внѣшностью бьется женственно-доброе, мягкое и отзывчивое сердце, готовое вступиться за каждаго обиженнаго людьми.

Я, Зиночка и Миша почти неразлучны. Истомина съ ненавистью поглядываетъ на насъ и шипитъ намъ что-то вслѣдъ при встрѣчахъ. Она и прозвища дала намъ всѣмъ троимъ: Миша—«мужикъ», я—«дутая знаменитость», Зиночка—«цыплячья смерть». Злая женщина! Не трогаютъ насъ ея нападки!

Марта 190... г.

Вчера наша труппа впервые узнала мою тайну, впервые узнала, кто я. До сихъ поръ, кромѣ Арбатова, никто этого не зналъ, даже Зиночка. Согласно желанію Арбатова я хранила тайну и на всѣ вопросы отвѣчала уклончиво.

Вечеромъ вся наша дружная компанія собралась у Зиночки. Папа-Митя разсказывалъ сценки и анекдоты изъ своей актерской практики, тетя Лиза вязала нитяныя митенки для лѣта, Миша возился съ Валей и Зекой, Зиночка разливала чай. И онъ былъ тутъ же съ нами, и онъ, Арбатовъ. Онъ ходилъ широкими шагами по столовой и казался

угрюмымъ, почти не слушалъ нашего смѣха и болтовни.

— Сережа, что съ тобой? У тебя носъ даже почернѣлъ какъ будто,—неожиданно разсмѣялся папа-Славинъ, замѣтивъ «панихидное», какъ онъ выражался, лицо Арбатова.

— Тяжело мнѣ что-то, друзья мои... Сердце ноетъ, а чего ноетъ и самъ не знаю,—уныло отозвался тотъ.—Всего, кажется, достигъ, чего хотѣлъ: нашелъ актрису самородокъ, алмазъ нешлифованный, которому милліонъ цѣна, показалъ ее публикѣ, показалъ этой бездарщинѣ Истоминой и ей подобнымъ, что такое истинный талантъ... А между тѣмъ гложетъ меня, ѣстъ что-то... Хорошо-ли я сдѣлалъ, что увезъ Ксаню... Китти то-есть... изъ монастыря... я хотѣлъ сказать изъ дома...

Онъ окончательно запутался и умолкъ, очевидно взволнованный тѣмъ, что неосторожно проронилъ нѣсколько словъ.

Мнѣ стало жалко смотрѣть на него. Казалось, мука за то, что онъ проговорился, донимала его. Я быстро встала и подошла къ нему.

— Сергѣй Сергѣевичъ,—начала я смущенно,—тутъ всѣ свои, друзья. Они не выдадутъ, не продадутъ. Разскажите имъ все. Какая же я Корали? Пусть хоть они знаютъ кто я на самомъ дѣлѣ... Про Ксаню-лѣсовичку имъ разскажите. Они не выдадутъ никому...

— Разсказать?.. Ну, да, конечно... Пусть еще больше полюбятъ они тебя, дѣтка, одинокую, бездомную, обреченную на заключеніе въ монастырскихъ стѣнахъ.

И тутъ же онъ началъ разсказывать имъ, какъ жилось мнѣ въ Манеѳиномъ пансіонѣ, на что обрекли меня тамъ, и какъ ему удалось найти во мнѣ талантъ и увезти оттуда.

Всѣ слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ.

— И вотъ я ни минуты не спокоенъ за будущность

Ксани. Вдругъ кто-либо изъ враговъ узнаетъ, откроетъ ея мѣстопребываніе здѣсь! — закончилъ онъ уныло свою рѣчь.

Все стихло въ маленькой столовой, настолько стихло, что можно было разслышать шорохъ мышей въ прихожей за дверью, примыкающей къ комнатѣ.

Зиночка первая опомнилась, встала и прошла туда. Шорохъ стихъ, но тотчасъ же изъ передней зазвенѣлъ гнѣвный голосъ Долиной:

— Какъ вы смѣли явиться сюда?

Знакомый, ненавистный голосъ Поля Свѣтоноснаго дерзко отвѣтилъ ей:

— Не хорохорьтесь, пожалуйста. Я пришелъ по желанію моей матери. Дверь была не заперта. Моя мать приглашаетъ васъ всѣхъ къ себѣ ужинать, всѣхъ безъ исключенія, и m-lle Ксенію Марко тоже,—иронически поклонился онъ въ мою сторону, появляясь на порогѣ столовой.

Я поблѣднѣла. Поблѣднѣлъ и Арбатовъ. Смутились и всѣ остальные.

А Поль стоялъ въ дверяхъ и улыбался дерзкой, наглой улыбкой. Всѣ поняли, что отъ слова до слова онъ подслушалъ все, что говорилось здѣсь.

Смущеніе длилось недолго. Черезъ минуту, весь красный, какъ кумачъ, Арбатовъ съ трясущейся челюстью ринулся къ нему.

— Я научу тебя подслушивать, бездѣльникъ!—загремѣлъ онъ на весь маленькій домикъ Зиночки.

Миша Колюзинъ не далъ ему договорить и въ два прыжка очутился передъ Полемъ.

— Пошелъ вонъ, негодяй!—гаркнулъ онъ во всю ширь своихъ богатырскихъ легкихъ, такъ что тщедушный Поль въ одну секунду очутился на улицѣ, весь дрожа отъ страха.

— Ну, теперь онъ не скоро появится снова,—расхохотался

Колюзинъ и, схвативъ Валю и Зеку на руки, закружился съ ними по комнатѣ.

Марта... 190... г.

Утромъ на репетиціи Истомина какъ-то странно поглядывала на меня. Потомъ, передъ концомъ ея, обратилась къ Кущику, который все время, какъ пажъ, ходитъ за ея шлейфомъ. Кущикъ—гадкая личность: онъ занимаетъ деньги, пьетъ на чужой счетъ и льститъ Истоминой потому только, что она богата. У него нѣтъ ничего святого. Всѣ его презираютъ, не меньше Поля, пожалуй.

Итакъ, Истомина сказала Кущику:

— А я совсѣмъ случайно узнала, Василій Ивановичъ, что у одной изъ актрисъ нашей труппы есть очень интересное похожденіе въ недавнемъ прошломъ.

— Да что вы, божественная? Да можетъ-ли это быть?— подобострастно произнесъ тотъ.

— Представьте себѣ, что это фактъ! Среди насъ есть дѣвочка-пансіонерка, бѣжавшая изъ пансіона. Ее разыскиваютъ всюду, но никакъ не могутъ напасть на ея слѣдъ. А между тѣмъ необходимо водворить ее обратно...

Тутъ Истомина такъ взглянула на меня, что я невольно поблѣднѣла.

— Что съ вами, мамочка, ужъ не о васъ ли рѣчь?— лукаво подмигивая, спросилъ, обращаясь ко мнѣ, Кущикъ.— Эгэ-гэ-гэ, барышня! Да у васъ губа не дура, я вижу... Куда пріятнѣе, я думаю, пожинать лавры на сценическихъ подмосткахъ, нежели учить географію и дѣлать задачи...

Онъ опять подмигнулъ и, скорчивъ свое отталкивающее лицо въ безобразную гримасу, добавилъ:

— А вотъ бы васъ, красавица, водворить бы до...—и не кончилъ.

Блѣдный, но спокойный, передъ нами очутился Арбатовъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и всячески силился это скрыть.

— Послушайте, Кущикъ, и вы, Маргарита Артемьевна,— заговорилъ онъ глухимъ, прерывистымъ голосомъ,—если я еще разъ узнаю или услышу про что-либо подобное, если вы еще разъ позволите себѣ травлю этого ребенка, я... я... я выйду изъ состава труппы, вы никогда не увидите меня больше... А Свѣтоноснаго я еще проучу за его соглядатайство и шпіонство...

Теперь настала очередь Истоминой блѣднѣть. Она отлично знала, что только такая крупная величина, такой большой актеръ, какъ Арбатовъ и такой опытный режиссеръ и антрепренеръ, какъ онъ, могъ поддержать своимъ талантомъ, трудомъ и энергіей хорошія дѣла театра. Безъ Арбатова труппа пропала бы совсѣмъ.

Ей стало жутко. Ей хотѣлось загладить свою вину, хотѣлось примирить его съ собою,—и сладкимъ голоскомъ она заговорила:

— Ахъ, какой вы порохъ, Арбатовъ! Скажите пожалуйста! Ну, можно-ли такъ! Разъ, два, и—вспыхнулъ. Ну, разумѣется, я пошутила... Душечка Корали, я надѣюсь, что вы поняли, что это была милая шутка и только... Ну, вотъ же, въ доказательство моей симпатіи и дружбы я васъ поцѣлую.

И она дѣйствительно поцѣловала меня, чуть коснувшись моей щеки своими холодными крашеными губами.

«Поцѣлуй Іуды!»—вихремъ промелькнуло въ моей головѣ.

— Берегитесь, Корали, она откуситъ вамъ носъ!—услышала я, отойдя отъ Истоминой, насмѣшливый голосъ Миши, и невольно засмѣялась, засмѣялась и... осѣклась сразу.

Прислонившись къ кулисѣ, все съ тѣмъ же блѣднымъ лицомъ, съ блуждающими глазами, стоялъ Арбатовъ. Онъ сжималъ рукою сердце и, казалось, очень страдалъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ, что съ вами?—метнулась я къ нему.

— Ничего... ничего... дѣтка... Успокойтесь. Это не впервые... Сердце у меня пошаливаетъ давно... Волненія запрещены... Порокъ сердца, видите-ли, у меня... Ну, да все пустое... Не умру, не бойтесь... Не смѣю умирать, пока вы не займете прочнаго положенія на сценѣ...

— Какой вы хорошій, все о другихъ думаете!—произнесла я, сжимая его руку...

Его странная фраза запала глубоко въ мое сердце.

Въ тотъ же день, послѣ спектакля.

Кто могъ ожидать такого конца?

Какъ грубо, жестоко, какъ неожиданно разразился этотъ ударъ надъ нами!..

Его нѣтъ. Да полно! Такъ-ли? Не здѣсь ли онъ между нами... И не одинъ лишь это кошмаръ, жуткій и ужасный кошмаръ?..

Мой мозгъ горитъ, моя душа стонетъ, но какъ ни тяжко, какъ ни мучительно горько писать эти строки, разъ я рѣшила и радости, и горести вписывать въ эту тетрадь, я должна, я должна записать все, все по порядку, какъ это произошло.

Мы, то-есть Арбатовъ, я и Кущикъ, играли въ этотъ вечеръ одноактную драму передъ длиннѣйшимъ и глупѣйшимъ фарсомъ.

Арбатовъ изображалъ въ пьесѣ моего отца. Въ концѣ драмы онъ долженъ убить себя изъ револьвера, потому что онъ бывшій каторжникъ, и это обстоятельство клеймитъ его дочь. Сергѣй Сергѣевичъ былъ на высотѣ своего призванія въ этотъ вечеръ. Онъ игралъ великолѣпно.

Публика притаилась, затаивъ дыханіе, слѣдя за его игрой.

Въ концѣ пьесы у Арбатова происходитъ трагикомическое объясненіе съ Кущикомъ, изображавшимъ пьяненькаго торговца, пришедшаго отчитывать каторжника за его давнишнюю вину.

Кущикъ не могъ не балаганить. Онъ «кренделилъ» во всю: пересыпалъ свою рѣчь гримасами и ужимками, стукнулся головой о печь, грохнулся со стула. Но, тѣмъ не менѣе, публика оставалась совершенно равнодушна на этотъ разъ къ обычно потѣшавшему ее комику. Всѣ ждали драматической сцены финала. И вотъ она наступила. Кущикъ чуть-ли не на четверенькахъ, изображая пьянаго, убрался за кулисы подъ жидкіе апплодисменты райка. Арбатовъ началъ свой монологъ, приблизившись къ рампѣ. Я, ожидая своего выхода, находилась въ первой кулисѣ, и мнѣ хорошо было видно его страшно блѣдное лицо, его горящій взоръ...

Голосъ Арбатова крѣпъ съ каждой минутой. Подобно громовымъ раскатамъ носился онъ по театру. Онъ говорилъ о томъ, что не стоитъ жить, когда вокругъ него враги, люди-шакалы, готовые погубить его каждую минуту. Онъ говорилъ, что готовъ разстаться съ жизнью, что ему жаль его дочь, безумно жаль его бѣдняжку Марусю, но что ей легче будетъ послѣ его смерти, ибо люди простятъ ему мертвому то, что не прощали живому, и призрѣютъ его Марусю.

Слушая этотъ блестящій артистическій монологъ, я позабыла и сцену, и рампу, и кулисы... Мнѣ казалось теперь, что передо мною стоитъ не талантливый актеръ Сергѣй Сергѣевичъ Арбатовъ, а глубоко несчастный, обездоленный человѣкъ и убитый отецъ.

Что случилось потомъ—никогда не забуду... Арбатовъ или, вѣрнѣе, Иванъ Кардулинъ (имя несчастнаго героя) вынулъ револьверъ, приложилъ его къ виску... и... раздался выстрѣлъ... Стройная фигура Арбатова и его полусѣдая голова очутились на полу.

Наступила минута дѣйствовать мнѣ, игравшей дочь-Марусю.

— Папа! папа! Что ты сдѣлалъ, папа!—вскрикнула я, опрометью выскакивая изъ-за кулисъ и бросаясь къ нему.

Его игра, полная незамѣнимыхъ тончайшихъ блестокъ, захватила меня. Его экстазъ передался мнѣ.

Я—или, вѣрнѣе, дочь бывшаго каторжника, Маруся—упала передъ распростертымъ отцомъ на колѣни, охватила его голову руками и, рыдая, прокричала на весь театръ:

— Папа умеръ! мой папа умеръ!

Занавѣсъ медленно пополъзъ внизъ.

Поднялся ревъ неописуемаго восторга, плескъ «апплодисментовъ», крики «браво, Арбатовъ! браво, Корали!» неумолкаемые, потрясающіе, стихійные крики.

Я быстро вскочила съ колѣнъ. Занавѣсъ вполнѣ опустился до подмостокъ сцены, а Арбатовъ все еще лежалъ въ прежней позѣ, съ широко разбросанными руками, съ неподвижнымъ лицомъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ... Вставайте... Надо выходить на вызовы...—произнесла я и взяла его руку.

Она была холодна, эта рука. Холодна, какъ ледъ. Что-то быстрое и страшное промелькнуло въ моемъ мозгу, и я прямо заглянула въ его глаза.

Глаза Арбатова были страшно вытаращены и тусклы. Казалось, они смотрѣли и не видѣли ничего.

— Сергѣй Сергѣевичъ! Что же это? Не до шалости, батюшка, когда публика съ ума сходитъ!—послышался за нами голосъ помощника режиссера, на обязанности котораго было, между прочимъ, слѣдить, чтобы артисты выходили на вызовы публики по окончаніи акта.

Но Арбатовъ продолжалъ попрежнему лежать недвижимымъ.

Кущикъ подскочилъ къ нему, сильно рванулъ его за руку и... вдругъ его хриплый обычно голосъ тонкимъ, пронзительнымъ фальцетомъ прозвенѣлъ на всю залу:

— Онъ мертвый! Мертвый! Кто-нибудь помогите-же!.. Арбатовъ умеръ!..

Арбатовъ умеръ. Умеръ вдругъ, неожиданно, въ расцвѣтѣ своего пышнаго таланта. По словамъ доктора, пришедшаго констатировать печальный фактъ, смерть караулила уже давно намѣченную ею жертву. У Арбатова былъ порокъ сердца, съ которымъ можно жить безконечно долгіе годы и умереть неожиданно, каждый мигъ. Жизнь артиста—сплошная цѣпь мученій, горя и восторга, счастья и неудачъ. Успѣхъ и пораженіе переносятся имъ одинаково жутко и остро. Эти волненія за театръ, за благосостояніе своей труппы и убили Арбатова.

Что пережила я—трудно выразить словами. Я привыкла къ ударамъ судьбы, но этотъ ударъ слишкомъ ошеломилъ меня. Арбатовъ, какъ добрый отецъ, заботился обо мнѣ, былъ такъ добръ и ласковъ со мною, такъ умѣлъ дать мнѣ цѣль и счастье жизни, такъ умѣлъ поднять мой унылый, угрюмый духъ!.. Я его любила, какъ отца, любила настолько сильно, насколько умѣетъ любить бѣдное сиротливое лѣсное дитя!

Но я не плакала, потому что не умѣю плакать...

О, если бы я умѣла плакать...

Марта... 190... г.

Я должна быть послѣдовательна, хотя душа моя кипитъ. Я дѣлаю невѣроятныя усилія надъ собою, чтобы писать изо дня въ день аккуратно, чтобы передать моему дневнику всѣ мои страданія...

Съ той минуты, какъ мертваго Арбатова унесли со сцены въ уборную, чтобы смыть краски и бѣлила съ его холодѣющаго лица, я не нахожу себѣ покоя.

Этотъ человѣкъ сдѣлалъ для меня такъ много. А я? Я даже не сумѣю помолиться за него...

Тѣло его трое сутокъ стояло въ городской часовнѣ при соборѣ, все обвитое вѣнками изъ лавровъ и цвѣтовъ. Панихиды служились безпрерывно нами и публикой, желающей почтить своего любимца.

Зиночка плакала безпрерывно на этихъ панихидахъ. Слишкомъ много добра видѣла она отъ этого благороднаго человѣка.

— Китти, бѣдная, дорогая Китти! Вотъ мы и остались сиротами съ тобою!—рыдала у меня на плечѣ Зиночка, въ то время, какъ въ моемъ сердцѣ разросталось мучительное ощущеніе горя, одиночества и тоски.

И папа-Славинъ, и Ликадіева, и Гродовъ-Радомскій, и Миша, и другіе безутѣшно оплакивали его. Одна я не плакала и не молилась...

Похороны Арбатова прошли торжественно и пышно. Его бѣлый глазетовый гробъ товарищи-актеры несли на рукахъ до самой могилы...

Цѣлый дождь цвѣтовъ посыпался въ яму, гдѣ суждено было лежать талантливому артисту. Яму зарыли, весь могильный холмъ обложили вѣнками. Зазвучали рѣчи.

Выдающіяся лица города и труппы входили на холмикъ и превозносили оттуда достоинства покойнаго.

Истомина слушала и лила лицемѣрныя слезы. Ея сынъ, Поль, юлилъ тутъ же.

— О, это былъ человѣкъ!—восклицала Маргарита Артемьевна и прикладывала кружевной надушенный платокъ къ глазамъ.

А рядомъ горячо, искренно плакала Зиночка, по-дѣтски комкая весь промокшій носовой платокъ.

Марта... 190... г.

Третья недѣля поста. На улицѣ грязно и скользко. Пахнетъ весною. Уже прошло четыре дня съ похоронъ Арбатова. Эти четыре дня былъ трауръ въ театрѣ, и мы не играли. Сегодня былъ назначенъ первый спектакль послѣ перерыва. Мѣсто Арбатова, какъ режиссера, заняла теперь Истомина, которая стала уже распоряжаться одна.

Зиночка спѣшно чинила что-то по костюмной части, то-

ропясь закончить до театра свою работу, такъ какъ она была занята сегодня въ пьесѣ. Валя и Зека взгромоздились ко мнѣ на колѣни. У бѣдныхъ мальчугановъ глазки вспухли отъ слезъ. Еще-бы! Они такъ горько плакали, когда узнали, что умеръ милый, ласковый дядя Сережа и что никогда, никогда онъ не будетъ болѣе сидѣть здѣсь, въ этой комнатѣ у шипящаго самовара, ласкать ихъ, разсказывать имъ сказки.

— Ахъ, какъ онъ умѣлъ разсказывать сказки, дядя Сережа!—съ дѣтскимъ восторгомъ проговорилъ Валя.—Не хуже тебя, тетя Китти, право не хуже!—заключилъ мальчикъ печальнымъ голоскомъ.

— Право не хуже,—вторилъ ему и Зека, привыкшій повторять каждое слово брата.

— Ну, слушайте, я вамъ разскажу про лѣсную дѣвочку еще разъ,—и тутъ же, съ цѣлью позабавить дѣтишекъ, я начала разсказывать то, что разъ десять уже разсказывала имъ.

Жила-была на свѣтѣ маленькая, маленькая дѣвочка, ее звали Ксаня Марко. Она жила въ большомъ, старомъ лѣсу со своей мамой, съ тетей, маминой подругой, съ мужемъ тети и съ ихъ маленькимъ сынкомъ Васей. Когда Ксанѣ минуло три года, мама Ксани уѣхала куда то, поручивъ дочку семьѣ лѣсничаго, то-есть дядѣ Николаю и тетѣ...

И слово за словомъ я развертывала передъ обоими мальчуганами всю сложную повѣсть моего необычайнаго дѣтства.

Они слушали меня, затаивъ дыханіе, съ широко раскрытыми глазенками, блестѣвшими восторгомъ, несмотря на то, что знали мою сказку про дѣвочку Ксаню всю наизусть.

Зиночка уѣхала въ театръ... А я (я была свободна въ этотъ вечеръ) все еще досказывала мою сказку...

Я довела свой разсказъ до того времени, какъ попала въ Розовую усадьбу.

— Ну, а теперь моя сказка не интересна, и вамъ надо вдобавокъ идти спать, милые мои!—заключила я неожиданно и стала укладывать дѣтей.

Лишь только они уснули, я прошла въ маленькую столовую и сѣла поджидать Зиночкинаго возвращенія изъ театра.

На улицѣ темнѣло. Рѣдкіе фонари скупо освѣщали окраину города. Прохожіе отсутствовали въ этотъ поздній часъ.

Долго ли прождала я такъ у окна, не помню. Опомнилась я, внезапно услыша чье то тихое, жалобное всхлипываніе. Неужели Долина? Когда она успѣла пріѣхать? Я подняла голову. Да, это была Зиночка. Но въ какомъ видѣ!.. Слезы градомъ текли по ея щекамъ... Вѣки были красны и вздуты. На блѣдное лицо, искаженное страданіемъ, жалко было смотрѣть.

— Зиночка! Что съ тобою.

Я бросилась къ ней, схватила ея руки. Она зарыдала.

— Выгнала... выгнала... какъ собачонку выгнала изъ театра!.. И за что? за что? «Мнѣ, говоритъ, бездарности не нужны... Театръ не богадѣльня и не странноприимный домъ. Никто не виноватъ, что у васъ двое дѣтей и никакихъ средствъ послѣ мужа... Очень грустно, но держать васъ въ труппѣ я и мой сынъ Поль не можемъ. Вы намъ не нужны»... Такъ и сказала, какъ отрубила... Господи, да за что же? За что? Что я сдѣлала ей? Бѣдныя дѣти! Бѣдные Валя и Зека, что будетъ съ ними!...

Что она сдѣлала Истоминой? О, этого никто не зналъ и не знаетъ...

Дѣла театра шли превосходно и не было никакой необходимости сокращать труппу. Если Зиночка и не обладала выдающимся талантомъ, она считалась все же очень полезною и прилежною артисткою и не разъ выручала труппу, то играя за другихъ, то исполняя самыя ничтожныя роли.

И Арбатовъ очень цѣнилъ ее. Не то новая наша директриса—Истомина. Она съ перваго же дня дала почувствовать Зиночкѣ, что недовольна ею. Но никто все-таки не могъ предвидѣть, что она поступитъ съ ней такъ жестоко.

«Не надо много унывать. Богъ съ нею,—подумала я.—Не умрутъ Зиночка и ея дѣти, пока я служу въ театрѣ. Но не поступитъ ли Истомина также и со мною? Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь всѣ въ труппѣ знаютъ, что публика меня любитъ, что меня принимаютъ съ восторгомъ, что я нужна для успѣха театра. Поэтому, хотя—я знаю—Истомина меня ненавидитъ, она все же будетъ меня терпѣть. Ей просто не выгодно разстаться со мною. А моего жалованья вполнѣ хватитъ на маленькую семью».

— Зиночка... успокойся... Не все еще потеряно,—замѣтила я.—Мы съ тобой друзья, а помощь друга не можетъ быть помѣхой. Я же рада работать на тебя и на твоихъ дѣтей, какъ...

Она не дала мнѣ договорить, схватила мои руки и порывисто поднесла ихъ къ губамъ.

— Ты ангелъ, Корали! И Господь вознаградитъ тебя.

Марта... 190... г.

Такъ вотъ оно что!

Какъ низко, какъ подло была разыграна вся эта гнусная исторія!

О, какая мука, какая пытка!

Старый лѣсъ! Ты чуешь, что они сдѣлали съ твоимъ ребенкомъ, старый лѣсъ?!

Сегодня суббота, и спектакля не было, зато Истомина назначила репетицію новой пьесы «Дикарка», предложенной для постановки еще покойнымъ Арбатовымъ. Въ этой пьесѣ Сергѣй Сергѣевичъ назначилъ мнѣ лучшую роль. Я заранѣе работала надъ нею, заранѣе обдумывала каждое

слово, каждый штрихъ, прошла ее разъ пять съ моимъ благодѣтелемъ и безконечно радовалась, когда онъ хвалилъ мою читку, мой тонъ.

Когда я пришла на репетицію, всѣ были уже въ сборѣ. Недоставало только старухи Ликадіевой, папы-Славина и Миши. Я вспомнила, что они не заняты въ пьесѣ, и безотчетная тоска сжала мнѣ сердце.

— А-а, г-жа знаменитость!—встрѣтила меня Истомина, и саркастическая улыбка заиграла на ея крашеныхъ губахъ.

Я смутилась. Такое обращеніе не предвѣщало добра.

Истомина долго и пристально смотрѣла на меня злыми сощуренными глазами и молчала. Потомъ, глядя все также на меня въ упоръ, заговорила съ разстановкой, отчеканивая каждое слово:

— Послушайте, Корали, я должна серьезно сказать вамъ, передъ тѣмъ какъ разрѣшить вамъ играть роль, которую поручилъ вамъ покойный Арбатовъ: боюсь, что вы не справитесь съ нею. Обижать я васъ не хочу, но и провала спектакля не могу допустить тоже, а поэтому, прежде чѣмъ приступить къ репетиціи, присядьте сюда и прочтите эту роль намъ вслухъ... А мы всѣ прослушаемъ васъ и рѣшимъ, можно-ли вамъ играть ее.

Что это? Экзаменъ?

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Я хотѣла наговорить грубостей, дерзко швырнуть моей мучительницѣ тетрадь въ лицо...

«А Зиночка и ея дѣти?—вихремъ пронеслось въ моихъ мысляхъ.—Что будетъ съ ними, если я уйду изъ труппы!.. Вѣдь отнынѣ я единственная поддержка и кормилица маленькой семьи». И подавляя въ себѣ приступъ бѣшенства и гнѣва, я храбро развернула тетрадь и прочла первыя фразы. Увы! мой голосъ дрожалъ, мое сердце сжималось

отъ незаслуженнаго оскорбленія... Я не могла сразу войти въ роль. Слишкомъ много постороннихъ волненій угнетало меня, чтобы я могла забыть все окружающее и увлечься ролью.

— Ахъ, не то это! Не то!—услышала я дребезжащій, брезгливый голосъ Истоминой,—вы совсѣмъ не то дѣлаете, что надо!—проговорила она, и лицо ея приняло презрительно-недовольное выраженіе.

— Не мудрено,—подхватилъ Кущикъ,—эта роль не можетъ быть исполнена г-жею Корали. На это у нея не хватитъ ни опытности, ни дарованія. Нѣтъ, эта роль точно создана для васъ, Маргарита Артемьевна! Для васъ однѣхъ!

— Или, вѣрнѣе, вы созданы для нея!—любезно поправилъ товарища Гродовъ-Радомскій.

О, низкіе, низкіе льстецы! Такъ вотъ чѣмъ они задумали доконать меня!

И опять мнѣ захотѣлось швырнуть въ нихъ ролью и уйти, но опять воспоминаніе о Зиночкѣ и ея дѣтяхъ вовремя промелькнуло въ моихъ мысляхъ.

О, если бы мнѣ забыться!..

Между тѣмъ Истомина сухо произнесла:

— Прочтите еще одну сцену, Корали.

И я снова принялась за чтеніе. Кровь прилила мнѣ въ голову, стучала въ виски. Голосъ звенѣлъ и рвался. Не глядя, я видѣла, какъ нѣсколько паръ глазъ съ открытой враждою впивались въ меня.

Они ненавидѣли меня, эти люди, они завидовали моему успѣху, они готовы были каждую минуту смять, уничтожить меня. И все-таки я рѣшила бросить имъ вызовъ.

Сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе забыться, я разомъ вообразила себя дѣйствующимъ лицомъ, продолжала читать слова моей роли, и порывъ вдохновенія неожиданно захватилъ меня. Мой голосъ окрѣпъ, мои щеки запылали...

Ни Истомина, ни ея приверженцы не существовали

для меня въ эту минуту. Экстазъ овладѣвалъ мною все больше и больше. Я была, какъ безумная... Я вся горѣла, какъ въ огнѣ, но все же чувствовала, что читаю превосходно, такъ именно, какъ указывалъ мнѣ Арбатовъ.

— Ха, ха, ха, ха!—услышала я вдругъ надъ собою зловѣщій хохотъ,—да вы уморить насъ хотите, душенька! Развѣ такъ можно играть эту роль!.. Это чудище какое то... Весь театръ напугаете... Публика разбѣжится со страху... Да и вообще я убѣдилась, что вы не можете играть ничего, кромѣ, пожалуй, феи Раутенделейнъ да Снѣгурочки, то-есть роли, которыя вамъ помогъ заучить Арбатовъ... Но нельзя же намъ играть все одну фею Раутенделейнъ да Снѣгурочку... Арбатовъ относился очень снисходительно къ вамъ, но безъ этого учителя вы никуда не годитесь... Вѣроятно, вы и сами это сознаете... Вы еще слишкомъ неопытны, дитя мое... Вамъ надо поучиться... Когда подготовитесь вполнѣ, мы вамъ дадимъ дебютъ на нашей сценѣ, а пока вамъ нечего дѣлать у насъ, Корали... и вы можете покинуть насъ—вы свободны!

Мнѣ показалось въ первую минуту, что Истомина шутитъ. Я подняла на нее глаза. Ея лицо было блѣдно. Только два багровыя пятна у висковъ—признакъ плохо скрытаго волненія—выдавали ее. Ея торжествующій, злорадный взоръ, какъ змѣиное жало, впился въ меня съ выраженіемъ непримиримой ненависти и мести.

Тогда я поняла все. Злая женщина жестоко мстила мнѣ за недавній мой успѣхъ, за мое торжество, за мой талантъ, за все, за все разомъ. Мстила и наслаждалась своей недостойной местью. Ни пощады, ни великодушія отъ нея нечего было ждать.

Моя голова горѣла, мой мозгъ едва не отказывался мнѣ служить. Громъ небесный грянулъ, казалось, и оглушилъ меня... Точно грозовая молнія пронизала меня насквозь. Я

встала. Должно быть я была очень блѣдна, потому что кто-то произнесъ подлѣ меня нетвердо:

— Воды-бы. Ей, кажется, худо!

Этого еще не доставало! Упасть въ обморокъ на потѣху этимъ низкимъ людямъ! Никогда! Никогда!

Неимовѣрнымъ усиліемъ воли я заставила себя идти. У выхода со сцены мнѣ попался Поль. Онъ былъ въ новомъ модномъ пальто и въ высокомъ цилиндрѣ. Увидя меня, онъ криво усмѣхнулся, взбросилъ стеклышко въ глазъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— M-lle Ксенія Марко, васъ постигла моя участь: удаленіе съ позоромъ. Да? А вѣдь изъ-за васъ и меня липили было мѣста... Ха! Что вышло изъ этого? Вы очутились безъ заработка, я же... Я поступаю въ труппу на мѣсто Арбатова... Ага! Что, взяли?.. Желаю вамъ всего лучшаго! Только врядъ-ли что-либо будетъ лучшее для васъ впереди... Я слышалъ, что наставницы монастырскаго пансіона разыскиваютъ бѣглую пансіонерку... и кажется напали на ея слѣдъ... Сожалѣя васъ, я даже помогъ имъ въ этомъ, послалъ имъ письмо. Надѣюсь, вы не разсердитесь за это на меня.

И, приподнявъ свой новенькій цилиндръ, онъ окинулъ меня презрительнымъ взглядомъ и затѣмъ съ гордою улыбкою прошелъ на сцену.

Я чуть-ли не бѣгомъ кинулась домой.

— Все кончено, Зиночка, все кончено! Мнѣ отказали!— произнесла я глухо, вбѣгая въ маленькую квартирку, гдѣ Долина металась изъ угла въ уголъ, поджидая меня.

— Ксаня! Бѣдная Ксаня!

Она невольно назвала меня моимъ настоящимъ именемъ. Мы обнялись, какъ сестры, по родственному, нѣжно, горячо...

— Мы нищія теперь... нищія обѣ и дѣти тоже!— вырвалось у меня.

— Стой, не все еще потеряно...—прошептала она,— ступай къ папѣ-Славину и къ Ликадіевой... Можетъ быть они помогутъ тебѣ и мнѣ устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, въ другой труппѣ... Богъ милостивъ, Ксаня! Ступай, ступай! А я позову Мишу, пусть придетъ, посовѣтуетъ... Двѣ головы хорошо, три лучше...

Она разомъ вернула мнѣ надежду. Ну, конечно, къ Ликадіевой и къ папѣ-Митѣ! Они научатъ, помогутъ, устроятъ... Вѣдь они вѣрятъ въ меня.

Марта... 190... г.

Вотъ она судьба!.. Думали-ли мы съ Зиночкой сутки тому назадъ о томъ, что все такъ случится?..

Я бросила вчера перо съ тѣмъ, чтобы бѣжать за помощью къ нашимъ друзьямъ. Теперь, черезъ полсутокъ, открываю мой дневникъ въ чужомъ мѣстѣ въ плохенькомъ номерѣ гостиницы крошечнаго уѣзднаго городка.

Это настоящая дыра этотъ городокъ, куда насъ забросила судьба.

Но все, все по порядку.

Я вышла въ тотъ вечеръ изъ дому съ воскресшей было надеждой въ душѣ. Я чуть-ли не бѣгомъ пустилась по направленію того дома, гдѣ квартировалъ Славинъ.

На улицахъ стояла поздняя весенняя полумгла. Фонари казались бѣлесоватыми глазами въ этихъ синеватыхъ сумеркахъ, еще не перешедшихъ въ полную тьму. Я бѣжала, мысленно перебирая все, только что случившееся со мною.

Погруженная въ думы, я вдругъ замѣтила, что двѣ темныя фигуры слѣдуютъ за мною. Одна — высокая, другая — пониже, обѣ мелькающія, какъ двѣ черныя птицы, по захолустнымъ улицамъ городка.

Но вотъ и домъ, гдѣ жилъ папа-Славинъ, общій другъ и

отецъ Арбатовской труппы. Я задыхаясь вбѣжала въ подъѣздъ.

— Дома Дмитрій Павловичъ? — поспѣшно спросила я малолѣтняго казачка-лакея.

— Только что въ театръ отъѣхали!—услышала я громомъ поразившій меня отвѣтъ.

Но на этотъ разъ мое смятеніе длилось недолго.

— Къ тетѣ Лизѣ!.. Къ Ликадіевой надо теперь!..—мысленно заторопила я себя, какъ въ лихорадкѣ, и, почти выбѣжавъ изъ подъѣзда, бодро зашагала опять.

На поворотѣ въ глухой переулокъ двѣ черныя фигуры неожиданно загородили мнѣ дорогу.

— Ксенія Марко!—услышала я хорошо знакомый мнѣ голосъ. — Остановись! Тебѣ приказываю, остановись!

И мать Манеѳа въ сопровожденіи Уленьки нежданно-негаданно появилась предо мною.

Я замерла на мѣстѣ, впрочемъ скорѣе отъ недоумѣнія, нежели отъ испуга.

Манеѳа!.. Уленька!.. Онѣ—здѣсь!

Минуту я стояла, не вѣря своимъ глазамъ. Мнѣ казалось, что я сплю съ открытыми глазами.

Богъ знаетъ, къ чему-бы привело мое замѣшательство, если бы сладенькій, скрипучій голосъ Уленьки не затянулъ у меня надъ ухомъ и окончательно не разбудилъ меня:

— Ай, и стыдно-же, дѣвонька!.. Изъ пансіона бѣжали!.. Матушку-благодѣтельницу сокрушаться заставили, безпокоиться, себя искавши... Слушайте, Ксанечка, вѣдь вы мнѣ первый другъ, дѣвонька моя миленькая. Вѣкъ не забуду вашу милость, какъ вы меня, рабу недостойную, отъ лютой смерти спасли и съ пожара вынесли... И вотъ что я вамъ скажу: грѣхъ великій отъ доли иноческой бѣжать,

скрываться... Кому келія уготована, тому—радость Господня, а вы, дѣвонь...

Она не докончила. Я не дала ей докончить. Я оттолкнула ее изъ всей силы, потомъ рванулась изъ-подъ костлявой руки Манеѳы, впившейся мнѣ въ плечо, и стрѣлою помчалась отъ нихъ по узкому переулку.

Въ пять минутъ добѣжала я до дому. Въ этотъ поздній часъ улицы города тихи и пустынны. Никто не могъ видѣть поэтому моей бѣшеной скачки. Ураганомъ ворвалась я къ Зиночкѣ, поджидавшей меня, и наскоро, захлебываясь, сообщила ей всю суть дѣла.

— Тебѣ, Ксаня, надо уѣзжать отсюда!.. Сегодня-же, съ ночнымъ поѣздомъ... сію минуту!—заволновалась и заторопилась въ свою очередь Зиночка,—а то никто не поручится за то, что онѣ явятся сюда завтра утромъ и отнимутъ тебя отъ насъ, чтобы помѣстить въ монастырь.

— Въ монастырь!—эхомъ отозвалось въ моей душѣ, и дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу.

Очутиться теперь въ монашеской кельѣ, теперь, когда я чувствовала и знала свою силу, свой талантъ, когда я испытала радость побѣды надъ людьми, надъ толпою, теперь въ монастырь—о, это было бы ужасно!

Трепетъ охватилъ меня всю.

— Никогда!—почти выкрикнула я въ голосъ.—Никогда! никогда! никогда!

— Тогда надо ѣхать... Сейчасъ, ночью, непремѣнно,—лихорадочно прошептала Зиночка...—Я иду собираться и будить дѣтей.

— Какъ? Ты?.. Ты хочешь развѣ тоже со мною?—проронила я, пораженная ея словами.

— Милая Ксаня,—проговорила она, подойдя ко мнѣ и крѣпко сжавъ мою руку,—когда вчера вечеромъ я очутилась безъ мѣста съ двумя дѣтьми на рукахъ, что ты ска-

зала мнѣ? Что ты будешь жить съ нами и работать для насъ. Теперь наши доли сравнялись. Мы обѣ нищія, Ксаня, и обязаны поддерживать другъ друга.

— Но... но... какъ же... этотъ домъ... прислуга?..— начала я было несмѣло.

— Вздоръ... Въ этомъ домѣ нѣтъ ничего моего. Я снимала квартиру съ мебелью и посудой отъ хозяевъ. Глаша же—племянница моего хозяина и, послѣ нашего отъѣзда, вернется въ домъ дяди... Видишь, никто кромѣ твоихъ «матушекъ» не потеряетъ отъ нашего бѣгства.

И на-ходу чмокнувъ меня въ щеку, она бросилась въ спальню поспѣшно укладывать въ дорожный сундукъ наше платье и бѣлье.

Что было потомъ—я едва помню. Начался какой-то сумбуръ, какая-то лихорадка: открытый сундукъ и чемоданы, испуганныя личики дѣтей, краткое объясненіе съ Глашей о томъ, что Зиночку требуютъ ея родные, и отъѣздъ или, вѣрнѣе, бѣгство въ ясную, сумеречную мартовскую ночь...

До той минуты, пока мы не устроились на жесткихъ скамьяхъ вагона третьяго класса и не уложили на нихъ недоумѣвающихъ и пораженныхъ всей этой сутолокой дѣтей, ни я, ни Зиночка не могли вздохнуть спокойно...

И только тогда, когда локомотивъ пронзительно свистнулъ, и поѣздъ пополз вдоль платформы, мы взглянули другъ на друга и обѣ, не сговариваясь, въ одинъ голосъ произнесли:— «Наконецъ-то!»

— А Мишѣ-то, Мишѣ мы ничего и не сообщили!— вдругъ вспомнила Зиночка, волнуясь.

— Мы напишемъ ему съ мѣста, когда пріѣдемъ,—успокоила я ее.

— А куда мы ѣдемъ?—поинтересовалась я черезъ минуту...—Ты куда брала билеты?

— Въ Канскъ. Это въ восьми часахъ ѣзды отсюда. Маленькое захолустье, гдѣ однако есть театръ. Мнѣ на-дняхъ передавали, что тамъ ищутъ актрисъ. Условія не блестящія, даже болѣе чѣмъ скромныя, но это ничего... Вотъ мы тамъ устроимся непремѣнно: ты въ качествѣ знаменитой гастролерши Корали, я — въ качествѣ скромной актрисы на вторыя роли... А теперь спать, спать, спать, я такъ мучительно устала,—дѣтски капризно произнесла она и тутъ же уснула подлѣ своихъ сыновей, прикурнувъ на лавкѣ головою. Мнѣ ничего не оставалось, какъ послѣдовать ея примѣру.

Апрѣля... 190...г.

Милый мой дневникъ, какъ давно я не бесѣдовала съ тобою! Но что же дѣлать, если всю эту недѣлю все мое время прошло въ хлопотахъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Канскъ я отправилась искать комнату. Увы! только одну комнату и самую скромную на этотъ разъ... У насъ съ Зиночкой оставалось всего десять рублей денегъ. Надо было экономить, чтобы этихъ денегъ хватило до тѣхъ поръ, пока я и моя подруга не устроимся въ мѣстной труппѣ. Я взялась найти такую комнату и нашла. Она стоила только четыре рубля въ мѣсяцъ. Это была полутемная мансарда, въ родѣ чердака, съ единственнымъ окномъ, выходящимъ на крышу. Внизу жилъ сапожникъ съ женою и двумя взрослыми сыновьями, любителями выпить, о чемъ свидѣтельствовали ихъ красные носы.

Ничего болѣе подходящаго я не могла найти по нашимъ средствамъ.

Зиночка пришла въ ужасъ при видѣ мансарды.

— Но вѣдь это даже не комната, Ксаня, а какая-то конура!—воскликнула она въ отчаяніи и залилась слезами.

— Не плачь, голубка, это временное помѣщеніе... Вотъ устроимся въ театрѣ и найдемъ другое... Пока же надо до-

вольствоваться и этимъ. А дѣтямъ и тутъ будетъ хорошо... Теперь весна, скоро лѣто... Они будутъ цѣлые дни на дворѣ... Чего же лучше,—и я погладила ее по головѣ, какъ ребенка. Она и была въ дѣйствительности ребенкомъ, милымъ, безпечнымъ, двадцативосьмилѣтнимъ ребенкомъ-женщиной, готовымъ плакать и смѣяться по пустякамъ...

Мы тотчасъ же водворились въ нашей мансардѣ къ немалому удовольствію ребятъ, которымъ новое помѣщеніе показалось очаровательнымъ. Они, не долго думая, влѣзли на окно, выходящее на крышу, и свели знакомство съ голубями, которыхъ набралось къ намъ сюда великое множество. Поручивъ надзоръ за дѣтьми старухѣ-хозяйкѣ, мы сами пошли въ театръ.

— Гдѣ можно видѣть г. директора труппы?—вѣжливо обратилась Зиночка къ какому-то плохо одѣтому, мрачному субъекту съ бритымъ лицомъ, вышедшему намъ навстрѣчу на подъѣздъ деревяннаго зданія, вѣрнѣе сарая, подъ крышей котораго ярко намалеванная надпись гласила: «Городской театръ».

Онъ удивленно вскинулъ на насъ глазами и буркнулъ сердито:

— Я антрепренеръ-директоръ. Что вамъ угодно?

Тогда Зиночка, смущаясь и краснѣя, стала нескладно и робко пояснять, что намъ отъ него угодно.

— Мы... я то есть... и моя подруга... мы обѣ... актрисы и желали бы получить у васъ мѣсто въ труппѣ...—лепетала Зиночка.

— Мѣсто въ труппѣ?..—хрипло разсмѣялся директоръ,—мѣсто въ труппѣ?.. Голодомъ умереть хотите? Жизнь надоѣла, что-ли? Въ кассѣ два рубля сбора... Публику въ театръ кнутомъ не загонишь... Труппѣ ѣсть нечего... Три мѣсяца жалованья не получали... А вы мѣсто у меня еще просите!.. Нѣтъ, нѣтъ, никакихъ намъ актрисъ не надо... Сами голодаемъ...

И снова расхохотавшись неестественнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, онъ махнулъ рукой и кинулся бѣжать отъ насъ какъ отъ зачумленныхъ.

Апрѣля... 190... г.

Липы зацвѣли въ хозяйскомъ садикѣ. Весна идетъ. Временами въ прохладной мансардѣ душно. Ночи стали свѣтлыя, бѣлыя.

Мы съ Зиночкой часто не спимъ въ эти ночи... Заботы о насущномъ хлѣбѣ не даютъ спать.

Послѣ того, какъ наши надежды пристроиться въ театрѣ рухнули, для насъ обѣихъ наступили тяжелые дни. Найти какой-нибудь заработокъ въ маленькомъ городишкѣ было почти немыслимо. Мы не знали, что дѣлать, что предпринять. А между тѣмъ наши средства истощились.

Вчера на обѣдъ истратили послѣдній рубль. Кошелекъ Зиночки пустъ, мой тоже. Дѣтямъ дали молока съ хлѣбомъ. Обѣдъ не изъ чего было варить.

— Давай я снесу наши платья на толкучку,—предложила я. — Рублей десять - пятнадцать навѣрное дадутъ. На нѣсколько дней хватитъ... А тамъ я наймусь куда-нибудь, ну, хотя бы въ поденщицы... Я право не знаю куда, но надо, надо работать...—отрывисто и тихо говорила я.

Она молча обняла меня.

— Бѣдная моя Ксаня!

Дѣти должно-быть не подозрѣваютъ, что наши дѣла такъ плохи. Ихъ забавляетъ, что сегодня не варится обѣдъ и что имъ дадутъ колбасы, молока и хлѣба.

Только Валя сегодня смотритъ серьезнѣе обыкновеннаго и тревожными глазенками слѣдитъ за нами.

— Куда ты несешь вещи, тетя Китти?—спрашиваетъ онъ, когда я, нагроможденная узлами, спускаюсь съ лѣстницы.

— Вотъ къ портнихѣ несу... передѣлать надо твоей мамѣ и мнѣ наши наряды...—лепечу я и багрово краснѣю.

Его ясные глазенки уже впились въ меня.

— Зачѣмъ ты говоришь неправду, тетя Китти? Ты идешь на толкучку продавать вещи, потому что намъ нечего кушать. Я слышалъ, какъ мама плакала ночью...

Бѣдный ребенокъ! Рано же пришлось тебѣ познакомиться съ правдой жизни!

Я судорожно обнимаю его, цѣлую и стремглавъ выбѣгаю на улицу.

На рынкѣ народъ, пестрая толпа, навѣсы, лавчонки съ товарами. Говоръ обывателей, крики торговцевъ, споры и брань—все смѣшалось. Въ ближайшемъ ларькѣ сидитъ старьевщица. Къ ней я несу мои вещи. Она долго, старательно разглядываетъ ихъ, переворачиваетъ изъ стороны въ сторону, чуть-ли не обнюхиваетъ каждую тряпку. Ея длинный носъ, ея хищные глаза и худыя, костлявыя руки—все выражаетъ алчность. И вотъ, послѣ получасового осмотра она изрекаетъ дребезжащимъ, какъ несмазанная телѣга, голосомъ:

— Пять рублей!

— Какъ пять рублей! Но вѣдь здѣсь на пятьдесятъ рублей одного товара, не считая работы!

— Такъ и убирайтесь вонъ съ вашимъ товаромъ!—кричитъ она и грубо пихаетъ вещи обратно въ саквояжъ.

Какъ въ вихрѣ переносится моя мысль въ тѣсную мансарду: несчастная Зиночка, голодныя дѣти и ни капли молока на завтра.

— Давайте 5 рублей, все равно,—глухо выговариваю я, потому что мое горло сжимается тисками,—да вотъ еще и саквояжъ возьмите.

— Полтинникъ за саквояжъ и ни копѣйки больше.

— Хорошо,—говорю я и невольно сжимаю губы.

Тутъ же на толкучкѣ я покупаю мяса и овощи и спѣшу домой. Въ сердцѣ, несмотря ни на что, царитъ радость.

Слава Богу, дѣти не останутся голодными болѣе или менѣе продолжительное время!

Мая... 190... г.

Неужели я не писала почти цѣлый мѣсяцъ? Ахъ, какой это былъ мѣсяцъ! Что только мы не перенесли въ продолженіе его!

Вырученныхъ денегъ хватило ненадолго. Надо было измышлять новыя получки. За платьями я снесла на толкучку бѣлье, за бѣльемъ—пальто и шляпы. У насъ осталось лишь по одной смѣнѣ бѣлья и по одному носильному костюму... Зато дѣти сыты, они не испытываютъ нужды.

— Работать, работать надо...—повторяли мы ежедневно, я и Зиночка.

Но гдѣ найти работу, откуда?

Хозяйка, ея мужъ и сыновья подозрительно косятся на насъ. Я слышу нелестные отзывы о нашей благонадежности.

Я просила нѣсколько разъ хозяйку рекомендовать меня въ поденщицы. Она только презрительно смѣется:

— Куда ужъ вамъ! Бѣлоручки вы! Сидите ужъ дома.

Хорошо ей говорить это. Но кто же прокормитъ Зиночку и дѣтей? Не Зиночкѣ же работать! Она барышня, вдова офицера. А я? Кто я? Я просто дитя лѣса, умѣвшее справлять самую черную работу въ домѣ лѣсничаго.

Мая... 190... г.

Послѣдніе гроши вышли. Не на что не только сварить обѣда, но и купить молока. Мнѣ удалось лишь достать въ ближайшей лавочкѣ вѣсового хлѣба для дѣтей.

Зека ничего не понимаетъ, попрежнему смѣется, звонко и весело, и иногда проситъ пряничка у меня и Зины...

Валя молчитъ, только личико его серьезнѣе и печальнѣе

обыкновеннаго. Смотритъ жалкими глазенками на мать и крѣпится, чтобы не заплакать. Иногда подойдетъ ко мнѣ, уткнется курчавой головенкой въ колѣни, какъ котенокъ, и молчитъ.

Какая пытка это молчаніе голоднаго ребенка, какая мука!

Іюня... 190... г.

На улицѣ лѣто, душно и жарко. Вся природа тихо и ласково ликуетъ.

У насъ въ мансардѣ ужасъ.

Дѣти напомнили о голодѣ; первый—Зека.

— Мама, дай хлѣбца... Я кушать хочу...—попросилъ онъ.

Валя бросился къ брату.

— Постой, Зечка, рано обѣдать!

— Но я кушать хочу!—настаивалъ ребенокъ.

Зиночка забилась въ уголъ и беззвучно рыдаетъ.

Боже мой, какъ вынести эту пытку! И все изъ-за меня! Я одна во всемъ виновата. Ради меня вѣдь уѣхали мы въ это захолустье. Не убѣги я отъ преслѣдованія Манеобы—они остались бы на виду ихъ друзей, которые не допустили бы ихъ голодной смерти...

А теперь...

Неужели непоправимо содѣянное мною?.. Нѣтъ, нѣтъ, вздоръ!.. Еще не поздно, еще можно поправить.

Я беру перо и пишу Мишѣ Колюзину, въ какомъ мы положеніи, что переживаемъ. Пишу на клочкѣ бумаги, безъ марки. Молю сдѣлать подписку среди артистовъ въ театрѣ и прислать намъ сколько-нибудь денегъ, потому что мы нищіе, нищіе вполнѣ... И это пишу я, гордая Ксаня! Гордая лѣсная дѣвочка, не склонявшая ни передъ кѣмъ головы!.. Но я не для себя прошу: для Зеки, Вали... Несчастныя дѣти!.. Чѣмъ виноваты они?

Въ этотъ вечеръ они улеглись спать, поглодавъ корку черстваго хлѣба. Я сумѣла выпросить его у хозяйки. Эта злая женщина чуть-ли не ежедневно напоминаетъ о томъ, что сгонитъ насъ съ квартиры, потому что мы уже двѣ недѣли не платимъ за нее. Но она сжалилась надъ дѣтьми и швырнула мнѣ этотъ черствый кусокъ для нихъ...

Іюня... 190... г.

Утромъ я была поражена ужаснымъ видомъ дѣтей. Ихъ личики стали прозрачны и худы до неузнаваемости. Глаза поражали своей величиной. Зека заплакалъ, прося кушать.

— Крошечку, мамочка... одну только крошечку хлѣбца!..—молилъ онъ.

Этотъ слабенькій, вымученный голосокъ рвалъ душу. Валя молчалъ, только огромные глаза его сверкали.

Зиночка, блѣдная и худая, какъ тѣнь, пошатываясь подошла ко мнѣ и прошептала:

— Я не могу... я не могу выносить больше этого, Ксаня... Ужъ лучше умереть всѣмъ сразу!..

Я тоже того мнѣнія, лучше сразу. Я не желѣзная и муки голода дѣлаютъ свое дѣло...

Дѣти немного кушали вчера, но у меня съ Зиночкой двое сутокъ не было во рту ни куска, ни крошки.

Какъ безумная кидаюсь я къ хозяйкѣ.

— Хлѣба!.. Ради Бога!.. Хоть кусочекъ!.. хоть крошку!..

Мое лицо, должно быть, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что мы переживаемъ тамъ, наверху, въ мансардѣ... Хозяйка бранится и... все-таки даетъ краюшку... Когда я, съ жадностью схвативъ ее, кидаюсь къ дверямъ, она кричитъ мнѣ вдогонку:

— Эй вы, дармоѣдка! Вотъ работу просили. Есть работа у меня: бѣлье мнѣ постирайте сегодня... Два гривенника заплачу.

— Бѣлье?.. Да... да... хорошо... сейчасъ... сейчасъ,— и я уже взвиваюсь по лѣстницѣ туда, въ мансарду.

Три пары лихорадочно-горящихъ глазъ впиваются въ кусокъ хлѣба, который я держу, какъ рѣдкое сокровище, обѣими руками. Я надламываю его... Мои пальцы дрожатъ... Одну половинку Валѣ, другую Зекѣ... Зека хватаетъ свою порцію и лихорадочно быстро уписываетъ ее... Сухая корка хруститъ на его зубенкахъ... О, этотъ хрустъ! Онъ выворачиваетъ всю мою внутренность... Онъ нестерпимъ для моего голоднаго желудка...

Валя смотритъ на свой кусокъ, потомъ переводитъ глаза на Зиночку, на меня.

— А тебѣ? А мамѣ? Вѣдь и вы тоже хотите кушать,— лепечетъ онъ, и его крошечныя ослабѣвшія ручонки уже разламываютъ скудную порцію на три куска.

— Не надо! Не надо! Кушай самъ... мы потомъ покушаемъ... мы сыты!—почти въ голосъ кричу я, боясь разрыдаться отъ голода и жалости въ одно и то же время. Потомъ кидаюсь къ Зиночкѣ.

— Ты знаешь, мнѣ предложили работу!.. Потерпи до вечера, мы будемъ сыты!—шепчу я.

Она только машетъ рукой и отворачивается въ уголъ...

Іюня... 190... г.

Солнце палитъ во всю. Когда я стояла на плоту и мылила бѣлье и потомъ споласкивала его въ зеленоватой водѣ пруда, оно было немилосердно ко мнѣ. Оно жгло мою голову... Голова горѣла. Ахъ, какъ горѣла голова!.. Красные круги стояли въ глазахъ. Все кружилось — и бѣлье, и прудъ, и старыя ветлы на берегу. Мозгъ пылалъ... Внутренности сжимались отъ пустоты... Я не ѣла почти трое сутокъ... Адъ, адъ внутри меня... И адъ въ головѣ... Не могу больше... Не могла дополоскать бѣлье днемъ подъ палящими лучами солнца, не могу записать и теперь эти

строки въ мой дневникъ. . Силы падаютъ... Голова ноетъ все сильнѣе и сильнѣе... Зато внутри все легче и легче... Я не чувствую голода. Только языкъ весь ссохся и трудно ворочается во рту...

Іюня... 190... г.

Я лежу. Голова болитъ нестерпимо. Зиночка сидитъ подлѣ меня и кладетъ холодные компрессы... Отъ компрессовъ не легче... Нѣтъ!.. Нѣтъ! Мой дневникъ подъ подушкой. Дневникъ и карандашъ... Когда она отходитъ отъ меня къ дѣтямъ, я беру и записываю... Зачѣмъ?—не знаю сама... Голова раскалывается отъ боли. Не могу писать...

Іюня... 190... г.

Не могу писать...

О Боже! Боже!

Въ глазахъ какіе-то круги, все тѣло ноетъ, рука едва держитъ карандашъ, въ ушахъ—шумъ, голова точно свинцомъ налита.

Что это усталость, голодъ или смерть?

Боже, неужели смерть?..

Іюня... 190... г.

Какъ долго я болѣла—не знаю...

Сколько перемѣнъ. Господи, сколько перемѣнъ!.. Но надо разсказать тебѣ по порядку, все по порядку, мой милый дневникъ... А я такъ еще слаба! Такъ слаба вслѣдствіе болѣзни.

Карандашъ въ моихъ рукахъ. Меня оставили на минуту одну... Онѣ пошли въ церковь, а Зиночка, думая, что я заснула, взяла Валю и Зеку и спустилась во дворъ.

Мой милый дневникъ, я снова одна съ тобою!..

Какъ все это случилось?

А вотъ какъ.

Мнѣ стало худо тогда на плоту. Голова раскалывалась отъ боли... Все тѣло горѣло и ныло. Я едва дотащилась до дома и упала на кровать. Сначала мнѣ казалось, что это только отъ усталости и... голода. Я успѣла даже кое-что записать въ дневникъ. Но потомъ, ночью, началась пытка. Я не могла заснуть и не могла забыться... Холодная тряпка на лбу казалась раскаленнымъ желѣзомъ... Я кричала отъ боли, но среди крика минутами я различала блѣдное, встревоженное лицо Зиночки, склоненное надо мною.

— Тебѣ худо, Ксаня, очень худо?

Я не отвѣчала. Языкъ плохо ворочался во рту. Губы ссохлись. Силъ не было произнести хоть слово...

День поднимался и снова догоралъ... Ночь спустилась. Зиночка уложила дѣтей и сама прилегла въ ногахъ моей кровати. Она думала, что я сплю.

Но я не спала... Я слышала, какъ спустилась ночь, какъ все затихло въ домѣ, какъ улеглись сапожники внизу...

Смеркалось. Я лежала на спинѣ съ открытыми глазами... Такъ прошла вся ночь...

Вдругъ неожиданно внизу скрипнула калитка... Послышались голоса... Отворилась хозяйская дверь... Опять голоса. Заскрипѣли ступени лѣстницы подъ чьими-то тяжелыми шагами, дверь нашей мансарды широко распахнулась, и два черныхъ призрака вошли въ нее.

Эти два черныхъ призрака были — Уленька и мать Манеода.

«Это только бредъ»,—подумала я. Но нѣтъ—это не былъ бредъ.

«Онѣ» нашли меня, нашли больную, истерзанную голодомъ и болѣзнью. «Онѣ» сказали, что гнѣвъ Божій посѣтилъ меня, что я наказана достаточно и что нѣтъ злобы въ ихъ душѣ на меня. Онѣ узнали гдѣ я и явились.

Іюня... 190... г.

«Ихъ» опять нѣтъ, и я могу писать.

Онѣ дали денегъ Зиночкѣ, накормили ея дѣтей и, какъ двѣ добрыя сидѣлки, стали чередоваться у моей постели.

Ко мнѣ былъ позванъ докторъ. Мнѣ заказали лѣкарство, купили вина...

Лѣкарство и вино, а главное докторъ, сдѣлали свое дѣло. Тифъ былъ захваченъ въ самомъ началѣ. Теперь я буду жить.

Жить?..

А стоитъ-ли жить? Что ждетъ меня, одинокую сироту, въ жизни?..

Да, теперь я знаю: впереди ждетъ меня келья. Мать Манеѳа твердо рѣшила это. И она, и Уленька цѣлыми часами говорятъ о томъ, что тяжелый крестъ посѣтилъ меня, что я свернула съ истиннаго пути, уготованнаго мнѣ Богомъ, и что нужно новое искупленіе, дабы получить отпущеніе грѣховъ.

Что-жъ, онѣ правы!

Я вижу въ томъ сама промыселъ Божій. Не приди онѣ во-время, Зина и дѣти умерли бы съ голода... А теперь...

Да, да!.. Надо каяться и молиться. Это рѣшено. Я иду въ монастырь.

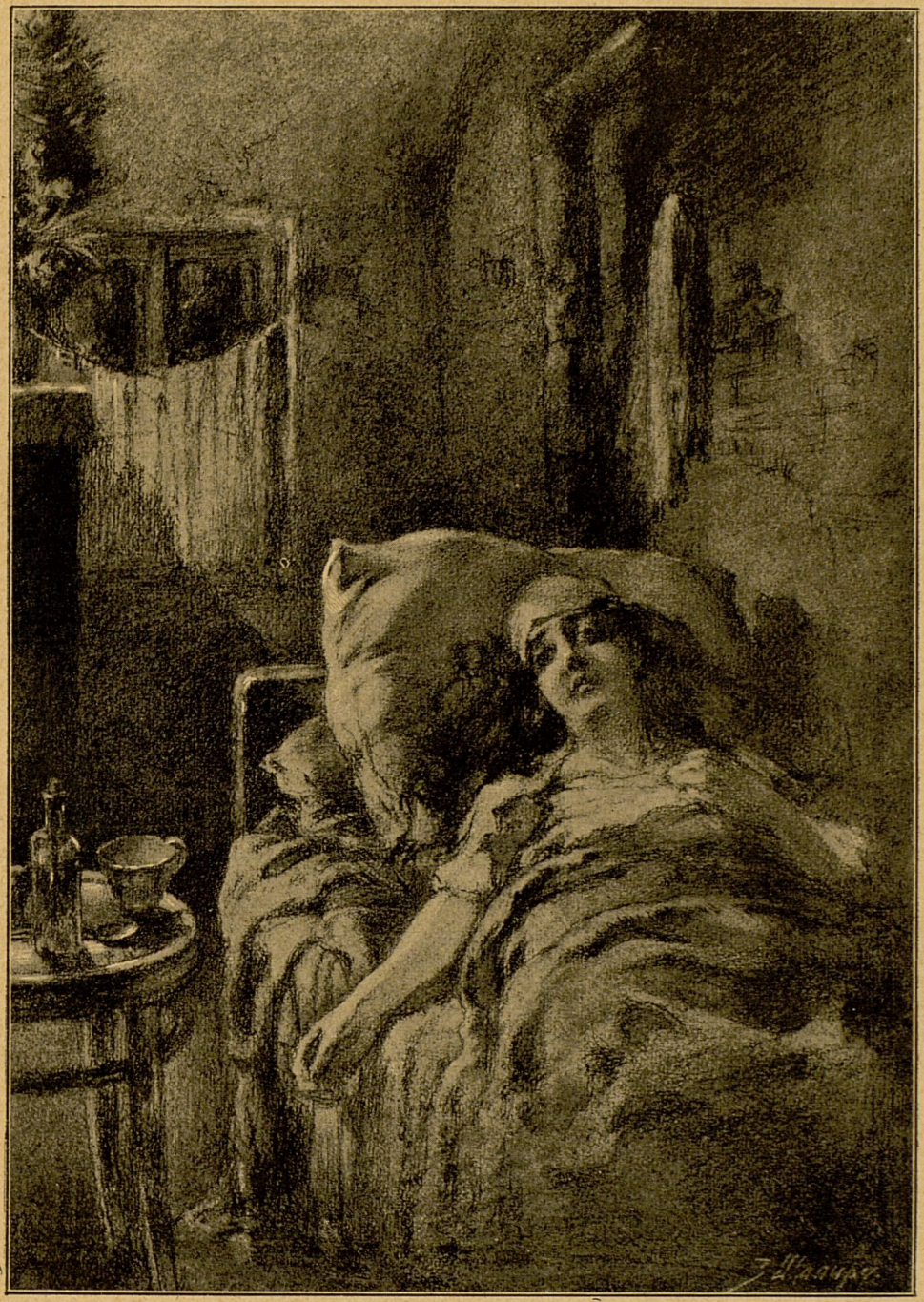
Іюня... 190... г.

Когда «онѣ» уходятъ въ церковь, Зиночка садится на мою кровать и плачетъ надо мной, какъ надъ мертвой. Она не можетъ успокоиться, что я буду монахиней.

— Ты такъ молода, Ксаня, и должна отказаться отъ жизни, отъ всѣхъ ея радостей, — лепечетъ она сквозь слезы.

— Зиночка, оставь! Оставь!

Прибѣгаютъ Валя и Зека. Они очень перемѣнились за эти нѣсколько дней. Еще бы! Сытная ѣда что-нибудь да значитъ!



Я лежала съ открытыми глазами...

Гос.
Публичная
Б-ка
Ленинград

Ихъ щечки снова слабо окрасились румянцемъ, глазки блестятъ.

— Тетя Китти,—лепечутъ они,—мы поѣдемъ съ тобою. «Черныя тети» сказали, что какъ только ты поправишься, онѣ увезутъ тебя. Правда? Мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. Когда? Скоро?

Я обнимаю ихъ слабыми руками.

— Голубчики мои... Я одна уѣду... Черныя тети берутъ только меня съ собою... Васъ имъ не надо...

— Злыя черныя тети! Мы не хотимъ, мы не позволимъ,—лепечетъ Зека въ то время, какъ Валя молча сжимаетъ кулачки.

— Черныя тети спасли васъ отъ голодной смерти, вы не должны забывать этого,—говорю я наставительно въ то время, какъ мое сердце разрывается отъ тоски...

Что это не отвѣчаетъ Миша Колюзинъ? Онъ долженъ сдѣлать подписку среди артистовъ и собрать денегъ въ пользу Зиночки, иначе могу ли я спокойно уѣхать отъ нихъ?

Іюль... 190... г.

Сегодня я встала впервые. Какъ я прозрачна и худа. Уленька успѣла мнѣ сшить черный подрясникъ. Мать Манеѳа купила такой же платокъ. Я стала неузнаваема: худая, блѣдная, съ огромными глазами, окруженными тѣнью, съ волосами, погребенными подъ неуклюже спущеннымъ платкомъ—я теперь «настоящая монашка», какъ говоритъ Зина...

Зиночка не можетъ смотрѣть на меня безъ слезъ. Дѣти льнутъ ко мнѣ безпрерывно.

Черезъ недѣлю я уѣзжаю съ Манеѳой и Уленькою. Это уже окончательно рѣшено.

Іюль... 190... г.

Цѣлое утро мать Манеѳа читала мнѣ житіе Симеона Столпника.

Я слушала ея монотонный голосъ и думала свою думу. И вдругъ неожиданно прервала чтеніе:

— Матушка!

Она вскинула на меня свои строгіе глаза, однако сдержала свой гнѣвъ и спросила почти ласково:

— Что тебѣ, дѣвонька?

— Матушка! Я охотно, да, я охотно пойду въ монастырь... Схороню свою молодость въ кельѣ... Только... дайте возможность Зинѣ пробиться пока... Дайте ей въ долгъ денегъ, матушка... Она честная... Она возвратитъ вамъ, когда поправятся ея дѣла... Дайте хотя немного... на первое время... Тогда я пойду за вами вполнѣ спокойная...

Мать Манефа долго смотрѣла на меня, какъ бы испытывая мою искренность. Очевидно, глаза мои не лгали.

— Хорошо,—произнесла она холодно,—я оставлю имъ порядочную сумму въ день отъѣзда. А теперь слушай далѣе житіе святыхъ.

— Да, я слушаю, матушка, слушаю. Я теперь спокойна,—отвѣтила я.

Іюль... 190... г.

Завтра мы уѣзжаемъ.

Утромъ я ходила въ церковь съ Уленькой. На обратномъ пути я ее спросила:

— Уленька, почему вы отплачиваете мнѣ зломъ за добро?.. Неужели вы забыли, что я спасла вашу жизнь когда то...

— Что? Какимъ зломъ?.. Богъ знаетъ, чего вы не выдумаете, дѣвонька!—такъ и встрепенулась она,—да неужто я вамъ зла желаю?..

— Да!.. Вотъ разыскивали меня, а теперь помогаете матушкѣ запереть меня въ монастырь...

— Ксеничка! Дѣвонька! Опомнитесь! Что вы говорите...

Это дьяволъ смущаетъ васъ, дѣвонька... Гоните, гоните его! Спасеніе, радость небесную мы готовимъ вамъ... Спасти васъ желаемъ. Не въ міру бо, а въ чинѣ ангельскомъ обрящете спасеніе...—задыхаясь отъ волненія, говорила она.

Я махнула рукой. Что я могла возразить ей? У нея свои убѣжденія, свои взгляды. Она неисправимая фанатичка до мозга костей.

Богъ съ нею!

Чего же волнуюсь я?

Разъ Зиночкины дѣла устроятся, мнѣ не страшно мое будущее, не страшно совсѣмъ...

Цѣлый день мы провели вмѣстѣ, я, Зиночка, Валя и Зека. Оба мальчика точно притихли. Даже малютка Зека пересталъ играть и смѣяться и не отходилъ отъ меня. Валя пріютился у моихъ ногъ.

Я разсказала имъ въ послѣдній разъ сказку-быль про Ксаню-лѣсовичку.

Мать Манеѳа и Уленька ушли въ церковь. Теперь онѣ убѣждены, что можно оставить меня спокойно. Онѣ увѣрены, что я не убѣгу отъ нихъ больше. Онѣ дадутъ Зиночкѣ возможность вздохнуть немного, а я имъ за это отдаюсь вполнѣ, пойду въ монастырь...

Монастырь, такъ монастырь! Моя душа спокойна. Чего же еще мнѣ желать?

Печально прошелъ этотъ вечеръ.

Всѣ легли спать рано... Завтра надо встать съ восходомъ... Поѣздъ отходитъ въ 7 часовъ утра. Я тоже ложусь, но едва-ли я засну. Вѣдь завтра рѣшается моя судьба. Завтра!

Въ ту же ночь подъ утро.

Мать Манеѳа и Уленька спятъ за ширмами.

Въ шесть часовъ ихъ разбудятъ. Въ шесть часовъ поднимутся всѣ, и начнется суматоха. Проснется Валя и недо-

умѣвающе откроетъ свои не дѣтски серьезные глаза... Свернувшись клубочкомъ, онъ тихо похрапываетъ на моей постели...

Бѣдняжка, какъ онъ горько наплакался вчера.—«Ты уѣзжаешь, тетя Китти! Ты уѣзжаешь!»

Этотъ голосокъ до сихъ поръ звенитъ въ моихъ ушахъ... Да, я уѣзжаю, милый, маленькій Валя!..

Пять часовъ утра.

Багровое солнце встаетъ на востокѣ. Послѣднее солнце моей свободы! Послѣдній часъ свободы, послѣдній!

Моя рука, вооруженная перомъ, дрожитъ, когда я пишу эти строки.

Черезъ три-четыре дня я уже не буду на волѣ. Черезъ четыре дня я проснусь въ тѣсной монастырской келейкѣ подъ звонъ обительскихъ колоколовъ...

Мать Манеѳа отвезетъ меня туда, не заѣзжая въ свой монастырскій пансіонъ. И никогда, никогда я не увижу болѣе свободнаго вольнаго стараго лѣса!..

Никогда! Никогда! Никогда!

Эта мысль приводитъ меня въ бѣшенство изступленія... Меня, дочь лѣса, лѣсовичку, лишаютъ воли лѣсной! Берутъ отъ жизни и замуравливаютъ въ каменныя стѣны ненавистной монашеской кельи!..

А что... если?..

Всѣ спятъ... Никто не услышитъ, какъ я открою дверь и... и уйду, убѣгу отсюда...

О, я скорѣе готова стать послѣдней нищей и умереть съ голоду гдѣ-нибудь въ лѣсу, нежели... нежели...

Благая мысль! Рѣшено... ухожу... ухожу на волю, на свободу... Умретъ свободною Ксаня-лѣсовичка... Прощай, Зиночка!.. Прощайте, дѣти!..

Дѣти?

А они не умрутъ съ голоду развѣ, когда я уйду? Мать

Манеѳа разгнѣвается и не поможетъ Зинѣ. Не поможетъ ни за что. Подумаетъ, что та въ заговорѣ со мною и... и... они погибнутъ отъ голода и нужды, какъ погибали уже до появленія монахинь. Нѣтъ, никогда не погублю я Зиночку и ея дѣтей. Ксаня-лѣсовичка, лѣсное дитя, не способна на это... Пусть заточеніе, пусть тѣсная келья, пусть тюрьма... Пусть погибаю я одна, въ тоскѣ и одиночествѣ, не но другіе...

Не другіе!..

Страница дописана.

Послѣдняя страница!.. Солнце заливаетъ мансарду... За ширмой шорохъ... Это проснулась мать Манеѳа... Сейчасъ проснутся и всѣ. Перо падаетъ изъ рукъ... Мое сердце трепещетъ...

Это послѣднія строки свободной Ксани...

Послѣднія!..

Милый дневникъ, прощай!

Старый лѣсъ, прощай!

Прощай, свобода, воля, радость жизни, Зиночка, дѣти, всѣ прощайте!..

. . . . . .

. . . . . .

На этомъ обрывается дневникъ Ксани.

ЧАСТЬ V.

НА ПОРОГѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА I.

На вокзалѣ.—Неожиданная встрѣча.

Блѣдная, съ темными кругами подъ глазами, сходила по шаткой лѣстницѣ Ксаня со своей мансарды въ сопровожденіи Уленьки и матери Манеѳы. Зиночка стояла на верху лѣстницы, и одной рукой обнимая дѣтей, другой крестила отъѣзжавшую. И Зиночка, и дѣти рыдали навзрыдъ. Они хотѣли проводить на поѣздъ Ксаню, но этому рѣшительно воспротивилась Манеѳа.

— Къ чему? Дальніе проводы—лишнія слезы!

Такъ рѣшила монахиня, и облагодѣтельствованная ею Зиночка не смѣла возражать ей. Блѣдная, съ тусклымъ взоромъ сходила Ксаня. Большой, черный платокъ и монастырскаго покроя платье дѣлали ее неузнаваемой.

Къ воротамъ подъѣхала громыхающая пролетка захолустнаго извозчика. Всѣ трое сѣли въ экипажъ. Ксаня подняла глаза на окно мансарды. Заплаканныя, печальныя ли-

чики дѣтей закивали и заулыбались ей оттуда сквозь слезы.

Извозчикъ дернулъ вожжами, и утлая коляска запрыгала по мостовой, прямо на вокзалъ.

Въ этотъ ранній часъ на платформѣ вокзала было мало народу.

Три темныя фигуры пріютившихся въ уголку женщинъ не обратили на себя никакого вниманія. До поѣзда надо было ждать еще добрый часъ. Ранѣе его отхода долженъ былъ прибыть поѣздъ изъ того города, откуда четыре мѣсяца тому назадъ пріѣхали Ксаня, Зиночка и дѣти.

Этотъ поѣздъ нѣсколько занималъ теперь воображеніе Ксани. Можетъ быть, съ этимъ поѣздомъ придетъ письмо отъ Миши?.. Можетъ быть, деньги... хотя-бы не большая сумма, собранная трупой для нихъ... Дай то Богъ! Правда, мать Манефа оставила Зиночкѣ двадцать пять рублей, но этой суммы едва-ли хватитъ ей и дѣтямъ надолго. Хорошо, если бы письмо пришло именно сегодня, когда Зиночка съ мальчиками находится въ такомъ отчаяніи, потерявъ Ксаню.

Дѣвушка такъ погрузилась въ свои мысли, что не замѣтила суматохи, какая обыкновенно предшествуетъ приходу поѣздовъ.

Она очнулась только тогда, когда, громыхая и сопя, подкатило къ дебаркадеру желѣзное чудовище. Зазвонили звонки, засвистѣлъ локомотивъ, широко распахнулись дверцы вагоновъ.

— Корали! Ну, конечно, это Корали! Я изъ тысячи узнаю эти глаза! О, дитя мое, что сдѣлали съ вами? Что это за монашескій костюмъ на васъ!

Ошеломленная Ксаня подняла голову. Передъ ней стояла въ изящномъ дорожномъ костюмѣ Нина Бѣлая. За нею— Миша Колюзинъ, улыбаясь во всю ширь своего румянаго лица. Ксаня вздрогнула. Краска бросилась ей въ лицо. Глаза загорѣлись. Она быстро вскочила со своего мѣста,

схватила руки Бѣлой, въ безумномъ отчаяніи сжала ихъ. Она хотѣла сказать что-то и не могла. Губы не слушались, языкъ не повиновался.

Бѣлая ласково смотрѣла на нее. Ея красивые, черные глаза покоились на лицѣ дѣвушки. Ея голосъ нѣжно звучалъ надъ нею.

— Милая! Видите, я сдержала свое слово! Помните, я говорила тогда: «разыщу васъ хоть на днѣ моря». Вотъ и разыскала. Спасибо, Миша помогъ. Прочелъ мнѣ ваше письмо. Бѣдняжка, что вы пережили! Ну, теперь конецъ всему. Недаромъ же я васъ искала. Теперь увезу васъ съ собою и Зину Долину тоже, и ея дѣтокъ. Я беру васъ съ Зиночкой къ себѣ... Я сдѣлаю изъ васъ актрису, настоящую актрису, такую, какой желалъ васъ видѣть Арбатовъ. Вы отнынѣ принадлежите мнѣ, Корали... Я замѣню вамъ Арбатова и...

Но тутъ ей пришлось прервать свою взволнованно радостную рѣчь: передъ ней, какъ изъ-подъ земли, выросла суровая фигура монахини. Мать Манеѳа, все время съ безстрастнымъ лицомъ слушавшая Бѣлую, теперь строгимъ голосомъ оборвала ее:

— Не смущайте дѣвушку. Иная доля, чистая и высокая, уготована ей. Она идетъ въ монастырь.

Ксаня и Бѣлая тихо вскрикнули въ одинъ голосъ. Онѣ въ общей радости встрѣчи забыли о главномъ: о томъ, что Корали была плѣнницей Манеѳы и должна идти въ монастырь.

Лицо Бѣлой стало бѣлѣе снѣга. Ея кроткіе глаза приняли вдругъ жесткое, почти злое выраженіе.

Она положила руку на плечо Ксани.

— Дитя мое! Правда-ли это?

Чуть живая отъ волненія Ксаня отвѣчала:

— Правда! Правда! О, зачѣмъ вы пріѣхали такъ поздно!

— Китти! Китти! Бѣдная дѣтка! Ободритесь!—шепнулъ

ей Миша Колюзинъ и совсѣмъ уже тихо добавилъ:—вы увидите—мы отвоюемъ васъ!

Въ это время пронзительный свистокъ напомнилъ о приближеніи новаго поѣзда.

Въ слѣдующую же минуту онъ подползъ къ платформѣ.

— Это нашъ поѣздъ. Пора намъ. Ѣдемъ!—тономъ, не допускающимъ возраженія, произнесла Манеѳа. Она и Уленька, вставъ по обѣ стороны Ксани, старались оттѣснить ее отъ ея друзей.

— Ѣдемъ!—еще разъ проговорила Манеѳа и, энергичнымъ движеніемъ взявъ за руку Ксаню, двинулась съ ней къ вагону.

Это было такъ неожиданно, что Бѣлая и Колюзинъ опѣшили на мгновеніе, на мгновеніе только. Въ слѣдующее мгновеніе Бѣлая уже очнулась.

— Корали!.. Китти!.. Корали!..—крикнула она и рванулась къ Ксанѣ.—Да объясните же вы, наконецъ, что все это значитъ!

Ксаня хотѣла отвѣтить и не успѣла. Снова мать Манеѳа выдвинулась впередъ.

— Извините, сударыня,—произнесла она ледянымъ тономъ, обращаясь къ Бѣлой.—Вы очевидно ошибаетесь и приняли эту дѣвушку за другую. Здѣсь нѣтъ никакой Корали. Здѣсь Ксенія Марко, моя воспи...

Дикій, пронзительный вопль огласилъ вокзалъ, дебаркадеръ и прилегающія къ нимъ улицы.

— Ксенія!.. Марко!.. Моя Ксаня!.. моя дочь!.. моя дѣвочка!—не своимъ голосомъ вскрикнула Бѣлая и протянула руки.

Что то непонятное происходило съ Ксаней. Ея мозгъ осѣнило одно быстрое, какъ сонъ, воспоминаніе: лѣсная чаща, кусты и трава, и бѣлая женщина, скользящая по мху съ двухлѣтней дѣвочкой на рукахъ... Какая то волна

ударила въ голову, залила сердце... Она увидѣла вдругъ, съ поразительной ясностью, то же лицо, тонкое и прекрасное, тѣ же глаза, кроткіе, печальные, полные неизъяснимой любви... Все смѣшалось, сбилось въ одно радостное, блаженно-сладкое сознаніе...

Ксаня точно отдѣлилась отъ земли и поднялась къ небу.

— Мама! Ты жива, моя мама!—вскрикнула она и безъ чувствъ упала на руки Бѣлой.

ГЛАВА II.

Вернулась!

ОТЪ счастья не умираютъ!

Такъ сказала Зиночка, когда безчувственную Ксаню привезли обратно въ ихъ унылую мансарду.

Но не черныя монахини привезли ее, а близкіе друзья, Бѣлая и Миша.

Сама Бѣлая или, вѣрнѣе, Антонина Николаевна Марко, едва держалась на ногахъ отъ волненія.

Когда Миша объяснилъ наскоро причину ея волненія Зиночкѣ, та только всплеснула руками и бросилась хлопотать подлѣ безчувственной Ксани.

— Отъ счастья не умираютъ... Она очнется, ваша дочурка... О, Антонина Николаевна, если бы заранѣе знать это все,—смѣясь и плача лепетала по-дѣтски Зиночка.

Общими усиліями удалось привести Ксаню въ чувство.

Она открыла свои большіе глаза, увидѣла склоненное надъ ней дорогое лицо и поняла все.

Смуглыя руки въ тотъ же мигъ обвили шею Бѣлой, и горячія губы прижались къ ея губамъ.

— Моя мама жива! Вернулась моя мама!—прошептала она, дрожа отъ восторга и любви.

Градомъ поцѣлуевъ отвѣчала на ласки дочери Антонина Марко. И обѣ замерли въ объятьяхъ другъ друга.

Зиночка, Миша и дѣти незамѣтно скрылись, чтобы дать возможность матери и дочери побыть однѣмъ.

Наступили острыя, блаженныя минуты нечеловѣческаго счастья. Руки матери обвивали чернокудрую головку Ксани, тонкіе, прекрасные пальцы перебирали ея локоны. Большіе. любящіе, восторженные глаза смотрѣли въ глаза дѣвушки и не могли насмотрѣться.

Ксаня цѣловала руки и голову матери, прижималась къ ея груди и говорила, говорила, не умолкая.

Откуда брался потокъ нѣжныхъ словъ, которыми она осыпала мать!.. Ласка, невѣдомая раньше угрюмой и озлобленной душѣ лѣсовички, теперь захватила все ея сердце.

— Мама... родная... голубка-мама... цвѣточекъ мой лѣсной... моя звѣздочка ясная!—шептала она и снова осыпала лицо и руки матери градомъ изступленныхъ поцѣлуевъ...

Когда первый приступъ остраго счастья миновалъ, Антонина Марко, волнуясь и спѣша, говорила Ксанѣ:

— Дѣтка... жизнь моя... съ тѣхъ поръ, какъ я оставила тебя малюткой у Норовыхъ и уѣхала изъ лѣсной сторожки, я не имѣла покоя... Дни и ночи я только и думала о тебѣ... О, я никогда не разсталась бы съ тобою, если бы исключительно тяжелыя обстоятельства не принудили меня къ этому...

И она разсказала Ксанѣ о своей горячей дружбѣ съ Машей Норовой, о томъ, какъ она попала вмѣстѣ съ семьею лѣсника въ графскій лѣсъ и какъ, слѣдуя совѣтамъ Николая Норова, опасаясь подвергнуть семью лѣсника опасности и не желая ѣсть даромъ чужой хлѣбъ, уѣхала, довѣривъ Ксаню своей подругѣ дѣтства.

— Я уѣхала работать, работать на тебя,—продолжала она,—уѣхала и вновь поступила на сцену, которую я покинула для того, чтобы всецѣло посвятить себя тебѣ... покинула, несмотря на то, что сцена увлекала меня, что я буквально ею жила, что чувствовала призваніе къ театру... Не легко мнѣ было это сдѣлать, но я это сдѣлала ради тебя... Однако забыть совсѣмъ, что я актриса, я была не въ силахъ, потому что я любила, горячо любила искусство... Ты не можешь помнить, какъ я, бродя по лѣсу, читала стихи, проходила роли...

— Помню! Помню, мама!.. Точно сквозь сонъ я вижу тебя тамъ, въ лѣсу... вспоминаю даже слова!..

— Дѣтка моя! Жемчужина моя!.. Я уѣхала далеко, поступила въ одинъ изъ провинціальныхъ театровъ, подъ фамиліей Бѣлая... Мнѣ повезло, талантъ мой признали, я пріобрѣла извѣстность, славу... Но отъ тоски по тебѣ, моя Ксаня, я заболѣла... Труппа, въ которой я служила, уѣхала, а я осталась одна, въ больницѣ... Много мѣсяцевъ я пролежала безъ сознанія... Потомъ у меня развилась чахотка и меня, все еще больную, безсильную, отправили на югъ. Едва поправившись, я опять стала играть по театрамъ, мечтая объ одномъ: скопить какъ можно больше денегъ, чтобы обезпечить мою дѣвочку, поѣхать за тобою, родная, взять тебя изъ дома лѣсничаго, поселиться гдѣ-нибудь вмѣстѣ... Мое здоровье, наконецъ, окрѣпло настолько, что я могла предпринять дальній путь къ тебѣ... Что пережила я за это время—не выразить словами... Сначала я исправно получала письма отъ Маши Норовой, которая сообщала мнѣ подробно о твоей жизни. Но неожиданно прервались вѣсти отъ нея, а мои письма я стала получать обратно: она умерла. Тогда я забросала письмами ея мужа, писала знакомымъ, обратилась къ властямъ—но безуспѣшно: Норовъ не отвѣчалъ, а знакомые,

наводившіе справки, кратко извѣщали, что онъ, послѣ смерти сына, бросилъ службу и уѣхалъ въ Сибирь—но куда именно, никто не могъ мнѣ отвѣтить. Наконецъ я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ сухо сообщалъ мнѣ, что воспитывавшаяся у него дочь моя умерла въ одномъ изъ отдаленныхъ сибирскихъ городовъ, и просилъ прислать немедленно деньги, израсходованныя имъ на леченіе и похороны... Я исполнила его желаніе, но... не повѣрила его сообщенію. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что ты жива, моя Ксаня... мое дитя... моя радость... И я стала искать Норова, стала искать тебя... Однако, всѣ мои поиски были тщетны... Онъ, оказывается, перекочевывалъ съ одного мѣста въ другое, и мнѣ не удалось разыскать его слѣдовъ... Но я, все-таки, не теряла еще надежды, что увижу тебя, что ты жива... Между тѣмъ слава моя все росла... Я ѣздила, играя, изъ города въ городъ... Играла и... молилась... Да, я много молилась, Ксаня, чтобы Господь помогъ мнѣ найти тебя. И вотъ...

Антонина Марко не кончила своей рѣчи, обвила руками красивую головку дочери и зарыдала.

Рыдала и Ксаня.

Это были душу облегчающія слезы.

Теперь уже не мать Ксани, а она сама, всхлипывая, повѣряла все пережитое: лѣсную жизнь, событія въ усадьбѣ, пансіонскія невзгоды, стремленія Манеобы, свои успѣхи и горести на сценѣ, свой побѣгъ и заключила разсказъ тѣмъ, какъ она, для спасенія подруги, согласилась добровольно идти въ монастырь въ то время, какъ вся она рвется къ сценѣ, къ подмосткамъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не отдамъ тебя ни монастырской кельѣ, ни сценѣ!.. Да, не отдамъ и сценѣ!—почти въ голосъ вскрикнула Антонина Николаевна.—Сцена, дитя мое, несетъ мало радостей и много печалей... О, я это знаю по

опыту!.. Я мало счастливыхъ людей видѣла тамъ... Какая то внутренняя неудовлетворенность, духовный разладъ господствуетъ въ душѣ каждаго служащаго этому искусству... Только убѣжденные въ своемъ призваніи, недюжинные, крупные таланты должны вступать на подмостки сцены... Только таланты!.. Но даже для такихъ—актерская жизнь бываетъ тернистой и трудной... И какъ много людей, увлекающихся сценой, стремящихся къ ней, уходятъ разочарованными, разбитыми съ ея подмостковъ!.. Ты еще слишкомъ молода, моя Ксаня, чтобы вполнѣ понять все то, что ждетъ тебя въ театрѣ... Ты еще не знаешь жизни, не знаешь людей и можешь жестоко поплатиться за твое увлеченіе... И я надѣюсь, что ты послушаешься моего совѣта: моя дѣвочка должна прежде всего учиться, закончить свое образованіе. Вѣдь и актрисѣ нужны знанія!.. Тѣ, у которыхъ ихъ нѣтъ,—это жалкія, ничтожныя существа, которыя могутъ пользоваться только искусственнымъ, временнымъ, мишурнымъ успѣхомъ... Я вѣрю въ твой талантъ, Ксаня, я повѣрила въ него, когда еще не знала, не подозрѣвала, что ты моя дочь. И вотъ поэтому я и настаиваю, чтобы ты только вполнѣ взрослой, образованной дѣвушкой рѣшала свою судьбу... А пока... пока... ты будешь жить со мною. И Зиночка, и дѣти ея, и Миша—всѣ поселятся съ нами... Всѣ, кто любитъ тебя и нуждается въ твоей поддержкѣ, будутъ около насъ... Зиму мы будемъ проводить въ столицѣ: ты будешь учиться, будешь заканчивать свое образованіе, я буду работать въ театрѣ... А лѣтомъ... лѣтомъ... мы вернемся къ старому лѣсу, который ты такъ полюбила... Я построю тамъ дачку и моя дѣвочка...

Марко поцѣлуемъ договорила остальное.

— Мамочка,—воскликнула рыдая Ксаня,—все... все... пусть будетъ такъ, какъ ты желаешь... какъ ты рѣшила!..

— Дитя мое,—продолжала Антонина Марко,—а теперь

помолимся же вмѣстѣ Тому, Кто такъ чудесно вновь соединилъ насъ... Въ моей жизни я привыкла каждое радостное и горестное событіе встрѣчать молитвою. Надѣюсь, что и дочь моя послѣдуетъ моему примѣру.

Ксаня съ усиліемъ оторвалась отъ груди матери и выпрямилась во весь ростъ. Она была очень блѣдна, но все лицо ея сіяло счастьемъ. Огромные глаза горѣли, какъ алмазы.

— Мама!—прозвучалъ сильно и вдохновенно ея молодой голосъ,—я не умѣла молиться, я не знала Его... Теперь я знаю... Въ ту минуту, когда ты вырывала меня изъ рукъ Манеѳы, я, не подозрѣвая еще, кто ты, поняла, что это Онъ послалъ тебя ко мнѣ... Когда я узнала, что ты моя мама, я вдвойнѣ почуяла Его милость... И теперь, когда «онѣ», мои мучительницы, уѣхали, оставивъ меня навсегда въ покоѣ, я чувствую, что не заслужила дарованнаго Имъ счастья... И, мама... я хочу упасть на колѣни и рыдать, и молиться, и благодарить Его... благодарить слезами, благодарить моей радостью, моей любовью, всѣмъ моимъ существомъ!

— Ксаня! Ксаня моя!

— Да, мама! Твоя лѣсная дѣвочка умѣетъ теперь и вѣровать, и молиться... И какая радость, святая радость живетъ въ ея душѣ!

Ксаня замолкла и прижалась къ матери.

Ея лицо попрежнему дышало счастьемъ. Глаза, устремленные вдаль, тихо сіяли. Губы шептали что-то... Она, точно, молилась...

Прошла минута... другая... Онѣ стояли обѣ, и мать, и дочь, въ глубокомъ молчаніи, прижавшись другъ къ другу.

Первою очнулась Ксаня.

— Да, да,—проговорила она, протягивая впередъ трепещущія руки,—ты отвезешь меня къ старому другу, мама,

къ нашему милому старому лѣсу!.. Я знаю, онъ ждетъ меня... и меня, и тебя, насъ обѣихъ, мама... Нехорошо, если мы его обманемъ... Я слышу, онъ зоветъ насъ... Какъ шумятъ его деревья, и лепечутъ кусты и травы. А цвѣты? Какъ улыбаются они, какъ зовутъ насъ, какъ манятъ... Придемъ, милый, придемъ скоро, скоро и скажемъ обѣ тебѣ, нашему другу, дорогому, вѣрному другу скажемъ обѣ:

— Старый лѣсъ, здравствуй!

КОНЕЦЪ.

1912 г.

37.30.8.74